

Григорий
РАСПУТИН

Григорий РАСПУТИН

СБОРНИК
ИСТОРИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ

ТОМ ТРЕТИЙ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РГР»
1997

УДК 947
ББК 63.3(2)
Г83

Составитель
В. КРЮКОВ

Художник
И. САЙКО

Григорий Распутин: Сборник исторических матери-
Г83 алов: В 4 т. Т. 3. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка —
РТР», 1997. — 368 с.

ISBN 5-300-01427-3 (т. 3)
ISBN 5-300-01424-9

Личность фаворита царской семьи Григория Распутина (1872—1916), роль этого человека в русской истории и по сей день оцениваются неоднозначно. В этом сборнике представлены произведения современников Распутина, многие из которых непосредственно общались с ним.

В третий том вошли исследование деятеля искусства, публициста Н. Н. Евреинова, воспоминания А. Вырубовой (фрейлины императрицы) и литературная мистификация П. Е. Щеголева и А. Н. Толстого — «Дневник» Анны Вырубовой.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-01427-3 (т. 3)
ISBN 5-300-01424-9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997
© «Книжная лавка — РТР», 1997

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

ТАЙНА РАСПУТИНА

Николай Николаевич Евреинов
«Тайна Распутина»

Издательство «Былое». Ленинград, 1924 г.

Николай Николаевич Евреинов — грамматург, теоретик театра, литературовед, публицист, один из самых значительных представителей русского театра первых десятилетий XX века (1879—1953). В описываемые годы (1910—1917) он руководил популярным в С.-Петербурге сатирическим театром «Кривое зеркало», основанном при его же участии. В 1925 г. эмигрировал в Париж.

— Правда ли, что Григорий Ефимович — святой человек?

С таким вопросом обратился однажды к Николаю II его собственный сын незадолго до убийства Распутина, назвав последнего по имени и отчеству, в то время как в интимном царственном кругу его обычно звали «отцом Григорием», «другом», «старцем» или просто «Он» — местоимением, унащажущим переписку Романовых в различных падежах, но с неизменно прописной буквой. Вопрос был задан за «высочайшим» столом, к которому приглашался обыкновенно и протоиерей о. А. Васильев, бывший настоятель царско-сельского Феодоровского собора, — священник, к которому был очень привязан наследник, как к своему воспитателю и учителю «закона божьего».

Николай II, вместо ответа наследнику, попросил тут же дать соответствующее ему разъяснение о. А. Васильева, чье отношение к Распутину, после целого ряда газетных разоблачений личности знаменитого «старца», скандальных слухов о нем, думских запросов о его влиянии на политику и пр. — считалось при дворе крайне подозрительным. Рассказывая об этом случае С. П. Белецкому (бывшему директору департамента полиции), о. А. Васильев вспоминал, «как пытливо на него смотрела императрица, не спуская с него своего взгляда во время его ответа»¹.

Хорошо понимая щекотливое положение, в которое его поставили как вопрос наследника, так и предложение его «августейшего родителя», о. А. Васильев не дал в свою очередь прямого ответа, а объяснил Алексею, «какие требования предъявляет завет спасителя и священное писание к каждому, кто искренно желает угодить богу».

Государь после этого встал из-за стола, и разговор на этом оборвался².

Почему же, спрашивается, царь «встал из-за стола» и тем демонстративно оборвал разговор?

По той простой причине, что Распутин был давно уже в глазах его *святым* и, следовательно, рассуждение о его

святости, далекое от ее аналогии, было не чем иным, как лишь суетным мудрствованием, неуместным и даже оскорбительным в отношении высочайшегочтимого «друга» и спасителя царской семьи.

— Вот, посмотрите, — говорил однажды Николай II одному из своих адъютантов Д. — Когда у меня забота, сомнение, неприятность, мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтобы тотчас почувствовать себя укрепленным и успокоенным. Он всегда умеет сказать мне то, что мне нужно услышать. И действие его слов длится целые недели...³.

В пять минут смочь «укрепить» и «успокоить» своим простецким «мужицким» разговором самого «самодержца всея России», когда у него «сомнение» и «неприятности», когда «зарвавшийся неприятель» вторгся в пределы «святой Руси», кругом угроза «крамолы», а на руках больной, кровоточивый наследник колеблющегося престола, — для этого поистине надо быть или «святым», «чудотворцем», или чем-то вроде этого.

Кем был *на самом деле* этот «последний мужик» из *бедного* села Тобольской губернии, сумевший стать «первым» в Царском Селе Петербургской губернии, мы стараемся выяснить дальше с тою обстоятельностью, какую дает нам изучение исторических документов; пока же остановимся пристально на этом *решающе-важном* как для карьеры Распутина, так и для последних лет царствования четы Романовых факте: Николай II считал Григория Ефимовича Распутина-Новых за *праведника*, за «человека божьего», равного *святому*, быть может, даже за равного... *Христу*.

Тщетно в продолжение почти целого десятилетия старались многие и многие из приближенных царя разуверить его в «святости» этого далеко еще не старого «старца», сплетавшего с каждым годом все теснее и теснее свою судьбу с судьбой дома Романовых. Результаты всех этих разуверений и разоблачений не приводили ни к чему иному, как к немилости и форменной порой опале непрошенных осведомителей.

Первым, кажется, из пользовавшихся доверием царя разоблачителей Распутина потерпел неудачу П. А. Столыпин.

С докладной запиской в руках, составленной командиром корпуса жандармов П. Г. Курловым на основании данных департамента полиции, о кутежах «святого старца», кончавшихся обыкновенно крупными скандалами, о любовных похождениях сего «праведника» и об авантюризме дурного тона этого «человека божьего», — П. А. Столыпин «поверг к стопам» Николая II свое почти-

тельное предостережение от близости к обласканному им крестьянину. Прав был Курлов, когда советовал Столыпину «не делать этого, так как такой доклад, содержащий только данные о частной жизни Распутина, произвел бы на царя впечатление, будто хотят очернить в его глазах человека, к которому он благоволит. «Столыпин меня не послушал, — сетует Курлов в своих воспоминаниях, — но когда вечером вернулся из Царского Села, то призвал меня к себе и сказал, что я был совершенно прав: выслушав доклад о Распутине, царь не сказал ни одного слова, а велел перейти к докладу о текущих делах»⁴.

Не подействовали на царя и газетные разоблачения «подвигов» знаменитого старца, начавшиеся в 1910 г., когда стали писать о нем, по выражению бывшего иеромонаха Илиодора, «весьма срамные вещи».

Выступление А. И. Гучкова с думской трибуны, когда сей лидер октябристов, в достаточно прозрачных выражениях, посмел осудить «высшие сферы» за сношения их с Распутиным, привело лишь к тому, что по указанию свыше были приняты меры к охране личности «святого», а смелый грешник был поставлен под негласный надзор⁵.

Ректор Духовной академии о. Феофан, раскусивший наконец Распутина должным образом и принесшей перед «высочайшими особами» как бы «покаянную» в рекомендации им некогда сомнительного «праведника», навлек тем на себя жестокую опалу и, несмотря на все свои заслуги, несмотря на то, что служил раньше духовником самой императрицы, был вскоре после этого перемещен, вернее, сослан (по постановлению Синода!) в Таврическую губернию. («Царица выгнала от себя, когда он начал говорить про Гришу неподобающее», — сообщает Илиодор в памятной записке, послужившей конспектом для книжки «Святой черт».)

Не преуспел в избавлении Романовых от ига этого «святого» и В. Н. Коковцов, в бытность свою председателем Совета министров.

По словам бывшего французского посла Палеолога — друга Коковцова, — последний 1 марта 1912 г. умолял царя разрешить ему отослать Григория обратно в его родную деревню. «Этот человек овладел доверием вашего величества. Это шарлатан и негодяй наихудшей породы. Общественное мнение против него. Газеты...». Царь прервал своего министра презрительной улыбкой: «Вы обращаете внимание на газеты?» — «Да, государь, когда они нападают на моего государя и от этого страдает престиж его власти. А в данном случае наиболее лояльные газеты оказываются наиболее суровыми в своей критике». Со

скучающим видом царь опять прервал его: «Эти критики бессмысленные. Я знаю Распутина». Коковцов не знал, стоило ли продолжать. Однако он закончил: «Государь, ради династии, ради вашего наследника, умоляю вас, дайте мне принять необходимые меры, чтобы Распутин вернулся в свою деревню и никогда больше не возвращался». Царь ответил холодно: «Я ему сам скажу, чтоб он уехал и не приезжал больше». — «Должен ли я считать это решением вашего величества?» — «Это мое решение». Затем, посмотрев на часы, которые показывали половину первого пополудни, царь протянул Коковцову руку: «До свидания, Владимир Николаевич, я вас больше не задерживаю»⁶.

В 1911 г. сам вернейше-подданный иеромонах Илиодор, бывший смиренным поклонником «святого простеца», решил наконец «с царями сцепиться» и «их дернуть за то», что они с такою сволочью, как Григорий Распутин, возятся». «Посмотрю, — говорил он епископу Гермогену в Царицыне, — откажутся они от этого подлеца или нет. А то это что же: мы за них здесь умираем, изводимся, а они там бог знает что разделявают с распутиком...»⁷.

План Илиодора и Гермогена — раз навсегда скомпрометировать Распутина в глазах царей, уличив его перед свидетелями⁸ в блуде, мерзостях и злоупотреблении «священным сосудом» самодержавия, — был выполнен блестяще, как в кабинете Гермогена, куда Распутина заманили хитростью и избили в довершение внушения крестом по голове, так и в соборе, где его заставили поклясться перед мощами не переступать дорога царских дворцов. Но результаты такого «шельмования» оказались самыми плачевными для его инициаторов: Николай II, поверив Распутину, что на жизнь его было совершено завистливыми пастырями покушение, — заточил Илиодора во Флорищеву пустынь, а самого Гермогена — в Жировицкий монастырь.

В 1914 году всплыли перед читающей публикой новые разоблачения «старца», в связи уж с настоящим, а не вымышленным покушением на его жизнь. Обвинялась портниха из Царицына Хиония (Феония) Кузьминишна Гусева (двадцати восьми лет), сифилитичка, с провалившимся носом, мстившая Распутину отчасти за поруганную честь некоей монахини Ксении, отчасти за свергнутого им Илиодора, отчасти же за отвергнутые ласки самой Хионии («Не пускать эту рожу», — приказал разборчивый «старец»). Гусева пробралась на родину Распутина и ранила его в живот кинжалом, метившим, по-видимому, в половые органы («оказался задетым мочевого пузыря»).

«Так как вообще с мнением Гусевой о разделе с Гришкой я был согласен, — пишет Илиодор в своих записках («Святой черт»), — то не препятствовал, когда в октябре месяце 1913 года среди моих гостей образовалась компания из обиженных Распутиным девушек и женщин для оскпления «блаженного старца». Компания эта уже была готова к «делу», уже были пошиты великосветские платья, как явился предатель Синицын... Он донес об этом Распутину... И дело провалилось... Хиония же Гусева тогда же решила дело поставить на очередь и хотя одной, а довести его до конца»⁹.

Когда, в связи с этим покушением на Распутина, «Биржевые Ведомости» отважились дать место столь скандальным данным о подвигах придворного «святого», что ни у кого уж не осталось сомнения в овечьей маске этого «волка», — Николай II (осведомляемый в то время самим министром юстиции И. Г. Щегловитовым о ходе следствия) остался в результате *все-таки* непоколебленным в своей любви и преданности к пострадавшему «старцу». Газетам же с тех пор было строжайшим образом предписано не сметь касаться более личности Г. Е. Распутина, переменившего к тому времени свою предательскую кличку на фамилию *Новых*¹⁰.

Стараться разуверить Николая II в святости Распутина стало вскоре, в глазах некоторых, какой-то смехотворно-невыполнимой задачей. Когда бывший председатель Государственной думы М. В. Родзянко., например, решился, в связи с попавшими в его руки (от Илиодора) письмами царицы и ее дочерей к Распутину, посоветовать Николаю II выслать «человека божьего» из Петербурга, П. Г. Курлов и его клика, нейтрально относившиеся к «отцу Григорию», сочли такой поступок просто дурацким со стороны председателя Государственной думы. «Нужно быть таким самоуверенным и таким ограниченным человеком, как Родзянко, чтобы удивляться и быть недовольным, когда его совет не имел никакого успеха», — смеется П. Г. Курлов в своих воспоминаниях¹¹.

Чего же больше! Сама родная мать Николая II, сама родная сестра Александры Федоровны и те, как ни старались, не смогли развенчать «старца» в глазах своего упрямого родственника. И Марии Федоровне, и Елизавете Федоровне последний отвечал всегда самоуверенно и неизменно одно и то же: «Это все клевета. Впрочем, на святых всегда клеветают»¹².

Раз «на святых всегда клеветают», а Распутин «святотой», — тут, разумеется, все без исключения должны были потерпеть полное фиаско в просветлении Николая II. С таким силлогизмом ничего не поделаешь! Тут встанет в тупик и мудрейший знаток логики на свете.

Но так как законы логики были не писаны для большинства военных старого закала и так как некоторым из них казалось, что стену удастся в некоторых случаях прошибить своим лбом, то великий князь Николай Николаевич — эта «кавалерийская косточка», как его называли товарищи по оружию, — предпринял в начале войны вновь шаги к разубеждению Николая II в святости «отца Григория» путем личного, родственного воздействия на монарха.

Николай Николаевич, впрочем, считал, что ему особенно легко достичь желанного по той простой причине, что он был, как и царь, мистиком-спиритом и вместе с тем лицом, представившим ему в 1906 году, вместе с женой своею Анастасией (тогда еще невестой), их бывшего фаворита о. Григория. Так как близкое знакомство с ним скоро раскрыло глаза Николаю Николаевичу на истинную сущность рекомендованного им царю «подвижника», то великий князь, сознав свою ошибку, стал тревожиться, как бы она не стала роковой для династии. Время настало грозное: война с превосходившим своей военной культурой неприятелем; положение главнокомандующего всеми боевыми силами внушало чувство широкой ответственности перед народом: народ знал, что при дворе творится некое «непотребство» под влиянием Гришки Распутина!.. И великий князь, как главнокомандующий на фронте, решил обезопасить тыл удалением от царя виновника такого «непотребства».

Сказано — сделано! И вот, в конце 1914 года, Николай Николаевич, через посредство своего управляющего хозяйственной частью дворца полковника Балинского, обращается к директору департамента полиции С. П. Белецкому с просьбой дать сведения о порочных наклонностях Распутина, «так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда»¹³.

Получив просимые сведения, почерпнутые С. П. Белецким из имевшейся у него лично на руках филерской сводки о скандальном поведении Распутина, великий князь Николай Николаевич отправился немедленно к своему «высокому тезке» и «умолял, заклинал царя», как пишет Палеолог, «прогнать гнусного мужика»¹⁴, несколько раз возобновляя попытку. Ничего не вышло.

«На святых всегда клеветают».

«Распутин — святой».

«На Распутина клеветают».

Перед этим силлогизмом главнокомандующий русскими армиями оказался еще немогшее, чем перед вражескими немецкими полчищами.

Этот пример, однако, оказался слишком заразительным для остальных членов семьи Романовых. «Вы знаете, В. М., — разоткровенничался как-то старый великий князь Николай Михайлович перед В. М. Пуришкевичем, — что почти вся наша семья Романовых подала государю записку о Распутине, прося взять бразды правления над Россией в свои руки и прекратить вмешательство в государственные дела императрицы Александры Федоровны, во всем инспирируемой этим хлыстом; из записки, как и следовало ожидать, конечно, ничего не вышло. Я ее даже не подписал... Я сделал иначе: получив серьезное поручение от государя и выполнив его, я написал доклад... Хотите... я вам прочту этот доклад». В. М. Пуришкевич выразил желание его прослушать, и Николай Михайлович прочел ему «небольшую, но очень сильно и резко написанную записку, в коей обращалось внимание государя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры Федоровны и Распутина в государственные дела династии грозит гибель, а российской империи — катастрофа»¹⁵.

Результатом этого доклада, как известно, явилась «немильность» царя к Николаю Михайловичу, «опала» и «полное охлаждение» к нему фанатичного апологета «святости» Распутина.

После всех этих афронтов «высочайших лиц», безрезультатными, само собой разумеется, оказались и попытки других сановных противников Распутина разоблачить последнего в глазах столь слепо в него веровавшего. По-видимому, уж слишком подходящим, уж чересчур соблазнительным для этого показался такой повод, как «исторический» в своем роде скандал, учиненный 26 марта 1915 года Распутиным в московском ресторане «Яр».

На этом скандале стоит остановить наше внимание потому, что Распутин предстает в нем перед нами во весь свой гигантский рост распоясанного «святого», охмелевшего до последней степени и обнаглевшего во хмелю до полного, казалось бы, выявления своего настоящего «лика».

Он приехал в Москву — как он сам «раззвонил», — побуждаемый к тому благочестивым порывом: помолиться в Кремле на могиле патриарха Гермогена, во исполнение обета, данного год перед этим, когда, раненый, он находился при смерти.

О том, как он исполнил утром этот обет на патриаршей могиле — история умолчала. О том же, как он ужинал вечером в «Яре», заговорила вскоре вся Москва.

Как передавал Палеологу один из родственников московского градоначальника Адрианова, «с Распутиным бы-

ли два журналиста и три молодые женщины, из которых по крайней мере одна принадлежала к лучшему обществу Москвы. Ужин начался около полуночи. Было много выпито. Балалаечники исполняли национальные мотивы. Сильно разгоряченный, Распутин принялся рассказывать с циничным воодушевлением о своих любовных похождениях в Петрограде, называя по фамилиям женщин, которые ему отдавались, раздевая их одну за другой, сообщая о каждой какую-нибудь интимную особенность, какую-нибудь смешную или скабрёзную подробность»¹⁶.

До каких откровенностей доходил иногда этот «старец», мы знаем хотя бы из копии протокола показаний бывшего иеромонаха Илиодора, «привлекавшегося по ст. 103 бывш. Уголовного Уложения», в каковых показаниях приведены, по-видимому, «общие места» рассказов «старца» о своей придворной карьере.

«Царь и царица, — хвастал обычно Распутин, — становились передо мной на колени и целовали мои ноги. Государь называл меня Христом, императрица во всем слушалась меня. Когда я прихожу, она кладет голову на плечо ко мне. Я беру ее на руки свои, жму ее и на руках ношу ее. Я хожу по дворцу как по своему дому. Для меня всегда открыты двери в детскую царской семьи» и т. п.

После ужина вслед за оркестром балалаечников появился женский хор. Показывая певичкам жилет, вышитый «старушкой» (так называл Распутин Александру Федоровну) пьяный «старец» тут же прибавил про «самодержицу всея России»:

*«Я делаю с ней все, что хочу»*¹⁷.

Начав с жилета, Распутин кончил тем, что «сбросил с себя платье и предстал перед хором в таком виде, что все хористки потребовали немедленного его удаления, заявив при этом, что они петь не будут. Распутин на это ответил: «В царской семье я показывался, может быть, еще в более интересном виде»¹⁸.

По сведениям пристава 2-го участка Суцевской части Москвы подполковника Семенова, *поведение* Распутина в эту ночь «*приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии*»: он, будто бы, обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: «люби бескорыстно» и пр.¹⁹. Поднялся невероятный скандал. Присутствовавшие настаивали на составлении протокола. «Приехал градоначальник Адрианов и стал успокаивать хор и просить не составлять протокола, так как это не понравится царской семье»²⁰.

По другим источникам, генерал Адрианов хотел доложить царю о скандале, но дворцовый комендант генерал Воейков не допустил его до этого, и Адрианов обратился тогда к генералу Джунковскому, пользовавшемуся правом непосредственного доклада Николаю II, исходатайствованным ему еще Н. А. Маклаковым.

Джунковский, ярый противник Распутина, несколько раз уже пытавшийся представить его в надлежащем свете «перед очами императора», был рад, конечно, воспользоваться адриановскими сведениями об инциденте в «Яре», чтобы окончательно скомпрометировать «старца», столь оригинально исполнявшего обет молитвы в Москве на патриаршей могиле.

Николай II, не доверяя, как и следовало ожидать, «наветам» на «святого», поручил произвести дополнительное следствие по этому делу своему любимому адъютанту (интимному фавориту царицы) Саблину.

Последний, как это ни было ему тяжело, должен был всецело подтвердить справедливость показаний Джунковского и Адрианова.

Что тут было делать? Факты оказались, несмотря на «высочайшую волю», неопровержимыми.

Тогда Николай II, Александра Федоровна и ее «знаменитая» подруга Анна Вырубова решили втроем, что «адские силы расставили их святому другу страшную ловушку и что «божий человек» не отделался бы так дешево без божьей помощи»²¹.

После этого приверженцам династии Романовых, желавшим, наперекор всему историческому ходу развития революции в России, спасти во что бы то ни стало и какую угодно ценой эту несчастную династию, осталось только одно: *убить Распутина*.

Первым, кто хотел это сделать из числа *вернопогоданных* Николая II, был ялтинский градоначальник, известный в свое время черносотенец типа Держиморды — генерал Думбадзе. С. П. Белецкий передает, что во время его управления департаментом полиции при министре Н. А. Маклакове, когда семья Романовых вместе со «старцем» находилась в Ливадии, Думбадзе послал «лично» Белецкому зашифрованную телеграмму, гласившую: «Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту». Белецкий передал эту телеграмму «в собственные руки Н. А. Маклакова», который, как выяснилось в дальнейшем, не дал ей никакого хода. Один из планов убийства Распутина, по справке впоследствии Белецкого, состоял у автора этого плана в следующем: над Ялтой высится скала, на которой построен одним московским купцом

«железный замок»; Думбадзе думал завлечь туда Распутина и сбросить его вниз. Второй план Думбадзе состоял в «разбойном нападении» на «старца». Третий план, согласно его телеграмме Белецкому, — убить Распутина на катере по дороге его в Ялту и сбросить труп в море.

О покушении на жизнь Распутина в селе Покровском, организованном, как утверждают некоторые, «самим» Илиодором (инспирировавшим якобы Хионию Гусеву), — покушении, только случайно не удавшемся, к искреннему огорчению многочисленных врагов «старца», мы уже говорили вскользь, и нет нужды, пожалуй, в нашем кратком очерке возвращаться к подробностям этого «путаного» дела.

Автором третьего по счету покушения на жизнь «богоспасаемого» Григория Ефимовича история определенно называет бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова, оказавшегося столь обязанным в своей карьере Распутину и столь, увы, неблагодарным своему покровителю, как это видно из показаний самого Хвостова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г.²² По словам Белецкого, избавление от Распутина, как полагал Хвостов, «очистит атмосферу около трона, внесет полное удовлетворение в общественную среду... умиротворит настроение Государственной Думы и подымет в глазах общества, Думы и Совета наш престиж»²³, то есть престиж той самой власти, которую допустила к «кормилу правления» воля того же Распутина... Благодаря предательству хитрого Белецкого, бывшего конфиденнтом Хвостова (на правах соучастника в деле «очищения атмосферы около трона»), предательству, обусловленному высокомерием Хвостова, не посчитавшегося с личным самолюбием своего сподвижника, — грандиозный план этого убийства, наемными руками афериста-охранника Ржевского, остался неосуществленным, а сам Хвостов — в отставке.

Прикончить житие «святого», в продолжение стольких лет спасавшего своими «подвигами» чету «благочестивейших» Романовых и его присных, сподобились наконец князь Ф. Ф. Юсупов (граф Сумароков-Эльстон) и В. М. Пуришкевич, при пособничестве великого князя Дмитрия Павловича, доктора С. С. Лазаверта и поручика С. «Старца» заманили на такую вкусную приманку, как красавица княгиня И., в Юсуповский дворец, накормили там отравленными пирожными, напоили отравленным вином, а когда цианистый калий не оправдал ожидавшейся скорости действия, — «святого» застрелили, раздробив ему вдобавок голову тяжелой гирей.

По-видимому, сам бог, который столько раз спасал эту «драгоценную» жизнь, — и тот разочаровался со време-

нем в достоинствах «святого», а разочаровавшись, отказался наконец, невзирая на горячие молитвы Романовых, от всяческой небесной охраны.

Убили «святого», а на другой день, по иронии судьбы, все газеты, словно стоворившись²⁴, огласили, что убили какую-то собаку.

«Собаке — собачья смерть», — говорили ничего не понимавшие читатели газет и почитатели Распутина. «Собаке — собачья смерть», — повторяли они, и никто из них, конечно, не только не прослезился, но даже не перекрестился.

II ЖИТИЕ

Каждому святому подобает делать чудеса. Ни один порядочный святой не может обойтись без них. «Делать чудеса» — это, можно сказать, функция святого, по которой главнейшим образом и квалифицируется каждый святой.

Распутин тоже делал «чудеса» и делал их изрядно много. Не прославь он себя «чудесами», стал бы разве Николай II так упорно и горячо считать его за «святого», несмотря на целый ряд разубеждений со стороны его верноподданных и даже его кровно близких.

Как делал «чудеса» Распутин, мы рассмотрим в одной из следующих глав; в этой же мы сперва ознакомимся, какие чудеса ему приписывались, то есть в чем именно эти чудеса состояли.

Собственно говоря, «чудес» в жизни Распутина было так много, что при прилежном изучении его биографии начинаешь видеть, в ней не просто жизнь прославленного смертного, а как бы *житие* замечательного *чудотворца*.

И правда! Разве все его «обращение» на «путь истины», его головокружительная карьера, его мировая слава, его отдельные, исторически-незабвенные «подвиги», — разве все это не чудеса в наш «просвещенный век» и разве цепь этих чудес не представляется каким-то «житием», еще не включенным в наши Четьи-Минеи?

В главнейших чертах «житие» сие, согласно имеющимся данным²⁵, представляет собою следующий ряд приснопамятных для «православных» событий.

Григорий Ефимович Распутин родился в селе Покровском, Тюменского уезда Тобольской губернии, в 1863 г. У отца его, Ефима Васильевича, земледельца и рыболова, был, по-видимому, некоторый достаток: так, известно, что он был собственником ветряной мельницы.

Маленький Гриша, росший среди девственной природы далекой Сибири, уже в отрочестве глубоко задумывался о тайнах бытия и о боге.

«В 15 лет, — вспоминал он много лет спустя²⁶, — в моем селе в летнюю пору, когда солнышко тепло грело, а птицы пели райские песни, я ходил по дорожке и не смел идти по середине ее... Я мечтал о боге... Душа моя рвалась в даль... Не раз мечтая так, я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они. Постарше, с товарищами подолгу беседовал я о боге, о природе, о птицах... Я верил в хорошее, в доброе... и часто сиживал я со стариками, слушая их рассказы о житии святых, о великих подвигах, о больших делах, о царе Грозном и многомилостивом... Так прошла моя юность... В каком-то созерцании, в каком-то сне... И потом, когда жизнь коснулась, дотронулась до меня, я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился... Неудовлетворен я был... На многое ответа не находил... И грустно было... И стал я попивать»...

Пьянство, как известно, до добра не доводит, и из благочестивого отрока вышел в конце концов не верный помощник своему отцу в хозяйстве, а блудодей, табокур, вор и хулиган, которого нередко колотили почтенные отцы семейств и даже неоднократно по приказанию исправника наказывали розгами. Бывало, едет он за хлебом или за сеном в Тюмень (что в восьмидесяти верстах от села Покровского), а возвращается домой ни с чем, без денег, пьяный, избитый, а часто даже без лошадей.

Но вот, к тридцати годам, на многогрешного Григория нисходит благодать, изменяющая всю его жизнь.

Случилось это так.

Однажды пришлось Григорию отвезти в Тюмень студента Духовной академии монаха Мелетия Заборовского, ставшего впоследствии ректором Томской духовной семинарии. Студент-монах во время этой поездки произвел на Григория своей благочестивой беседой такое впечатление, что он тут же «одумался», покался и вскоре круто изменил образ жизни.

С этого времени (с 1893 г.) и начинается, собственно говоря, «житие» старца Григория — житие, сразу же отмеченное чудесами.

Так, «во время молотьбы, когда над его святостью смеялись домашние, он воткнул лопату в ворох зерна и, как был, пошел по святым местам. Ходил целый год. Много видел, много слышал. Пришел домой... в хлев у себя выкопал пещеру и молился там богу две недели. Через некоторое время пошел опять странствовать. Повелел это ему... св. Симеон Верхотурский. Он явился ему во сне и сказал: «Григорий! Иди, странствуй к спасай людей». Он

пошел. На пути в одном доме он повстречал чудотворную икону Абалакской божьей матери, которую монахи носили по селениям. Григорий заночевал в той комнате, где была икона. Ночью проснулся, смотрит, а икона плачет, и он слышит такие слова: «Григорий! я плачу о грехах людских; иди, странствуй, очищай людей от грехов их и снимай с них страсти»²⁷.

Григорий послушался приснившейся ему иконы и пошел странствовать.

Где он только не был на богомолье! И в Верхотурье, и в Саровской пустыни, и в Одессе, и в Киеве, и в Москве, и в Казани, и даже в Петербурге. Возвратившись из своего долгого странствования, он стал еще богомольней, чем раньше, доходя до того, что при молитвах в церкви, на глазах всего народа, бил лбом о пол до крови.

С этого времени стал Григорий уже не говорить, а изрекать, подолгу задумываясь прежде, чем подарить ответом. И ответы его, загадочные, отрывистые, стали походить на пророчества и чтение в сердцах людских. «Три месяца, до самого Покрова, не будет дождя», — сказал однажды Григорий. И что же? Так и случилось: не было дождя, и люди плакали от неурожая. Когда весть об этом пророчестве достигла до Петербурга, аскет о. Феофан, будучи тогда еще инспектором духовной академии, в умилении произнес: «Вот вам и Илья пророк, заключивший небо на три года с месяцами», — и стал ждать с тех пор случая узреть своими глазами пророка.

Григорий был уже женат ко времени своего просветления, награжденный от супруги Прасковии сыном Дмитрием и дочками Матреной и Наталией. Долго не верила Прасковья, по «темноте душевной», в святость своего благоверного; скоро, однако, и ей пришлось убедиться в даре прозорливости и подвижничества своего «обращенного» мужа.

Слава сего праведника стала вскоре распространяться далеко за пределами села Покровского. Особенно девушки и женщины, как наиболее отзывчивые и чуткие по сравнению с мужчинами, стали следовать за Григорием, как за «старцем», властным спасти человеческие души.

Преисполненный духа отшельничества, любил святой старец удаляться на молитву в окружавшие село Покровское леса, взбираться на деревья и водружать на них кресты во славу Божию. Ходили за ним вслед сюда и его поклонницы, которых он любовно звал своими «сестрами». Все они по большей части были молодые, красивые, страстно веровавшие и искавшие спасения девушки. Круто молился с ними старец в лесной тишине и, с убла-

женным молитвою сердцем, горячо целовал их, обнимал, ласкал, а нередко, в восторге подвижническом, и плясал с ними вместе, радуя тем бога и милуя сестер.

Правда (много врагов в мире даже и у праведников!), жаловались односельчане Григория начальству, будто губит он деревню порчей девок и что много уже изб, куда бедные подбрасывают новорожденных младенцев. Слава старца, однако, от этого не только не потускнела, а еще ярче разгорелась.

И стали к нему вскоре приезжать в Покровское со всех сторон России, а кто приехать не мог, засыпали его письмами и телеграммами, прося благословения, заступничества перед богом или совета. И были среди них послания и от важных генералов, и от великосветских дам, и даже от архиереев.

В 1903 г. вступил отец Григорий и в широкий свет.

Случилось это после знакомства старца с купчихой Башмаковой, с коей встретился он на одном богомолье, куда прибыла Башмакова, только что похоронившая мужа. Святой старец утешил ее, и привязалась она сердцем к нему, не жалея на добрые дела своего миллионного состояния. Повезла его купчиха знакомить с близкими ей людьми сначала в Казань, потом в Киев, Москву и, наконец, в Петербург, где старец произвел на о.Иоанна Кронштадтского огромное впечатление²⁸ и получил от него напутствие помогать людям, служа как бы правой рукой о. Иоанна²⁹.

Хотя о. Иоанн Кронштадтский и был тогда вхож во дворец, но не через него, однако, сподобился «царь-батюшка» свести знакомство с «отцом Григорием», а через ректора Духовной академии о. Феофана, которого глубоко чтили великие князья Николай и Петр Николаевичи, а еще больше их жены Анастасия (Стана) и Милица Николаевны, взгляды коих на «божьих людей» разделяли глубоко верующие в них царь и царица. Отца же Феофана познакомил с «божьим человеком» Григорием архимандрит Хрисанф Щетковский, бывший начальник корейской духовной миссии, приехавший из Сибири и потому хорошо знавший о чудесных подвигах своего земляка.

Так, через о. Феофана и через вышенареченных великих княгинь, царица, а за ней и царь узнали вскоре про отца Григория, к знакомству с которым они были, впрочем, подготовлены еще богобоязненными и взыскающими чуда друзьями, среди коих не последнее место занимали Христа ради юродствовавшая жена действительного статского советника Ольга Владимировна Лохтина и подруга ее — любимейшая фрейлина Александры Федоровны — Анна Александровна Вырубова

(дочь бывшего обер-гофмейстера и главноуправляющего канцелярией Николая II — А. С. Танеева).

О знакомстве царицы со «старцем» близкие к придворным кругам люди передавали в свое время как об удивительном событии, в коем сразу же царице дано было свыше почувствовать чудотворную силу отца Григория.

Анна Вырубова, горячо уверовавшая к тому времени в старца, не захотела познакомить его с Александрой Федоровной в обычной дневной обстановке официального приема, а, желая испытать чуткость царицы, привезла отца Григория в Царскосельский дворец поздно вечером, где оставила гостя в «малой приемной», наказав придворной прислуге привести его ровно к полуночи в салон «ее величества».

Сказано — сделано.

Сели вечером царица с Вырубовой поиграть в четыре руки «Лунную сонату» Бетховена, всегда умилявшую до слез наболевшую душу Александры Федоровны, а уж время шло к полуночи... Рядом, в полуосвещенную комнату тихо был введен отец Григорий и, согласно уговору, стоял неподвижно в дверях, вперив взор свой в царицу, сидевшую за роялем спиною к дверям.

Часы пробили полночь...

— Не чувствуешь ли, Сана, что происходит нечто особенное? — спросила Вырубова, медленно поворачивая голову в сторону отца Григория.

— Да, — ответила царица, невольно подражая движенью головы своей подруги, и вдруг, в ужасе от неожиданности, вскрикнула и забилась в истерику.

Царица приняла святого старца за видение...

Он подошел к ней ласково и начал гладить ее голову, щеки и плечи, приговаривая: «Не бойся, милая, Христос с тобою»...

Царица пришла в себя и тут же, поняв, кто перед нею, вся в слезах, припала к груди своего высокого гостя³⁰.

Так совершилось это историческое, чреватое своими последствиями и для России, и для Романовых знакомство.

Не менее чудодейственное влияние испытал и Николай II при ближайшем знакомстве со старцем.

«Было раз так, — рассказывал об этом времени о. Феофан бывшему иеромонаху Илиодору. — Государь, государыня с наследником на руках, я и он сидели в столовой во дворце. Сидели и беседовали о политическом положении России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: «Ну что? Где екнуло? Здеся, али тутто?» — при этом он сначала указал паль-

цем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: «Здесь; сердце забилося!» — «То-то же, — продолжал старец. — Коли что будешь делать для России, спрашивай не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума...» Государь сказал: «Хорошо», а государыня, поцеловав его руку, произнесла: «Спасибо, спасибо», учитель³¹.

С тех пор царь и царица обрели в отце Григории советника, слову которого они стали верить как сущему слову божьему.

Особенно же горячо и скоро привязалась душой к старцу царица Александра Федоровна, на которую ласки его произвели раз навсегда неотразимо-благодостное впечатление.

Оно и понятно, ежели принять во внимание чуткость и покорность женской души по сравнению с мужской, а также то немаловажное обстоятельство, что отцу Григорию дан был от бога дар преимущественного спасения женских душ, через унижение их гордыни, очищение их от скверны, снятие с них страстей, особливо же дар изгнания из грешниц *блудного беса*.

Об этом, в частности же о последнем чуде, столь прославившем житие святого отца, надлежит сказать здесь несколько вразумительных слов.

Дар спасения женщин, через унижение, обрел в себе старец еще задолго до появления своего в царских чертогах, а именно в родном своем селе, куда стекались из высшего света именитые и богатые паломницы, прослышавшие о чудесах отца Григория.

— Я видел их гордость, — объяснял потом старец³². — Они считали себя превыше всех... Золото, бриллианты и деньги туманили их ум... Ходили как павы... Думали, что весь свет для них... Все остальные ничто... Я полагал, что надо их смирить... унизить... Когда человек унижится, он многое постигает... Я хотел, чтобы они пережили все это... И вот, в этом диком заблуждении, я заставил их идти с собой в баню... Их было двенадцать женщин... Они мыли меня и претерпели все унижения.

Побывав в 1911 г. в Иерусалиме³³, о. Григорий обратил там сугубое внимание на унижительный обряд *умовения ног*, совершаемый в «великий четверг на страстной седмице», о чем писал царице: «Золотые мои малютки, достиг град свят... напишу о всей церемонии умыли ноги я расскажу приеду вы истинные мои боголюбивые вы хотя без вас умыванье ног господи гроб это такая радость» и пр.³⁴.

Немудрено, что старец обратил в Иерусалиме главное внимание на этот обряд, ибо одною из излюбленных им мер, для вящего унижения «прекрасного пола», было, как

известно, принуждение гордых красавиц мыть ему ноги (чему пример явил — как он воочию видел — сам Иисус Христос), причем при умовеньи ног своих отец Григорий, совершенно голый, заставлял обычно и женщин раздеваться донага, дабы в муках голизны своей грешницы сильней почувствовали высшее смирение. «А может ли быть больше унижения для женщины, — справедливо говорит отец Григорий, — когда она, будучи сама обнаженной до полной наготы, моет ноги голому мужчине»³⁵.

Когда же для унижения женской гордыни и это средство оказывалось недостаточно, — старец прибегал к телесному наказанию, имея перед собой «евангельский» пример Христа, изгнавшего однажды вервием торгующих из храма. Так, осталось памятным, как, среди многих случаев, отец Григорий, выйдя из публичного дома в Казани, где он просвещал души женщин, принужден был бичевать своим поясом бежавшую перед ним голую девицу³⁶.

Умерщвлял он истязанием и плоть своих приверженцев в с. Покровском Александры и Ирины Дубровиных, преждевременно скончавшихся на пути спасения³⁷.

Пояски отца Григория, оберегавшие от бед путем бичевания, стали впоследствии (в 1915 г.), украшенные молитвами, оберегать, как слышал о том А. Э. Пистелькорс (верный царский слуга), и русских воинов от вражеских пуль. Царица с любовью раздавала подобные пояски офицерам, ехавшим на войну, так как твердо верила, что опоясанные ими всегда оберегались на поле брани от смерти³⁸.

В случаях же менее злостных проявлений женской гордыни святой отец обыкновенно находил достаточным «шлепанье ладонью по голому телу», о чем между прочим поведала на исповеди о. Феофану одна из усмирявшихся старцем девиц³⁹.

Все эти данные, однако, бледнеют перед теми чудесами, какие достигались отцом Григорием во врачевании блудных страстей путем поцелуев, объятий, прикосновений особого рода, а главное — путем совокупления, ради совершенного изгнания из одержимых женщин блудного беса. Власть изгонять бесов, признавался святой старец, была дана ему самим господом богом за усиленные подвиги поста и молитвы.

«Мне прикоснуться к женщине, — объяснял он непонятливому Илиодору, — все равно что к чурбану. У меня нет похоти. И дух бесстрастия, во мне суший, я передаю им, а они от этого делаются чище, освящаются»⁴⁰.

Много женщин «освятилось» через отца Григория, так много, что и не перечесть всех. И были среди них всех возрастов и различного общественного положения; но

особенно много «освятилось» молодых и богатых, в коих блудный бес, как известно, особенно властно дает о себе знать рядом с духом гордыни.

Правда, многие из этих «освященных», не понимая должным образом божьей милости, на них снизошедшей, жаловались на якобы растление, обидное для них лишение целомудрия и даже поругание их женской стыдливости. Но большинство, должным образом оценивавшее свою близость к святому отцу, радовалось, поучая устами О. В. Лохтиной, что «ничего здесь неладного нет; для святого — все свято»⁴¹ и, в благородном возмущении от криво толков, стыдило сомневавшихся, вопрошая: «Что, отец Григорий такой, как все люди, что ли? Люди делают грех, а он тем же только освящает и низводит благодать божью»⁴².

Относясь к сим подвигам порою как к *подвигам любви*, святой отец и сам почерпал в них, по собственному признанию, новую для себя силу.

— Без любви я силы своей лишаюсь, — говорил он Е. Ф. Джанумовой, противившейся его ласкам, — и ты отнимаешь от меня силу мою.

— Почему вы не соглашаетесь принадлежать ему? — спрашивала сию строптивницу полковница Б. — Разве можно отказать такому святому? — «Неужели же святому нужна грешная любовь? Какая же это святость, если ему нужны женщины?» — «Он все делает святым и с ним всякое дело святое», — не задумываясь, заявила полковница. — «Да неужели же вы согласились бы?» — «Конечно, я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью.» — «Но ведь вы замужем, как же муж?» — «Он знает это и считает это великим счастьем. Если отец пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши, если у кого есть мужья. Теперь мы все видим, как он мучится из-за вас. Я решила все вам высказать от имени всех почитательниц отца, просить вас не мучить еще больше святого отца, не отклонять благодати»⁴³.

Подобно ученым отцам западной церкви, знавшим, что «*diaboli virtus in lumbis*», то есть что «прелесть (добродетель) дьявола скрывается в ляжках», и о. Григорий, несмотря на свою неискушенность в науке, хорошо был осведомлен, *где* именно прячется в женщинах мучающий их блудный бес. *Отсюда* именно и изгонял он властно лукавого, не заботясь о суетном чувстве приличия у спасаемой им, подобно тому, как не заботится о том и мудрый гинеколог, врачующий пациентку от тайного недуга.

Знал «мудрый» старец не только, *где* скрывается блудный бес у женщин, но и чем именно можно изгнать его из места его пребывания.

В этом отношении трогательные воспоминания сохранил нам о святом бывший иеромонах Илиодор, некогда горячо в него веровавший.

Была в Царицыне, рассказывает он, Еленушка, жена извозчика, молоденькая, полненькая и очень симпатичная бесноватая.

Зашли однажды к ней в дом Илиодор и святой старец. Илиодор начал служить молебен, а Еленушка упала на землю и стала биться, пока не впала в обморочное состояние. Перенесли ее на постель.

— А ты знаешь, где у нее бес? — спросил отец Григорий Илиодора.

— Да где? Как и у других: вот здесь под ложечкой...

— Нет! У нее — блудный бес. Слушай-ка, дружок, ты езжай домой, а я беса... того, выгоню.

— Как выгонишь?

— А ты как бы его изгонял?

— Да как? Известно: молитвой, крестом да водой.

— Нет, так этого беса не выгонишь. Его нужно, проклятого, вот чем⁴⁴.

.....

Как трудился в этом направлении отец Григорий, буквально себя не жалея, показывает случай исцеления, явленный им над одной богатой царицынской купчихой, лет пятидесяти с лишком, «здоровой и полной», как характеризует ее Илиодор. Вот что рассказывает последний об этом замечательном чуде:

«В главных комнатах огромного купеческого дома «старец» схватил за грудь хозяйскую невестку, женщину лет тридцати двух, очень смазливую и очень привлекательную. Невестка как-то странно вскрикнула и убежала от старца».

Григорий и говорит: «Здесь, в этих комнатах, беса нельзя выгонять; надо выбрать более укромное место».

Пошли в другое помещение, состоявшее из четырех маленьких комнаток; одна комната была совсем маленькая: в ней стояла только одна большая кровать. «Старец» сказал: «Вот здесь хорошо беса выгонять». Повели туда «больную». Она начала трястись и мычать. Вошел в ту комнату и «старец», закрывши за собою двери.

Я с мужем больной остался в залике и начал его, как мог, утешать.

В комнате поднялась страшная возня. Тянулась она долго. Я начал нервничать. Не вытерпел, заглянул в дверь сквозь стекло и увидел такую картину, что, крайне смущенный, прямо-таки отскочил от дверей.

Минут через пять вышел из «кабинета» и «старец». Вид его был ужасно усталый, он тяжело дышал. «Ну, брат,

вот бес так бес. Фу, какой большой. Во как я уморился! Мотри, вся сорочка мокрая. Устал, заснула и она...»

Когда «старец» это говорил, несчастный муж плакал, а я, искренно веривший в бесноватых, как о них в Евангелии написано, думал: действительно, бесов трудно изгонять»⁴⁵.

Пришлось ли о. Григорию среди его многочисленных подвигов при дворе явить и чудо изгнания блудного беса из самой царицы — нам, к сожалению, не дано узнать из непосредственных свидетельств. Сам же «старец» на этот счет отзывался чаще намеками; так, он говорил Илиодору: «Я царицу на руках носил... *давил, прижимал, целовал...*»⁴⁶. «Когда я бываю у царей», я целые дни провожу в спальне у царицы... Целую ее, она ко мне прижимается, кладет на плечи мне свою голову, я ее ношу по спальне на руках, как малое дитя. Это ей нравится, Так я делаю часто-часто»⁴⁷. «*Я делаю с ней все, что хочу*»⁴⁸ и пр.

Правда, говоря о своих отношениях к царской дочке Ольге, «старец» более открыто касался своих прошлых отношений к Александре Федоровне. «Он распространял всюду слух, — говорит министр А. Н. Хвостов в своем показании Чрезвычайной следственной комиссии, — что он с Ольгой в близких отношениях... Он говорил: «*Мать мне надоела: я с дочкой Ольгой*». Так он неоднократно позволяя себе это говорить», — подчеркивает А. Н. Хвостов⁴⁹.

Зная крайне чувственный характер Александры Федоровны, можно и без заверения о, Григория предположить, что царице приходилось порою страдать от блудного беса, ища избавления от оногo в освящающих объятиях великого чудотворца.

На «на половую возбудимость» царицы обратил внимание и биограф ее Вл. Канторович, отмечающий в своем труде «Александра Федоровна Романова», что, «прожив двадцать лет с мужем, она не перестает быть во власти эротических воспоминаний и образов, которые порой вытесняют все остальное»⁵⁰. Она «знала об измене мужа» с Вырубовой, говорит Канторович, но роль советницы и тут осталась за ней. *Откровенные рассуждения царицы на тему об отношениях Вырубовой к мужу и, наоборот, Николая к ней, поражают своей противоестественностью. Цинизм, атрофия нравственного возмущения, последняя степень равнодушия к своему собственному достоинству — только этими причинами объясняет Канторович поведение царицы*⁵¹, не допуская, впрочем, мысли о «физической связи» ее с о. Григорием⁵².

Мысль эту, однако, помимо сказанного, в значительной, пожалуй, степени допускает переписка Александры

Федоровны со своим благоверным, отдельные места которой, воочию обнаруживая чувственность царицы, выдают вместе с тем и ее пристальный интерес к половому вопросу. «Целую без конца каждое дорогое любимое местечко», — пишет она Николаю II 21 сентября 1914 г. «Целую тебя еще и еще, очень нежно, все мои любимые местечки», — повторяет она снова в письме от 26 января 1915 г., и т. п. Одно из писем, где царица «жаждет познать» придворным трусам «свои бессмертные штаты»⁵³, кончается нескромным предложением: «Понюхай это письмо»⁵⁴. Другое кончается словами: «Ах, тяжело расстаться! Мне так грустно сегодня ночью — я так горячо тебя люблю»⁵⁵. Через 10 дней после этого *ночного* томления она уже прямо, без обиняков начинает свое послание признанием: «Какое счастье знать, что послезавтра я буду держать тебя крепко в своих объятиях»⁵⁶, и т. п. Читатель «Переписки Николая и Александры Романовых» не может, наконец, обойти вниманием и тот педантизм, с каким царица ежемесячно оповещала мужа о наступлении женского недомогания, условно говоря о нем, как о «приходе инженера-механика»(!).

О пристальном же и несколько болезненном интересе царицы к тому органу, коим святой отец обыкновенно воровил чудеса изгнания блудного беса, говорит достаточно распоречно такая, например, выдержка из письма Александры Федоровны от 20 ноября 1914 г.: «Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами... они едва ли останутся мужичками в будущем, так все пронизано пулями, быть может, придется все отрезать, так все почернело, но я надеюсь спасти; страшно смотреть, — я все промыла, почистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала, — все это вышло вполне удачно; мне приятнее делать подобные вещи самой под руководством врача. Я сделала три подобных перевязки, — у одного была вставлена туда *трубочка*. Сердце кровью за них обливается; не стану описывать других подробностей, так то грустно, но, будучи женой и матерью, я особенно почувствую им. Молодую сестру (девушку) я выслала из комнаты...»⁵⁷.

Ни одну из операций, в бытность свою сестрой милосердия, царица не описывает с такими подробностями своей *собственной* работы («все промыла, почистила, помазала... покрыла... подвязала...»). Нигде, в других ее письмах мы не находим при описании помощи оперируемым или больным признания, что ей «*приятнее*» делать подобные вещи (при которых стыдливо высылаются из комнаты молодая девушка) *самой*. Нигде, наконец, в переписке ее с мужем, касаясь тех или иных операций или болезней,

царица не выражает столь горячего сочувствия жены и матери, как здесь, в отношении кастрированных войной и кастрируемых хирургом мужчин. Говоря, что, быть может, «придется все отрезать», она пишет тут же: «...но я надеюсь спасти»; — не хирург (заметьте!), не наука — надеется она — спасет половые органы оперированных, а она, у которой, как у жены, «сердце кровью обливается» за мужчин, могущих перестать быть ими.

Невольно возникает вопрос: да нужно ли вообще было присутствие царицы при таких операциях, при которых надлежало высылать из комнаты молодых девушек? И почему в самом деле царице было приятнее, по ее словам, «делать подобные вещи» самой?

А что она, по-видимому, часто доставляла себе такие «приятности», подтверждает ее кокетливая приписка к письму от 28/29 ноября 1914 г., где царица, посылая привет другу (Н. П. Саблину) ее благоверного, сообщает им обоим: «Рада, что вам, двум старым грешникам, посчастливилось увидеть хорошенькие личики⁵⁸, мне чаще приходится видеть иные части тела, менее идеальные».

Мешала ли царице в таких случаях женская застенчивость? А если и мешала раньше, то во имя кого она подавляла ее при своих разъездах по военным госпиталям?

На этот вопрос ясно отвечают следующие строки из письма ее к Николаю II от 28 ноября 1914 г.: «Наш Друг желает, чтобы я разъезжала, а потому я должна подавить свою застенчивость».

«Наш Друг» — это отец Григорий, «наш Друг» — это тот, чье желание «преследует» царицу, *знающую*, что «неисполнение его может стать роковым для нас и всей страны»⁵⁹.

Вопрос об «освящении» царицы старцем, стало быть, зависел только от желания последнего. Желание его, надо думать, стояло в зависимости от чувственного характера царицы. Чувственный же характер обуславливается, как мы знаем с его слов, «блудным бесом», могущим быть изгнанным только через чудо, коим старец не пренебрегал ради спасения даже простых смертных.

Мог ли он не проявить этого «чуда» в отношении чувственной царицы, все время «преследуемой», по ее словам, желанием святого старца!

Тайна сия велика есть.

Переходя к другим чудесам, прославившим «святого старца» и укрепившим его *исключительное* положение у трона, надлежит тут же заметить, что, ввиду изрядного количества этих чудес, мы можем в этом кратком описа-

нии «жития святого» коснуться только некоторых из них, наиболее примечательных.

Начнем с ознакомления с чудом, непосредственный свидетель какового, чуждый веры до сего в чудеса, оставил нам о нем печатное воспоминание.

У Е. Ф. Джанумовой, находившейся в 1915 г. в Петрограде, тяжело заболела в Киеве ее любимая племянница Алиса.

Старец Григорий в одно из своих посещений Е. Ф. Джанумовой неожиданно узнал, что больная при смерти и что тетушка, столь нравившаяся святому, должна в тот же день уехать на юг.

«Тут произошло что-то странное, — пишет Джанумова в своем дневнике от 26 ноября, — чего я никак объяснить не могу. Как ни стараюсь понять, ничего придумать не могу. Не знаю, что это было. Но я изложу все подробно, может быть, потом когда-нибудь подыщутся объяснения, а сейчас одно могу сказать — не знаю. Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало как у мертвеца, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руки и сказал глухо: «Она не умрет, она не умрет, она не умрет». Потом выпустил руки, лицо приняло прежнюю окраску. И продолжал начатый разговор, как будто ничего не было... Я собиралась вечером выехать в Киев, но получила телеграмму: *«Алисе лучше температура упала»*. Я решила остаться еще на день. Вечером к нам приехал Распутин... Я показала ему телеграмму. «Неужели ты этому помог?» — сказала я, хотя, конечно, я тому не верила. «Я же тебе сказал, что она будет здорова», — убежденно и серьезно ответил он. «Ну, сделай еще раз так, как тогда, может быть, она совсем поправится». — «Ах ты, дурочка, разве я могу это сделать? То было не от меня, а свыше. И опять это сделать нельзя. Но я же сказал, что она поправится, чего ж ты беспокоишься». Я недоумевала. В чудеса я не верю, но какое странное совпадение: Алиса поправляется. Что это значит? Лица его, когда он держал за руки, я никогда не забуду. Из живого оно стало лицом мертвеца, — дрожь берет, как вспомню»⁶⁰.

Другое чудо исцеления — за истинность которого говорит текстуальное описание его С. П. Белецким со слов *чудотворца* — еще более замечательно, так как может быть рассматриваемо как воскрешение из мертвых, происшедшее на глазах царя и царицы.

Чудо это было явлено отцом Григорием на возлюбившей рабе его Анне Вырубовой, пострадавшей при желез-

нодорожной катастрофе между Петроградом и Царским Селом в 1913 г.

«Будучи в бредовом горячечном состоянии, — пишет С. П. Белецкий⁶¹, — не открывая все время глаз, А. А. Вырубова повторяла лишь одну фразу:

— Отец Григорий, помолись за меня!

Узнав о тяжелом положении Вырубовой со слов графини Витте и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного автомобиля, Распутин воспользовался любезно предложенным ему графинею Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село в приемный покой лазарета, куда была доставлена А. А. Вырубова женщиною-врачом этого лазарета княжною Гедройц, оказавшей на месте катастрофы первую медицинскую помощь пострадавшей. В это время в палате, где лежала А. А. Вырубова, находились государь с государыней, отец А. А. Вырубовой и княжна Гедройц. Войдя в палату без разрешения и ни с кем не здороваясь, Распутин подошел к А. А. Вырубовой, взял ее руку и, упорно смотря на нее, громко и повелительно сказал ей:

— Аннушка! Проснись, поглядь на меня!

И к общему изумлению всех присутствовавших, А. А. Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала:

— Григорий — это ты? Слава богу!

Тогда Распутин, обернувшись к присутствовавшим, сказал:

— Поправится!

И, шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где и упал в обмороке. Придя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту».

«Я ясно представлял себе, — справедливо замечает С. П. Белецкий, — какое глубокое и сильное впечатление эта сцена «воскрешения из мертвых» А. А. Вырубовой Распутиным должна была произвести на душевную психику⁶² высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати Провидения, пребывавшей на Распутине, и упрочить значение и влияние Распутина на августейшую семью»⁶³.

Мог ли сей чудотворец-целитель не иметь влияния в этой «августейшей семье», где родители непрестанно дрожали над здоровьем и жизнью их кровоточивого детища — наследника престола!...»⁶⁴.

Не только находясь вблизи наследника, но даже на далеком от него расстоянии о. Григорий одинаково чудотворно врачевал его недуги.

Однажды (в 1912 г.), уезжая на родину (куда он часто, отлучался, радея о благоустройстве своего имения), старец

сказал родителям наследника: «Я знаю, что злые люди подкапываются под меня. Не слушайте их. Если вы меня покинете, вы потеряете в течение шести месяцев вашего сына и вашу корону». Царица воскликнула: «Как можем мы тебя покинуть? Разве ты не единственный наш покровитель, наш лучший друг!» И, преклонив колени, просила ее благословить. И вот однажды юный наследник, возвращаясь с прогулки в лодке на озере, плохо рассчитал свой скачок на берег и ушиб себе бедро о борт лодки. Контузия сначала казалась легкой и невинной. Но через две недели, 1 октября, появилась опухоль в паху, бедро распухло, затем внезапно поднялась температура. Доктора Федоров, Деревенко, Раухфус, посланные, определили кровавый нарыв, кровавую опухоль и начинающееся заражение крови. Надо было немедленно произвести операцию, но предрасположение ребенка к кровотечению исключало возможность надреза. Между тем температура с каждым часом все поднималась. 21 октября температура дошла до 39,8°. Родители не выходили из комнаты больного, ибо врачи не скрывали своего беспокойства. В церкви, в Спале, попы сменялись для молитвы днем и ночью. По распоряжению царя торжественная литургия была отслужена в Москве перед иконой Иверской Богоматери. Утром 22 октября царица в первый раз сошла в салон, где собрались: дежурный адъютант Нарышкин, дежурная фрейлина княгиня Елизавета Оболенская, Сазонов, прибывший для доклада царю, и начальник царской охоты в Польше граф Владислав Велепольский. Бледная, похудевшая Александра Федоровна, однако, улыбалась. На обращенные к ней тревожные вопросы она ответила спокойным тоном: «Врачи не констатируют еще никакого улучшения, но лично я уже не беспокоюсь. Я получила сегодня ночью телеграмму от отца Григория, которая меня совершенно успокоила». Затем она прочитала телеграмму: «Бог воззрил на твои слезы и внял твоим молитвам. Не печалься. Твой сын будет жить»⁶⁵.

Это был, в противоположность своим разным предшественникам, истинно современный чудотворец своего века — святой «века пара и электричества», умевший для своих чудес так же хорошо пользоваться телеграфом, как и телефоном.

Об использовании, в частности, последнего «изобретения» ради исцеления того же наследника, Е. Джанумова отметила в своем дневнике (от 28 ноября 1915 г.) следующий случай. «Сидит отец Григорий у нее в гостях; вдруг звонок телефона! — говорят из Царского. Он подходит: «Что? Аляша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону».

Жест в нашу сторону, чтобы мы молчали.

— Ты что, Алешенька, полуночишаешь? Болит? Ничего не болит. Иди сейчас ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Слышишь? Спи.

Через пятнадцать минут опять позвонили. У Алеши ухо не болит. Он спокойно заснул.

«Как это он заснул»? — «Отчего же не заснуть? Я сказал, чтобы спал». — «У него ведь ухо болело». — «А я же сказал, что не болит». Он говорил со спокойной уверенностью, как будто иначе и быть не могло»⁶⁶.

Мог ли он не говорить «со спокойной уверенностью» в таком сравнительно пустячном случае, когда его чудотворным заклинаниям подчинялись порой даже стихии природы! По крайней мере о таком чуде заклинания нам ясно говорит письмо царицы от 22 декабря 1915 г., совпавшее с туманами, мешавшими русским войскам на одном из фронтов великой войны.

«Наш Друг все молится и думает о войне, — пишет в этом письме к мужу царица. — Он говорит, чтоб мы Ему тотчас же говорили, как только случается что-нибудь особенное; она Ему сказала про туман, и Он сделал выговор, что Ему этого не сказали тотчас же, — говорит, что туманы больше не будут мешать»⁶⁷.

Подобными чудесами, молитвами, видениями и вещими снами старец, начиная с 1906 года, когда он проник в царскую семью для спасения династии от грозившей ей революции⁶⁸, настолько укрепил свое положение у трона в качестве *посланца небес*, что благословенная чета Романовых и помыслить не могла к концу своего царствования обойтись без помощи, советов или руководства этого замечательного чудотворца.

Особенно хорошо понимала это значение о. Григория для блага династии чуткая и ревнивая в вопросах веры царица Александра Федоровна. «Слушайся нашего Друга, — наставляла царица царя, — верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои. Бог не даром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы»⁶⁹.

Что кроме молитв и советов святого старца важно было также иметь под рукой и некоторые священные предметы от него, Николай II мог хорошо убедиться, держа при себе палку о. Григория «с изображением рыбы и птицы» и его чудесную гребенку, спасительную в «минуту жизни трудную».

«Не забудь причесаться маленькой гребенкой», — телеграфирует царица мужу 15 сентября 1915 г. «Не забудь перед заседанием министров... несколько раз расчесать

волосы Его гребием», — напоминает рассеянному супругу Александра Федоровна в письме от 15 сентября 1915 года. «Иду поставить свечу. Бог да поможет тебе. Не забудь про гребенку», — вновь телеграфирует она в ставку 16 сентября 1915 г.

Если столь велика была вера царицы в ту или иную вещь, на которую нисходила благодать чудотворца, легко представить себе, как горячо она верила в него самого, вплоть до его мученической кончины, каковую царица сочла лишь переходом его из царского чертога в божеский.

«Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение, чтобы оно постоянно сопровождало меня на скорбном пути, который мне остается пройти здесь, на земле. И вспоминай о нас на небесах в твоих святых молитвах»⁷⁰ — таково было послание царицы к почившему о. Григорию, заботливо вложенное в руки старца при положении его во гроб.

Однако просьба царицы к покойному мученику оказалась, как мы знаем, тщетной, ибо сказано было некогда старцем, что, пока он жив, и царская семья будет жива, а погибнет он — погибнут и Романовы.

Так и случилось, по слову пророка, в назидание неверующим!

III ЦАРЬ И БОГ

Не трудно заметить, что среди «чудес», приписываемых Распутину, одни из них отнюдь не чудеса, а лишь вполне естественные проявления разнузданной похоти, как, например, излюбленное «старцем» «изгнание блудного беса»; о других мы знаем только со слов самого «чудотворца» заносчиво-хвастливого в своей саморекламе; некоторые из «чудес» легко объясняются удачными совпадениями с предсказаниями «старца» (известно, что при *осторожном* пророчестве всегда имеется шанс сбывчивости его не менее чем на 50%); целительные «чудеса» Распутина в огромном большинстве не что иное, как действие гипноза; наконец, некоторая, крайне ничтожная, часть этих «чудес», известная при далеко не выяснившейся обстановке их проявления, другими словами — группа недостаточно проверенных объективно «чудес», — эта часть, если только имеются данные видеть здесь так называемую «телепатию», получает равным образом некоторое объяснение в новейших трудах по психофизиологии, опирающихся частично на аналогию нашего мозга с радиоаппаратами.

Мы еще вернемся к тайне «чудотворного» влияния Распутина в последней главе настоящего очерка.

Здесь же, помимо сказанного, ограничимся лишь указанием, что это «чудотворное влияние» простиралось главным образом на царскую семью, вызывая скептическое к себе отношение в огромном большинстве камарильи, брезгливо-завистливой к «грязному фавориту».

Объяснение этому легко найти хотя бы в том впечатлении, какое должен был производить на привыкшего к вежливости, подобострастию и лести «самодержца» не считавшийся ни с каким придворным или просто светским этикетом грубый и смелый до наглости крестьянский «пророк».

Совершенно невозможно представить себе, чтобы в так называемом «приличном», трезвом обществе кто-либо из присутствующих дерзнул ударить по столу так, чтобы у хозяина сердце дрогнуло! Распутин же, как нам известно, прибег к подобному «маневру» в присутствии Николая II чуть ли не в первый же день их знакомства и сделал это с таким вызывающим видом, который сразу же должен был смутить не привыкшего к тому монарха.

Смутить, озадачить, ошарашить, застигнуть врасплох того, кого собираешься подчинить своему влиянию, — это уже полпобеды в виду намеченной цели. Достигнуть такого успеха в отношении «простых смертных», выдавших «всякие виды» и потому редко поддающихся смущающим уловкам — довольно трудно, какой бы высокий пост ни занимал кто-либо из «простых смертных». На «царя» же, «помазанника божьего», «неограниченного монарха», словом, на Николая II, воспитанного в тепличной атмосфере императорского дома Романовых, такие выходы «простеца», тут же корявым языком дающего свои, быть может, и не прошенные вовсе советы, — должны были производить впечатление какой-то неотразимой «потусторонней» мощи!

Раз поддавшись такому «влиянию», и царь, и царица оказались как бы замороженными этой странной личностью, для которой — им казалось — никакие законы не писаны, кроме «божеских»!

Полные ко времени знакомства со «старцем» всевозможных религиозных предрассудков, суеверий, «примет» и т. п., с непрестанным страхом за свою жизнь и в особенности за здоровье хворого наследника, внемлющие всяким мистико-спиритуалистическим бредням⁷¹, вместе с тем обуреваемые похотью, не вяжущейся с ханжеской моралью, Николай II и Александра Федоровна нашли наконец в Распутине того «Друга» и господина их мыслей и

чувств, которого так долго не хватало *рабским* душам этих властителей над шестой частью земного шара.

Распутин же если не сразу, то все же очень скоро понял положение, в какое ставила его психическая неуравновешенность его высоких покровителей, и сумел сделать отсюда выводы, открывавшие ему доступ к целому ряду «чудес» в сфере государственного правления Российской империей.

Поистине в «этой сфере Распутин стяжал себе куда большее право на звание *чудотворца*, чем в сфере мистико-религиозной.

«Царский лампажник», как его официально титуловали во дворце, о. Григорий на первых же порах своей придворной карьеры, стал в действительности ближайшим *царским советником*, ходатаем за царя перед богом и *посредником* между этими почтенными правителями.

Очень верную сравнительно характеристику *роли* Распутина, в этот первый период его «государственной» деятельности дает нам хорошо знавший «старца» С. П. Белецкий.

«Войдя в высочайший дворец, — пишет он, — при поддержке разных лиц, в том числе покойных графа С. Ю. Витте и князя Мещерского, возлагавших на него свои надежды с точки зрения своего влияния в высших сферах, Распутин, пользуясь всеобщим бесстрашием, основанным на кротости государя, ознакомленный своими милостивцами с особенностями склада мистически настроенной натуры государя, во многом по характеру своему напоминавшего своего предка Александра I, до тонкости изучил все изгибы душевных и волевых наклонностей государя, сумел укрепить веру в свою прозорливость, связав со своим предсказанием рождение наследника и закрепив на почве болезненного недуга его высочества свое влияние на государя путем внушения уверенности, все время поддерживаемой в его величестве болезненно к тому настроенной государыней, в том, что только в нем одном, Распутине, и сосредоточены таинственные флюиды, врачующие недуг наследника и сохраняющие жизнь его высочества и что он как бы послан провидением на благо и счастье августейшей семье»⁷².

Став, как «прозорливец», *persona grata* в чисто семейных делах дома Романовых, Распутин очень скоро и вполне естественно становится перед «царскими очами» и «прозорливцем» в делах государственных. Хотя П. Г. Курлов, защищающий в своих воспоминаниях царя и Распутина от «злостных слухов», и утверждает, что в назначениях высших сановников Распутин «в то время» со-

вершенно не вмешивался, однако и он признает, что «мнение его (Распутина) о том или другом человеке не оставалось без влияния, при громадном доверии к нему царя и склонности последнего к мистицизму, особенно когда государь по своему убеждению или по каким-нибудь другим причинам колебался при выборе или назначении какого-нибудь лица»⁷³.

Но одно дело — давать советы, когда за ними обращается лицо, нуждающееся в них, другое дело — давать их без всякого за ними обращения. В последнем случае советник — как нетрудно заметить — из консультанта становится уже *руководителем* другого, хотя и продолжает облекать свои указания этому другому в форму «советов».

Не надо быть психологом, чтобы ясно понять, как сравнительно легко и просто человек, внушающий другому мысль о своей спасительной для него миссии (путем ряда чудес, пророчеств, исцеления и т. п.), становится со временем для этого другого не только ближайшим советником, но и верховным руководителем, не только «другом», но и «господином».

Такое положение — вернее говоря, такой именно тайный *пост* «руководителя» — и занял при царе со временем Распутин, обласканный монархом и прежде всего его «благочестивейшей супругой» в качестве «святого». «Император царствует, но управляет императрица... *Под указку Распутина*». Вот подлинные слова С. Д. Сазонова в день оставления им поста министра иностранных дел (3 августа 1916 г.), сказанные при прощальном визите французскому послу Палеологу⁷⁴.

Принято думать, что, в то время как Николай II считал «советы» о. Григория внушаемыми ему богом, — «советы» эти на самом деле исходили от небольшого круга сановных лиц, не брезговавших пользоваться положением «святого» для своих чисто карьеристских и наживных целей.

Этот взгляд проходит красной нитью в целом ряде газетных заметок и памфлетов, посвященных Распутину как при его жизни, так и после его смерти. Этот же взгляд доминирует и в литературных трудах, выясняющих роль и значение знаменитого «старца». Так, С. П. Мельгунов считает Распутина «слепым орудием дельцов и аферистов», «простой игрушкой в руках темных дельцов старой монархии»⁷⁵. Палеолог склонен думать, что Распутин действовал под влиянием «шайки банкиров и скомпрометированных спекулянтов, Рубинштейна, Мамуса и пр.», которые «снюхались с ним и щедро заплатили ему»; «по их указаниям, — мнится Палеологу, — Распутин «посылает записки министрам, банкам, всем влиятельным лицам»⁷⁶ и т. д.

Этот взгляд на роль Распутина может быть оспариваем и не без основания. По крайней мере, начиная с 1911 г. — года ожесточенной борьбы Распутина с епископом Гермогеном и с Илиодором — можно легко убедиться, хотя бы из истории этой же борьбы, что Распутин, без всякого влияния с чьей бы то ни было стороны, сам, по собственной инициативе, умел отменно (по своей жестокости) отстоять шкурные интересы и провести на деле чисто личную директиву. Стоит лишь перелистать последнюю главу «Святого черта» бывшего иеромонаха Илиодора, чтобы в этом совершенно убедиться, с какой бы осторожностью мы ни подходили к «страшной книге» мятежного монаха. В этом же нас утверждает и переписка Николая II и Александры Романовых, особенно те письма 1915 года, где речь идет о смещении великого князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего. «Старец» знал, что Николай Николаевич его, Распутина, заклятый враг; этого было совершенно достаточно, чтобы сделать его в глазах царицы, а затем и царя врагом «помазанника божия», интриганом, узурпатором власти, чуть не крамольником. В этом мстительном намерении, так же как и в проведении его в жизнь, Распутину никто не подсказывал ни образа мыслей, ни образа действий. Ничьей «игрушкой» он здесь не был, а тем более «слепым орудием», как выражается С. П. Мельгунов.

Началось ли *самодержавие Распутина* с низвержения Николая «большого» (то есть великого князя Николая Николаевича), как это думает М. Н. Покровский⁷⁷ — или раньше, об этом можно, конечно, спорить; бесспорно только то, что в один далеко не прекрасный для России день это *самодержавие «сибирского авантюриста»* стало вполне реальным фактом, на веки опозорившим и без того несчастный дом Романовых.

Распутин видел ясно, что дом Романовых — несчастный дом, ибо он возглавлялся ограниченным, слабовольным монархом, находившимся под влиянием вздорно-истеричной, недоброй, тщеславной и нерусской царицы.

Проникнув в этот «дом» как в *свой*, извлекая из него огромные для себя выгоды и привилегии и чая еще большие, Распутин связал себя с царской семьей узами более прочными, чем кровные, связал себя с *судьбой* этой семьи, отлично понимая, что счастье ее — его счастье, что в тот день, как не станет Николая II и Александры Романовых, — не станет и его, Григория Распутина.

Сибирскому авантюристу нужно было захватить бразды правления в *свои* руки по той простой причине, что они находились в слишком ненадежных руках неудачливого монарха, который не знал ни своего народа, ни его

ближайших правителей так, как их знал по-своему прозорливый Распутин, с трепетом внимавший нараставшим волнам великой революции.

Он дрожал за трон, в страхе народного гнева, — дрожал потому, что свил себе слишком теплое и прочное, казалось ему, гнездо в самом укромном местечке этого трона.

Отдалить революцию, грозившую прикончить его «славные дни Аранжуэца», не дать ей разыгаться и пасть на его собственную голову — было в прямых интересах Распутина. Достигнуть этого он мнил, в своей «мужицкой» простоте, укреплением твердыни царского *самодержавия*. И если царь не знал, как лучше всего пользоваться своей прерогативой, — Распутину, в их общих интересах, оставалось одно: взглянуть на царскую прерогативу как на собственную. Отсюда, в сущности, и начинается *самодержавие Распутина* под маскою самодержавия Николая II.

Мы знаем, со слов С. П. Белецкого, что «при каждой смене министра внутренних дел или председателя совета поднимался вопрос о материальном обеспечении Распутина, какое исключало бы возможность проведения им дел, во многих случаях сомнительного характера»⁷⁸; знаем, что министр А. Н. Хвостов и тот же Белецкий выдавали Распутину ежемесячные субсидии, имевшие целью подкуп «старца» в их карьеристических целях; знаем, что целый ряд аферистов и просто ходатаев за себя и других делали изрядно крупные подношения Распутину в виде подарков, пожертвований и т. п., предназначавшихся «старцем» отчасти на дела благотворительности (ради широкой популярности), отчасти же на перестройку и меблировку дома в с. Покровском, улучшение своего хозяйства и прочие «собственные нужды».

Но, зная все это, мы тем не менее глубоко поражаемся той близорукости, с какой подобные Палеологу или С. П. Мельгунову современники Распутина взирали на последнего как на подкупленного агента Германии, как на какого-то «мошенника», которого банкирам Манусам и Рубинштейнам легко удавалось обращать взяткой в «слепое орудие» их финансовой политики.

Распутин, отнюдь не брезгуя «чужими» деньгами⁷⁹, был, разумеется, гораздо требовательней, чем это полагали в своей наивности и тот же посол Франции, и многие другие. Хитрому «старцу» нужна была прежде всего безопасность трона, негласно им самим занимаемого, нужно было укрепление царского престижа, вот-вот готового рухнуть под угрозой полчищ Вильгельма II, нужно было спасти царя, а главное, себя, себя самого, связанного с

царем и его казною, сулившими куда большие блага, чем те, что были в распоряжении какого-то Мануса, который «обеспечивал связи с Берлином». Вот где надо искать причину поворота Александры Федоровны, находившейся под *полным влиянием* Распутина, в сторону сепаратного мира с Германией (намек на который мы находим уже в письме царицы от 17 апреля 1915 г., где она цитирует Николаю II послание своего брата великого герцога Эрнста-Людвига с предложением «начать строить мост для переговоров»).

Что ко времени войны 1914—1916 гг. Распутин окончательно овладел директивой всей государственной и церковной жизни России и что Илиодор, называя его «*неофициальным русским царем и патриархом*»⁸⁰, не слишком фантазировал, в этом теперь — после опубликования целого ряда документов, относящихся к эпохе «распутиновщины», — нам не приходится, пожалуй, сомневаться ни в малейшей степени.

За недостатком места в настоящем очерке для планомерных доказательств сказанного мы ограничимся лишь несколькими фактами, как наиболее яркими и несомненными примерами *самодержавия Распутина*.

О том, что в делах церкви Распутин стал для духовенства «царь и бог», мы можем заключить не только из земных поклонов В. К. Саблера, отвешенных Распутину за назначение обер-прокурором Синода, не только из победы Распутина над епископом Гермогеном и т. п., но и непосредственно со слов самой царицы Александры Федоровны, из письма которой (12 ноября 1915 г.) мы узнаем, что от Распутина действительно зависело назначение любого из удобных «старцу» пастырей, на любой из высших постов, кончая митрополичьем! «Душка, — пишет «благочестивейшая» Николаю II, — я забыла рассказать тебе о Питириме, экзархе Грузии... он человек достойный и великий молитвенник, как говорит наш Друг (то есть Распутин. — Н. Е.)... Он (Распутин же. — Н. Е.) просит тебя быть твердым, так как Питирим *единственный* подходящий человек. У Него (Распутина. — Н. Е.) нет никого, кого бы он мог рекомендовать на место Питирима... Затем Он просит тебя *немедленно* назначить Жевахова помощником Волжина. Он... в совершенстве знает церковные дела. Это *твое* желание, — ты повелитель».

Поистине отменны по своему цинизму последние слова А. Ф.: «*это твое желание*». Так «желал», оказывается, когда нужно было Распутину, самодержец «всёя России» Николай Александрович.

Легко представить себе, в каком дурацком положении оказались при этом назначении *impromptu* министр внут-

ренних дел А. Н. Хвостов со своим кандидатом — архиепископом тверским и С. П. Белецкий со своей рекомендацией епископа могилевского — претендентами на кафедру митрополита, получившими «санкцию» от самой «всемогущей», казалось бы, А. А. Вырубовой⁸¹.

«Когда Распутин умер, — пишет Белецкий, — я был в день его похорон вечером у владыки (Питирима), и тут я понял, насколько велик был для него гнет *Распутина*» (курсив наш. — Н. Е.)⁸².

Об этом гнете можно судить хотя бы по тому, что даже в таких важных, с религиозной точки зрения, вопросах, как, например, «всероссийский крестный ход», — и здесь даже Распутин ухитрялся вырывать инициативу из рук того, кому она по праву, казалось бы, принадлежала.

«Он тебя *настоятельно* просит, — пишет про Распутина царица своему супругу 12 июня 1915 г., — *поскорее* приказать, чтобы в один определенный день по всей стране был устроен всероссийский крестный ход с молением о даровании победы... пошли свое приказание по телеграфу (открыто, чтобы все могли прочесть) Саблеру... Пусть приказание исходит от тебя, а не от Синода».

Замечательны эти выражения в письмах Александры Федоровны: «просит тебя немедленно» (подчеркнуто!), «настоятельно» (подчеркнуто!) и «поскорее» (подчеркнуто!), передающие царю волю истинного «монарха». Николаю II не дается даже времени обсудить хорошенько, подумать, пораскинуть умом. Истинному самодержцу некогда да и неохота вalandаться с тугодумным царем, и он шлет ему свои внушения через подручную, то бишь царицу, в порядке боевого приказа.

Правда, бывали случаи и неповиновения Николая II истинному самодержцу России; так, однажды он позволил себе иметь собственное мнение в выборе министра внутренних дел (вместо Щербатова) и почему-то воспротивился сначала назначению Хвостова, бывшего другом Распутина. Но эти случаи были сравнительною редкостью, и временное «неповиновенье» обычно быстро ликвидировалось внушениями царицы, под диктовку Распутина. «Гр. (Григорий. — Н. Е.)... дал нам понять, что Хвостов подойдет», — писала Александра Федоровна Николаю 16 сентября 1915 г. «Я четыре раза тебе телеграфировала о Хвостове, — напоминает она мужу на следующий день (17 сентября), — но ты не ответил». Она пишет ему вновь и вновь, пока не добивается исполнения воли *того*, чье «желание ее преследует» (по ее собственным словам).

Назначение А. Н. Хвостова наконец состоялось. Казалось бы, что «старцу» осталось только радоваться «царской пляске под его дудку». Но не тут-то было!

«Самодержец» раскапризничался: зачем назначили в его отсутствие!

«Не только я и А. Н. Хвостов, — пишет С. П. Белецкий об обеде, данном в честь вернувшегося из поездки Распутина, — но и князь Андроников и Червинская, хорошо его знавшие, были поражены происшедшею с ним переменою: в нем было гораздо больше, чем ранее, апломба и уверенности в себе. Первыми же своими словами Распутин дал нам понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствии, и это подчеркнул князю, считая его в том виноватым. Однако оказалось, что этот упрек и Хвостов и Андроников предвидели, и князь с усиленной любезностью парировал этот удар, рассыпаясь в комплиментах и изъявлении чувства благодарности за его поддержку наших назначений, и трогательно благодарил его за приезд именно теперь, на первых шагах нашего вступления в должность, так как отныне его советы и поддержка при дворе поставят нас на правильный путь и охранят от ошибок, которые нам могут быть поставлены в счет на верху» и т. д.⁸³.

Царь и его холопы вот подпись, какую хочется поставить под этой картиною пресмыкательства и низкопоклонства перед зазнавшимся царским «лампадником».

«Меня царским лампадником зовут, — говорил Распутин. — Лампадник маленькая шишка, а какие большие дела делает!.. Захочу, так пестрого кобеля губернатором сделаю. Вот какой Григорий Ефимович»⁸⁴.

Он не только участвовал в консультации с министрами («Наш Друг виделся с Барком, и они хорошо поговорили в течение двух часов», — пишет царица мужу 11 мая 1915 г.), но и ездил выбирать кандидатов в министры («В городе опять ужасно ворчат на милого старого Горемыкина, прямо отчаяние, — жалуется Николаю II жена в письме от 11 ноября 1915 г. — Завтра Гр. повидает старого Хвостова, а затем вечером я Его увижу. Он хочет рассказать мне о своем впечатлении — будет ли он достойным преемником Горемыкину»).

О том, как Распутин исполнял поручение «из Царского» поехать «посмотреть душу» кандидата на высокий пост, — рассказано А. Н. Хвостовым Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. «Это было в Нижнем Новгороде, — сообщил А. Н. Хвостов, — когда я был губернатором. Ко мне приехал Распутин, мне в то время мало известный... Он предложил мне место министра внутренних дел... объявил мне, что он должен поговорить со мной, так как он послан, как он сказал, «посмотреть мою душу»... из Царского послан»⁸⁵.

«Делателю министров» — как прозвали Распутина — ничего не стоило, согласно свидетельству С. П. Белецкого (см. его записки), провести в министры Б. В. Штюрмера, Н. А. Добровольского, А. Д. Протопопова; ничего не стоило, как мы знаем из переписки Романовых, отсрочить созыв государственной думы или ускорить его («Наш Друг сказал в последний раз, что *только* в случае победы Дума может не созываться, иначе же непременно надо», — пишет А. Ф. 15 ноября 1915 г. «Он сказал, что надо созвать Думу, хотя бы на короткое время», — сообщает она царю 16 ноября того же года); ничего не стоило рядом с официальной «Канцелярией комиссии прошений, на высочайшее имя приносимых» основать свою *собственную*, на Гороховой, 62, при которой числились «секретарями»: И. Ф. Манасевич-Мануйлов, П. В. Мудролюбов, А. С. Симанович, Осипенко и др., не считая штата великосветских дам с А. А. Вырубовой во главе. Какое из двух этих почтенных учреждений преуспевало больше, — нетрудно догадаться.

Дрожь за царский трон как за свой собственный, Распутин свою показную миссию «посредника между царем и богом» рассматривал, надо думать, как миссию посредника *между царем и народом*; ведь не мог он не знать, что от недовольства последнего, раздуваемого «люцинерами»⁸⁶, грозит «бунт», властный в мгновение ока разбить тот утлый челн самодержавия, на котором с таким риском он дерзнул примоститься.

Поэтому вполне понятна его нервность из-за малейших недоразумений, раз в них могла ему почудиться озлобленность народа против «власть предержащих».

«Гр. (Григорий. — Н. Е.) несколько расстроен «мясным» вопросом, — пишет А. Ф. царю 10 апреля 1915 г., — купцы не хотят понизить цены на него... и было даже нечто вроде мясной забастовки. Наш Друг думает, что один из министров должен бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены, и устыдить их».

«Он просил меня тебе передать, — говорится в другом письме А. Ф., от 4 октября 1915 г., — что неладно с новыми бумажными деньгами, простой народ не может понять — у нас довольно чеканной монеты, — и это может повлечь к недоразумениям».

«Дорогой, — повторяет А. Ф. мужу в письме от 7 октября 1915 г., — посылаю тебе 2 марки «денежные» от нашего Друга, чтобы показать тебе, что одна уже фальшивая. Народ очень ими недоволен, — они легко улетают, в темноте извозчиков ими обманывают, и вообще это не годится. Он тебя очень просит немедленно остановить их выпуск... Я говорила с Барком о марках...»

Кончилось тем, что вместо П. Л. Барка на пост министра финансов был выдвинут В. С. Татищев, чья «любовь к нашему Другу, — пишет А. Ф. 19 декабря 1915 г., — является несомненным благословением и преимуществом».

Все больше и больше входя во вкус власти, дававшей ему, кстати, такую широкую возможность сводить личные счеты с врагами, Распутин, в апофеозе своего самодержавия, не довольствуется уже ролью «заместо царя», а, претендуя также и на пост главнокомандующего, свергает с этого поста ненавистного ему Николая Николаевича, заменяет неудачника особой Николая II и пробует через него распоряжаться военными действиями, пока не объявляет себя, под напором вражеских армий, *пацифистом*, готовым одобрить, по-видимому, какой угодно мир.

Так ли это?

Вот несколько выдержек из писем Александры Федоровны к мужу в Ставку, могущих лучше всего подтвердить влияние Распутина на военные дела в год великого испытания 1915—1916 гг., влияние, близко граничащее с наивысшим командованием.

В письме от 7 октября 1915 г. говорится кратко до лаконичности: «Нашего Друга беспокоит Рига». Через месяц с неделей (15 ноября): «Он просит тебя *приказать* начать *наступление* *возле Риги*, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся того, что они отступят. Он говорит, что *именно теперь*, это самое важное и *настоятельно* просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать».

Между этими двумя письмами — 6 ноября — А. Ф. сообщает, что Распутин послал Николаю II на фронт телеграмму, и прибавляет (очевидно, в связи с телеграфной директивой), что «наш Друг... боится, что если у нас не будет большой армии для прохода через Румынию, то мы попадем в ловушку с тыла».

В длинном письме от 10 октября 1915 г. сообщается, что «Ему ночью было вроде видения», на основании которого «Он предлагает, чтобы в течение трех дней приходили исключительно вагоны с мукой, маслом и сахаром. Это в данную минуту даже более необходимо, чем снаряды или мясо... Недовольство будет расти, если положение не изменится... надо, чтобы это было *немедленно* приведено в исполнение».

В сущности говоря, влияние на военные дела Распутин стал оказывать еще тогда, когда им не был свергнут с поста главнокомандующего его личный враг, Николай Ни-

колаевич. О том, что он хотел даже приехать в Ставку последнего, помнится, упорно говорили в связи с ответной телеграммой ему Н. Н-ча: «Приезжай, повешу». Как бы то ни было, нам хорошо известно, какую огромную роль тогда пытался сыграть Распутин при таком, например, немаловажном событии, как призыв ратников ополчения 2-го разряда в 1915 г. Он хотел во что бы то ни стало и какую угодно ценой отменить этот призыв, внушив Александре Федоровне такие строки к царю (в письме от 10 июня 1915 г.): «Если приказ об этом дан, то скажи Н., что, так как надо *повременить*, ты настаиваешь на его отмене». «Прошу тебя, мой ангел, заставь Н. смотреть твоими глазами, — повторяет А. Ф. в письме от 11 июня, — не разрешай призыва 2-го разряда... Отложи это как можно дальше... Пожалуйста, слушайся Его совета, когда говорится так серьезно. Он из-за этого столько ночей не спал! Из-за одной ошибки мы все можем поплатиться».

Почему же, спрашивается, так застрашал в этом вопросе «старец» своих милых «папу» и «маму», как звал Распутин фамильярно чету Романовых? По той простой причине, как оказывается из дальнейших писем Александры Федоровны, что родной сын Распутина тоже числился ратником 2-го разряда, подлежащим призыву!.. После этого вполне понятно, что сердобольный папаша «столько ночей не спал», замышляя, из-за угрозы своему детищу, отменить призыв под ружье тысяч его сверстников.

Из этого эпизода как нельзя лучше видно, во-первых, умение Распутина сочетать народно-государственные дела с частными, поступаясь в кровных интересах первыми ради последних; во-вторых, лишнюю причину к свержению Николая Николаевича, осуществившего призыв ратников, не считаясь с отцовским чувством о. Григория; и, в-третьих, причину нарастания пацифистских чувств у Распутина, откровенно «бухнувшего» через некоторое время, что «Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария»⁸⁷.

Конечно, последнее замечание стоит, помимо сказанного, и в непосредственной связи с неудачным командованием на фронте самого Распутина (устаами Николая II).

Почтенный «старец» разочаровался, по всей видимости, в своих способностях «молитвенного» Бонапарта, несмотря на то, что его вовремя, казалось бы, и *только его одного* знакомили с секретнейшими документами военных операций. — «Он (Хвостов. — Н. Е.), — пишет А. Ф. 3 ноября 1915 г., — привез мне твои *секретные* маршруты (от Воейкова), и я никому ни слова об этом не скажу, только нашему Другу, чтобы он тебя всюду охранял».

Что можно сказать на основании всех этих данных о положении, какое занимал Распутин незадолго до своей смерти?

Что можно вообще сказать о роли, какую играл этот «старец» в представлении своих приверженцев?

Сказать, что он был *только советником* Николая II, было бы неправдой.

Сказать, что, в мистическом смысле, Распутин был *посредником* между царем и богом, а на самом деле — между царем и народом, было бы верней, но, несомненно, преуменьшало бы значение старца.

Сказать, что это был «святой», почти канонизированный царем при жизни, не значит еще определить роли *этого «святого»* в делах управления «судьбами» Российской империи.

Лишь выясняя его роль как роль негласного *самогержавного монарха*, мы приближаемся к характеристике, исчерпывающей то положение, какое занимал этот «святой» в трагическом финале династии Романовых.

Да, то был «царь» — некоронованный, но все же «царь»! — перед кем смирялась воля самого «помазанника божьего»! Негласный «царь», творивший чудеса, исцелявший больных, воскрешавший мертвых, заклинавший туманы, изгонявший «блудного беса», спасавший, наконец, державу Российскую. «Царь не от мира сего», хотя, пожалуй, и чересчур «земной» в известном отношении.

Выше царя! — вот истинное положение, какое занимал этот простец в больном воображении своих державных приверженцев.

Но кто же мог претендовать на положение «выше царя»? Бог, только бог.

«Григорий, Григорий, ты Христос, ты наш Спаситель», — говорили своему «лампаднику» цари, целуя его руки и ноги.

Это сказал Илиодору сам «Григорий» в порыве откровенности⁸⁸.

И мы готовы поверить ему; готовы принять за правду это невероятное признание на основании ряда документов, разобранных нами в настоящем очерке. Да, это так, подтверждают сокровенные доселе источники этой неслыханной в истории биографии!

Начав с молитвенных ходатайств за царя перед богом, Распутин стал посредником меж ними, чтобы потом занять место и того и другого.

«Царь и бог!» — поистине такое сказочное совместительство в лице развратного к тому же и почти неграмотного мужика было возможно лишь в стране неограниченных возможностей.

В чем была тайна успеха Распутина? Его беспрецедентного восхождения на недостижимую, казалось бы, высоту? Тайна его сказочной мощи у «подножия трона»? Его исключительного порабащающего влияния на Николая и Александру Романовых, не говоря уж о других, о целом сонме жертв его колдовских чар?

Ответ на подобные вопросы некоторые находят прежде всего в *гипнотизме*, коим широко пользовался «святой старец» не только к целям своих мнимых чудес, но главным образом и в целях подчинения своему влиянию «нужных лиц» — нужных ему или другим, действовавшим через Распутина, — на этот счет мнения расходятся.

Утверждали, например, что Распутин был только фокусом, в котором якобы сосредоточивалась коллективная сила гипноза группы «черных оккультистов», избравших «старца» как орудие своих тайных, замыслов⁸⁹. Другие передавали, что Распутин был орудием лишь *одного* магнетизера, научившего «старца», в своих собственных интересах, гипнотическому влиянию. Последняя версия находит себе, между прочим, подтверждение и в записках С. П. Белецкого. «Когда я был директором департамента полиции, — пишет он, — то в конце 1913 г., наблюдая за перепиской лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды, в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать. Ввиду этого я, собрав более подробные сведения о гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки гипноза у кого-либо другого, я не знаю, так как я вскорости оставил службу»⁹⁰.

Что у Распутина были не только «наличие сильной воли», как передает Белецкий, и «умение ее в себе сконцентрировать», но и чисто внешние для гипнотизера данные, — об этом знает всякий, кто хоть раз видел этого знаменитого «чародея».

«Ну и глаза у него! — пишет Е. Джанумова в своем дневнике. — Каждый раз когда вижу его, поражаюсь, так разнообразно их выражение и такая глубина. Долго выдержать его взгляд невозможно. Что-то тяжелое в нем

есть, как будто материальное давление вы чувствуете, хотя глаза его часто светятся добротой, всегда с долей лукавства, и в них много мягкости. Но какими жестокими они могут быть иногда и как страшны в гневе»⁹¹.

Обычным «приемом» Распутина при знакомстве с новым для него лицом было — задержать его руку в своей огромной руке и вперить свой взор во взор другого. Эффект «воздействия» сильной воли испытывался каждым из знакомившихся с ним, испытывался сразу же и, насколько известно, без единого исключения.

При дальнейшем знакомстве с Распутиным его гипнотические чары, если только ему нужно было, сказывались все сильнее и сильнее, пока не доводили объекта его «колдовского» воздействия до подобия паралича «собственной воли».

«Я очень устала от всего этого, — пишет Е. Джанумова, имея ввиду под «всем этим» недвусмысленное «приставание» к ней «старца», — хочу уехать и, сама не знаю почему, остаюсь. *Как будто как-то парализована моя воля*»⁹².

«Несомненно, — подтверждал убежденно бывший министр А. Н. Хвостов (в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г.), — Распутин был один из самых сильных гипнотизеров, которых я когда-нибудь встречал! Когда я его видел, я ощущал полную подавленность; а между тем никогда ни один гипнотизер не мог на меня подействовать. Распутин меня давил; несомненно, у него была большая сила гипноза»⁹³.

О том, как влиял в этом смысле Распутин на Николая II, — А. Н. Хвостов сообщил той же Следственной комиссии два случая, стоящих на границе анекдота. Первый случай. «Сидит Распутин совершенно пьяный. Приехал опохмелиться. Утром ему было очень скучно, и он позвал своих сыщиков к себе — чай пить. А тем очень приятно: вместо того чтобы сидеть на лестнице — лучше у него посидеть; для него же эта компания своя... Вот они сидят, пьют чай, у него голова болит; кто-то из этих господ спрашивает его: «Что ты, Григорий Ефимович, грустный? Что задумался?..» Он говорит: «Сказано мне подумать: как быть с Государственной Думой. Я совершенно не знаю, а как ты думаешь?..» Тот говорит: «Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит»... Распутин говорит: «А знаешь что? Я его пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать»... После этого мне было смешно, — признавался Хвостов, — когда несколько членов Государственного Совета приписывали себе влияние в Ставке на то, что состоялось это посещение Государственной Думы... Вот в чем был трагизм положения! Его воля была подавлена. Я утверждаю, что воля его была иногда по-

давлена также гипнотически. Удавалось только на минуту вывести из гипноза»⁹⁴.

Другой случай «действия под гипнозом» Николая II состоял, по проверке Хвостова, в следующем. Хвостов сделал «всепоподданнейший» доклад о необходимости сенаторской ревизии железных дорог, указав на генерала Нейдгардта как на желательного ревизора. В это время состоялось назначение Трепова, который, разойдясь в этом вопросе с Хвостовым, отправился в Ставку и выхлопотал там у царя отмену ревизии. «Мое положение, — вспоминал Хвостов перед Следственной комиссией, — получилось странное: я выхлопотал эту ревизию, Нейдгарту сказал, тот передал... Началась междуведомственная история!.. На императора это страшно подействовало, и ему неловко стало, что я попросил, он согласился, а затем — отменил. Тогда он посоветовался с Григорием, как рассказывал сам Григорий. Со мной, — говорит, — папашка советовался: как быть? Он обидел «внутреннего», но и «железного» не хочет обидеть... Но я ему сказал: ты их позови, поставь рядом, да не приказывай, а скажи: «Будьте вы в мире, — что вам ссориться — будьте по-божьи...» Когда я этот рассказ получил, я посмеялся... Через несколько дней я еду с очередным докладом (обыкновенно доклады были в 5 час., тут почему-то в 11 час.). Доклад был очень краткий. Меня просят подождать в приемной. Минут через 10 является Трепов. Нас зовут вместе в кабинет, и тут происходит буквальное повторение того, над чем я за три дня перед тем смеялся! Вошел император, обратился к нам и говорит: «Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно — для пользы России — этого не делать, этих контров: я ошибся, поторопился»... После этих двух фактов могло ли быть у меня сомнение в том, что там гипнотическое влияние?!»⁹⁵

Была ли возможность для Николая II выйти из того гипнотического круга, какой очертила вокруг него властная рука Распутина? Мог ли вообще Николай II иметь хоть малейшее представление о том, чья именно воля руководит им в том или другом «его» царском решении?

По-видимому — да, и мы уже знаем, за чью волю почитал царь волю Распутина: «святой» мог внушить ему, думал он, лишь «божественную» волю; при этом слабовольным монархом совершенно упускалось из виду, кто именно внушил ему прежде всего веру в «святость» самого гипнотизера.

«Подвергающийся внушению, — учит профессор А. Фореель, — получает такое впечатление, как будто не только воля гипнотизирующего, но и его собственная диктуют ему данное стремление или желание, которое загипнотизированному чрезвычайно приятно или, по крайней мере, явля-

ется неизбежным для него и обязательным. В чувстве подающегося влиянию, что особенно свойственно женщине, есть своего рода удовольствие, которое нередко сочетается с пассивными чувствами половой любви, большей частью у женщин»⁹⁶.

Этими последними словами А. Форель как бы подсказывает нам уже разгадку, почему именно Александра Федоровна была всегда первой в послушании «старцу», не только сама повинувшись ему рабски, но внушая такое повиновение и своему «благодарному».

Эти же слова А. Фореля подтверждают и определение Распутинского гипнотизма, сделанное академиком В. М. Бехтеревым в его статье «Распутинство и общество великосветских дам»⁹⁷.

«В заключение скажу, — говорит Бехтерев в этой статье, — что если кто и хотел бы понимать все, что известно относительно покорения дам высшего общества грубым мужиком Распутиным, с точки зрения гипнотизма, то он должен не забывать, что, кроме обыкновенного гипнотизма, есть еще «половой» гипнотизм, каким, очевидно, обладал в высокой степени старец Распутин».

Насколько известно, «старец» никогда не прибегал в целях внушения к усыплению своих невольных «пациентов». Но усыпление, в сущности, и не нужно вовсе при внушении, для того, чтобы имел место гипноз. *Нет разницы между внушением наяву и гипнозом* — учил А. Форель еще в самом начале этого века (см. *Der Hypnotismus und die suggestiv Psychotherapie*). «Как гипнотизм, так и внушение в состоянии бодрствования должно считать однозначными», — повторяет он вновь в своем исследовании «Половой вопрос»⁹⁸.

«Силою гипнотизировать и внушать, — говорит д-р G. Sticker, — обладает всякий, кто имеет силу или дерзость импонировать, приказывать, укрощать, но в особенности тот, кто бессознательно, но непоколебимо верит в свое призвание повелевать, а вместе с тем умеет быстро уловить слабость воли, подчиняемость и сумеречность в другом «я» и кто обладает тактом и опытом, чтобы использовать слабость противника»⁹⁹.

Можно подумать, что д-р G. Sticker в этом психологическом портрете имел перед собой моделью самого Распутина, — так подходит все сказанное в этом абзаце к характерным чертам нашего сибирского «чародея».

К сказанному не мешает прибавить, что, по научным наблюдениям того же G. Sticker, «вера в сверхмогущество посторонней воли способствует происхождению гипноза» и что успех последнего порой зависит, по словам того же автора, «от хитрости гипнотизера»¹⁰⁰.

Как известно, знаменитый Mesmer не напрасно надевал, на заре суггестивной терапии, лиловую мантию при своих опытах магнетизма и вооружался, приступая к ним, «волшебным жезлом». Это импонировало, это очаровывало его пациентов так же, как и все поведение этого хитрого *актера* — ведь еще в XVIII веке Charles Batteux (первый пустивший в ход слово «переживание») определил *игру актера* как своего рода *внушение*¹⁰¹.

Если мы будем придерживаться наиболее общего определения понятия «*внушения*», данного В. М. Бехтеревым в его труде «Внушение и его роль в общественной жизни», то есть будем обозначать этими словами *психическое воздействие вообще*, то мы, несомненно (и совершенно правильно), увидим в искусстве *актера* могучее средство *внушения*.

Не прибегая к усыплению в практике своего гипноза, Распутин, как бы компенсируя этот метод, широко, по видимому, пользовался в целях вящего *внушения* искусством, составляющим удел *актера*. В этом и заключалась главным образом, та «*хитрость гипнотизера*», на которую указывает G. Sticker как на одно из средств успешного гипнотизирования.

«Удивительно у него подвижное и выразительное лицо», — говорит Е. Джамумова о Распутине¹⁰², всматриваясь в него, словно вправду перед ней был не «подвижник», а самый типичный *актер* «с лукавой добротой и лаской», с глазами, у которых «так разнообразно их выражение», и т. п.¹⁰³.

О том, что Распутин считался целым рядом лиц, не поддавшихся *внушаемой* им «святости», определенно *шарлатаном*, то есть актером-фигляром, выступавшим в роли чудадея, — об этом так же хорошо известно, как и о «притче во языцах», какой служил сам «старец» в последние годы царствования Романовых.

Актером называет и как *актера* трактует Распутина прекрасно знавший его С. П. Белецкий в своих записках. Говоря о той поре жизни Распутина, когда последний решился стать не монахом, как хотел того раньше, а странником и святошей-юродивым, что было более ему по душе и скорей подходило ко всему складу его характера, Белецкий пишет: «Очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже как «Гриша-провидец», ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и лицемером и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и в каждую минуту *актером*»¹⁰⁴.

«Присмотревшись к Распутину, — говорит в другом месте Белецкий, — я вынес убеждение, что у него идей-

ных побуждений не существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих и Вырубовой. Но, в силу свойств своего характера, он старался замаскировать внутренние движения своей души и помыслов. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, не интересующимся никакими материальными благами, человеком вполне доверчиво идущим навстречу доброму делу, так что многие искушенные опытом жизни люди, и даже близко к нему стоящие лица, зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты»¹⁰⁵.

«Будучи скрытным, подозрительным и неискренним, — прибавляет Белецкий в характеристике Распутина как *актера в жизни*, — умея носить на лице и голосе маску лицемерия и простодушия, он вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтал сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы»¹⁰⁶. Несколько страницами дальше Белецкий подробно рассказывает, как Распутин *«играл свою роль»*, желая выяснить, к чему клонились «настояния» того же Белецкого¹⁰⁷, и приводит убедительный пример, насколько этот лицедей был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным»¹⁰⁸.

Все заставляет думать, что и вправду это был крайне талантливый и крайне искусный, несмотря на свою доморощенность, *актер-самородок*, понимавший не только сценическую ценность броского костюма «*мужицкого пророка*» (всех этих вышитых рубах цвета крем, голубых и малиновых, мягких особых сапог, поясов с кистями и т. п.), но и ценность особой, подобающей «пророку» «*божественной речи*». (Из дальнейшего будет ясно видно, какой именно идеал предносился в творческом воображении этого «актера».)

Касаясь «*нарочито нелепого*» языка записок и телеграмм Распутина, М. Н. Покровский справедливо замечает в предисловии к «Перепiske Николая и Александры Романовых»: «Не может быть, чтобы «*божий человек*» не умел говорить понятно по-своему, по-крестьянски, но и ему, и его поклонникам обыкновенная человеческая речь показалась бы отступлением от ритуала. И только когда житейская проза очень уж хватала за живое Распутина — как это было, когда призывали на войну его сына, — его стиль унижался до обыкновенной человеческой речи»¹⁰⁹.

О том, что в своей беседе, под влиянием вина, Распутин унижался порой (словно и вправду актер-забудыга!) и до скотской речи, не пристойной его «высокому призванию», — об этом знает целый ряд свидетелей его кутежей «до бесчувствия»¹¹⁰, до буквального «положения риз», как это было, например, при попойке у «Яра» (см. 1-ю главу настоящего очерка). И недаром, когда он хотел «импонировать», ему приходилось быть сдержанным в предательском вине (*in vino veritas!*). «На первых наших обедах, — рассказывает Белецкий, — Распутин бывал сдержан в вине и даже пытался вести беседы в духе своих «размышлений»; но затем Комиссаров установил с ним сразу дружеские разговоры на «ты» и отучил его от этой, по словам Комиссарова, «божественности». Это понравилось Распутину, и он с того времени перестал нас совершенно стесняться и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас обычно поехать к цыганам»¹¹¹.

Здесь рядовой истолкователь *тайны* распутинского «влияния» может смело, пожалуй, поставить точку, считая в общих чертах эту тайну разоблаченной: Распутин гипнотизер, шарлатан, актер-лицемер, развратник-христолобец, импонирующий сексуально в нравственно-шаткой среде, где «половой гипноз» легко находит жертв среди ханжей-дегенератов и т. п.

Так или приблизительно так и раскрывается в сущности «*тайна Распутина*» такими мемуаристами, как С. П. Белецкий, Морис Палеолог, В. М. Пуришкевич, Курлов и др.

Мы, однако, вряд ли можем так легко удовлетвориться приведенными здесь данными. Были при дворе Романовых и до Распутина всевозможные гипнотизеры и «актеры в жизни», искушенные в ролях «пророков» и «святых» (вроде m-г Филиппа, например), и шарлатаны-целители (вроде «доктора» Бадмаева, например), и всевозможные христолобивые «блаженные»-юродивые (вроде Мити Колябы, например), и «чудотворцы» (вроде Иоанна Кронштадтского), и лица, обладавшие как будто недюжинными половыми чарами или, вернее, «внушительным» соблазном, близким к гипнозу (та же Вырубова, тот же Саблин), — но никто из них не только не сумел добиться «положения», равного распутинскому, но и помыслить об этом не смел, довольствуясь лишь теми «крохами», какие падали им в рот с «высочайшей» трапезы.

В Распутине — опять-таки — не только сосредоточивались *все* те данные, какими, каждым *в отдельности*, обладали порой временные или постоянные фавориты Романовых, но — что неизмеримо важнее — заключалось нечто специфически ему свойственное, нечто или чуждое его соперникам, или мало у них развитое, нечто, обес-

печивавшее Распутину выдающийся успех влияния, что называется, «навверняка».

Это «нечто» состояло в чем-то абсолютно «настоящем» у Распутина, примешивавшемся к «наигранному» у него и обуславливавшем для нервно-неуравновешенных и слабобольных людей какую-то непререкаемо-импонирующую «правду».

В чем же заключалось это колдовское «нечто» у Распутина? Это «настоящее» у него? Эта его подлинность «сокровенная» тайна?

Ответ на этот вопрос скрывается в сущности первичного драматического феномена.

До тех пор, пока мы будем относиться к «актерству» Распутина с привычной современному обывателю вульгарной точки зрения, мы мало подвинемся в разрешении интересующего нас вопроса.

Но как только мы вспомним о первоначально-культовом значении «маски», в смысле личины божества, надевавшейся служителем его в целях посильного самоотожествления с ним, — мы сразу же подойдем к той точке зрения, с которой тайна Распутина, и в частности тайна его лицедейства, получает должное освещение.

Маска в новейшем значении этого слова «есть результат извращения и профанации древнего священного лицедейства» — учит одна из спорад Вячеслава Иванова¹¹². Эта наша маска не имеет ничего общего с той культовой личиной, в которой, например, у греков при служении Дионису заключалась подлинная религиозная сущность.

Понять «маску» Распутина, вернее — основную его личину и основное его настроение, этой «маской» обусловленное, — значит раскрыть основную тайну его поведения, тайну самоуверенности этого поведения и, наконец, мощного гипноза, связанного с этим поведением для лиц, желавших видеть в Распутине прежде всего его «маску» и главным образом его «маску», а не его самого, терявшегося за «маской», составлявшей как бы его «сущность».

«Видеть самого себя преображенным в своих собственных глазах и затем поступать так, как будто действительно ты вошел в тело и характер другого», в этом, как мудро формулировал Фр. Ницше, и заключается «первичный драматический феномен»¹¹³. «Надевший маску (как культовую личину), поистине отождествляется, в собственном и мирском сознании, с существом, чей образ он себе присвоил. Таков изначальный мифологический смысл маски», — поясняет Вяч. Иванов¹¹⁴.

Этот «первичный драматический феномен», это изначальное значение «мифологической маски» мы можем легко объяснить путем самовнушения роли «божества»,

«святого» или «героя», — «маски» гипнотически действительной затем в качестве «сущности» для лиц, таящих в себе предрасположение к подобному гипнозу.

О том, что Распутин играл роль «святого», более того, новоявленного «Христа», — в этом мы можем убедиться из всего описания его «жития», «чудес», «пророчеств», «изречений» и, наконец, из его неоднократных внедрений в сознание других (например, того же Илиодора), что вот, мол, даже царь и тот его уже признал Христом, и царица тоже, и др.

В этой роли мы должны признать основную личину Распутина, ту «мифологическую маску» его, о которой, как о культовой ценности огромного религиозного значения, говорит нам Вяч. Иванов в одной из своих спорад.

Только при предположении, что Распутин был религиозно убежден в отождествлении себя, если не в тождестве своем, со «святым» и даже с «Христом», можем мы понять ту сбивающую с толку *свободу личного поведения*, которой он почти *бравировал*, зная, что «святому», а тем более «богу», все позволено. «Ему, как праведнику, закон не лежит», — говорят, например, хлысты¹¹⁵.

Надо быть или круглым дураком, или *фанатично верующим в себя как в «бога»*, чтобы без малейшего удержу разъезжать по ресторанам и кутить там «напропалую» всю ночь, посещать открыто салоны «монденок» и «деми-монденок», публично «дебоширить», напившись до пьяну, и вообще позволять себе все то, что позволял себе Распутин. Шарлатан, конечно, так не поступал бы! Шарлатан держался бы «Тартюфом», «тише воды, ниже травы» перед сонмом взыскательных критиков! Не надо обладать особенным умом, чтобы понять, как должен вести себя «святой» или «бог», раз желаешь импонировать, прикинувшись тем или другим, — «шкурный интерес» подскажет даже пьянице хорониться келейно со своими грешками, а не выставлять их напоказ.

Другое дело, если являешь собой «первичный драматический феномен», то есть отождествляешь себя с «богом», «мифологическую маску» которого носишь, фанатично в него веруя! Тогда, понятно, «никакие законы для тебя не писаны», кроме твоих личных, «божественных», и нет тебе никакого дела до «шумного света» с его взглядами на добропорядочное поведение настоящего «святого» или «бога».

При таком отождествлении себя с «маской» наблюдается явление, очень близко подходящее, по-видимому, к так называемому в психологии «*двойному сознанию*», на которое еще в середине прошлого столетия обратил внимание Шредер фон дер Кольн. При «двойном сознании», как из-

вестно, имеет место «ненормальное психическое состояние, при котором в одном лице слагаются два совершенно различных и независимых друг от друга сознания»¹¹⁶. Патологические случаи такого «двойного сознания», по наблюдению д-ра Weygandt, наблюдаются большей частью на эпилептической и истерической почве¹¹⁷.

Если мы вспомним из жизни Распутина такие случаи, как его обморочное состояние с сопровождением обильного пота вслед за «воскрешением» Вырубовой, его помертвление (припадок) перед «пророчеством» Е. Джанумовой о спасении ее племянницы и целый ряд случаев его болезненных невоздержанностей, — мы будем вправе предположить у знаменитого «старца» ту истеро-эпилептическую «одержимость», на почве которой психиатрия констатирует возможность «двойного сознания», столь близкого сознанию отождествляющего себя с «мифологической маской».

Но здесь естественно напрашиваются два очень важных вопроса, без разрешения которых наше объяснение «тайны Распутина» может показаться вдумчивому скептику произвольным утверждением. Да был ли в самом деле Распутин настолько религиозным типом, чтоб отождествлять, в фанатичном самовнушении, себя со своей «божеской маской? А если да, то как понять и как связать его эротику, его *плотский разврат*, его ничем не ограниченные половые излишества с положением твердо верующего в себя святого, если не бога?

Я позволю себе ответить сначала на второй из напрашивающихся здесь вопросов.

Возбуждение полового инстинкта в связи с религиозной экзальтацией и вообще с молитвенным подвигом — общеизвестный факт, хотя еще и недостаточно до сих пор разъясненный. «Художественное делание молитвы Иисусовой, — говорит епископ Феофан Затворник, — иного ввергает в прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, в постоянное похотное состояние». (Собрание писем святителя Феофана. М., 1901, т. 7, стр. 87.) По его же словам, теплота («теплое чувство»), сопровождающая сосредоточенную в сердце молитву, нередко соединяется «со сладостью похотною». (Письма. Тамбов, 1897, стр. 317). «Какое странное явление, — говорит епископ Игнатий (Брянчанинов), по-видимому, подвижник занимается молитвою, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием (Сочинения, т. 2. СПб, 1865, стр. 354.)

Связь полового чувства с религиозным вскрыл, еще задолго до фрейдовского учения о сублимации первого из них во второе¹¹⁸, проф. Р. Краффт-Эбинг, полагавший, на основании ряда исследований, что «религиозное и половое

состояние аффекта обнаруживают на высоте своего развития единогласие в качестве и количестве возбуждения и могут поэтому соответственным образом викариировать», причем «оба могут при патологических условиях перейти в жестокость»¹¹⁹.

О «склонности человека связывать свою эротику с религией, приписывая первой божественные источники и выдавая ее за продукт веления свыше» говорит определено проф. Форель во втором томе своего исследования «Половой вопрос».

О том, что Распутин являл крайне красноречивый пример подобной «склонности», мы легко убеждаемся из примеров его «жития» (см. гл. II настоящего очерка), в коих он объяснял жертвам своего сладострастия *освящающее* значение своих «прикосновений».

Словно имея в виду самого Распутина, *отталкивающая эротика* которого заставляла даже филеров (охранников) вспоминать с омерзением о виденных ими, по долгу службы, проделках этого «святого»¹²⁰, Форель поучительно для нас замечает: «*Не свободна от половых представлений и жизнь святых, причем нередко в самой отталкивающей эротической форме*»¹²¹.

Отметив, что у французских психиатров имеется даже специальный термин «*délire érotico-religieux*», Форель опять-таки, словно метя как раз в Распутина, замечает, что «*лица безусловно психопатические и истерические всегда воздействовали на судьбы народов, причем это могло быть объяснено главным образом гипнотизирующим влиянием представлений на половой и одновременно религиозной почве*»¹²². «При этом, — продолжает Форель (подкрепив свой домысел исторически заверенным примером), — характернее всего то, что сами больные находятся прежде всего под патологическим непосредственным влиянием их же собственных бредовых представлений, и притом в столь сильной степени, что вдохновляются до крайней степени, приобретают фанатизм пророков и развивают такую колоссальную энергию, которою единственно и оправдывается их колоссальное воздействие на массы. При этом безответственная самоуверенность, вера в собственную непогрешимость, пророческие приемы, — все это настолько импонирует толпе, что она идет вслед за ними, экзальтированная и загипнотизированная, подчиняя свою волю и свои поступки желаниям и прихотям психопата. С безумием в этих случаях весьма часто сочетается и самый низменный эротизм, прикрытый, однако, религиозным экстазом и не обнаруживаемый окружающими, которые убеждены в чистоте всего их окружающего, ибо в этом же убежден и сам увлекший их психопат»¹²³.

В результате своего исследования Форель приходит к заключению, что «мы можем... в зависимости от половых чувств данного пророка или основателя религиозного учения, определить и его религиозное нововведение»¹²⁴.

Отсюда понятно, почему я предпочел ответить сначала на вопрос о совместимости плотского разврата с истинной религиозностью, а потом уже на первый из поставленных нами вопросов: был ли в самом деле Распутин подлинно религиозным типом?

Простое, даже беглое ознакомление с половыми причудами Распутина, вроде страсти окружать себя многими женщинами, словно священным «вакхическим хороводом», страсти унижать их всячески (мытьем ног, вождением в баню и пр.), страсти проявлять реально или символически жестокость к ним (бичевание женщин, похлопывание их рукою) и т. п., — приводит мало-мальски сведущего в половых извращениях критика к квалификации развратника Распутина как *садиста*.

Если это так — а в том порукой все плотское «житие» Распутина — и если прав Форель, что в зависимости от «половых чувств» данного лица определяется и его «религиозное нововведение», — мы должны предположить, что Распутин должен был, естественно, облюбовать такой религиозный уклад, в коем притягательный для садиста момент доминирования «яко бог» над окружающими, в частности — над женщинами, был бы непрерываемо ясно выражен.

Такой религиозный уклад Распутин мог найти уже в готовой форме у хлыстов — секты, где главное «нововведение» могло ограничиться разве что провозглашением, наравне с другими жившими раньше «Христами», и себя «Христом», согласно хлыстовскому учению, что Христос не только «может входить с нами в общение», но «может даже вселяться в нас»¹²⁵.

Если мы найдем убедительные данные для подтверждения стоустой молвы о том, что Распутин был действительно хлыст, — мы тем самым найдем верный ответ и на поставленный нами выше вопрос о подлинной религиозности Распутина, так как психологически немыслимо «до полного абсурда» быть сектантом и в то же время неверующим ханжой или даже маловерующим.

«Мы желаем сильной власти, — сострил в 1915 году В. И. Гурко (на одном из московских заседаний Всероссийского Земского Союза), — мы понимаем власть, вооруженную исключительным положением, власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом»¹²⁶.

«Это клеветническая двусмыслица, направленная против тебя и нашего Друга», — писала Александра Федо-

ровна Николаю II после цитаты приведенных слов Гурко¹²⁷.

Действительно ли это «клеветническая двусмыслица»? Имеем ли мы в самом деле основание утверждать принадлежность Распутина к хлыстовской секте?

Этот вопрос, между прочим, сильно занимал С. П. Белецкого в бытность его директором департамента полиции. Вот что он сообщает по этому поводу в своих безусловно «проливающих свет» на хлыстовскую тайну Распутина записках: «Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора святейшего синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Яцкевичем, несомненным являлся тот вывод, что Распутин был сектант, причем из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине... Установить на основании фактических и к тому же проверенных данных несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось, тем более что Распутин... был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц и филерное наблюдение к себе не приближал. Ввиду этого я принужден был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента... для меня было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось... Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укрепился в сделанных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя причислял; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Папков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отме-

жевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неофиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими грехами»¹²⁸.

Рядом с этим мы находим наводящие на «хлыстовщину» данные и в показаниях А. Н. Хвостова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 году. Вот интересный для нас отрывок из диалога председателя этой комиссии с Хвостовым после предложения председателя сообщить известное Хвостову о религиозности Александры Федоровны:

«Хвостов. Относительно религиозного вопроса, мне кажется, у нее был какой-то гипноз или странность — с этим Распутиным...

Председатель. Что же? Вся религиозность сводилась к Распутину?

Хвостов. — Религиозность была захвачена Распутиным — это был «пророк», который явился с неба, который говорит... Это было беспрекословное повиновение. Мне кажется, она была под полным гипнозом.

Председатель. Что же тут подразумевалось: сверхъестественное происхождение Распутина?

Хвостов. Она намекала, что ждала, когда я из неверующего обращусь в верующего, но этого мне не говорила.

«Пророк, который явился с неба», как выражается Хвостов о Распутине, согласно впечатлению от беседы о нем с Александрой Федоровной, это и есть тот хлыстовский «Христос», который время от времени сходит на землю, чтобы воплотиться в достойного подвижника, ибо, по учению хлыстов, недостаточно «вообразить в себе дух Христов», надо еще «отелесить в себе личность Христа»¹²⁹.

В сущности говоря, мы и помимо сведений, какие дали в наши руки С. П. Белецкий (с его штатом филеров) и А. Н. Хвостов, располагаем достаточными данными из «жития» о. Григория для того, чтобы, путем сопоставления их с хлыстовскими традициями, увидеть в религиозной личности Распутина хлыста и притом хлыста, фанатично преданного вероучению этой секты.

Остановим наше внимание хотя бы на следующих предательских для Распутина чертах.

1) Хлысты, как известно, никогда не называют себя «хлыстами»¹³⁰, считая это прозвище обидным; сами себя хлысты называют *людьми божьими*, в которых за их богоугодную жизнь обитает бог¹³¹.

«Божьим человеком» называет Распутина, наравне с «Другом», и бывшая императрица Александра Федоровна в своей *интимной* переписке с Николаем II. Что это не было, так сказать, пустым прозвищем, условным для «Распутина» в беседе Н. и А. Романовых, говорят слова Александры Федоровны о великом князе Николае Николаевиче. «Раз он враг божьего человека, — пишет царю А. Ф. 16 июня 1915 г., — то его дела не могут быть успешны и мнения правильны».

Название «*божьего человека*» так укрепилось за Распутиным, что стало наконец достоянием всех «салонов», не исключая посольских; Палеолог, например, в своих воспоминаниях о Распутине¹³² сплошь и рядом, как известно, называет его «*божьим человеком*», вкладывая в эти слова ту иронию, какую подсказывали ему далеко не божественные «подвиги» этого «старца».

2) Допустимость для облеченного высокой миссией «*божьего человека*» неистовой, залихватской пляски — явления «суетного» и «светского» в глазах ортодоксальных христиан — была возведена у хлыстов в степень заслуги подвижничества, причем *пляска* практиковалась у них не только как соборное «радение», но и «*в одиночку*» или «*в схватку*» (мужчина с женщиной)¹³³.

Кто не слышал в эпоху «распутиновщины» об экстазных развеселых плясках знаменитого «старца»? Об этом странном совмещении им ролей «святого» и «танцора»? При этом важно отметить, что Распутин плясал в *кругу* своих поклонниц обыкновенно вслед за духовной беседой или *духовной песней*.

Вот что мы читаем в главе «Московские хлысты» книги Ф. В. Ливанова «Раскольники и острожники» (т. II, стр. 119—121): «В 1812 году был в этой секте... мещанин Евграфов. Этот Евграфов впоследствии попался в руки правительства и сообщил на формальных допросах о секте «московской хлыстовщины» весьма любопытные подробности. По его словам... *по окончании пения хлыстовских песен... пророчествующий становился среди моленной без штанов и начинал радеть, то есть кружиться... приседая, сильно ударял в пол ногами и т. п.*» (курсив наш).

Е. Джанумова, присутствовавшая не раз на распутинских «радениях», — правда, светски маскированных, — передает в своем дневнике, от 19 сентября, что пляске Распутина предшествовало исполнение хором сначала «Странника», определяемого Джанумовой как «*духовная*

песнь», и псалмов. «Все это создавало такое торжественное и странное настроение... — пишет эта жертва распутинского обольщения. Внезапно, — продолжает Джанумова, — без всякого перехода он стал напевать «русскую». Сейчас же несколько голосов подхватило. Он махнул рукой в сторону великой княжны. Она вышла и стала плясать грациозно и легко. Навстречу подбоченился Распутин»¹³⁴. Особенно подробно Джанумова описывает пляску Распутина несколькими страницами раньше (25 марта): «Играй «По улице мостовой», — внезапно без всякой связи с предыдущим скомандовал он. Одна из барынь села к роялю и заиграла. Он встал, начал в такт покачиваться и притоптывать ногами в мягких сапогах. Потом вдруг пустился в пляс. Танцевал он неожиданно легко и плавно. Как перышко носился по комнате, приседая и выбивая дробь ногами, приближался к дамам, выманивая из их круга партнершу. Одна из дам не выдержала и с платочком выплыла к нему навстречу. Кажется, никто не был удивлен. Как будто этот пляс среди бела дня был самым обычным делом... Мелькала бородатая фигура, развевались кисти голубого пояса. Четко и дробно выбивали такт ноги в мягких сапогах из чудесной кожи, какого-то особенного фасона. Глубоко сидящие глаза настойчиво вонзались в меня, и я не знала, что думать»¹³⁵.

Дальнейших подробностей не сообщается, возможно — из чувства женской стыдливости. Чуждый этой стыдливости, «по долгу службы», начальник московской охраны Мартынов доносил, однако, командиру отделения корпуса жандармов и о «подробностях», следовавших за экстатической пляской Распутина среди дамского общества в московском ресторане «Яр». О том, чтобы Распутин очутился без штанов наподобие хлыста, описанного в показании Евграфова, Мартынов, правда, не «доносит», но что «опьяневший еще более *Распутин плясал впоследствии «русскую»*, а затем начал откровенничать с певичками... обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками», — об этом сообщает Мартыновым вполне определенно, на основании сведений пристава 2-го участка Суцевской части г. Москвы подполковника Семенова от 26 марта 1915 г.

Таким образом, характер плясок Распутина, связанных, с одной стороны, с «*духовными песнями*», а с другой — с экстатическим *заголением*, не оставляет сомнения в их хлыстовском происхождении.

3) По учению хлыстов, тому, в ком живет «дух божий», как праведнику, закон не лежит; он может *творить чудеса и предсказывать будущее*¹³⁶.

О том, что «чудесами» преизобиловало все «житие» Распутина, мы видели из второй главы настоящего очерка.

Можно ли считать отношение Распутина к творившимся им «чудесам» чисто хлыстовским?

По-видимому да; в особенности если иметь в виду все то, что говорилось Распутиным о главном его «чуде» — «изгнании блудного беса».

Вот что гласит показание хлыстовки А. Сухотериной, привлекавшейся по «Делу Оренбургского окружн. суда о хлыстах Утицких и Строгановой» (т. I, л. 127): «По словам хлыстов, тело, плоть грешны, немощны, *во плоти сидит злой дух*, и вот, когда в человека кто-либо из пророков или христов... дыхнет истинным духом, то при выходе из тела злого духа все тело дрожит, трясется», и т. п.¹³⁷

О том, как толковал Распутин понятие «дыхнуть истинным духом», мы говорили во второй главе со слов самого Распутина, сказанных лично его некогда закадычному другу Илиодору.

Что касается дара пророчества («предсказывания будущего»), то, по словам Ф. В. Ливанова, «для приобретения дара пророчества и учительства у них не требуется никаких особенных способностей и сведений, почему в это звание поступают весьма часто мужики совершенно безграмотные, и они еще гордятся тем, называя себя, подобно апостолам, «некнижными рыбаками» и «безграмотными архиереями», просвещенными святым духом и самим богом умудренными...»¹³⁸.

О безграмотности «некнижного рыбака» и пророка Распутина говорят достаточно красноречиво оставшиеся после его смерти многочисленные записки «власть держащим» и просто «на память», где беспомощные каракули еле-еле выражают синтаксически сумбурную речь.

Очень важно тут же отметить, что в пророческом даре отец Григорий получал вдохновение главным образом среди женского общества.

Это обстоятельство может послужить нам лишней уликой в хлыстовстве Распутина, если только мы обратимся к статье бывшего хлыста Преображенцева («Исповедь обратившегося раскольника»¹³⁹), где говорится, что «религиозная восторженность», особенно благоприятная для проявления пророческого дара, у хлыстов обуславливается, между прочим, совместным участием в радении мужчин и женщин. Свою мысль он иллюстрирует таким рассказом: «Один правитель корабля в секте людей божьих отделил духовных сестер от братьев... во избежание «соблазна плоти». Но «святая беседа» одних братьевуюю не имела той полноты благодати, которую они получали от святого духа прежде, когда они беседовали вместе с сестрами: не чувствовали того восторга и не имели сердечной теплоты, которая прежде согревала их сердца... они радели пристально...

по лицу их пот катился градом, рубахи их были мокры, хоть выжми; но сердце их было холодно и сухо, духовной радости они не чувствовали; пророк пророчил вяло и нескладно. Так же точно было и с сестрами, когда они беседовали одни без братьев... беседы их лишены были мнимо-благодатной теплоты и обычной восторженной радости. Это принудило наставника опять соединить братьев с сестрами в одно общество. Когда это вновь соединенное общество совершало беседу, дух святой посетил их обильною благодатью: явились радостные восторги, оказалась и теплота сердечная, пророки пророчили в полной силе слова божия, как бывало прежде. Дух святой объявил через пророка начальнику того общества, что ему не угоден таковой раздел».

4) В числе характерных черт хлыстовщины нельзя не обратить внимания на исключительно враждебное (хоть и внешне замаскированное) отношение «божьих людей» к *православному духовенству*. «По мнению хлыстов... духовные лица — это черные враны, кровожадные звери, волки злые, безбожные иудеи, злые фарисеи и даже сопчатые ослы»¹⁴⁰.

«Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями, не только интересовали Распутина, — пишет С. П. Белецкий, — но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым»¹⁴¹. Тем самым, заключим мы, расценивая оскорбительно низко не только отдельных «пастырей», но и весь синод вкупе!

До какой степени «мальтретирования» нашего духовенства доходил Распутин в своей «непогрешимости», показывает хотя бы его жестокая расправа с прежними, обласкавшими его друзьями-епископами Феофаном, Гермогеном и иеромонахом Илиодором, изнасилование монахини Ксении и подобные факты.

По-видимому, Распутин находил сущее удовольствие в том, чтобы «пакостить» где только можно представителям нашей официальной церкви. По-видимому, это составляло для него определенную задачу, входило, так сказать, в его личные планы. Чем иначе объяснить, например, факт несомненного (как доказал это Илиодор¹⁴²) злого, в известном смысле, недопущения Распутиным автономии духовной школы вообще и в частности — Петербургской духовной академии? Чем объяснить иначе противодействие Распутина восстановлению древнего чина диаконис в нашей церкви, о чем хлопотали все члены синода, митрополит Владимир, игуменья великая княгиня Елизавета и целый ряд авторитетных в делах церкви иереев? «Я папе сказал, что архиереи делают диаконис для того, чтобы завести у себя в покоях бардаки. Царь с этим вполне со-

гласился», — хвастался «меривший на свой аршин» Распутин в конце 1911 года¹⁴³. Чем большему числу ненавистных иереев мог «досадить» «непогрешимый» Распутин, тем безапелляционней были его решения, когда к тому являлся подходящий случай. Достаточно вспомнить хотя бы его роль в вопросе о желательном почти всему нашему духовенству, в 1904—1907 гг., созыве всероссийского церковного собора! «И без собора хорошо, — говорил он Илиодору, — есть божий помазанник, и довольно; бог его сердцем управляет, какой же еще нужен собор». (Под «богом», видимо, Распутин подразумевал здесь ни кого другого, как себя лично, «управляющего» сердцем «помазанника».)

«Разве это слуги божии? — говорил Распутин о священниках И. М-ву, сотруднику «Нового Времени» в 1912 году. — Нет... Нет... А если где-либо вдали и найдется праведный священник, то все против него... Он, мол, завел какие-то порядки... Собирает вокруг себя людей... Сейчас разговоры... Кричат — сектант... Над праведным проносится гроза... Все ломают... Так нельзя... Нужно подумать о боге... совсем другое будет, когда священники-то станут иные...»¹⁴⁴ «А почему теперь уходят в разные вероисповедания? — вопрошал Распутин в своей книжке *«Мои мысли и размышления»* (стр. 28) и отвечал: — Потому что в храме духа нет, а буквы много — храм и пуст».

Так, разумеется, мог говорить только сектант, *презиравший* рядовое духовенство, в чем хлысты, как мы знаем, отличались особою страстностью.

Только издевательством над православной церковью можно объяснить такие «назначения» Распутина, как представление к митре всячески скомпрометированного попа Восторгова, оглашенного еще Иоанном Кронштадтским как «мазурик», назначение епископом Макария Гневушина — того самого, которого московские купцы обвиняли в уголовных преступлениях, проведение в экзархии Грузии известного мздоимца, опального епископа Псковского Алексея (после неожиданной смерти которого принужден был застрелиться его секретарь, испугавшийся ответственности за денежные дела экзархата) и т. д.

Особенно же характерным для хлыстовства Распутина было пожалование им Варнаве, почти неграмотному огороднику из Каргополя¹⁴⁵, епископского сана. «Хоть архиереи и будут обижаться, что в среду их, академиков, мужика впихнули, да ничего, наплевать, примирятся», — так передал Распутин Илиодору о своем «объяснении» этого назначения Александре Федоровне¹⁴⁶.

Вот уж где подлинно, во всем своем убожестве, проявилось хлыстовское равнение на апостолов и заносчивая

гордость хлыстов своими «некнижными рыбаками» и «безграмотными архиереями».

5) «Хлысты, как и скопцы, по наружности исполняют все обряды и постановления господствующей в государстве православной церкви, — констатирует Ф. В. Ливанов, — и в этом отношении даже нередко отличаются особенным, хитро рассчитанным усердием. Они ходят по всей России исправно в православные храмы, отправляют, как следует, ежегодно долг покаяния и причащения, принимают к себе в дома православных священников для совершения обычных церковных треб, держат у себя настоящие святые иконы, — словом, ловко кажутся во всех отношениях христианами безукоризненного православия. Все это, однако, есть не более как личина, — говорит Ливанов, — носимая, по собственному выражению сектантов, «страха ради иудейска», то есть во избежание преследования, определяемого существующими законами против них»¹⁴⁷.

В обряде принятия в секту хлыстов, называемом «приводом», поступающий клянется хранить тайну хлыстовского учения, не объявляя ее «ни отцу, ни матери, ни отцу духовному, ни другу мирскому»¹⁴⁸; хлыстовская присяга кончается словами: «...соблюдать тайну о том, что увидит и услышит в собраниях, не жалея себя, не страшась ни кнута, ни огня, ни меча, ни всякого насильства»¹⁴⁹.

С этой клятвой каждый хлыст как бы надевает на себя сокровенную маску.

О том, что Распутин никогда, даже в пьяном виде, никому не сознавался в «хлыстовстве» (выдавая его тем не менее помимовольно другими путями, согласно пословице «на всякого мудреца довольно простоты»), — об этой верности прославленного «старца» своей сокровенной маске мы хорошо осведомлены.

Но кроме этой маски хлыстам известна еще и другая — маска, составляющая сущность и соблазн всего хлыстовского учения: *мифологическая маска «Христа»*.

Среди разновидностей хлыстовства (вернее, штундохлыстовства) исповеданием этой «маски» особенно прославился толк *«малеванщина»*, появившийся в 1889 году. Согласно учению малеванцев, глава этого толка есть *«царь над царями, бог, во плоти пришедший»*, чтобы дать уверовавшим в него *«безмятежную, довольную во всем жизнь»*, каждый же *«малеванный»*, будучи *«святым»* и потому свободным от «закона», представляет собой *«живое писание»* — воплощение «Писания».

В 1895 г. основатель этого толка Кондрат Малеванный был помещен в Казанскую психиатрическую лечебницу, а малеванщина перекинулась в Сибирь, дойдя далее до Иркутской губернии¹⁵⁰.

Не зная в точности, принадлежал ли полностью Распутин к этому толку штундо-хлыстовщины, мы вправе, однако, подозревать его в *принадлежности к этому толку*, на основании сопоставления «исторических» дат: к 1895 году, когда малеванщина стала распространяться по Сибири¹⁵¹, произошло, как мы знаем (см. главу II — «Жизнь»), обращение сибиряка Распутина, и началась его жизнь «святого», стремившаяся к положению «царя над царями» и «бога во плоти пришедшего».

Как только что сказано, мифологическая маска «Христа» была особо облюбленной у малеванцев: подражать Христу чисто *грамматически* (лицедейски) составляло для этого толка хлыстовщины подлинную экстатическую радость.

«В религиозных собраниях первых малеванцев, — читаем мы у Д. Г. Коновалова¹⁵², — среди прыганья женщины обнажались до пояса и в таком виде продолжали прыгать, кричать, радоваться, жестикулировать. По словам очевидца, проф. Сикорского¹⁵³, часть происходивших при этом движений носила несомненный характер экспрессивных движений и аллегорических жестов, которыми иллюстрировались темы, служившие предметом молитв, бесед, экстаза. Так, например, сцена быстрого обнажения женщины до пояса во время пения «Кресту Твоему поклоняемся» была объяснена двояко: крестьянин, стоявший вдали... объяснял, что женщина обнажением тела хочет показать, что Христос был распят на кресте обнаженным; сама же обнажавшаяся женщина объяснила, что она хотела показать, как Христос воскрес и снял с себя гробные пелены». На тех же собраниях случалось, что среди прыганья и судорог женщины распускали волосы и стремительно бросались к мужчинам со страстными объятиями и поцелуями. Вообще, по наблюдению Сикорского, эротические, страстные позы и движения, иногда с соответствующими галлюцинациями, были нередким явлением в экстазе малеванцев. Нелепый и непристойный характер многих страстных поз малеванцев объясняли таким образом, будто в этих движениях скрыт какой-либо высший смысл, не всегда понятный для окружающих, как в приведенном примере обнажения женщины... Тамбовские хлысты-богомолы называли такие действия «творениями», «чудотворениями» или просто «штуками» (Тамбовское дело о хлыстах-богомолх, л. 557). «Со мною, — говорила Анисья Копылова, — на собраниях бывало, что я что-нибудь делаю, возьму, например, образ и представляю какие-нибудь творения, или что-нибудь другое делаю в этом роде...» Филипп Копылов в собраниях «надевал себе на голову образ и ходил по комнате, этим он хотел выразить, что так следует носить закон, то есть не уронить его и

не обратиться опять в мир». «Иногда платками увешивает кого-либо, точно как статую наряжает: знак, что человек тот защищен божьими щитами... Иногда пророк бьет себя по щекам за грехи праведных людей» и т. д. Много подобных чудес творили и пророки Верхоценских хлыстов (см. дело о них Тамбовского окружного суда, № 2481, л. 38 — 45 следств. произв.).

На собраниях Оренбургских хлыстов-дурмановцев «выходили молодые девицы и женщины и начинали петь; затем изображали какие-то действия, поднимали руки, распинались, как в театре представляли» (показание участника)¹⁵⁴.

Подражание «старому Христу», как называют хлысты евангелического Иисуса Христа, заметно у Распутина прежде всего в его *внешности*, начиная с прически — длинных волос, размера и контура его бороды и кончая излюбленными им широкими, ризоподобными рубахами и рясоподобным армяком.

Когда Распутин фотографировался, он принимал или кроткую позу иконописного Христа, с рукою, умильно прижатую к груди, или с руками, молитвенно сложенными вместе, или же позу «благословляющего народ»¹⁵⁵, живописную позу «сокрушающегося Христа»¹⁵⁶, и т. п.

Мифологическая «маска» Христа, а не другого какого-либо пророка, обязывала Распутина к «божественному» стилю его речи, ко всем этим речениям, изречениям, quasi-притчам и т. п.

Эта же «маска», дразня его чувственное воображение садиста обрядом умовения ног на «тайной вечери», особенно же — надо думать — картиной умовения ног Христа Марией Магдалиной, влекла Распутина к *инсценировке* этого события, с безудержием половой психопатии обращающей чуть не каждую «подходящую» поклонницу «старца» в блудницу Марию, униженно моющую ему ноги.

Христос, бичуя, выгнал торгующих из храма в Иерусалиме (откуда потом распространилось учение Христа) — Распутин, бичуя, выгнал проститутку из «храма любви» в Казани¹⁵⁷ (откуда потом распространился толк малеванщины). О том, что он признавал лишь бескорыстную любовь к себе, как к Христу, говорят его записки «на память» певичкам хора в ресторане «Яр», с советом: «люби бескорыстно» (см. первую главу настоящего очерка).

Удовлетворяя свою флагаеллантистическую склонность (отмеченную нами во второй главе), Распутин воздавал одновременно и «богу (божие) и кесарю (кесарево)», ибо наиболее популярная хлыстовская песня начинается, как известно, словами:

«Хлыщу, хлыщу, Христа ищу...»

А искать Христа в себе было для Распутина первейшей хлыстовской задачей...

Мы уже знаем (из беседы «старца» с Илиодором), какое значение придавал Распутин признанию его «Христом» из уст Николая II и его «благодарной». У «простого» же народа, там, у себя, в Тюменской глуши, он уж на заре «подвижничества» внушил легковерным такое важное для каждого хлыста признание. «На улицах, когда он проходил, — передает Палеолог дошедшие до него слухи, — падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа; ему говорили: «Христос наш, Спаситель наш, молись за нас грешных. Бог услышит тебя». Он отвечал: «Во имя Отца и Сына и Духа Святого благословляю вас, братцы. Верьте, скоро вернется Христос. Терпите, памятуя о его мучениях. Из любви к нему умерщвляйте плоть вашу»¹⁵⁸.

О том, как сам он умерщвлял плоть из любви к Христу, то есть (в хлыстовском понимании) из любви к себе, об этом мы уже говорили.

Любовь к себе Распутина, порою близкая к *самобоготворению*, проходит красной нитью во всех характеристиках «старца», какие мы только встречаем в различных мемуарах о нем. И это уж одно могло бы послужить довольно важной уликой для обвинения Распутина в хлыстовстве, так как именно у хлыстов «на превратном понимании и толковании слов святого апостола, — говорит Ф. В. Ливанов, — сложилось учение о личном боготворении»¹⁵⁹.

6) Нам остается в целях окончательного раскрытия хлыстовской тайны Распутина сказать еще несколько слов о *сексуальной этике хлыстов* и сравнить с ней Распутинскую.

Начнем с брачных отношений «божьих людей».

Как известно, хлысты считают священников «поганцами, смутниками, любодеями или гнездниками, потому что они женаты... брак и крещение хлысты считают за осквернение; в особенности вступающих в брак почитают погубившими душу свою» и пр.¹⁶⁰.

Отвергая церковный брак, уча, что с прежней «до вступления в секту» женою следует жить как с сестрою, хлысты имеют духовых жен, плотские связи с коими не составляют греха, ибо здесь проявляется не плоть, а духовная «Христова» любовь. Иметь связи с чужими женами значит у хлыстов — «любовь иметь» что голубь с голубкой». Поэтому хлысты, не терпя брака, оправдывают внебрачные отношения. Вступающий в секту хлыстов, если он женат, должен прекратить супружеские отношения, но без гласного расторжения брака¹⁶¹.

Прекратил ли совершенно «обращенный» Распутин «супружеские отношения» с женою своею Прасковьей Фе-

доровной (женщиной «болезненной», по словам Илиодора), об этом мы ничего толком не знаем. Что же касается *верности* этим «супружеским отношениям», то, как мы убедились из рассмотрения целого ряда засвидетельствованных фактов, Распутин являлся каким-то *образцом супружеской неверности*. И жена его Прасковья Федоровна знала, по словам Илиодора¹⁶², «все художества своего муженька, но из-за корыстных расчетов скрывала его похождения». «В доме у него жили две подозрительные девки, — сообщает Илиодор в записке «Гриша». — Один раз они хотели лечь со мною в одной комнате, но я этому воспротивился. Уж после я понял, что Гриша хотел меня сделать хлыстом»¹⁶³.

Сам являя чудовищный пример супружеской неверности, Распутин, *не порывая с женой*, учил той же хлыстовской этике и своих поклонниц вкупе с их мужьями. («Я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью», — хвасталась полковница Б. «Но ведь вы замужем, как же муж?» — допытывалась Е. Джанумова. «Он знает это и считает это великим счастьем. Если отец пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши, если у кого есть мужья»¹⁶⁴, — таков был ответ «обращенной» Распутиным полковницы).

Как в брачном вопросе, так и в других вопросах сексуальной этики Распутин являл себя самым ревностным последователем хлыстовского учения и хлыстовских повадок; даже такие сравнительно пустяки, как хорошо многим памятные обязательные лобзания Распутина, при встрече его с женщинами, не свободны от подозрения в хлыстовстве. «Видел я, — рассказывал покаявшийся хлыст Балабанов, — что Трифон (Богомоллов, древнейший распространитель хлыстовства в Оренбургской губ.) и все спутники его... женщин и девиц при всяком свидании всякий раз непременно целуют, называя это духовным лобзанием и толкуя, что через это лобзание, как бы через духовный союз, они... привлекают к себе любовь духовных последователей, которые после лобзания, как связанные чем-то, охотнее слушают их. Даже иногда видел я, как эти окаянные юроды дают некоторым сосать свой мерзкий язык»¹⁶⁵.

Во всех остальных своих блудодеяниях Распутин повторяет до некоторой степени «житие» предшественника своего Радаева (Василия Максимовича Миронова) — знаменитого в 50-х годах прошлого столетия арзамасского хлыстовского пророка. «Дух, во мне находящийся, — говорил Радаев, — имеет влечение ко мне привязывать и притягивать людей». Его требованиям и внушениям ученицы его подчинялись беспрекословно. «По произведенному следствию оказалось, что Радаев был в прелюбодейной связи с 13 женщинами и девками; и все эти

женщины единогласно показали в допросах: «Склонил он меня на прелюбодеяние, говоря, что это сделать должно по воле божией, а не по его, ибо в нем своей воли нет, чему веря, я и согласилась». Сам Радаев объяснил насчет девушек: «Сила, во мне действующая, так с ними поступати сильно нудила, так что никак не мог противиться ей, хотя и видел, что преступаю заповедь Божию... Я так понимал сей поступок: хотя я с писанным законом творю и несходно, но с волею божией сходно»¹⁶⁶.

О гипнотическом влиянии хлыста Радаева, особенно на женщин, священник Минервин доносил в 1850 году Нижегородской уголовной палате как о влиянии исключительной силы. «И столько сильны действия его обольщения, что оными пораженное сердце впадает в крепкое страдание тоски, и не могут с ним переносить разлуки, в особенности женского пола. Если они удерживаются силою наказания или какою бы то ни было строгостью воспрещения от свидания с ним, то впадают в какое-то безумие и начинают юродствовать»¹⁶⁷.

Не стоит останавливаться дольше на этом самом уязвимом месте «жития» Распутина: «свальный грех» у хлыстов и «блудный грех» Распутина слишком хорошо известны просвещенному читателю.

Распутин был хлыст, по-видимому, малеванского толка, — таково заключение, к которому мы приходим на основании ряда сопоставлений характерных черт его жизни и учения с таковыми же у хлыстовских «пророков», именовавшихся, как и Распутин, «божьими людьми».

Если бы бывшая императрица Александра Федоровна была более просвещенной в истории русского мистического сектантства, она, конечно, скоро сорвала бы мифологическую маску со своего учителя и, имея перед собой пример Радаева и прочих религиозных эротоманов, не считала бы клеветой обвинение Распутина (устами В. И. Гурко и других) в принадлежности к хлыстовской секте.

Если б вообще при дворе не чурались «бонтонно» таких «неприличных» книг, как «Половая психопатия» Крафт-Эбинга и «Половой вопрос» проф. А. Фореля, быть может, Распутина и на порог дворца не пустили бы, а пустив, раскусили бы и с позором выгнали. Но в Царском Селе, к сожалению для дома Романовых, читали больше «священное писание», чем книги научного содержания, и наука жестоко отомстила «высоким» невеждам за пренебрежение к своим мудрым дарам.

У того же А. Фореля Николай и Александра Романовы могли бы легко убедиться из многих примеров, что Распутин далеко не новое явление, что история происхождения подобных «пророков» почти буквально порой повторяет-

ся¹⁶⁸ и что прославленный «отец Григорий» отличался от своих предшественников лишь сочетанием с «одержимостью» того здорового у него «мужицкого» смысла, которое дало ему возможность «обворожить» Романовых и ценою их позора занять в истории России страницу, какой, при всем желании, не найти в истории других государств.

В самом деле!

В том же 1906 году, когда Распутин появился на романовском горизонте, в одной из местностей Венгрии рабочий, душевнобольной и помешанный на религиозных представлениях, но вместе с тем и сексуально извращенный, имел «откровение» и повел за собой большое число женщин. Эта новая община должна была совершенно оголяться и т. п.¹⁶⁹. «Однако, — сообщает Форель, приведший данный случай во втором томе своего капитального труда, — история эта скоро раскрылась и таким образом была пресечена в корне... Я лично наблюдал в кантоне Цюриха, — говорит тот же ученый двумя страницами дальше, — последовательниц секты пастора Целлера в Меннедорфе. Пастор этот олицетворяет собою род пророка, берущего на себя излечение больных и сияющего подражать Христу и Иоанну Крестителю. Благоприятные случаи действительного исцеления, легко объясняемые внушением, он, однако, ставит в связь с чудом. Истерические женщины массою окружали этого пророка, причем личность его как таковая и заключала для них главные мотивы обаяния. Бывшие у меня на лечении в больнице некоторые из его поклонниц в восторженных отзывах о нем исходили исключительно из плотских побуждений. Приходится вообще сделать вывод, — заключает Форель, — что отречение человека от своей природы и стремление к чистой святости нередко дают в результате одну только грубую чувственность, хотя и прикрывающуюся возвышенными фразами»¹⁷⁰.

Во всех этих и им подобных случаях у народов, управлявшихся психически нормальными властями, «пророки», «святые», «христы» и прочие религиозные авантюристы, проявлявшие так или иначе *délire érotico-réligieux*, сажались не в царские палаты, а в психиатрические лечебницы.

Григорий же Распутин — истеро-эпилептик, страдавший явной эротико-религиозной манией, — в результате гипноза своей «мифологической маски» покоривший больную волю «самодержавного» дегенерата (и лишь отчасти благодаря критической сметке, проявлявшейся этим хлыстом в *lucida intervalla* у «кормила правления»), был в России допущен «властями» к положению, совершенно исключительному не только в летописях нашей краткой «отечественной» истории, но, можно смело сказать, и в летописях всемирной, многовековой истории.

Что сказать о нем в заключение? Что сказать вообще о «распутинском» периоде царства Романовых?

Мне вспоминается торжественный гимн, распевавшийся так непонятно долго в нашей обширной стране.

«Боже, царя храни!» — умильно надсаживались глотки миллионов верноподданных императора Николая II.

Какая поистине страшная ирония судьбы звучала в словах этого тягучего гимна.

«Боже, царя храни!» — пел народ, не подозревая, какой земной «бог» перехватывал самоуверенно эту мольбу, относя ее всецело к себе!

«Сильный, державный», — славословили, словно в насмешку, Николай II — эту исключительно жалкую, слабо-вольную личность, всецело подчиненную действительно державному сектанту.

«Царствуй на славу, на славу нам!» — повторяли верноподданные «царя-батюшки», словно слепые к тому позору, каким покрывал Россию с каждым годом все больше и больше несчастный «папашка», как пренебрежительно звал царя подвыпивший Распутин.

«Царствуй на страх врагам», — внушал хор «истинно русских» своему «обожжаемому монарху», пока тот, как нарочно, готовил ряд поражений и перед «внешними», и перед «внутренними» врагами.

«Царь православный», — пели в заключение верующие, не зная, что на самом деле царствует не царь, а Распутин, и не православный, а хлыст.

«Боже, царя храни!» — кончался этот затяжной гимн, при воспоминании о котором невольно краснеешь за одно из редких по своей многосторонности заблуждений народа.

«Бог» вообще довольно плохо — говоря откровенно — «хранил» русских царей за последнее время. Но все же как-то с грехом пополам, а хранил-таки старый! Когда же должность царского охранника была захвачена у «бога» Распутиным, да еще заодно с должностью русского царя, — наступила катастрофа, при которой погибли и оба царя, и оба бога.

¹ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин». Изд. «Былое». П., 1923, стр. 57.

² Там же, стр. 57.

³ Морис Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января». М., 1923, стр. 55.

⁴ «Конец русского царизма». Изд. «Петроград». П. — М., 1923, стр. 180.

⁵ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин», стр. 11.

⁶ М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января», М., 1923, стр. 16.

⁷ Бывший иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов). «Святой черт». Изд. журнала «Голос Минувшего» (изд. 2-е). М., 1917, стр. 132.

⁸ Ближайшими свидетелями были выбраны писатель И. А. Родионов юродивый Митя, купец Чернышев и священники: Ледовский, Сошестввенский и Стефан Твердынский.

⁹ «Святой черт», стр. 185.

¹⁰ Мотивом просьбы Распутина о перемене фамилии послужило, по словам «Петербургской Газеты» (№316) 1911 г., «несоответствие духовной деятельности «старца» фамилии «Распутин». Переменой фамилии на «Новых» Распутин, по объяснению этой газеты (см. статью «Перемена фамилий»), как бы желал подчеркнуть свое обновление. По словам же самого Распутина, в передаче Илиодора, наследник, увидав однажды старца, захопал ручонками и залепетал: «Новый, новый, новый». Это были первые его слова. «Тогда царь якобы дал приказ именовать Распутина — Новых». (См. «Святой черт» стр. 26.)

¹¹ Op. cit., стр. 183.

¹² М. Палеолог. «Распутин», стр. 19.

¹³ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин». Изд. «Былое». П., 1923, стр. 13.

¹⁴ М. Палеолог. «Распутин», стр. 28.

¹⁵ «Убийство Распутина» (Из дневника В. Пуришкевича). М., 1923, стр. 81—82.

¹⁶ М. Палеолог. «Распутин», стр. 31.

¹⁷ Там же, стр. 31.

¹⁸ «Биржевые Ведомости» от 8 марта 1917 г. См. заметку «За что ушел в отставку генерал Джунковский».

¹⁹ См. «совершенно секретное» и «личное» доношение начальника «отделения по охране общественной безо-

пасности и порядка в г. Москве» Мартынова от 3 июня 1915 г. за № 291834 товарищу министра внутренних дел Джунковскому.

²⁰ «Биржевые Ведомости» от 8-го марта 1917 г.

²¹ М. Палеолог. «Распутин», стр. 33.

²² «Падение режима». Стенограф, отчеты вопросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Редакция П. Е. Щеголева. Гос. Изд. 1924, т. I, стр. 2—53.

²³ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин», стр. 73—74.

²⁴ Таково было распоряжение главного управления по делам печати.

²⁵ Данные эти, кроме монографий о Распутине, вышедших отдельными изданиями, я почерпнул из рассказов старца о самом себе, сообщенных Илиодору (См. «Святой черт»), из целого ряда газетных заметок (1911—1917 гг.), где использовано, в частности, «Житие», составленное самим Распутиным и хранившееся долгое время у Лохтиной, из показаний А. Н. Хвостова Чрезв. следств. комиссии в 1917 г. (назв. соч.) и из переписки Николая и Александры Романовых.

²⁶ См. беседу с Распутиным И. М-ва в «Новом Времени» 1912 г. № 1290 «У Григория Распутина».

²⁷ «Святой черт» (Записки о Распутине), бывш. иер. Илиодора (Сергея Труфанова). Изд. «Голоса Минувшего». М., 1917, стр. 24.

²⁸ «Русское Слово» от 21 декабря 1916 г.

²⁹ «Святой черт», стр. 24.

³⁰ Сравни фельетон «Петроградской Газеты» от 23 марта 1917 г. «Анна Вырубова и Григорий Распутин».

³¹ «Святой черт», стр. 7.

³² См. беседу с Распутиным И. М. в «Новом Времени» 1912 г. № 12908 «У Григория Распутина».

³³ О своем путешествии в Иерусалим Распутин написал впоследствии книгу *«Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам»*. Ч. I. Петроград, 1915 г. Книжка снабжена двумя портретами, на одном из них Распутин изображен растрепанный в рубашке, на постели, после покушения на него в Сибири. Книга эта в продаже не появилась. Вот некоторые из «мыслей» Распутина, напечатанных в этой книге: «В настоящее время, как у греков, все епископы грамотные и боголепие соблюдают и служат, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетой духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше» (стр. 28). «Повели нас на Патриарший Двор, стали умывать ноги. Боже, какая восстает в уме картина. Умывают ноги, утирают полотенцем, и полились сле-

зы у верующих, все изумлены глубиной поучения, как учат смиряться» (стр. 35). «Иордан речка небольшая, обросла кустарниками и мелким лесом, купальни нет, просто с берега купаются» (стр. 42). «У православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь» (стр. 54) и т. п. Из афоризмов же Распутина, попавших в печать, стали известны следующие: «А почему у рак праведных чувствуем приятно? Потому что жизнь их — страдание; как Христос страдал, и потому что люди тут неготовые заняты гуляньями... «Рай построен для изгнанников правды... Скорби весь этикет вышибут, — бес остался ни с чем» и т. п. (См.: «Петербургская Газета» 1914 г., № 90, «Афоризмы Распутина»).

³⁴ «Святой черт», стр. 35.

³⁵ «Распутинство и общество великосветских дам», статья академика Бехтерева в «Петроградской Газете» от 20 марта 1917 г.

³⁶ М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января». М., 1923, стр.9.

³⁷ «Петрогр. Газета» 21 декабря 1916 г. «Из жизни Распутина».

³⁸ Письмо Александры Федоровны к Николаю II от 20 сентября 1915 г. (См.: Переписка Романовых. Гос. Изд., 1923).

³⁹ «Святой черт», стр. 81. О том, как Распутин смирял гордыню фрейлины А. А. Вырубовой, мы знаем между прочим из сообщения А. Н. Хвостова, сделанного им Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г.: «Она целовала полы его кафтана!.. Он всячески над нею надругивался: например, привозил к ней уличных женщин, свою кухарку, какую-нибудь судомойку, грязную публичную женщину, — всех он привозил, которые ему понравятся, всех он привозил к ней в гости, чтобы укрощать ее гордыню, — всех заставлял угощать, кормить, чтобы смирить ее гордость... Он заставлял ее делать все, что ему было угодно». См.: «Падение режима». Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Ред. П. Е. Щеголева. Т. I, стр. 28.

⁴⁰ «Святой черт», стр. 65.

⁴¹ «Святой черт», стр. 81.

⁴² «Святой черт», стр. 81.

⁴³ Е. Джанумова. «Мои встречи с Распутиным». Изд. Петроград, 1923, стр. 30.

⁴⁴ «Святой черт», стр. 77—78.

⁴⁵ «Святой черт», стр. 76.

⁴⁶ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин». Изд. «Былое». Петроград, 1923. См. приложение «Гриша», стр. 95.

⁴⁷ «Святой черт», стр. 26.

⁴⁸ М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января». М., 1923, стр. 31.

⁴⁹ «Падение режима», стр. 39 (курсив наш. — Н. Е.).

⁵⁰ См. «Былое», № 22, 1923, стр. 218.

⁵¹ См. «Былое», стр. 223.

⁵² См. «Былое», стр. 233.

⁵³ «На мне надеты невидимые брюки», — хвастает царица своей мужественностью в письме от 22 августа 1915 г.

⁵⁴ От 23 авг. 1915 г. Зная, по-видимому, ценность, какую придавала царица обонятельным впечатлениям, наследник ей писал однажды, что «папа» (Николай II) *много и долго сегодня утром вонял*, лежа вместе с ним в постели, где, по словам царя, ужасно уютно спать друг возле друга. (См. письма от 7 окт. и 6 окт. 1915 г.).

⁵⁵ От 27 февраля 1915 г.

⁵⁶ От 9 марта 1915 г.

⁵⁷ Центрархив: «Переписка Николая и Александры Романовых 1914—1915 гг.». Т. III, Гос. Изд., 1923, стр. 55.

⁵⁸ В Кубанском женском институте. (См. письмо Николая II от 25 ноября 1914 г.)

⁵⁹ Письмо Александры Федоровны от 11 июня 1915 г.

⁶⁰ Е. Джанумова. «Мои встречи с Распутиным». II. Изд. «Петроград», 1923, стр. 27—28.

⁶¹ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин». Изд. «Былое». Петроград, 1923, стр. 21—22.

⁶² «Душевная психика» — характерная для невежественного Белецкого тавтология («Записки» этого сановника поражают вообще своей неграмотностью, в особенности — синтаксической).

⁶³ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин», стр. 22.

⁶⁴ Наследник Алексей страдал, как известно, *гемофилией*, считающейся характерным признаком дегенерации.

⁶⁵ М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января». М., 1923, стр. 17—19.

⁶⁶ Е. Джанумова. «Мои встречи с Распутиным», стр. 28—29.

⁶⁷ Центрархив: «Переписка». Гос. Изд., 1923, стр. 506.

⁶⁸ См. предисловие С. П. Мельгунова к «Святому черту» Илиодора, стр. XII.

⁶⁹ Письмо от 10 июня 1915 г.

⁷⁰ М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания, стр. 103.

⁷¹ Достаточно вспомнить о французском духовидце Филиппе, гипнозу которого Россия обязана скандалом с лже-родами императрицы.

⁷² С. П. Белецкий. «Григорий Распутин», стр. 20.

⁷³ «Конец русского царизма», стр. 185.

⁷⁴ М. Палеолог. «Распутин», стр. 85.

- ⁷⁵ См. предисловие к «Святому черту» Илиодора.
- ⁷⁶ М. Палеолог. «Распутин», стр. 79.
- ⁷⁷ См. его предисловие к «Переписке Николая и Александры Романовых 1914—1915 гг.», стр. 15.
- ⁷⁸ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин», стр. 63.
- ⁷⁹ Он даже поучал Александру Федоровну: «Если будут предлагать большие суммы (с тем, чтобы получить награды), их нужно принимать, так как деньги очень нужны» (см. письма А. Ф. от 3-го ноября 1915 г.).
- ⁸⁰ Op. cit., 94.
- ⁸¹ С. П. Белецкий, op. cit., стр. 38.
- ⁸² Ibid, 40.
- ⁸³ Op. cit., стр. 28.
- ⁸⁴ «Петроградский Листок» от 30 марта 1917 г. «Фабрика администраторов Распутина и Комп.». — А. М.
- ⁸⁵ «Падение Режима». Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Ред. П. Е. Щеголева. Т. I, стр. 3.
- ⁸⁶ Так называл Распутин «революционеров».
- ⁸⁷ Письмо А. Ф. от 1 ноября 1915 г.
- ⁸⁸ «Святой черт», стр. 25.
- ⁸⁹ «Падение режима», стр. 20 (показания Хвостова).
- ⁹⁰ Op. cit., стр. 21.
- ⁹¹ Op. cit., стр. 25.
- ⁹² Op. cit. стр. 30, (курсив наш., Н. Е.).
- ⁹³ «Падение режима», стр. 27—28.
- ⁹⁴ Ibid., стр. 35.
- ⁹⁵ Ibid., стр. 46.
- ⁹⁶ «Половой вопрос». Перев. Н. Б. Борисова. Изд. «Сотрудник». Т. II, стр. 296.
- ⁹⁷ «Петроградская Газета» от 21 марта 1917 г.
- ⁹⁸ Стр. 289, 294 и др.
- ⁹⁹ Энциклопедия практической медицины, под ред. проф. В. В. Подвысоцкого и д-ра Л. Я. Якобсона. «Гипнотизм».
- ¹⁰⁰ Ibid., стр. 903 первого издания.
- ¹⁰¹ Об этом упоминает, в частности, В. Смышляев в «Технике обработки сценического зрелища» (2-е изд., М., 1922 г., стр. 207). О внушении актера см. в моей книге «Pro scena sua», стр. 130.
- ¹⁰² Op. cit., стр. 14.
- ¹⁰³ Ibid., стр. 25.
- ¹⁰⁴ Op. cit., стр. 19—20.
- ¹⁰⁵ Ibid., стр. 50.
- ¹⁰⁶ Ibid., стр. 26.
- ¹⁰⁷ Ibid., стр. 37.
- ¹⁰⁸ Ibid., стр. 63.
- ¹⁰⁹ Op. cit., стр. XXVII.

¹¹⁰ До такой *разнузданности*, сообщает Белецкий (ор. cit., 72), что однажды «хор цыган поспешил уехать».

¹¹¹ Ор. cit., 72.

¹¹² «По звездам». Изд. «Оры», СПб., 1909, стр. 345.

¹¹³ «Происхождение трагедии». Пер. Ю. М. Антоновского. Изд. М. В. Ключкина. М., 1902, стр. 64.

¹¹⁴ Ор. cit., стр. 344.

¹¹⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «Хлысты», стр. 406.

¹¹⁶ Э. Л. Радлов. «Философский словарь». Изд. Г. А. Лемана, М., 1913, стр. 164.

¹¹⁷ Энциклопедия практической медицины под ред. проф. Подвысоцкого и д-ра Якобсона. Т. 1, стр. 13114 — «Двойное сознание». О «раздвоении личности» см. также у У. Джемса в «Психологии» (пер. И. И. Лапшина, СПб, 1898, стр. 163—165).

¹¹⁸ Среди обширной фрейдовской литературы уместно указать в особенности на «Тотем и Табу» — психологию первобытной культуры и религии (в русском переводе д-ра М. В. Вульфа эта книга издана Госиздатом, в виде выпуска IV «Психологической и психоаналитической библиотеки», под ред. проф. И. Д. Ермакова).

¹¹⁹ «Половая психопатия», пер. д-ра Б. Комаровского, стр. 18.

¹²⁰ С. П. Белецкий, стр. 72.

¹²¹ Ор. cit., т. II, стр. 364.

¹²² Ibid., стр. 365.

¹²³ Ibid., стр. 366

¹²⁴ Ibid., стр. 369

¹²⁵ См., напр., Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «Хлысты».

¹²⁶ Переписка Н. и А. Романовых, стр. 320

¹²⁷ Письмо от 8 сент. 1915 г.

¹²⁸ Ор. cit., стр. 25—26

¹²⁹ «Раскольники и острожники». Соч. Ф. В. Ливанова. СПб, 1872, т. II, стр. 6 («Московские хлысты»).

¹³⁰ «Хлысты», по-видимому, искаженное произношение «христы», «христовщиной» (а не «хлыстовщиной») секта называлась потому, что она управлялась «христами» (Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, «Хлысты»).

¹³¹ Ibid, стр. 403.

¹³² См., напр., в ор. cit. стр. 13, 15 и др.

¹³³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «Хлысты», стр. 407.

¹³⁴ Ор. cit., стр. 19.

¹³⁵ Ор. cit., стр. 10—11.

¹³⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «Хлысты», стр. 406.

¹³⁷ «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» Д. Г. Коновалова, ч. I, вып. I. Сергиев Посад., 1908, стр. 210.

¹³⁸ *Op. cit.*, стр. 130.

¹³⁹ Тульские Епархиальные Ведомости 1867, № 20, и 1868, № 6.

¹⁴⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «Хлысты», стр. 405.

¹⁴¹ *Op. cit.*, стр. 37.

¹⁴² «Святой чорт», стр. 103—104.

¹⁴³ «Святой черт», стр. 105

¹⁴⁴ «Новое время», 1912, № 13038.

¹⁴⁵ «Выйдя из простой среды, — сообщает С. П. Белецкий, — Варнава не получил даже и среднего образования» (*op. cit.*, стр. 16).

¹⁴⁶ «Святой черт», стр. 109.

¹⁴⁷ *Op. cit.*, т. II, стр. 131.

¹⁴⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «Хлысты», стр. 407.

¹⁴⁹ Ф. В. Ливанов, *op. cit.* т. II, стр. 85—86.

¹⁵⁰ Дополнительный 2-й том Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «Малеванщина».

¹⁵¹ В Тобольской губ. — родине Распутина — народ был издавна восприимчив ко всевозможным хлыстовским толкам, стоит хотя бы указать, что хлысты привлекались к следствию Тобольской консисторией еще в XVIII веке (Д. Г. Коновалов, *op. cit.*, стр. 89).

¹⁵² «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве», стр. 131.

¹⁵³ Сикорский. «Психоп. эпид.», стр. 13.

¹⁵⁴ *Ibid.*, стр. 134

¹⁵⁵ См., напр., снимок, воспроизведенный в «Петроградском Листке» от 23 марта 1917 г. с подписью «колдун старой России» (Григорий Распутин-Новых).

¹⁵⁶ См., напр., снимок Распутина в «Петроградской Газете» от 12 марта 1917 г. с автографом на карточке, гласящим: «Что завтра? ты наш руководитель, боже, сколько в жизни путей тернистых». (Этот же снимок воспроизведен и в книжке Распутина «Мои мысли и размышления».)

¹⁵⁷ Палеолог, *op. cit.*, стр. 9.

¹⁵⁸ Палеолог, *op. cit.*, стр. 10.

¹⁵⁹ *Op. cit.*, стр. 117.

¹⁶⁰ Ф. В. Ливанов, *op. cit.*, стр. 83 («Хлыстовская богородица Акулина Тимофеевна»).

¹⁶¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, «Хлысты», стр. 406.

¹⁶² «Святой черт», стр. 30.

¹⁶³ См. Приложение к запискам С. П. Белецкого. Ор. cit., стр. 96.

¹⁶⁴ Е. Джанумова, ор. cit., стр. 30.

¹⁶⁵ Д. Г. Коновалов, ор. cit., стр. 78.

¹⁶⁶ Ibid., стр. V.

¹⁶⁷ Ibid., стр. 145.

¹⁶⁸ «Религиозные формы помешательства, в связи с религиозным экстазом, дают иногда в результате отвратительные оргии на половой почве, — говорит Форель (ор. cit., т. I, стр. 265). — Один помешанный, — сообщает он, — выдававший себя за благочестивого и чуть не пророка, жил с одною молодой женщиной и ее матерью, состоял с ними одновременно в половых сношениях и проделывал всевозможные гадости, придавая им религиозное значение». Вспомним (из показаний министра А. Н. Хвостова) о хвостовстве Распутина тем, что он был в связи и с Александрой Федоровной, и с ее дочерью Ольгой!

¹⁶⁹ Форель, ор. cit., т. II, стр. 365.

¹⁷⁰ Ibid., стр. 370—371.

АННА ВЫРУБОВА

СТРАНИЦЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ДНЕВНИК

«Фрейлина Ее Величества».
Интимный дневник и воспоминания
А. Вырубовой.
«Ориент», Рига, 1928.

Анна Александровна Вырубова, урожденная Танеева (1884—1964) — дочь А. С. Танеева, статс-секретаря и управляющего его императорского величества канцелярией. В январе 1903 г. получила шифр фрейлины императрицы Александры Федоровны, а вскоре стала доверенным лицом и другом царской семьи, связывавшим ее с Распутиным. После февраля 1917 г. неоднократно арестовывалась Временным правительством, потом Петроградской ЧК. В декабре 1920 г. бежала из страны. Проживала в Финляндии. В 1923 г. в Париже и в Нью-Йорке вышли в свет воспоминания А. А. Вырубовой «Страницы из моей жизни». В 1927 г. исторический альманах «Минувшие дни» начал печатать «Дневник» А. А. Вырубовой. А. А. Вырубова заявила в эмигрантской газете, что публикуемый дневник не имеет к ней ни малейшего отношения. Решающее значение для признания «Дневника» подделкой имела научная экспертиза, проведенная А. А. Сергеевым. В 1928 г. рижское издательство «Ориент» издало под одной обложкой «Страницы из моей жизни» и фальшивый «Дневник» (авторы: П. Е. Щеголев и А. Н. Толстой). Историки не исключают, что в фальшивом «Дневнике» содержатся подлинные факты, выявленные ЧСК (Чрезвычайной следственной комиссией по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц), обработанные и отредактированные П. Е. Щеголевым.

Отец мой, Александр Сергеевич Танеев, занимал видный пост статс-секретаря и главноуправляющего его императорского величества канцелярией в продолжение двадцати лет. Тот самый пост занимали его дед и отец при Александре I, Николае I, Александре II и Александре III.

Дед мой, генерал Толстой, был флигель-адъютантом императора Александра II, а его прадед был знаменитый фельдмаршал Кутузов. Прадедом матери был граф Кутайсов, друг императора Павла I.

Несмотря на высокое положение моего отца, наша семейная жизнь была простая и скромная. Кроме службы, весь его жизненный интерес был сосредоточен в семье и любимой музыке, он занимал видное место среди русских композиторов. Вспоминаю тихие вечера дома: брат, сестра и я, поместившись за круглым столом, готовили уроки, мама работала, отец же, сидя у рояля, занимался композицией.

Шесть месяцев в году мы проводили в родовом имении Рождествено под Москвой. Соседями были родственники князя Голицыны и великий князь Сергей Александрович. С раннего детства мы, дети, обожали великую княгиню Елизавету Федоровну (старшую сестру государыни императрицы Александры Федоровны), которая нас баловала и ласкала, даря платья и игрушки. Часто мы ездили в Ильинское, и они приезжали к нам — на длинных линейках — со свитой пить чай на балконе и гулять в старинном парке. Однажды, приехав из Москвы, великая княгиня пригласила нас к чаю, как вдруг доложили, что приехала императрица Александра Федоровна. Великая княгиня, оставив своих маленьких гостей, побежала навстречу сестре.

Первое мое впечатление об императрице Александре Федоровне относится к началу царствования, когда она была в расцвете молодости и красоты: высокая, стройная, с царственной осанкой, золотистыми волосами и огромными, грустными глазами — она выглядела настоящей царицей. К моему отцу государыня с первого же времени проявила доверие, назначив его вице-председателем Трудовой помощи, основанной ею в России. В это время зимой мы жили в Петербурге, в Михайловском дворце, летом же на даче в Петергофе.

Возвращаясь с докладом от юной государыни, мой отец делился с нами своими впечатлениями. На первом докладе он уронил бумаги со стола, государыня, быстро нагнувшись, подала их сильно смутившемуся отцу. Необычайная застенчивость императрицы его поражала. «Но, — говорил он, — ум у нее мужской — *une tête d'homme*». Прежде же всего она была матерью: держа на руках шестимесячную великую княжну Ольгу Николаевну, государыня обсуждала с моим отцом серьезные вопросы своего нового учреждения. Одной рукой качая колыбель с новорожденной великой княжной Татьяной Николаевной, она другой подписывала деловые бумаги. Однажды, во время одного из докладов, в соседней комнате раздался необыкновенный свист.

— Какая это птица? — спрашивает отец.

— Это государь зовет меня, — ответила, сильно покраснев, государыня и убежала, быстро простившись с отцом.

Впоследствии как часто я слыхала этот свист, когда государь звал императрицу, детей или меня, сколько было в нем обаяния, как и во всем существе государя.

Обоюдная любовь к музыке и разговоры на эту тему сблизили государыню с нашей семьей. Я уже упоминала о высоком музыкальном даровании моего отца. Само собой разумеется, что нам с ранних лет дали музыкальное образование. Отец возил нас на все концерты, в оперу, на репетиции и во время исполнения часто заставлял следить по партитуре; весь музыкальный мир бывал у нас: артисты, капельмейстеры, русские и иностранцы. Помню, как раз пришел завтракать П. И. Чайковский и зашел к нам в детскую.

Образование мы, девочки, получили домашнее и держали экзамен на учительниц при округе. Иногда через отца мы посылали наши рисунки и работы императрице, которая хвалила нас, но в то же время говорила отцу, что поражается, что русские барышни не знают ни хозяйства, ни рукоделия и ничем, кроме офицеров, не интересуются.

Воспитанной в Англии и Германии, императрице не нравилась пустая атмосфера петербургского света, и она все надеялась привить вкус к труду. С этой целью она основала «Общество рукоделия», члены которого, дамы и барышни, обязаны были сработать не менее трех вещей в год для бедных. Идея не привилась. Невзирая на это, государыня продолжала открывать по всей России дома трудолюбия для безработных, учредила дома призрения для падших девушек, страстно принимая к сердцу все это дело.

Жизнь при дворе в это время была веселая и беззаботная. Семнадцать лет я была представлена сперва императрице-матери в Петергофе в ее дворце-коттедже. Сначала страшно застенчивая, я вскоре освоилась и очень веселилась. В эту первую зиму успела побывать на двадцати двух балах, не считая разных других увеселений. Вероятно, переутомление отозвалось на моем здоровье, — и летом, получив брюшной тиф, я была три месяца при смерти. Брат и я болели одновременно, но его болезнь шла нормально и через шесть недель он поправился; у меня же сделалось воспаление легких, почек и мозга, отнялся язык, и я потеряла слух. Во время долгих мучительных ночей я видела как-то раз во сне отца Иоанна Кронштадтского, который сказал мне, что скоро мне будет лучше.

В детстве о. Иоанн Кронштадтский раза три был у нас и своим благодатным присутствием оставил в моей душе глубокое впечатление и теперь, казалось мне, мог скорее помочь, чем доктора и сестры, которые за мной ухаживали. Я как-то сумела объяснить свою просьбу — позвать о. Иоанна, и отец сейчас же послал ему телеграмму, которую он, впрочем, не сразу получил, так как был у себя на родине. В полузабытие я чувствовала, что о. Иоанн едет к нам, и не удивилась, когда он вошел ко мне в комнату. Он отслужил молебен, положив епитрахиль мне на голову. По окончании молебна он взял стакан воды, благословил и облил меня, к ужасу сестры и доктора, которые кинулись меня вытирать. Я сразу заснула, и на следующий день жар спал, вернулся слух и я стала поправляться.

Великая княгиня Елизавета Федоровна три раза навестила меня, а государыня присылала чудные цветы, которые мне клали в руки, пока я была без сознания.

В сентябре я уехала с родителями в Баден и затем в Неаполь. Здесь мы жили в одной гостинице с великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Федоровной, которые очень забавлялись, видя меня в парике. Вообще же великий князь имел сумрачный вид и говорил матери, что расстроен свадьбой его брата, великого князя Павла Александровича. К июню я совсем поправилась и зиму 1903-го очень много выезжала и веселилась. В январе получила шифр — то есть была назначена городской фрейлиной, но дежурила только на балах и выходах при государыне. Это дало возможность близко видеть и официально познакомиться с императрицей, и вскоре потом мы подружилась тесной неразрывной дружбой, продолжавшейся все последующие годы.

Мне бы хотелось нарисовать портрет государыни императрицы Александры Федоровны, такой, какой она была

в эти светлые дни, пока горе и испытания не постигли нашу дорогую родину. Высокая, с золотистыми густыми волосами, доходившими до колен, она, как девочка, постоянно краснела от застенчивости; глаза ее, огромные и глубокие, оживлялись при разговоре и смеялись. Дома ей дали прозвище «Солнышко» — «Санни», — имя, которым всегда называл ее государь. С первых дней нашего знакомства я всей душой привязалась к государыне: любовь и привязанность к ней остались на всю мою жизнь.

Зима 1903-го была очень веселая. Особенно памятны мне в этом году знаменитые балы при дворе в костюмах времен Алексея Михайловича, первый бал в Эрмитаже, второй в концертном зале Зимнего дворца и третий у графа Шереметева. Сестра и я были в числе двадцати пар, которые танцевали русскую. Мы несколько раз репетировали танец в зале Эрмитажа, и императрица приходила на эти репетиции. В день бала она была поразительно хороша в золотом парчовом костюме, и на этот раз, как она мне после рассказывала, она забыла свою застенчивость, ходила по зале, разговаривая и рассматривая костюмы.

Летом я заболела сердцем. Мы жили в Петергофе, — и это было первый раз, что государыня нас посетила. Приехала она в маленьком шарабане, сама правила. Пришла веселая и ласковая наверх в комнату, где я лежала, в белом платье и большой белой шляпе. Ей, видимо, доставляло удовольствие приехать запросто, не предупреждая. Вскоре после того мы уехали в деревню. В наше отсутствие императрица еще раз приезжала к нам и огорошенному курьеру, который открыл ей дверь, передала бутылку со святой водой из Сарова, поручив передать ее нам.

Следующую зиму началась японская война. Это ужасное событие, которое принесло столько горя и глубоко потрясло всю страну, отразилось на нашей семейной жизни разве тем, что сократилось количество балов, что не было приемов при дворе и что мать заставила нас пройти курс сестер милосердия. Для практики мы ездили перевязывать в Елизаветинскую общину. По инициативе государыни в залах Зимнего дворца открылся склад белья для раненых воинов. Мать моя заведовала отделом раздачи работ на дом, и мы помогали ей целыми днями. Императрица почти ежедневно приходила в склад; обойдя длинный ряд зал, где за бесчисленными столами трудились дамы, она садилась где-нибудь работать.

Императрица тогда была в ожидании наследника. Помню ее высокую фигуру в темном бархатном платье, опушенном мехом, скрадывающем ее полноту, и длинном

жемчужном ожерелье. За ее стулом стоял арап Жимми в белой чалме и шитом платье; арап этот Жимми был одним из четырех абиссинцев, которые дежурили у дверей покоев их величеств. Вся их обязанность состояла в том, чтобы открывать двери. Появление Жимми в складе производило всеобщее волнение, так как оно возвещало прибытие государыни. Абиссинцы эти были остатком придворного штата двора времен Екатерины Великой.

Летом родился наследник. Государыня потом мне рассказывала, что это из всех ее детей были самые легкие роды. Императрица едва успела подняться из маленького кабинета по витой лестнице к себе в спальню, как родился наследник. Сколько было радости, несмотря на всю тяжесть войны, кажется, не было того, чего государь не сделал бы в память этого дорогого дня.

Но почти с первых же дней родители заметили, что Алексей Николаевич унаследовал ужасную болезнь — гемофилию, которой страдали многие в семье государыни; женщина не страдает этой болезнью, но она может передаться от матери к сыну.

Вся жизнь маленького наследника, красивого, ласкового ребенка, была одним сплошным страданием, но вдвойне страдали родители, в особенности государыня, которая не знала более покоя. Здоровье ее сильно пошатнулось после всех переживаний войны, и у нее начались сильные сердечные припадки. Она бесконечно страдала, сознавая, что была невольной виновницей болезни сына. Дядя ее, сын королевы Виктории, принц Леопольд, болел той же болезнью, маленький брат ее умер от нее же, и также все сыновья ее сестры, принцессы Прусской, страдали с детства кровоизлияниями.

Все, что было доступно медицине, было сделано для Алексея Николаевича. Государыня кормила его с помощью кормилицы (так как сама не имела довольно молока), как кормила она и всех своих детей.

У императрицы при детях была сперва няня англичанка и три русские няни, ее помощницы. С появлением наследника она рассталась с англичанкой и назначила его няней вторую няню, М. И. Вишнякову. Императрица ежедневно купала наследника и так много уделяла времени детской, что при дворе стали говорить, что императрица не царица, а только мать. Конечно, сначала не знали и не понимали серьезного положения здоровья наследника. Человек всегда надеется на лучшее будущее. Их величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность государыни. Она страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодная,

гордая и неприветливая: таковой она осталась в глазах придворных и петербургского света даже тогда, когда все узнали о ее горе...

Спала, 21 октября 1913 г.

В день восшествия на престол их величества и кто хотел из приближенных причащались Св.Тайн.

Великие княжны играли со мной в четыре руки любимые государем 5-ю и 6-ю симфонию Чайковского. Вспоминаю. Тихонько за нами открылась дверь, и, осторожно ступая по мягкому ковру, вошел государь; мы заметили его присутствие по запаху папиросы. Стоя за нами, он слушал несколько минут и потом так же тихо ушел.

Наконец врачи решили перевезти цесаревича в Царское Село. Много рассуждала свита: можно ли по этикету ехать мне в царском поезде? По желанию их величеств я поехала с ними. Дивный царский поезд, в котором теперь катаются большевики, был похож на уютный дом. В помещении государя, обитом зеленой кожей, помещался большой письменный стол. Их величества вешали иконы над диванами, где спали, что придавало чувство уюта. Вагон Алексея Николаевича был также обставлен всевозможными удобствами; фрейлины и я помещались в том же вагоне. Как только отъехали от Спалы, их величества, посетив Алексея Николаевича, постучались ко мне и просидели целый час со мной. Государь курил; их забавляло, что мы едем вместе.

В последнем вагоне помещалась столовая, перед ней маленькая гостиная, где подавали закуску и стояло пианино. За длинным обеденным столом государь сидел между двумя дочерьми, напротив него министр двора и мы, дамы. Государыне обед подавали в ее помещении или у Алексея Николаевича. Он лежал слабенький, но веселый, играя и болтая с окружающими.

В феврале этого года их величества переехали из Царского Села в столицу, в Зимний дворец. В день их переезда они с вокзала поехали в часовню Спасителя. Заранее никто об этом не знал. Шел тихий молебен, но, конечно, все всполошились, и их величества возвращались уже через собравшуюся толпу народа.

Юбилейные торжества 300-летия дома Романовых начались с молебна в Казанском соборе, переполненном придворными и приглашенными. Я издали видела государя и наследника на коленях, все время смотревших вверх; после они рассказывали, что наблюдали за двумя голубями, которые кружились в куполе. Вслед за этим были выходы и приемы депутатов в Зимнем дворце. Все дамы по положению были в русских нарядах. Также государыня и великие княжны. Несмотря на усталость, государыня

была поразительно красива в голубом бархатном русском платье, с высоким кокошником и фатой, осыпанной жемчугами и бриллиантами; на ней была голубая Андреевская лента, а у великих княжен красные, с Екатерининской бриллиантовой звездой. Залы дворца были переполнены. Царской семье пришлось стоять часами, пока им приносили поздравления. В конце приема государыня так утомилась, что не могла даже улыбаться. Бедного Алексея Николаевича принесли на руках. В Мариинском театре шла «Жизнь за царя» с обычным энтузиазмом, проявляемым в подобных случаях. Все же я чувствовала, что нет настоящего воодушевления и настоящей преданности. Какая-то туча висела над петербургскими торжествами. Государыня, по-видимому, разделяла мои впечатления. Она не была счастлива: все в Зимнем дворце напоминало ей прошлое, когда, молодая и здоровая, она с государем весело отправлялась в театр, и они по возвращении ужинали вместе у камина в его кабинете. «Теперь я руина», — говорила она грустно.

В Зимнем дворце заболела тифом великая княжна Татьяна Николаевна, и нельзя было сразу возвращаться в Царское Село. Татьяне Николаевне постригли ее чудные волосы.

Весной они уехали на Волгу, в Кострому, Ярославль и т. д. Путешествие это в нравственном смысле утешило и освежило их величества. Прибытие на Волгу сопровождалось необычайным подъемом духа всего населения. Народ входил в воду по пояс, желая приблизиться к царскому пароходу. Во всех губерниях толпы народа приветствовали их величества пением народного гимна и всевозможными проявлениями любви и преданности. Вся наша семья была приглашена дворянством в город Переяслав Владимирской губернии, так как род наш оттуда происходит. Государыни не было — она лежала в поезде больная от переутомления, да кроме того, заболела ангиной.

Московские торжества были очень красивы; погода стояла чудная. Государь вошел в Кремль пешком, а перед ним шло духовенство с кадилами, как это было при первом царе, Михаиле Романове. Государыня с наследником ехали в открытом экипаже, приветствуемые народом. Гудели все московские колокола. Восторженные приветствия во все пребывание их величеств в Москве повторялись каждый день, и казалось, ничто, ни время, ни обстоятельства, не изменит эти чувства любви и преданности.

Мирно и спокойно для всех начался 1914 год, ставший роковым для нашей бедной родины и чуть ли не для всего мира.

Государыня начала меня лично ревновать к государю. Считая себя оскорбленной в своих самых дорогих чувствах, императрица, видимо, не могла удержаться от того, чтобы не излить свою горечь в письмах к близким, рисуя в этих письмах мою личность далеко не в привлекательных красках.

Недоразумение продолжалось недолго и потом бесследно исчезло, и в дальнейшем глубоко дружественные отношения между мною и государыней возросли до степени полной несокрушимости, так что уже никакие последующие испытания, ни даже самая смерть — не в силах разлучить нас друг от друга.

Почти месяц прошел после убийства в Сараеве, но никто не думал, что этот зверский акт повлечет за собой всемирную войну и падение трех великих европейских держав.

Австрия стала держать себя вызывающе после сараевского несчастья; государь часами совещался с великим князем Николаем Николаевичем, министром Сазоновым и другими государственными людьми, убеждавшими его поддержать Сербию.

Как-то раз я отправилась завтракать к друзьям в Красное Село. Государь с утра также уехал в Красное на парад; вечером он должен был быть там же в театре. Во время завтрака влетел граф Ностиц, служивший в главном штабе, со словами: «Знаете ли, что государь на смотре произвел всех юнкеров в офицеры и приказал полкам возвращаться в столицу на зимние квартиры!»

По этому поводу среди военных агентов поднялся страшный переполох: все посылают телеграммы своим правительствам. «У нас война!» — говорили присутствующие.

Дни до объявления войны были ужасны; видела и чувствовала, как государя склоняют решиться на опасный шаг. Играла я ежедневно с детьми в теннис; возвращаясь, заставляла государя бледного и расстроенного. Из разговоров с ним я видела, что и он считает войну неизбежной, но он утешал себя тем, что война укрепляет национальные и монархические чувства, что Россия после войны станет еще более могучей, что это не первая война и т. д. В это время пришла телеграмма от Распутина из Сибири, где он лежал раненый, умоляя государя не затевать войну, потому что с войной будет конец России и им самим и

положат до последнего человека. Государя телеграмма раздражала, и он не обратил на нее внимания. Эти дни я часто заставляла государя у телефона (который он ненавидел и никогда не пользовался сам): он вызывал министров и приближенных, говоря по телефону внизу из дежурной комнаты камердинера.

Об общей мобилизации императрица ничего не знала. Вечером я рассказала, какие душераздирающие сцены я видела на улицах при проводах женами своих мужей. Императрица мне возразила, что мобилизация касается только губерний, прилегающих к Австрии. Когда я убеждала ее в противном, она раздраженно встала и пошла в кабинет государя. Кабинет государя отделялся от комнаты императрицы только маленькой столовой. Я слышала, как они около получаса громко разговаривали; потом она пришла обратно, бросилась на кушетку и, обливаясь слезами, произнесла: «Все кончено, у нас война, и я ничего об этом не знала!» Государь пришел к чаю мрачный и расстроенный, и этот час прошел в тревожном молчании.

Последующие дни я часто заставляла императрицу в слезах. Государь же был лихорадочно занят. Получена телеграмма от императора Вильгельма, где он лично просил государя, своего родственника и друга, остановить мобилизацию, предлагая встретиться для переговоров, чтобы мирным путем окончить дело. Государь, когда принес эту телеграмму, говорил, что он не имеет права остановить мобилизацию, что германские войска могут вторгнуться в Россию, что, по его сведениям, они уже мобилизованы, и «как я тогда отвечу моему народу?». Императрица же до последней минуты надеялась, что можно предотвратить войну. 17 июля вечером, когда я пришла к государыне, она мне сказала, что Германия объявила войну России; она очень плакала, предвидя неминуемые бедствия. Государь же был в хорошем расположении духа и говорил, что чувствует успокоение перед совершившимся фактом, что, «пока этот вопрос висел в воздухе, было хуже!».

Посещение их величествами Петербурга в день объявления войны подтвердило предсказание царя, что война пробудит национальный дух в народе. Везде тысячные толпы народа, с национальными флагами, с портретами государя. Пение гимна и «Спаси, Господи, люди твоя». Никто из обывателей столицы, я думаю, в тот день не оставался дома. Их величества прибыли морем в Петербург. Они шли пешком от катера до дворца, окруженные народом, их приветствующим. Мы еле пробрались до дворца; по лестницам, в залах — везде толпы офицерства и разные лица, имеющие проезд ко двору. Нельзя себе вообразить, что делалось во время выхода их величеств. В

Николаевском зале после молебна государь обратился ко всем присутствующим с речью. В голосе его вначале были дрожащие нотки волнения, но потом он стал говорить уверенно и с воодушевлением и окончил словами что не окончит войну, пока не изгонит последнего врага из пределов русской земли. Ответом было оглушительное «ура»; возгласы восторга и любви; военные окружили толпой государя, махали фуражками, кричали так, что казалось, стены и окна дрожат. Я плакала, стоя у двери залы. Их величества медленно подвигались обратно, и толпа, невзирая на придворный этикет, кинулась к ним; дамы и военные целовали их руки, плечи, платье государыни. Она взглянула на меня, проходя мимо, и я увидела, что у нее глаза полны слез. Когда они вошли в Малахитовую гостиную, великие князья побежали звать государя показаться на балконе. Все море народа на Дворцовой площади, увидев его, как один человек опустилось перед ним на колени. Склонились тысячи знамен, пели гимн, молитвы... все плакали... Среди чувства безграничной любви и преданности престолу началась война.

Переехали в Царское Село, где государыня, забыв свои недомогания, организовала особый эвакуационный пункт, в который входило около восьмидесяти пяти лазаретов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Луте, Саблине и других местах. Обслуживали эти лазареты около двадцати санитарных поездов ее имени и имени детей. Чтобы лучше руководить деятельностью лазаретов, императрица решила лично пройти курс сестер милосердия военного времени с двумя старшими великими княжнами и со мной. Преподавательницей государыня выбрала княжну Гедройц, женщину-хирурга, заведовавшую дворцовым госпиталем. Два часа в день занимались с ней и для практики поступили рядовыми хирургическими сестрами в лазарет при дворцовом госпитале, и тотчас же приступали к работе — перевязкам, часто тяжело раненных. Стоя за хирургом, государыня, как каждая операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничем и стойко вынося запахи и ужасные картины военного госпиталя во время войны. Объясняю себе это тем, что она была врожденной сестрой милосердия.

Императрица и дети, наряду с другими сестрами, окончившими курс, получили красные кресты и аттестаты на звание сестер милосердия военного времени. По этому случаю был молебен в церкви общины, после которого императрица и великие княжны подошли во главе сестер получить из руки начальницы красный крест и аттестат.

Императрица была очень довольна; возвращаясь обратно в моторе, она радовалась и весело разговаривала.

Началось страшное, трудное и утомительное время. Вставали рано, ложились иногда в два часа ночи. В девять часов утра императрица каждый день заезжала в церковь Знаменья, к чудотворному образу, и уже оттуда мы ехали на работу в лазарет. Наскоро позавтракав, весь день императрица посвящала осмотру других госпиталей.

Во время тяжелых операций раненые умоляли государыню быть около. Императрицу боготворили, ожидали ее прихода, старались дотронуться до ее серого сестринского платья; умирающие просили ее посидеть возле кровати, поддержать им руку или голову, и она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами.

В костюме сестры, со старшими великими княжнами, небольшой свитой и со мной, государыня посетила Лугу, Псков, где работала великая княжна Мария Павловна младшая, Вильно, Ковно и Гродно. Здесь мы встретились с государем (тут произошел трогательный случай с умирающим офицером, который желал увидеть государя и умер в его присутствии, после того, как государь, поцеловав его, надел на него Георгиевский крест).

Вскоре потом государыня со старшими княжнами, генералом Ресиным, командиром Сводного полка, фрейлиной и со мной отправилась в Москву. Здесь впервые мы почувствовали возрастающие интриги против государыни. На вокзале встретили государыню великая княгиня Елизавета Федоровна со своим другом, госпожой Гордеевой, начальницей Марфо-Мариинской общины. Генерал Джунковский почему-то распорядился, чтобы приезд государыни в Москву был «инкогнито», так что никто о ее приезде не знал. Проехали мы в Кремль по пустым улицам и пробыли в Москве три-четыре дня. По указанию и в сопровождении великой княгини государыня объезжала лазареты, эвакуационные пункты и вокзалы, куда приходили поезда с фронта с ранеными. Фрейлина баронесса Буксгевден и я жили очень далеко от покоев ее величества; было целое путешествие, чтобы добраться до ее половины. Князь Одоевский, начальник Кремлевского дворца, установил телефон между нашими комнатами, и императрица звонила ко мне, когда была свободна.

Великая княгиня, бывшая нашим другом в детстве, холодно отнеслась ко мне, отказываясь выслушать доводы государыни о нелепых слухах, касающихся Распутина. С горестью я замечала возрастающие недоразумения между сестрами, понимая, что разные лица, вроде Тютчевой и компании, были тому причиной.

Фрейлина Тютчева поступила к великим княжнам по рекомендации великой княгини Елизаветы Федоровны; принадлежала она к старинной дворянской семье в Москве. Поступив, она сразу стала «спасать Россию». Она была не дурной человек, но весьма ограниченная. Двоюродным братом ее был известный епископ Владимир Путья (который сейчас в такой дружбе с большевиками). Этот епископ и все иже с ним имели огромное влияние на Тютчеву.

В Москве я была огорошена рассказами моих родственников, князей Голицыных, о царской семье, вроде того, что «Распутин бывает чуть ли не ежедневно во дворце, купает великих княжен» и т. д., говоря, что слышали это от самой Тютчевой. Их величества сперва смеялись над этими баснями, но позже государь вызвал Тютчеву к себе в кабинет и потребовал прекращения подобных рассказов. Тютчева уверяла, что ни в чем не виновата. Если впоследствии их величества и чаще видели Распутина, то с 1911 года он не играл никакой роли в их жизни.

Тютчева и после предупреждения государя не унималась: она сумела создать в придворных кругах бесчисленные интриги — бегала жаловаться семье ее величества на нее же. Она повлияла на фрейлину княжну Оболенскую, которая ушла от государыни, несмотря на то, что служила много лет и была ей предана. В детской она перессорила нянь, так что ее величество, которая жила детьми, избегала ходить наверх, чтобы не встречаться с надутыми лицами. Когда же великие княжны стали жаловаться, что она восстанавливает их против матери, ее величество решила с ней расстаться. В глазах московского общества Тютчева прослыла «жертвой Распутина»; в самом же деле все нелепые выдумки шли от нее, и она сама была главной виновницей чудовищных сплетен о семье их величеств.

Мы были рады уехать из Москвы. Проехали Орел, Курск и Харьков; везде восторженные встречи и необозримое море народа.

6 декабря, в день именин государя, мы встретились с ним в Воронеже; затем их величества вместе посетили Тамбов и Рязань. В Тамбове их величества навестили Александру Николаевну Нарышкину, которая была их другом (она была убита большевиками, несмотря на то что очень много сделала для народа).

Путешествие их величеств закончилось Москвой. Их величества радовались встрече с маленькими детьми. Первого мы увидели Алексея Николаевича, который стоял вытянувшись во фронт, и великих княжен Марию и Анастасию Николаевну, которые кинулись обнимать их величества.

В Москве были смотры; посещали опять лазареты, ездили в земскую организацию осматривать летучие питательные пункты. Встречал князь Львов (впоследствии предавший государя); он тогда с почтением относился особенно к Алексею Николаевичу, прося его и государя расписаться в книге посетителей. Вечером иногда пили чай у их величеств, в огромной голубой уборной государыни, с чудным видом на Замоскворечье.

Как-то раз государь упомянул, что его просят принять сестру милосердия, вернувшуюся из германского плена: она привезла на себе знамя полка, которое спасла на поле битвы. В тот же день вечером ко мне ворвались две сестры из той же общины, из которой была эта сестра. Со слезами они рассказали мне, что ехали с ней вместе из плена, что в Германии ей оказывали большой почет немецкие офицеры; в то время как они голодали, ее угощали обедами и вином; что через границу ее перевезли, в то время как они должны были идти пешком; что в поезде за шесть суток она ни разу перед ними не раздевалась и что они приехали ко мне от сестер общины, умоляя обратить на нее внимание. Они так искренно говорили, что я не знала сперва, что делать, и сочла обязанностью поехать и обо всем рассказать дворцовскому коменданту. На следующий день, во время прогулки, я рассказала все государю, который сперва казался недовольным. Вечером меня вызвал дворцовый комендант и рассказал мне, что он с помощником ездил допрашивать сестру; во время разговора она передала коменданту револьвер, сказав, что отдает его, чтобы ее в чем-либо не заподозрили, и что револьвер этот был с ней на войне. Комендант потребовал ее сумочку, которую она не выпускала из рук. Открыв ее, они нашли в ней еще два револьвера. Доложили государю, который отказал сестре в приеме.

2 января 1915 года произошла железнодорожная катастрофа. Я ушла от государыни и с поездом 5.20 поехала в город. Села в первый вагон от паровоза, первого класса; напротив меня сидела сестра кирасирского офицера, г-жа Шиф. В вагоне было много народу. Не доезжая шести верст до Петербурга, вдруг раздался страшный грохот, и я почувствовала, что проваливаюсь куда-то головой вниз и ударяюсь об землю; ноги же запутались, вероятно, в трубы от отопления, и я чувствовала, как они переломались. На минуту я потеряла сознание. Когда пришла в себя, вокруг была тишина и мрак. Затем слышались крики и стоны придавленных под развалинами вагонов раненых и умирающих. Я сама не могла ни пошевелинуться, ни кричать; на голове у меня лежал огромный железный

брус, и из горла текла кровь. Я молилась, чтобы скорее умереть, так как невыносимо страдала.

Через некоторое время, которое казалось мне вечно-стью, кто-то приподнял осколок, придавивший мне голову, и спросил: «Кто здесь лежит?» Я ответила. Оказалось, что нашел меня казак из конвоя Лихачев. С помощью солдата железнодорожного полка он начал осторожно освобождать мои ноги; освобожденные ноги упали на землю — как чужие. Боль была нестерпима. Я начала кричать. Больше всего я страдала от сломанной спины. Перевязав меня под руки веревкой, они начали меня тащить из-под вагонов, уговаривая быть терпеливой. Помню, я кричала, вне себя от неопишуемых физических страданий. Лихачев и солдат выломали дверь в вагоне, переложили меня на нее и отнесли в маленькую деревянную сторожку неподалеку от места крушения. Я попросила Лихачева позвонить по телефону родителям и государыне. Четыре часа я лежала умирающей на полу без всякой помощи. Прибывший врач, подойдя ко мне, сказал: «Она умирает, ее не стоит трогать!» Солдат железнодорожного полка, сидя на полу, положил мои сломанные ноги себе на колени, покрыл меня своей шинелью (было двадцать градусов мороза), так как шуба моя была изорвана в куски. Он же вытирал мне лицо и рот, так как я не могла поднять рук, а меня рвало кровью.

Часа через два появилась княжна Гедройц в сопровождении княгини Орловой. Я обрадовалась приходу Гедройц, думая, что она сразу мне поможет. Они подошли ко мне; княгиня Орлова смотрела на меня в лорнетку, Гедройц пощупала переломленную кость под глазом и, обернувшись к княгине Орловой, произнесла: «Она умирает» — и вышла. Оставшись совершенно одна, так как остальных раненых уносили, я только молилась, чтобы Бог дал мне терпение. Только около десяти часов вечера по настоянию генерала Ресина, который приехал из Царского Села, меня перенесли в вагон-теплушку какие-то добрые студенты-санитары.

Я видела в дверях генерала Джунковского, и, когда меня положили на пол в вагоне, пришли мои родители. Папа плакал. Вновь появилась Гедройц; она вливала мне по капле коньяк в рот, разжимая зубы ложкой, и кричала в ухо: «Вы должны жить!» Но я теряла силы, страдая от каждого толчка вагона, начались глубокие обмороки.

Помню, как меня принесли через толпу народа в Царском Селе и я увидела императрицу и всех великих князей в слезах. Меня перенесли в санитарный автомобиль, и императрица сейчас же вскочила в него; присев на пол, она держала мою голову на коленях и ободряла меня; я же шептала ей, что умираю. В лазарете Гедройц впрыс-

нула мне камфару и велела всем выйти. Меня подняли на кровать; я потеряла сознание. Когда я пришла в себя, государыня наклонилась надо мной, спрашивая, хочу ли я видеть государя. Он пришел. Меня окружали их величества и великие княжны. Я просила причаститься, пришел священник и причастил меня Св.Тайн. После этого я слышала, как Гедройц шепнула, чтобы шли со мной прощаться, так как я не доживу до утра. Я уже не страдала и впала в какое-то блаженное состояние. Помню, как старалась успокоить моего отца, как государь держал меня за руку и, обернувшись, сказал, что у меня есть сила в руке... Помню, как вошел Распутин и сказал другим: «Жить она будет, но останется калекой». Замечательно, что меня не обмыли и даже не перевязали в эту ночь. Меня постоянно рвало кровью; мама давала мне маленькие кусочки льда, — и я осталась жить.

Шесть недель я день и ночь мучилась нечеловеческими страданиями. В девять часов утра на следующее утро мне дали хлороформу и в присутствии государыни сделали перевязку; от тяжелых страданий я проснулась, меня снова усыпили. У меня образовались два огромных пролежня на спине. Мучилась я особенно от раздавленной правой ноги, где сделался флебит, и от болей в голове — менингита; левая, сломанная в двух местах, нога не болела.

Затем сделалось травматическое воспаление обоих легких. Гедройц и доктор Боткин попеременно ночевали в лазарете, но первую не смели будить, так как тогда она кричала на меня же, умирающую. Сестры были молодые и неумелые, так что ухаживать за мною приходилось студентам и врачам. После десяти дней мучений мать выписала фельдшерицу Карасеву, и если я осталась жива, то благодаря заботливости и чудному уходу Карасевой. Гедройц ее ненавидела. Она же не допустила профессора Федорова меня лечить, сделав сцену государыне.

Государь, государыня, дети и родители ежедневно посещали меня; посещения эти породили много зависти: так завидовали мне в те минуты, когда я лежала умирающая!.. Государь, чтобы успокоить добрых людей, стал сначала обходить госпиталь, посещая раненых, и только потом спускался ко мне. Многие друзья посещали меня. Приехала сестра из Львова, куда ездила к мужу, а брата отпустили на несколько дней с фронта. Приходил и Распутин. Помню, что в раздражении я спрашивала его, почему он не молится о том, чтобы я меньше страдала. Императрица привозила мне ежедневно завтрак, который я отдавала отцу, так как сама есть не могла. Она и дети часто напевали мне вполголоса, и тогда я забывалась на несколько минут, а то плакала и нервничала от всего.

После двух месяцев мои родители и Карасева перевезли меня домой. Там, по просьбе друзей, меня осмотрел профессор Гагенторн. Он так и развел руками, заявив, что я совсем потеряю ногу, если на другой же день мне не положат гипсовую повязку на бедро. Два месяца нога моя была только на вытяжке, и лишь одна голень в гипсовой повязке; сломанное же бедро лежало на подушках. Гагенторн вызвал профессора Федорова. Последний, чтобы быть приятным г-же Гедройц и косвенно государыне, которая верила ей, не желал вмешиваться в неправильное лечение. Гагенторн не побоялся высказать свое мнение и очень упрекал Федорова. Оба профессора, в присутствии ее величества, в моей маленькой столовой на столе положили мне гипсовую повязку. Я очень страдала, так как хлороформа мне не дали. Государыня была обижена за Гедройц и первое время сердилась, но после дело объяснилось. Гедройц перестала бывать у меня, о чем я не жалела.

Каждый день в продолжение почти четырех месяцев государыня Мария Федоровна справлялась о моем здоровье по телефону. Многие добрые друзья навещали меня. Ее величество приезжала по вечерам. Государь был почти все время в отсуствии. Когда возвращался, был у меня с императрицей несколько раз, очень расстроенный тем, что дела наши на фронте были очень плохи. Доктора пригласили сильного санитаря Жука, который стал учить меня ходить на костылях. Он же меня вывозил летом в кресле во дворец и в церковь, после шести месяцев, которые я пролежала на спине.

Летом 1915 года государь становился все более и более недовольным действиями на фронте великого князя Николая Николаевича. Государь жаловался, что русскую армию гонят вперед, не закрепляя позиций и не имея достаточно боевых патронов. Как бы подтверждая слова государя, началось поражение за поражением; одна крепость падала за другой, отдали Ковно, Новогеоргиевск, наконец, Варшаву. Императрица и я сидели на балконе в Царском Селе. Пришел государь с известием о падении Варшавы; на нем, как говорится, лица не было; он почти потерял свое всегдашнее самообладание. «Так не может продолжаться, — вскрикнул он, ударив кулаком по столу, — я не могу все сидеть здесь и наблюдать за тем, как разгромяют армию; я вижу ошибки — и должен молчать! Сегодня говорил мне Кривошеин, — продолжал государь, — указывая на невозможность подобного положения».

Государь рассказывал, что великий князь Николай Николаевич постоянно, без ведома государя, вызывал министров в Ставку, давая им те или иные приказания, что

создавало двоевластие в России. После падения Варшавы государь решил бесповоротно, без всякого давления со стороны Распутина, или государыни, или моей, стать самому во главе армии; это было единственно его личным непоколебимым желанием и убеждением, что только при этом условии враг будет побежден. «Если бы вы знали, как мне тяжело не принимать деятельного участия в помощи моей любимой армии», — говорил неоднократно государь. Свидетельствую, так как я переживала с ними все дни до его отъезда в Ставку, что императрица Александра Федоровна ничуть не толкала его на этот шаг, как пишет в своей книге Жильяр, и что будто из-за сплетен, которые я распространяла о мнимой измене великого князя Николая Николаевича, государь решился взять командование в свои руки. Государь и раньше бы взял командование, если бы не опасение обидеть великого князя Николая Николаевича, как о том он говорил в моем присутствии.

Ясно помню вечер, когда был создан Совет Министров в Царском Селе. Я обедала у их величеств до заседания, которое назначено было на вечер. За обедом государь волновался, говоря, что, какие бы доводы ему ни представляли, он останется непреклонным. Уходя, он сказал нам: «Ну, молитесь за меня!» Помню, я сняла образок и дала ему в руки. Время шло, императрица волновалась за государя, и, когда пробило одиннадцать часов, а он все еще не возвращался, она, накинув шаль, позвала детей и меня на балкон, идущий вокруг дворца. Через кружевные шторы в ярко освещенной угловой гостиной были видны фигуры заседающих; один из министров, стоя, говорил. Уже подали чай, когда вошел государь, веселый, кинулся в свое кресло и, протянув нам руки, сказал: «Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел!» Передавая мне образок и смеясь, он продолжал: «Я все время сжимал его в левой руке. Выслушав все длинные, скучные речи министров, я сказал приблизительно так: «Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня!» Некоторые министры выглядели как в воду опущенные!»

Государь казался мне иным человеком до отъезда. Еще один разговор предстоял государю — с императрицей-матерью, которая наслышалась за это время всяких сплетен о мнимом немецком шпионаже, о влиянии Распутина и т. д., и, думаю, всем этим басням вполне верила. Около двух часов, по рассказу государя, она уговаривала его отказаться от своего решения. Государь ездил к императрице-матери в Петроград, в Елагинский дворец, где императрица проводила лето. Государь рассказывал, что разговор происходил в саду; он доказывал, что если будет война продолжаться так, как сейчас, то армии грозит пол-

ное поражение. Государь передавал, что разговор с матерью был еще тяжелее, чем с министрами, и что они расстались, не поняв друг друга.

Перед отъездом в армию государь с семьей причастился Св.Тайн в Феодоровском соборе; я приходила поздравлять его после обедни, когда они всей семьей пили чай в Зеленой гостиной императрицы.

Из Ставки государь писал государыне, и она читала мне письмо, где он писал о впечатлениях, вызванных его приездом. Великий князь был сердит, но сдерживался, тогда как окружающие не могли скрыть своего разочарования и злости: «Точно каждый из них намеревался управлять Россией!»

Все, что писалось в иностранной печати, выставляло великого князя Николая Николаевича патриотом, а государя орудием германского влияния. Но как только помазанник божий стал во главе своей армии, счастье вернулось к русскому оружию и отступление прекратилось.

Один из величайших актов государя во время войны — это запрещение продажи вин по всей России.

В октябре государь вернулся ненадолго в Царское Село и, уезжая, увез с собой наследника Алексея Николаевича. Это был первый случай, что государыня с ним рассталась. Она очень по нему тосковала, — и Алексей Николаевич ежедневно писал матери большим детским почерком. В девять часов вечера она ходила наверх в его комнату молиться, в тот час, когда он ложился спать.

Государыня весь день работала в лазарете.

Железная дорою выдала мне за увечье 10 000 рублей. На эти деньги я основала лазарет для солдат-инвалидов, где они обучались всякому ремеслу; начали с шестидесяти человек, а потом расширили на сто. Испытав на опыте, как тяжело быть калекой, я хотела хоть несколько облегчить их жизнь в будущем. Через год мы выпустили двести человек мастеровых, сапожников, переплетчиков. Впоследствии, может быть, не раз мои милые инвалиды спасали мне жизнь во время революции, это показывает, что все же есть люди, которые помнят добро.

Невзирая на самоотверженную работу императрицы, продолжали кричать, что государыня и я германские шпионы. В начале войны императрица получила единственное письмо от своего брата, принца Гессенского, где он упрекал государыню в том, что она так мало делает для облегчения участи германских военнопленных. Императрица со слезами на глазах говорила мне об этом. Как могла она что-либо сделать для них? Когда императрица основала комитет для наших военнопленных в Германии, через который они получили массу посылок, то газета

«Новое Время» напечатала об этом в таком духе, что можно было подумать, что комитет этот в Зимнем дворце основан собственно для германских военнопленных. Кто-то доложил об этом графу Ростовцеву, секретарю ее величества, но ему так и не удалось поместить опровержение.

Все, кто носил в это время немецкие фамилии, подозревались в шпионаже. Так, граф Фредерикс и Штюмер, не говорившие по-немецки, выставлялись первыми шпионами; но больше всего страдали балтийские бароны; многих из них без причин отправляли в Сибирь по приказанию великого князя Николая Николаевича, в то время как сыновья их и братья сражались в русской армии. В тяжелую минуту государь мог бы опереться скорее на них, чем на русское дворянство, которое почти все оказалось не на высоте своего долга. Может быть, шпионами были, скорее, те, кто больше всего кричал об измене и чернил имя русской государыни!

Но армия была еще предана государю. Вспоминаю ясно день, когда государь, как-то раз вернувшись из Ставки, вошел сияющий в комнату императрицы, чтобы показать ей Георгиевский крест, который прислали ему армии Южного фронта. Ее величество сама приколотла ему крест, и он заставил нас всех к нему приложиться. Он буквально не помнил себя от радости.

Отец мой — единственный из всех министров понял поступок государя и написал государю сочувственное письмо. Государь ему ответил чудным письмом. В этом письме государь изливает свою наболевшую душу, пишет, что далее так продолжаться не может, объясняет, что именно побудило его сделать этот шаг, и заканчивает словами: «Управление же делами государства, конечно, оставляю за собой». Подпись гласила: «Глубоко Вас уважающий и любящий Николай».

В 1918 году, когда я была в третий раз арестована большевиками, при обыске было отобрано с другими бумагами и это историческое письмо.

* * *

Трудно и противно говорить о петроградском обществе, которое, невзирая на войну, веселилось и кутило целыми днями. Рестораны и театры процветали. По рассказу одной французской портнихи, ни в один сезон не заказывалось столько костюмов, как зимой 1915 — 1916 годов, и не покупалось такое количество бриллиантов: войны как будто не существовало.

Кроме кутежей общество развлекалось новым и весьма интересным занятием: распусканием всевозможных сплетен об императрице. Типичный случай мне рассказывала

моя сестра. К ней утром влетела ее belle soeur г-жа Дерфельден со словами: «Сегодня мы распускаем слухи на заводах, как императрица спаивает государя, и все этому верят». Рассказываю об этом типичном случае, так как дама эта была весьма близка к великокняжескому кругу, который сверг их величества с престола и неожиданно их самих. Говорили, что она присутствовала на ужине в доме Юсуповых в ночь убийства Распутина.

Из Австрии приехала одна из городских фрейлин императрицы, Мария Александровна Васильчикова, которая была другом великого князя Сергея Александровича и его супруги и хорошо знакома с государыней. Васильчикова просила приема у государыни, но, так как она приехала из Австрии, которая в данную минуту воевала с Россией, ей в приеме отказали. Приезжала она с политической целью или нет, осталось неизвестным, но фрейлинский шифр с нее сняли — выслали ее из Петрограда в ее имение. Клеветники же уверяли, что она была вызвана государыней для переговоров о сепаратном мире с Австрией или Германией.

Дело о Васильчиковой было, между прочим, одним из обвинений, которое и на меня возводила следственная комиссия. Все, что я слыхала о ней, было почерпнуто мной из письма Елизаветы Федоровны к государыне, которое она мне читала. Великая княгиня писала, чтобы государыня ни за что не принимала «that horrid Masha». Вспоминая дружбу великой княгини с ней, которой я была свидетельницей в детстве, мне стало грустно за нее.

Клевета на государыню не только распространялась в обществе, но велась также систематически в армии, в высшем командном составе, а более всего Союзом земств и городов.

В этой кампании принимали деятельное участие знаменитые Гучков и Пуришкевич. Так — в вихре увеселений и кутежей и при планомерной организованной клевете на помазанников божьих — началась зима 1915 — 1916 годов, темная прелюдия худших времен.

Весной 1916 года здоровье мое еще не вполне окрепло, и меня послали с санитарным поездом, переполненным больными и ранеными солдатами и офицерами, в Крым. Со мной поехали три агента секретной полиции — будто бы для охраны, а в сущности с целью шпионажа.

Эта охрана была одним из тех неизбежных зол, которые окружали их величества. Государыня в особенности тяготилась и протестовала против этой охраны; она говорила, что государь и она хуже пленников. Каждый шаг их величеств записывался, подслушивались даже разговоры по телефону. Ничто не доставляло их величествам

большого удовольствия, как надуть полицию; когда удалось избежать слежки, пройти или проехать там, где их не ожидали, они радовались, как школьники.

За свою жизнь они никогда не страшились, и за все годы я ни разу не слышала разговора о каких-либо опасениях с их стороны. Как раз во время прогулки с государем в Крыму охранник сорвался с горы и скатился прямо к ногам государя. Нужно было видеть его лицо. Государь остановился и, топнув ногой, крикнул: «Пошел вон!» Несчастный кинулся бежать.

Однажды, гуляя с императрицей в Петергофе, мы встретили моего отца и императрица долго с ним беседовала. Только что мы отошли, как на него наскочили два «агента» с допросом, по какому делу он смел беспокоить государыню. Когда отец назвал себя, они моментально отскочили — странно было им его не знать...

Итак, я отправилась на юг. Государыня при проливном дожде приехала проводить поезд. Мы ехали до Евпатории пять суток. Городской голова Дуван дал мне помещение в его даче, окруженной большим садом, на самом берегу моря; здесь я прожила около двух месяцев, принимая грязевые ванны. За это время я познакомилась с некоторыми интересными людьми, между прочим, с караимским Гахамом, образованным и очень милым человеком. Он, как и все караимы, был глубоко предан их величествам. Получила известие, что ее величество уехала в Ставку, откуда вся царская семья должна была проехать на смотры в Одессу и Севастополь. Государыня телеграммой вызвала меня к себе. Отправилась я туда в автомобиле через степь, цветущую красными маками, по проселочным дорогам. В Севастополь дежурный солдат из-за военного времени не хотел меня пропустить. К счастью, я захватила телеграмму государыни, которую и показала ему. Тогда меня пропустили к царскому поезду. Завтракала с государыней. Государь с детьми вернулся около шести часов с морского смотра. Ночевала я у друзей и на другой день вернулась в Евпаторию. Их величества обещались приехать вскоре туда же, и, действительно, 16 мая они прибыли на день в Евпаторию.

Встреча в Евпатории была одна из самых красивых. Толпа инородцев, татар, караимов в национальных костюмах; вся площадь перед собором — один сплошной ковер розанов. И все залито южным солнцем. Утро их величества посвятили разездам по церквам, санаториям и лазаретам, днем же приехали ко мне и оставались до вечера; гуляли по берегу моря, сидели на песке и пили чай на балконе. К чаю местные караимы и татары прислали всевозможные сласти и фрукты. Любопытная толпа, которая все время не расходилась, не дала государю вы-

купаться в море, чем он был очень недоволен. Наследник выстроил крепость на берегу, которую местные гимназисты обнесли после забором и оберегали, как святыню. Обедала я в поезде у их величеств и проехала с ними несколько станций.

В конце июня я вернулась в Царское Село. Лето было очень жаркое; но государыня продолжала свою неутомимую деятельность. В лазарете, к сожалению, слишком привыкли к частому посещению государыни; некоторые офицеры в ее присутствии стали себя держать развязно. Ее величество этого не замечала; когда я несколько раз просила ее ездить туда реже и лучше посещать учреждения в столице, государыня сердилась.

Атмосфера в городе сгущалась, слухи и клевета на государыню стали принимать чудовищные размеры, но их величества, и в особенности государь, продолжали не придавать им никакого значения и относились к этим слухам с полным презрением, не замечая грозящей опасности. Я сознавала, что все, что говорилось против меня, против Распутина или министров, говорилось против их величеств, но молчала. Родители мои тоже понимали, насколько серьезно было положение; моя бедная мать получила два дерзких письма, одно от княгини Голицыной, «*belle soeur*» Родзянко, второе от г-жи Тимашевой. Первая писала, что она и на улице стыдится показаться с моей матерью, чтобы люди не подумали, что она принадлежит к «немецкому шпионажу». Родители мои в то время жили в Териоках, и я их изредка навещала.

Единственно, где я забывалась, — это в моем лазарете, который был переполнен. Купили клочок земли и стали сооружать деревянные бараки. Многие жертвовали мне деньги на это доброе дело, но и здесь злоба и зависть не оставляли меня; люди думали, вероятно, что их величества дают мне огромные суммы на лазарет. Лично государь пожертвовал мне 20 000. Ее величество денег не жертвовала, а подарила церковную утварь в походную церковь. Меня мучили всевозможными просьбами, с раннего утра до поздней ночи. И все говорили в один голос: «Ваше одно слово все устроит». Я никого не гнала вон, но положение мое было очень трудное. Если я за кого просила то или иное должностное лицо, то лишь потому, что именно я прошу, скорее отказывали; а убедить в этом бедноту было так же трудно, как уверить ее в том, что у меня нет денег.

Как-то, придя ко мне, одна дама стала требовать, чтобы я содействовала назначению ее мужа губернатором. Когда я начала убеждать ее, что не могу ничего сделать, она раскричалась на меня и грозила мне отомстить...

Как часто я видела в глазах придворных и разных высоких лиц злобу и недоброжелательность. Все эти взгляды я всегда замечала и сознавала, что иначе не может быть после пущенной травли и клеветы, чернившей через меня государыню. Посидев в тюрьмах и часто голодая и нуждаясь, я каюсь ежечасно, что мало думала о страдании и горе других, особенно же заключенных: им и калекам хотела бы посвятить жизнь, если Господь приведет когда-либо вернуться на родину.

В жаркие летние дни государыня иногда ездила кататься в Павловск. Она заезжала за мной в коляске; за нами в четырехместном экипаже ехали великие княжны. Они выходили из экипажей в отдаленной части Павловского парка и гуляли по лужайкам, собирая полевые цветы. Однажды мы ехали в Павловск по дороге к «белой березе». Правил любимый их величествами кучер Коньков. Вдруг один из великолепных вороных рысаков захрипел, повалился на бок и тут же околел. Вторая лошадь испугалась и стала биться. Императрица вскочила, бледная, и помогла мне выйти. Мы вернулись в экипаже детей. На меня этот случай произвел тяжелое впечатление. Конюшенное начальство приходило потом извиняться.

В лазаретах в Царском Селе устраивали для раненых всевозможные развлечения и концерты, в которых принимали участие лучшие певцы, рассказчики и т. д.

В августе из Крыма приехал Гахам караимский. Он представлялся государыне и несколько раз побывал у наследника, который слушал с восторгом легенды и сказки, которые Гахам ему рассказывал. Гахам первый умолял обратить внимание на деятельность сэра Бьюкенена и на заговор, который готовился в стенах посольства с ведома и согласия сэра Бьюкенена. Гахам раньше служил по Министерству иностранных дел в Персии и был знаком с политикой англичан. Но государыня отвечала, что это сказки, так как Бьюкенен был полномочный посол короля английского, ее двоюродного брата и нашего союзника. В ужасе она оборвала разговор.

Через несколько дней мы уехали в Ставку навестить государя. Вероятно, все эти именитые иностранцы, проживавшие в Ставке, одинаково работали с сэром Бьюкененом. Их было множество: генерал Вильямс со штабом от Англии, генерал Жанен от Франции, генерал Риккель — бельгиец, а также итальянские, сербские, японские генералы и офицеры. Как-то раз после завтрака все они и наши генералы и офицеры штаба толпились в саду, пока их величества совершали «сербль», разговаривая с приглашенными. Сзади меня иностранные офицеры, громко разговаривая, обзывали государыню обидными словами и

во всеуслышанье делали замечания: «Вот она снова приехала к мужу передать последние приказания Распутина». — «Свита, — говорил другой, — ненавидит, когда она приезжает; ее приезд обозначает перемену в правительстве», — и т. д. Я отошла, мне стало почти дурно. Но императрица не верила и приходила в раздражение, когда я ей повторяла слышанное.

Великие князья и чины штаба приглашались к завтраку, но великие князья часто «заболевали» и к завтраку не появлялись во время приезда ее величества; «заболевал» также генерал Алексеев. Государь не хотел замечать их отсутствия. Государыня же мучилась, не зная, что предпринять. При всем ее уме и недоверчивости императрица, к моему изумлению, не сознавала, какой нежеланной гостью она была в Ставке. Ехала она только окрыленная любовью к мужу, считая дни до их свидания. Я лично угадывала разные оскорбления и во взглядах, и в «любезных» пожатиях руки и понимала, что злоба эта направлена через меня на государыню.

Вскоре их величества узнали, что генерал Алексеев, талантливый офицер и помощник государя, состоял в переписке с предателем Гучковым. Когда государь его спросил, он ответил, что это неправда. Чтобы дать понятие, как безудержно в высшем командном составе плелась клевета на государыню, расскажу следующий случай.

Генерал Алексеев вызвал генерала Иванова, главнокомандующего армиями Южного фронта, и заявил ему, что, к сожалению, он уволен с поста главнокомандующего по приказанию государыни, Распутина и Вырубовой. Генерал Иванов не поверил генералу Алексееву. Он ответил ему: «Личность государыни императрицы священна для меня — другие же фамилии я не знаю!» Алексеев оскорбился недоверием к нему генерала Иванова и пожаловался на него государю, который стал его не замечать. Генерал Иванов, рассказывая мне об этом, плакал; слезы текли по его седой бороде. Государь, думаю, гневался на Алексеева, но в такое серьезное время, вероятно, не знал, кем его заменить, так как считал его талантливейшим генералом. Впоследствии государь изменил свое обращение с генералом Ивановым и был к нему ласков.

В Ставке государыня с детьми и свитой жила в поезде. В час дня за нами приезжали моторы, и мы отправлялись в губернаторский дом к завтраку. Два казака конвоя стояли снизу, наверх вела крутая лестница; первая комната была зала, где ожидали выхода их величеств. Большая столовая с темными обоями. Из залы шла дверь в темный кабинет и спальню с двумя походными кроватями государя и наследника. Летом завтракали в саду в палатке.

Сад был расположен на высоком берегу Днепра, откуда открывался чудный вид на реку и окрестности Могилева. Мы радовались, смотря на Алексея Николаевича. Любо было видеть, как он вырос, возмужал и окреп; он выглядел юношей, сидя около отца за завтраком; пропала и его застенчивость: он болтал и шалил. Особенным его другом стал старик бельгиец генерал Риккель.

Каждый день после завтрака наши горничные привозили нам из поезда платья, и мы переодевались в каком-нибудь углу для прогулки. Государь уходил гулять со свитой. Императрица оставалась в лесу с Алексеем Николаевичем, сидя на траве. Она часто разговаривала с проходившими и проезжавшими крестьянами и их детьми. Народ казался мне там несчастным. Бедно одетые и приниженные, когда они узнавали, кто с ними говорит, они становились на колени и целовали руки и платье государыни; казалось, что крестьяне, несмотря на ужасы войны, оставались верными своему царю. Окружающая же свита и приближенные жили своими эгоистичными интересами, интригами и кознями, которые они строили друг против друга.

После прогулки и чая в губернаторском доме государыня возвращалась к себе в поезд. Сюда к обеду приезжали государь и Алексей Николаевич; фрейлина и я обыкновенно обедали с августейшей семьей.

Среди неправды, интриг и злобы было, однако, и в Могилеве одно светлое местечко, куда я приносила свою больную душу и слезы. То был братский монастырь. Там находилась чудотворная икона Могилевской Божьей Матери... Я каждый день урывала минутку, чтобы съездить приложиться к иконе. Услышав об иконе, государыня также ездила раза два в монастырь. Был и государь, но в наше отсутствие. В одну из самых тяжелых минут душевной муки, когда мне казалась близка неминуемая катастрофа, помню, я отвезла Божьей Матери мои бриллиантовые серьги. По странному стечению обстоятельств единственную маленькую икону, которую мне разрешили иметь в крепости, была икона Божьей Матери Могилевской, — отобрав все остальные, солдаты швырнули мне ее на колени... И первое приветствие по освобождении из Петропавловской крепости была та же икона, присланная из Могилева монахами, вероятно, узнавшими о моем заключении.

В последний раз, когда мы ездили в Ставку, в одно время с нами приехала туда княгиня Палей с детьми, чтобы навестить великого князя Павла Александровича. Она приехала из Киева, где жила императрица-мать и великие князья Александр Михайлович и Николай Михайлович. Я

два раза была у них, один раз одна, второй раз с их величествами и детьми. Мне было тяжело слышать их разговор, так как они приехали начиненные сплетнями и слухами и не верили моим опровержениям. Вторым событием был приезд в Ставку Родзянко, который требовал удаления Протопопова. Редко кого государь «не любил», но Родзянку он «не любил», принял его холодно и не пригласил к завтраку. Но зато Родзянко чествовали в штабе! Видела государя вечером. Он выглядел бледным и за чаем почти не говорил. Прощаясь со мной, он сказал: «Родзянко has worried me awfully. I feel his motives are quite false». Затем рассказал, что Родзянко уверял его, что Протопопов будто бы сумасшедший!.. «Вероятно, с тех пор, как я назначил его министром», — усмехнулся государь. Выходя из двери вагона, он еще обернулся к нам, сказал: «Все эти господа воображают, что помогают мне, а на самом деле только между собой грызутся; дали бы мне окончить войну...» — и, вздохнув, государь прошел к ожидавшему его автомобилю.

На душе становилось все тяжелее и тяжелее; генерал Воейков жаловался, что великие князья заказывают себе поезда иногда за час до отъезда государя, не считаясь с ним, и если генерал отказывал, то строили против него всякие козни и интриги.

В последний раз мы были в Ставке в ноябре 1916 года. Его величество уезжал с нами, а также его многочисленная свита и великий князь Дмитрий Павлович. Последний сидел на кушетке, где лежала государыня, и рассказывал ей всевозможные анекдоты; дети и я работали тут же, смежная дверь в отделение государя была открыта, и он занимался за письменным столом. Изредка он подходил к дверям с папироской в руках и, оглядывая нас своим спокойным взглядом, вдруг от души начинал смеяться какой-нибудь шутке великого князя Дмитрия Павловича. Вспоминая это путешествие, я после думала: неужели тот же великий князь Дмитрий Павлович через три недели мог так сильно опечалить и оскорбить их величества?..

Вскоре как-то раз, придя днем к государыне, я застала ее в горьких слезах. На коленях у нее лежало только что полученное письмо из Ставки. Я узнала от нее, что государь прислал ей письмо великого князя Николая Михайловича, которое тот принес самолично и положил ему на стол. Письмо содержало низкие, несправедливые обвинения на государыню и кончалось угрозами, что если она не изменится, то начнутся покушения. «Но что я сделала?!» — говорила государыня, закрывая лицо руками. По рассказу одного из флигель-адъютантов, в Ставке зна-

ли цель приезда великого князя Николая Михайловича и потому были немало удивлены, когда увидели его приглашенным к завтраку.

Государь любил государыню больше своей жизни. Объясняю себе подобное поведение только тем, что все мысли государя были поглощены войной.

Помню, как в это время он несколько раз упоминал о будущих переменах конституционного характера. Повторяю, сердце и душа государя были на войне; к внутренней политике, может быть, в то время он относился слишком легко. После каждого разговора он всегда повторял: «Выгоним немца, тогда примусь за внутренние дела!» Я знаю, что государь все хотел дать, что требовали, но — после победоносного конца войны. «Почему, — говорил он много, много раз и в Ставке, и в Царском Селе, — не хотят понять, что нельзя проводить внутренние государственные реформы, пока враг на русской земле? Сперва надо выгнать врага!» Казалось, и государыня находила, что в минуту войны не стоило заниматься «мелочами», как она выражалась.

Раз вечером она показала мне дерзкое письмо княгини Васильчиковой, но только сказала: «That is not all clever, or well brought up on her part, — и, смеясь, добавила: — At least she could have written on a proper piece of paper, as on writes to a Sovereign».

Письмо было написано на двух листочках из блокнота. Государь побелел от гнева. Сразу приказал вызвать графа Фредерикса. К нему было страшно подойти. Третье подобное дерзкое письмо написал ей первый чин двора, некто Балашев, чуть ли не на десяти страницах. У государыни тряслись руки, пока она читала. Видя ее душевную скорбь, в сотый раз спрашивала себя: что случилось с петроградским обществом? Заболели ли они все душевно или заразились какой-то эпидемией, свирепствующей в военное время. Трудно разобрать, но факт: все были в ненормально возбужденном состоянии.

В декабре 1916 года ее величество, чтобы отдохнуть душою, поехала на день в Новгород с двумя великими княжнами и маленькой свитой, где посетила лазареты, монастыри и слушала обедню в Софийском соборе. До отъезда государыня посетила Юрьевский и Десятинный монастыри. В последнем она зашла к старице Марии Михайловне, в ее крошечную келью, где в тяжелых веригах на железной кровати много лет лежала старушка. Когда государыня вошла, старица протянула к ней свои высохшие руки и произнесла: «Вот идет мученица — царица Александра!» Обняла ее и благословила. Через несколько дней старица почилла.

Через два дня после нашего возвращения из Новгорода, именно 17 декабря¹, началась «бескровная революция» убийством Распутина. 16 декабря днем государыня послала меня к Григорию Ефимовичу отвезти ему икону, привезенную ею из Новгорода. Я не особенно любила ездить на его квартиру, зная, что моя поездка будет лишней раз фальшиво истолкована клеветниками.

Я оставалась минут пятнадцать, слышала от него, что он собирается поздно вечером ехать к Феликсу Юсупову, знакомиться с его женой Ириной Александровной. Хотя я знала, что Распутин часто видался с Феликсом Юсуповым, однако мне показалось странным, что он едет к ним так поздно, но он ответил мне, что Феликс не хочет, чтобы об этом узнали его родители. Когда я уезжала, Григорий Ефимович сказал мне странную фразу: «Что еще тебе нужно от меня, ты уже все получила...»

Я рассказала государыне, что Распутин собирается к Юсуповым знакомиться с Ириной Александровной. «Должно быть, какая-нибудь ошибка, — ответила государыня, — так как Ирина в Крыму и родителей Юсуповых нет в городе».

17 декабря утром ко мне позвонила одна из дочерей Распутина (которые учились в Петрограде и жили с отцом). Она сообщила с некоторым беспокойством, что отец их не вернулся домой, уехав поздно вечером с Юсуповым. Известие это меня удивило, но особенного значения я ему не придавала. Во дворце я рассказала об этом государыне. Выслушав меня, она выразила свое недоумение. Через час или два позвонил министр внутренних дел Протопопов, который сообщал, что ночью полицейский, стоявший на посту около дома Юсуповых, услышав выстрел в доме, позвонил. К нему выбежал пьяный Пуришкевич и заявил ему, что Распутин убит, и полицейский заметил военный мотор без огней, который отъехал от дома вскоре после выстрелов. Государыня приказала вызвать Лили Дэн (жену морского офицера, с которой я была очень дружна и которую государыня очень любила). Мы сидели вместе в кабинете императрицы, очень расстроенные, ожидая дальнейших известий. Сперва звонил великий князь Дмитрий Павлович, прося позволения приехать к чаю в пять часов. Императрица, бледная и задумчивая, отказала ему. Затем звонил Феликс Юсупов и просил позволения приехать с объяснением, то к государыне, то ко мне; звал меня несколько раз к телефону; но государыня не позволила мне подойти, а ему приказала передать, что объяснение он может прислать ей письменно. Вечером принесли государыне знаменитое письмо Юсупова, где он именем князей

Юсуповых клянется, что Распутин в этот вечер не был у них. Распутина он действительно видал несколько раз, но не в этот вечер. Вчера у него была вечеринка, справляли новоселье и перепились, а уходя, Дмитрий Павлович убил на дворе собаку. Государыня сейчас же послала это письмо министру юстиции. Кроме того, государыня приказала Протопопову продолжать расследование дела и вызвала военного министра, генерала Беляева (убитого впоследствии большевиками).

18 декабря.

Государыня и я причащались Св.Тайн в походной церкви Александровского дворца, где по этому случаю была отслужена литургия. Государыня не пустила меня вернуться к себе, и я ночевала в одной из комнат на четвертом подъезде Александровского дворца.

19 декабря.

Жуткие дни. Утром Протопопов дал знать, что тело Распутина найдено. Полиция в доме Юсуповых на следующее утро после убийства напала на широкий кровавый след у входа и на лестнице и на признаки того, что здесь происходило что-то необычайное. На дворе они в самом деле нашли убитую собаку, но рана на голове не могла дать такого количества крови... Вся полиция в Петрограде была поднята на ноги. Сперва у проруби на Крестовском острове нашли галошу Распутина, а потом водолазы наткнулись на его тело: руки и ноги были запутаны веревкой; правую руку он высвободил, когда его кидали в воду, пальцы были сложены крестом. Тело перевезли в Чесменскую богадельню, где было произведено вскрытие. Несмотря на многочисленные огнестрельные раны и огромную рваную рану в левом боку, сделанную ножом или шпорой, Григорий Ефимович был еще жив, когда его кинули в прорубь, так как легкие были полны водой.

Когда в столице узнали об убийстве Распутина, все сходило с ума от радости; ликование общества не было пределов, друг друга поздравляли. «Зверь был раздавлен, — как выражались, — злого духа не стало». От восторга впадали в истерику.

Протопопов спрашивал совета ее величества по телефону, где похоронить Распутина. Впоследствии он надеялся отправить тело в Сибирь, но сейчас же сделать это не советовал, указывая на возможность по дороге беспорядков. Решили временно похоронить в Царском Селе, весной же перевезти на родину. Отпевали в Чесменской

богадельне, и в девять часов утра в тот же день, 21 декабря, одна сестра милосердия привезла на моторе гроб Распутина. Его похоронили около парка, на земле, где я намеревалась построить убежище для инвалидов. Приехали их величества с княжнами, я и два или три человека посторонних. Гроб был уже опущен в могилу, когда мы пришли; духовник их величеств отслужил краткую панихиду, и стали засыпать могилу. Стояло туманное, холодное утро, и вся обстановка была ужасно тяжелая: хоронили даже не на кладбище. Сразу после панихиды мы уехали. Дочери Распутина, которые совсем одни присутствовали на отпевании, положили на грудь убитого икону, которую государыня привезла из Новгорода. Государыня не плакала часами над его телом, и никто не дежурил у гроба из его поклонниц.

Государь, вернувшись из Ставки 20-го числа, все повторял: «Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обгарены кровью мужика».

Если они раньше чуждались великих князей, расходясь с ними во взглядах, то теперь их отношения совсем оборвались. Их величества как бы ушли в себя, не желая ни слышать о них, ни их видеть.

Но Юсуповы и компания не окончили своего дела. Когда все их превозносили, они чувствовали себя героями. Великий князь Александр Михайлович отправился к министру юстиции Добровольскому и, накричав на него, стал требовать от имени великих князей, чтобы дело это было прекращено. В день приезда государя в Царское Село сей великий князь явился со старшим сыном во дворец. Оставив сына в приемной, он вошел в кабинет государя и также от имени семьи требовал прекращения следствия по делу убийства Распутина; в противном случае оба раза он грозил чуть ли не падением престола. Великий князь говорил так громко и дерзко, что голос его слышали посторонние, так как он почему-то и дверь не притворил в соседнюю комнату, где ожидал его сын. Государь передавал, что он сам не мог оставаться спокойным, так его возмутило поведение великого князя; но в минуту разговора он безмолвствовал. Государь выслал великих князей Дмитрия Павловича и Николая Михайловича, а также Юсупова из Петрограда. Несмотря на мягкое наказание, среди великих князей поднялась целая буря озлобления. Государь получил письмо, подписанное всеми членами императорского дома, с просьбой оставить великого князя Дмитрия Павловича в Петрограде по причине его слабого здоровья. Государь написал на нем: «Никому не дано право убивать». До этого государь получил письмо от великого князя Дмитрия Павловича, в котором он, вроде

Юсупова, клялся, что он ничего не имел общего с убийством.

Расстроенный, бледный и молчаливый, государь почти не разговаривал, и мы никто не смели беспокоить его. Через несколько дней государь принес в комнату императрицы перехваченное Министерством внутренних дел письмо княгини Юсуповой, адресованное великой княжне Ксении Александровне. Вкратце содержание письма было следующее. Она (Юсупова), как мать, конечно, грустит о положении своего сына, но «Сандро» (великий князь Александр Михайлович) спас все положение; она только сожалела, что в этот день они не довели своего дела до конца и не убрали всех, кого следует... Теперь остается только Ее (большими буквами) запереть. По окончании этого дела, вероятно, вышлют Николашу и Стану (великого князя Николая Николаевича и Анастасию Николаевну) в Першино, их имение... Как глупо, что выслали бедного Николая Михайловича!

Государь сказал, что все это так низко, что ему противно этим заниматься. Императрица же сидела бледная, смотря перед собой широко раскрытыми глазами... Принесли еще две телеграммы их величествам. Близкая их родственница «благословляла» Феликса на патриотическое дело. Это постыдное сообщение совсем убило государыню; она плакала горько и безутешно, и я ничем не могла успокоить ее.

Я ежедневно получала грязные анонимные письма, грозившие мне убийством и т. п. Императрица немедленно велела мне переехать во дворец, и я с грустью покинула свой домик, не зная, что уже никогда туда не возвращусь. По приказанию их величеств с этого дня каждый шаг мой оберегался; даже по дворцу меня не пускали ходить одной, не разрешили присутствовать и на свадьбе дорогого брата.

Мало-помалу жизнь во дворце вошла в свою колею. Государь по вечерам читал нам вслух. На рождество были обычные елки во дворце и лазаретах; их величества дарили подарки окружающей свите и прислуге; но великим князьям в этот год они не посылали подарков. Несмотря на праздник, их величества были очень грустны: они переживали глубокое разочарование в близких и родственниках, которым ранее доверяли и любили, и никогда, кажется, государь и государыня всероссийские не были так одиноки. Преданные их же родственниками, оклеветанные людьми, которые в глазах всего мира назывались представителями России, их величества имели около себя только несколько преданных друзей да министров, ими назначенных, которые все были осуждены общественным

мнением. Всем им ставилось в вину, что они были назначены Распутиным. Но это сущая неправда.

Штюрмер, назначенный премьером, был рекомендован государю еще после убийства Плеве. Он принадлежал к старому дворянству Тверской губернии, а не был из немецких выходцев.

Протопопов был назначен лично государем под влиянием хорошего впечатления, которое он произвел на его величество после его поездки за границу в должности товарища председателя Государственной думы. «Тем более, — писал государь, — что я всегда мечтал о министре внутренних дел, который будет работать совместно с Думой...» Протопопов, выбранный земствами, — товарищ Родзянко. Я не могу забыть удивление и возмущение государя, когда начались интриги; однажды, за чаем, ударив рукою по столу, государь воскликнул: «Протопопов был хорош и даже был выбран Думой и Родзянко делегатом за границу; но стоило мне назначить его министром, как он считается сумасшедшим!» Под влиянием интриг Протопопов стал очень нервным, а мне казался, кроме того, очень слабохарактерным. Во время революции он сам пришел в Думу, где его и арестовали по приказанию Родзянко.

Маклаковым государь был очарован и говорил: «Наконец я нашел человека, который понимает меня и с которым я могу работать». Но настало время, когда великий князь Николай Николаевич и другие стали требовать его удаления, и, по рассказам самого Маклакова, которые мне передавали, государь лично ему об этом сообщил на докладе. Маклаков расплакался... Он был один из тех, которые горячо любили государя, не только как царя, но и как человека, и был ему беззаветно предан.

Генерала Сухомлинова государь уважал и любил еще до его назначения военным министром. Блестяще проведенная мобилизация в 1914 году доказывает, что Сухомлинов не бездействовал. Главными его врагами были: великий князь Николай Николаевич, генерал Поливанов и знаменитый Гучков. Сухомлинову приписывалось бесконечное множество злодеяний. Английский писатель Вильтон говорит о нем: «Зачем гнали армию на Южном фронте так отчаянно вперед, когда не было надежды получить достаточное количество снарядов? Ответ можно найти в полном несогласии между штабом верховного главнокомандующего и военным министерством». Генерала Сухомлинова арестовали еще при государе и заключили в крепость. Затем, во время революции, судили и приговорили к пожизненной каторге.

Я просидела четыре месяца в Петропавловской крепости рядом с г-жой Сухомлиновой, которую раньше не зна-

ла. В страшные длинные ночи, когда мы всецело были в руках караула, ее стойкость и самообладание не раз спасали нас от худшего: солдаты уважали ее и боялись безобразничать. Она всегда занималась, читала, писала, когда позволяли, и из черного хлеба лепила прелестные цветы, краску брала с синей полосы на стене и кусочка красной бумаги, в которой был завернут чай. Суд оправдал ее, и она вышла при рукоплескании всего зала. Во время амнистии г-же Сухомлиновой удалось освободить ее престарелого мужа, перевезти его в Финляндию. После стольких несчастий, которые они перенесли вместе, г-жа Сухомлинова оставила своего мужа и вышла замуж за молодого грузина. Их обоих расстреляли большевики.

Много было разговоров и о митрополите Питириме, будто бы назначенном Распутиным. Государь познакомился с ним в 1914 году во время посещения Кавказа. Митрополит Питирим был тогда экзархом Грузии. Государь и свита были очарованы им, и, когда мы в декабре встретились с государем в Воронеже, я помню, как государь говорил, что предназначает его при первой перемене митрополитом Петроградским.

Митрополит Питирим был очень осторожен и умен. Их величества его уважали, но никогда не приближали его к себе. Когда он раз или два был у их величеств, темой разговора, как они рассказывали мне, была грузинская церковь, которая, по его словам, недостаточно поддерживалась Синодом, хотя, в сущности, была первой по времени христианской церковью в России. Митрополит Питирим, видимо, всей душой любил Грузию, где и он был очень любим. Он же первый завел речь о «приходах». Эти вопросы очень интересовали их величества, но они откладывали все вопросы до окончания войны.

После моего ареста Временным правительством одним из тяжелых оскорблений, которое вынесла моя бедная мать от Керенского, была клевета, что «все бриллианты, которые я имею, это подарки митрополита Питирима!».

Министр двора граф Фредерикс, который прослужил всю свою жизнь при дворе, сперва при Александре III, а потом при Николае II, был глубоко порядочным и беззаветно преданным. Ему не раз приходилось иметь дело со всевозможными денежными и семейными делами великих князей, что было очень нелегко. Несмотря на разные интриги, все его уважали, любили и понимали, что он не изменит своему принципу. Их величества очень любили его; особенно нежно к нему относилась государыня, называя в шутку «our old man». Он же, говоря о них, часто называл их «mes enfants». Государыня поверяла ему разные заботы и горести: «Как часто помогает он мне до-

брым советом!» Дом его был мне вторым родительским, а дочери его, госпожа Воейкова и бедная больная Эмма, — моими друзьями, которые мне никогда не изменили. У Эммы, несмотря на то, что она была горбатая, был прелестный голос. Государыня любила ей аккомпанировать. Граф Фредерикс был также арестован Временным правительством, но позже освобожден из-за преклонных лет. В 1924 году скончался в Финляндии.

Государя упрекают в том, что он не умел выбирать себе министров. В начале своего царствования он брал людей, которым доверял его покойный отец, император Александр III. Затем брал по своему выбору. К сожалению, война и революция не дали России ни одного имени, которое с гордостью могло бы повторить потомство. Вероятно, нигде в мире нравственность не упала так низко, как у нас, и нелегко это сознавать русскому, любящему свою родину.

Мы, русские, слишком часто виним в нашем несчастье других, не желая понять, что положение наше — дело наших же рук, мы все виноваты, особенно же виноваты высшие классы. Мало кто исполняет свой долг во имя долга и России. Чувство долга не внушалось с детства; в семьях дети не воспитывались в любви к родине, и только величайшее страдание и кровь невинных жертв могут омыть наши грехи и грехи целых поколений.

И тогда только встанет великая и могучая Россия, на радость нам и страх врагам нашим.

Распутин! Сколько написано книг, брошюр, статей о нем. Кажется, всякий, кто умел владеть пером, изливал свою ненависть против этого ужасного имени! Что могу сказать я, глупая женщина, когда весь мир осудил его, и все, кто писал, все видели своими глазами или знали из достоверных источников?

Но ради исторической правды я должна сказать, как и почему он имел влияние в жизни государя и государыни. Распутин был не монах, не священник, а простой «странник», которых немало на Руси. Их величества принадлежали к категории людей, верящих в силу молитвы подобных странников. Государь, как и его предок — Александр I, был всегда мистически настроен; одинаково мистически настроена была и государыня. Но не следует путать религиозное настроение со спиритизмом, верчением столов, вызыванием духов и т. д. Государыня предупредила меня, что если я хочу быть ее другом, то я должна обещать ей никогда не заниматься спиритизмом, так как «это большой грех». На это я ответила, что я никогда этим вопросом не интересовалась. Государыня с интересом читала религиозные книги на всех языках, интересовалась

религиями всего мира, читала переводы книг персидских и индийских религий и т. д. Первая книга, которую она дала мне в 1905 году, носила название: «*Les amis de Dieu*», сочинение XIV столетия. Я с трудом одолела эту книгу. Их величества говорили, что они верят, что есть люди, как и во времена апостолов, не непременно священники, которые обладают благодатью Божией и молитву которых Господь слышит. К числу таких людей, по их убеждению, принадлежал и Филипп, француз, который бывал у их величеств. Они познакомились с ним у великой княгини Милицы Николаевны, и он умер до моего знакомства с государыней. Я только слыхала от их величеств, что Филипп до своей смерти предрек им, что у них будет «другой друг, который будет говорить с ними о Боге». Появление Распутина, или Григория Ефимовича, как его называли, они сочли за осуществление предсказания Филиппа об ином друге. Григория Ефимовича ввел в дом великих княгинь Милицы и Станы Николаевны епископ Феофан, который был очень заинтересован этим необыкновенным странником. Их величества в то время находились в тесной дружбе с этими великими княгинями. По рассказам государыни, их поражал ум и начитанность Милицы Николаевны, которую близкие считали чуть ли не пророчицей. У нее их величества познакомились с Распутиным. Ее величество рассказывала мне о глубоком впечатлении, которое произвел на них сибирский странник, да и не только на них одних. Она рассказывала о том, как Столыпин позвал его к себе после взрыва в его доме — помолиться над его больной дочерью.

За месяц до моей свадьбы ее величество просила великую княгиню Милицу Николаевну познакомить меня с Распутиным. Приняла она меня в своем дворце на Английской набережной, была ласкова и час или два говорила со мной на религиозные темы. Я очень волновалась, когда доложили о приходе Распутина. «Не удивляйтесь, — сказала она, — я с ним всегда христосуюсь». Вошел Григорий Ефимович, худой, с бледным, изможденным лицом, в черной сибирке; глаза его, необыкновенно пронизательные, сразу меня поразили и напомнили глаза о. Иоанна Кронштадтского. «Попросите, чтобы он помолился о чем-нибудь в особенности», — сказала великая княгиня по-французски. Я просила его помолиться, чтобы я всю жизнь могла положить на служение их величествам. «Так и будет», — ответил он, и я ушла домой. Через месяц я написала великой княгине, прося ее спросить Распутина о моей свадьбе. Она ответила мне, что Распутин сказал, что я выйду замуж, но счастья в моей жизни не будет.

Через год я вновь встретила Распутина в поезде по дороге в Царское Село. Он ехал навещать семью одного из офицеров охраны.

Но когда же он стал таким, каким знает его весь мир? Когда приобрел он такое исключительное влияние? Чтобы ответить на этот вопрос, надо подробно описать моральное состояние русского общества этой эпохи, вполне ненормальное и доходившее до истеричности. В виде подтверждения моих слов расскажу, что я лично пережила после того, как меня арестовал Керенский весной 1917 года и я предстала в первый раз перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства.

Меня вывели полумертвую, после долгого заключения, из камеры № 70 Трубецкого бастиона в комнату, где сидели за огромным зеленым столом двадцать мудрых старцев-судей, грозно взиравших на мою особу. Вблизи барышни-машинистки в нарядных кофточках переговаривались и потихоньку хихикали. Я же сидела одна напротив них на скамье подсудимых, окруженная вооруженными солдатами, терла виски, так как голова нестерпимо кружилась от голода и душа разрывалась от невыплаканных слез. «Итак, скажите нам, — сказал председатель этого мудрою собрания, — кого Распутин называл цветком?» Или я сошла с ума, сидя в Трубецком бастионе, или они все сошли с ума, но я никогда не забуду этого вопроса. Я смотрела на этого человека, ничего не отвечая, и взгляд ли мой удивил его, или вопрос, который он мне задал, показался ему не столь важным, но он замолчал. После перешептывания последовал второй вопрос. «Это что за секретная карта, найденная у вас при обыске?» — грозно сказал один из судей, протягивая мне меню завтрака на «Штандарте» 1908 года, на оборотной стороне которого было обозначено расположение судов во время смотра в Кронштадте. Маленькой короной было обозначено место стоянки императорской яхты. «Посмотрите на год, — ответила я. — Правда, 1908-й?» Третий вопрос: «Правда ли, что бывшая государыня не могла без вас жить?» Зеленый стол с судьями кружился в утомленных глазах... Я отвечала: «Ах, господин председатель, как может счастливая мать и жена жить, не видясь с подругой?!» — «Можете идти», — сказал председатель, приказав держать «еще строже», так как я не хотела «говорить на допросе».

Вопрос о Распутине очень похож на этот допрос. Распутиным воспользовались как поводом для разрушения всех прежних устоев; он как бы олицетворял в себе то, что стало ненавистным русскому обществу, которое, как я уже писала, утратило всякое равновесие; он стал символом их ненависти. И на эту удочку словили всех: и муд-

рых и глупых, и бедных и богатых. Но громче всех кричала аристократия и великие князья и рубили сук, на котором сами сидели. Россия, как и Франция XVIII столетия, прошла через период полного сумасшествия и только теперь через страдание и слезы начинает поправляться от своего тяжелого заболевания. Плачут и проклинают большевиков. Большевики большевиками, но рука Господня страшна. Но чем скорее каждый пороется в своей совести и сознает свою вину перед Богом, царем и Россией, тем скорее Господь избавит нас от тяжких испытаний. «Аз есмь Бог отмщения, и Аз воздам».

Все книги пишут о влиянии Распутина на государственные дела и утверждают, что Распутин постоянно находился при их величествах. Обращу только внимание на то, что каждый его шаг со времени знакомства их величеств у великой княгини Милицы Николаевны до его убийства в юсуповском доме записывался полицией. Об организованной охране их величеств трудно себе вообразить. Были три рода охраны: дворцовая полиция, конвой и Сводный полк. Всем этим заведовал дворцовый комендант. Последним до 1917 года был генерал Воейков. Никто не мог быть принятым их величествами или даже подойти ко дворцу без ведома дворцовой полиции. Каждый из них, а также все солдаты Сводного полка на главных постах вели точную запись лиц, проходивших и проезжавших. Кроме того, они были обязаны сообщать по телефону дежурному офицеру Сводного полка о каждом человеке, проходившем во дворец. Каждый шаг их величеств записывался. Если государыня заказывала экипаж к известному часу, камердинер передавал по телефону в конюшню, о чем сейчас же докладывалось дворцовому коменданту, который передавал приказание быть начеку всей полиции: что-де экипаж заказан к двум часам. Это значило, что везде выходила полиция, тайная и явная, со своими записями, следя за каждым шагом государыни. Стоило ей остановиться где или поговорить со знакомыми, чтобы этих несчастных сразу обступила после полиция, спрашивая фамилию и повод их разговора с государыней.

Всем сердцем государыня ненавидела эту «охрану», которую называла «шпионажем», но была бессильна изменить раз заведенные порядки. Если я говорю, что Распутин приезжал два или три раза в год к их величествам, — последнее время они, может быть, видели его четыре или пять раз в год, — то можно проверить по точным записям этих полицейских книг. В 1916 году — год его смерти — лично государь видел его два раза. Но их величества делали одну ошибку, окружая посещения Григория Ефимовича «тайной». Это послужило поводом к раз-

говорам; то же они делали, видя Филиппа, что вызвало разговор, что их величества вертят столы. Каждый человек любит иметь некоторую интимность и хочет иногда остаться один со своими мыслями или молитвами, закрыть двери своей комнаты. Они на час позабывали о земном, слушая рассказы о его странствованиях и т. д. Проводили его каким-нибудь боковым ходом, по маленькой лестнице, принимали не в большой приемной, а в кабинете ее величества, предварительно пройдя, по крайней мере, сорок постов полиции и охраны с записями. Эта часовая беседа наделявала шуму на год среди придворных. Я несколько раз указывала ее величеству, что подобный прием вызывает гораздо больше разговоров. Императрица соглашалась, но следующий раз повторялось то же. Секретов потому во дворце не существовало. Принимали его обыкновенно вечером, потому что это было единственное время, когда государь был свободен.

Алексей Николаевич приходил до сна в голубом халатике посидеть с родителями и повидать Григория Ефимовича. Все они по русскому обычаю три раза целовались и потом садились беседовать. Он им рассказывал про Сибирь и нужды крестьян, о своих странствованиях. Их величества всегда говорили о здоровье наследника и о заботах, которые в ту минуту их беспокоили. Когда после часовой беседы с семьей он уходил, он всегда оставлял их величества веселыми, с радостными упованиями и надеждой в душе; до последней минуты они верили в его молитвы и еще из Тобольска мне писали, что Россия страдает за его убийство. Никто никогда не мог поколебать их доверия, хотя все враждебные газетные статьи им приносились и все старались им доказать, что он дурной человек. Ответ был один: «Его ненавидят, потому что мы его любим». Так что «заступаться» за него, как обо мне писали, мне, очевидно, не приходилось.

Ее величество доверяла ему, но два раза она посылала меня с другими к нему на родину, чтобы посмотреть, как он живет у себя в селе Покровском. Конечно, нужно было бы выбрать кого-нибудь опытнее меня, более способного дать о нем критический отзыв. Поехала я со старой г-жой Орловой, моей горничной, и еще двумя дамами. Мать меня очень неохотно отпускала. Из Тюмени до Покровского ехали восемьдесят верст на тарантасе. Григорий Ефимович встретил нас и сам правил сильными лошадами, которые катили нас по пыльной дороге через необъятную ширь сибирских полей. Подъехали к деревянному домику в два этажа, как все дома в селах, и меня поразило, как зажиточно живут сибирские крестьяне.

Встретила нас его жена — симпатичная пожилая женщина, трое детей, две немолодые девушки-работницы и дедушка-рыбак. Все три ночи мы, гости, спали в довольно большой комнате наверху на тюфяках, которые расстилали на полу. В углу было несколько больших икон, перед которыми теплились лампы. Внизу, в длинной темной комнате с большим столом и лавками по стенам, обедали; там была огромная икона Казанской Божией Матери, которую они считали чудотворной. Вечером перед ней собиралась вся семья и «братья» (так называли четырех других мужиков, рыбаков) все вместе пели молитвы и каноны.

Водили нас на берег реки, где неводами ловили массу рыбы и тут же, еще живую и трепетавшую, чистили и варили из нее уху; пока ловили рыбу, все время пели псалмы и молитвы. Ходили в гости в семьи «братьев». Везде сибирское угощение: белые булки с изюмом и вареньем, кедровые орехи и пироги с рыбой. Крестьяне относились к гостям Распутина с любопытством, к нему же безразлично, а священники — враждебно. Был Успенский пост, молока и молочного в этот раз нигде не ели; Григорий Ефимович никогда ни мяса, ни молочного не ел.

В 1915 году я еще раз ездила в Сибирь. В этот раз с моей подругой Лили Дэн и другими и со своим санитаром, так как была на костылях. В этот раз ехали мы на пароходе по реке Туре из Тюмени до Тобольска на поклон мощам Святителя Иоанна. В Тобольске останавливались в доме губернатора, где впоследствии жили их величества. Это был большой белый каменный дом на берегу реки — под горой; большие комнаты, обильно меблированные, но зимой, вероятно, холодные. На обратном пути останавливались в Покровском. Опять ловили рыбу и ходили в гости к тем же крестьянам. Григорий Ефимович же и его семья целый день работали в доме и в поле. Оба раза на обратном пути заезжали в Верхотурский монастырь на Урале, где говели и поклонялись мощам Св. Симеона. Посещали также скит, находившийся в лесу в двенадцати верстах от монастыря; там жил прозорливый старец отец Макарий, к которому многие ездили из Сибири.

Вспоминаю случай на одной из маленьких станций на Урале, который не могу объяснить. Стояли два поезда теплушек с китайцами-рабочими, ехавшими в Россию. Увидя Григория Ефимовича у вагона, вся толпа китайцев кинулась к нему, его окружили, причем каждый старался до него добраться. Напрасно уговаривали их старшины... Публика высыпала из вагонов посмотреть, что будет, но наш поезд тронулся. Китайцы провожали его восклицаниями, махая руками.

Квартира Распутина в Петрограде, где он проводил больше всего времени, была переполнена всевозможной беднотой и разными просителями, которые, воображая себе, что он имеет огромную власть и влияние при дворе, приходили к нему со своими нуждами. Григорий Ефимович, перебегая от одного к другому, безграмотной рукой писал на бумажках разным влиятельным лицам записки почти всегда одного содержания: «Милый дорогой прими» или «Милый дорогой выслушай». Несчастные не знали, что менее всего могли рассчитывать на успех, прося через него, так как все относились к нему отрицательно. Одно из самых трудных поручений государыни — большей частью из-за болезни Алексея Николаевича — это было ездить на квартиру Григория Ефимовича, всегда полную просителями и часто — проходимцами, которые сейчас же обступали меня и не верили, что я ни в чем помочь им не могу, так как я считалась чуть ли не всемогущей. Все эти прошения, которые шли через Григория Ефимовича и которые он привозил последние годы в карманах их величествам, их только сердили; они складывали их в общий пакет на имя графа Ростовцева, который рассматривал их и давал им законный ход. Но, конечно, это создавало массу разговоров, и я помню, как благомыслящие люди просили их величества дать Григорию Ефимовичу келью в Александрово-Невской лавре или другом монастыре, дабы там оградить его от толпы, газетных репортеров и всяких проходимцев, которые впоследствии, чтобы очернить их величества, пользовались его простотой, увозили с собой и напаивали его, но их величества тогда не обратили внимания на эти советы.

Раз, идя к нему, я встретила на лестнице бедного студента, который просил меня купить ему пальто. Единственное письмо, полученное мною по почте в Петропавловской крепости, было от этого студента, который молился о моем освобождении. Он был один из немногих лиц, приходивших в квартиру Распутина, который оставил после себя приятное воспоминание.

Расскажу случай с одной моей близкой знакомой, который объяснит, как он смотрел на жизнь, а также его некоторую прозорливость или чуткость. Одна молоденькая дама однажды при мне заехала к Григорию Ефимовичу по дороге на свидание со своим другом. Григорий Ефимович, посмотрев на нее пристально, стал рассказывать, как на одной станции монах угощал его чаем, спрятав бутылку вина под столом, и, называя его «святым», задавал вопросы. «Я — святой, — закричал Григорий Ефимович, хлопнув кулаком по столу, — и ты просишь меня тебе помочь; а зачем же ты прячешь бу-

тылку вина под столом?» Дама побледнела и растерянно стала прощаться.

Помню, как-то в церкви подошел к нему почтовый чиновник и просил помолиться о больной. «Ты меня не проси, — ответил он, — а молись Св. Ксении». Чиновник в испуге и удивлении вскрикнул: «Как вы могли знать, что жену мою зовут Ксенией?» Подобных случаев я могла бы рассказать сотни, но их, пожалуй, так или иначе можно объяснить, но гораздо удивительнее то, что все, что он говорил о будущем, сбывалось...

Следующий факт из жизни наследника тронет сердце каждой матери. Все знают, что во время постоянных заболеваний Алексея Николаевича их величества всегда обращались к Распутину, веря, что его молитва поможет бедному мальчику. В 1915 году, когда государь стал во главе армии, он уехал в Ставку, взяв Алексея Николаевича с собой. В расстоянии нескольких часов пути от Царского Села у Алексея Николаевича началось кровоизлияние носом. Доктор Деревенко, который постоянно его сопровождал, старался остановить кровь, но ничего не помогало, и положение становилось настолько грозным, что Деревенко решил просить государя вернуть поезд обратно, так как Алексей Николаевич истекает кровью. Какие мучительные часы провела императрица, ожидая их возвращения, так как подобного кровоизлияния больше всего опасались. С огромными предосторожностями перенесли его из поезда. Я видела его, когда он лежал в детской: маленькое восковое лицо, в ноздрях окровавленная вата. Профессор Федоров и доктор Деревенко возились около него, но кровь не унималась. Федоров сказал мне, что он хочет попробовать последнее средство — это достать какую-то железу из морских свинок. Императрица стояла на коленях около кровати, ломая себе голову, что дальше предпринять. Вернувшись домой, я получила от нее записку с приказанием вызвать Григория Ефимовича. Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу. По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил наследника, сказав родителям, что серьезного ничего нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось. Государь на следующий день уехал в Ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло. Но это — факт. Поняв душевное состояние родителей, можно понять и отношение их к Распутину: у каждого человека есть свои предрассудки, и, когда наступают тяжелые минуты в жизни, каждый переживает их по-своему; но самые близкие не хотели понять положения и — поняв — объяснить тем, кого заведомо вводили в заблуждение.

Что касается денег, то Распутин никаких денег от их величеств не принимал, никогда от них никаких денежных сумм не получал, за исключением сотни рублей, которые посылали ему иногда на извозчика. Вообще деньги в его жизни не играли роли: если ему давали, он сразу же их раздавал. Семья его после его смерти осталась в полной нищете.

В 1913 году, помню, министр финансов Коковцов предложил ему 200 000 рублей с тем, чтобы он уехал из Петербурга и не возвращался. Предложение это обидело Григория Ефимовича. Он ответил, что если «папа и мама» хотят, то он, конечно, уедет, но зачем же его покупать. Знаю много случаев, когда он помогал во время болезней, но помню также, что он не любил, когда его просили помолиться о больных младенцах, говоря: «Жизнь вымолишь, но примешь ли ты на себя грехи, которые ребенок натворит в жизни».

Вспоминаю также эпизоды с одним из знаменитых врагов Распутина монахом Илиодором, который в конце всех своих приключений снял рясу, женился и живет в Америке. Он, безусловно, был ненормальный человек. Этот Илиодор затеял два покушения на Распутина. Первое ему удалось, когда некая женщина, Гусева, ранила его ножом в живот — в Покровском. Это было в 1914 году за несколько недель до начала войны. Второе покушение было устроено министром Хвостовым с этим же Илиодором, но последний послал свою жену в Петроград со всеми документами и выдал заговор. Все эти личности вроде Хвостова смотрели на Распутина как на орудие к осуществлению их заветных желаний, воображая через него получить те или иные милости. В случае неудачи они становились его врагами. Так было с великими князьями, епископами Гермогеном, Феофаном и другими. Я уверена, что Илиодор также ненавидел государыню и написал одну из самых грязных книг о царской семье. Прежде чем издать ее, он сделал государыне письменное предложение купить эту книгу за 60 000 рублей, грозя в противном случае издать ее в Америке. Помню, это было в Ставке в 1916 году. Государыня возмутилась этим предложением, заявив, что пусть Илиодор пишет, что он хочет, и на бумаге написала: «Отклонить». При Временном правительстве брат его занимался выдачей заграничных паспортов.

Судебное расследование Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства доказало, что политикой Распутин не занимался и у их величеств разговоры с ним были всегда на отвлеченные темы и о здоровье маленького наследника. Вспоминаю только один случай, когда действительно Григорий Ефимович оказал влияние на

внешнюю политику. Это было в 1912 году, когда Николай Николаевич и его супруга старались склонить государя принять участие в Балканской войне. Распутин чуть ли не на коленях перед государем умолял его этого не делать, говоря, что враги России только и ждут того, чтобы Россия ввязалась в эту войну, и что Россию постигнет неминуемое несчастье.

В начале войны с Германией Григорий Ефимович лежал, раненный Гусевой, в Покровском. Он тогда послал две телеграммы его величеству, умоляя «не затевать войны». Он и ранее часто говорил их величествам, что с войной все будет кончено для России и для них. Государь, уверенный в победоносном окончании войны, тогда разорвал телеграмму и с началом войны относился холоднее к Григорию Ефимовичу.

Последний раз государь видел Распутина у меня в доме в Царском Селе, куда по приказанию их величеств я звала его. Это было приблизительно за месяц до его убийства. Здесь я убедилась лишний раз, каким пустым вымыслом был пресловутый разговор о желании сепаратного мира, указывая, что это желание — то государыни, то Распутина, Штюрмера или других. Государь приехал озабоченный и, сев, сказал: «Ну, Григорий, помолись хорошенько; мне кажется, что сама природа идет против нас сейчас». Он рассказывал, что из-за снежных заносов не успевают подвозить хлеб в Петроград. Григорий Ефимович ободрил его, сказав, что главное — не надо заключать мира, так как та страна победит, которая покажет более стойкости и терпения. Государь согласился с этим, заметив, что у него есть сведения, что и в Германии сейчас плохо с продовольствием. Затем Григорий Ефимович указал, что надо думать о том, как бы обеспечить всех сирот и инвалидов после войны, чтобы «никто не остался обиженным: ведь каждый отдал тебе все, что имел самого дорогого». Когда их величества встали, чтобы проститься с ним, государь сказал, как всегда: «Григорий, перекрести нас всех». — «Сегодня ты благослови меня», — ответил Григорий Ефимович, что государь и сделал. Чувствовал ли Распутин, что он видит их в последний раз, не знаю, хотя то, что он говорил, сбылось.

Со своей смертью Распутин ставил в связь большие бедствия для их величеств. Последние месяцы он ожидал, что его скоро убьют.

Распутина считали и считают злодеем без доказательства его злодеяний. За его бесчисленные злодеяния его убили — без суда, несмотря на то, что самым большим преступникам во всех государствах полагается арест и суд, а уж после — казнь.

Владимир Михайлович Руднев, производивший следствие при Временном правительстве, был один из немногих, который старался распутать дело о темных силах и выставить Распутина в настоящем свете, но и ему было трудно: Распутин был убит, а русское общество было психически расстроено, так что мало кто судил здраво и хладнокровно. В следствии Руднева заметно, как при самых лучших намерениях он часто смешивает показания и свидетельства с личными выводами. Но брошюра его очень ценна, потому что он единственный имел гражданское мужество ради истины встать на точку зрения здравомыслящего человека, не заразившись стадным мнением русского общества в 1917 году. Честный и беспристрастный судья, Руднев не мог оставаться в Чрезвычайной комиссии, где Муравьев заставлял его действовать против его убеждений и совести.

Я всегда сожалела, что, если Распутина считали виноватым, его не судили, как следует, со свидетелями и т. д. Убийство же его — одна из самых темных страниц в истории русского общества, и вопрос о его виновности остается неразрешенным.

Я глубоко сожалею о том, что Руднев лично не видал его и не имел случая беседовать с ним. Меня он допрашивал не более как пятнадцать раз (по четыре часа каждый раз). Помню, как добросовестно он старался ради исторической правды отделить факты от массы истеричных сплетней. Всей душой благодарю Бога, что нашелся единственный порядочный русский человек, который имел смелость сказать правду, все же другие, члены императорской фамилии и высшего общества, которые знали меня с детства, танцевали со мной на придворных балах, знали долгую, честную и беспорочную службу моего дорогого отца, все беспощадно меня оклеветали, выставляя меня какой-то проходимкой, которая сумела пролезть к государыне и опутать ее.

Когда начались гонения на Распутина и в обществе стали возмущаться его мнимым влиянием, все отреклось от меня и кричали, что я познакомила его с их величествами. Легко было свалить вину на беззащитную женщину, которая не смела и не могла выразить неудовольствие... Они же, сильные мира сего, спрятались за спину этой женщины, закрывая глаза и уши всем на тот факт, что не я, а великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич с их женами привели во дворец сибирского странника. Не будь этого, он жил бы, никому не мешая, на своей далекой родине.

Читая записки Палеолога, я нашла, что автор не точно передал о своем знакомстве с Распутиным. Так как сви-

дание происходило в доме моей сестры, то я имею возможность внести существенную поправку в его рассказ. Палеолог приехал в дом сестры с княгиней Палей, желая с ним лично познакомиться. При свидании княгиня Палей служила переводчицей слов Распутина; после почти часовой беседы Палеолог встал и расцеловался с ним, сказав: «Voilà véritable illuminé».

Два месяца после убийства Распутина государь оставался в Царском Селе, поглощенный заботами о войне. Их величества глубоко верили в ее блестящее окончание.

ДНЕВНИК

I

ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ

[Французский текст]

17 мая 10².

Мне кажется — я несу на плечах кувшин с очень крепким вином. Кто его попробует — опьянеет. Я боюсь его опрокинуть. Дорога каждая капля. Это все то, что я в себя впитала: слова, разъяснения папы и мамы³ и всех тех, кто плюет на них из-за меня.

Я должна пролить это вино. Записать все то, что меня волнует. Когда понадобится узнать жизнь наших правителей, ключ к этому можно будет найти в моей тетради.

Папа⁴ упрекает меня в тщеславии, в том, что я бросаю семью, что не рассказываю ему того, что вижу. Но как рассказать? Рассказать — это значит сбросить на его спину всю ту грязь, которую сбрасывает на меня мама.

Они не могут понять, что того, что может выдержать женщина, не может выдержать ни один мужчина. Женщина — словно кошка, которая все переварит в своем желудке и заснет. Ни один мужчина, ни один царь, ни одна царица не скажут мужчине того, что скажут женщине. А почему? Потому, что, когда кувшин опрокидывается, женщину гораздо проще и легче сгубить. Она — это выжимки, губка, которая впитывает. Придет необходимость — и губку выжмут.

19 июля

Задыхаюсь! Вчера опять провела несколько часов у мамы. Она рассказывала мне про [190]5 и [190]6 годы и потом — как и почему я стала ей так близка, с какого времени и с какого часа.

Она рассказала мне сон, который приснился ей перед тем, как отправляться свадебным поездом в Россию. Это было в день отбытия царского поезда. Мама рассказывает:

— Я не любила Ники⁵. Я его боялась. Бывали минуты, когда я его ненавидела. Но за несколько дней до нашей свадьбы я почувствовала к нему такую жалость, такую теплоту... Он — моя судьба, это от Бога... его надо любить...

С ним⁶ у меня была детская любовь; и он знал, что не смеет помышлять о русской царице⁷.

И потом мама сказала, ей уже с детства было известно, что ее ждет исключительная судьба. В семье на нее смотрели как на солнце. Это случилось так. Когда она родилась и ее принесли к королю⁸, было уже темно. И вдруг луч солнца осветил комнату. Король испугался. Кормилица тоже. Тогда Агинушка⁹ (она была взята в качестве няни) сказала:

— Молитесь Богу, родилась царица!

Что это было, откуда взялось это солнце? Никто не знал. Говорили о северном сиянии. Никто этого не знал. Это было чудо, так думает мама.

Между прочим, я должна сказать, что я никогда не встречала людей, которые верили бы в чудеса и в чудесное так, как папа и мама. Мама даже еще больше папы. Обыкновенно мама говорит мало, и когда она говорит о чем-нибудь серьезном, это так скучно и малоинтересно. Но когда она заговаривает о чудесах или о необычайном, она тотчас же преображается, она почти горит. Папа заметил это тоже. Он говорит:

— Если бы ты не была царицей, то была бы пророчицей!

Мама смеется, она говорит:

— Может быть, тогда бы меня больше почитали!

Папа говорит еще:

— Когда мама ночью начинает говорить о чудесном, тело ее горит, подушка горит. И вот, — говорит он, — тогда нет никого лучше ее. Никого. Все красавицы перед ней — труха.

Возможно.

9-е

Отозвали, не дают кончить. Эти два дня все кипит. Все говорят о¹⁰... Думе¹¹. Дума пугает всех. Особенно папу.

10-е

Обращаюсь опять к рассказу мамы.

— Я росла, — говорит она, — как царица.....¹² только игра, и что серьезное еще не пришло. И когда Лиза¹³ уехала в Москву, мне было так страшно. Она выдумала, что солнце взойдет оттуда, и когда я приехала во дворец, и Гневная¹⁴ там зашипела, как змея, и назвала меня Гессенская муха, и Ники не захотел меня сопровождать, я так рассердилась! И я решила пребольно ужалить. Гневная должна была узнать, что муха тоже может быть очень

злой. А относительно Ники я подумала: «Не буду его любить, буду мучить!» И потом, знаешь, когда за мной приехали, я стала собираться в Россию уже со злобой царицы. И вот, перед отъездом, у меня вдруг появилось к Ники такое доброе и мягкое чувство. Это были божьи солнечные лучи. Его надо было любить ради Бога...

В последние дни перед моим отбытием с царским поездом меня укладывали рано. Мне делали растирания: боялись припадка.

23-е

Мама заболела в возрасте 14 лет, когда у нее начались менструации. В это время у нее начинается сонливость. Она засыпает. Потом во время сна у нее делаются конвульсии. Она бьется по несколько минут. Потом успокаивается. Снова засыпает. Начинает говорить или петь — ужасающим образом. Ее лечили. Это прошло. Когда ей исполнилось 18 лет, болезнь стала возобновляться, но редко: два-три раза в год.

Она уже заранее чувствовала приближение судорог. За несколько дней до отбытия царского поезда у нее была тошнота. Так всегда начинались припадки. Агинушка сделала ей растирание. Растирание делалось всегда перед судорогами. Его надо было делать очень осторожно, так как оно могло подействовать усыпляюще. В тот день она легла ровно в одиннадцать часов. Она уснула тотчас же. У нее находилась Агинушка. Ей приснился сон. Она так рассказывает:

— Я видела сон. Мне приснилось, что прибыла царская карета. Впереди я увидела белых лошадей, но очень маленьких, точно игрушечных. Это было забавно. Как повезут они карету? А на козлах — царь Николай. На нем длинная белая рубашка, на голове корона, разутый, и в руке золотой прут. Я спрашиваю — что это за наряд на царе. Мне говорят: так надо. А почему он сидит на козлах, а не рядом со мной? Потому что с этими лошадьми может справляться только он. Я засмеялась: ведь это же не лошади, а игрушки!.. А теперь начинается самое ужасное... Он стегнул лошадей, они понеслись, как птицы. Бегут по улицам, давя людей. Я слышу хруст ломаемых костей. Вижу кровь. Кровь брызжет на меня, в лицо, на руки, я вся в крови. Меня бросает и швыряет во все стороны... Я кричу, прошу остановиться... Но царь продолжает размахивать золотым прутком. И они бегут, бегут!.. Мы очутились перед какой-то стеной. Говорят, это Кремль. Хочу подняться — не могу. Вижу перед собой двух людей. Молодую в черной вуали, опирающуюся на палку, и рядом

с ней мужика, рябого, босого, в белой, как и царь, шелковой рубаше, со страшными глазами. Я кричу, зову никто не идет ко мне... Подошла только эта дама. Она помогала мне выйти из кареты. Я хочу идти, но чувствую, что мне трудно двинуться.....¹⁵ Проснувшись, я долгое время не могла прийти в себя.

Царица боится этого сна и никому его не рассказывает. Папе она рассказала этот сон уже позднее, когда они остались наедине. Он очень взволновался.

Мне мама рассказала этот сон, потому что она говорит: — Когда я увидела тебя на берегу Лебяжьего озера¹⁶ в парке, я тотчас же тебя узнала: ты была та дама, которую я видела во сне...

9 июля.

Я записала и сон мамы, и то, что она говорит; это не что иное, как.....¹⁷. Дело в том, что до тех пор я не ходила с палкой¹⁸. Это случилось в вагоне.

6-й год.

До того времени ни папа, ни мама не обращали на меня внимания. Я не была ни красива, ни интересна для того, чтобы выдвинуться. Это был только случай. Божье чудо.

В конце 4-го года¹⁹ судороги у меня стали сильнее: бывали дни, что я не могла встать с постели, так как не могла держаться на ногах. Я по целым дням лежала, и в тот день тоже. [Но] в тот день я встала и пошла в парк, к озеру. Там я встретила маму. Я хотела сделать реверанс, у меня было намерение бросить палку, но я побоялась упасть. Мама все заметила; она вдруг заволновалась; я подумала — от неожиданности. Я подошла к ней — я была в туфлях — и сделала грациозный реверанс. Вечером меня позвали к ней, и с той поры, с того вечера, она меня очень полюбила, и я стала ее любимицей.

Мама говорит:

— Прошло уже более десяти лет со времени того сна. Я его забыла и боялась вспомнить. Но, когда я увидела тебя в черном шарфе, с палкой, я узнала тебя тотчас же. Это ты помогла мне выйти из кареты.

9/9

В этом случае мама говорит правду. Я знаю, что стала ей очень близка с тех пор, как она отняла у меня любимого человека. Я могла бы написать об этом много печального.

17 августа

Этот сон выдвинул еще одного человека²⁰. В нем наше спасение... Все удары я должна принимать на свою голову. Отец всегда говорит, что царская милость остра и жгуча, как чесотка. Ну что ж, пусть так! Если бы я и хотела бежать от царской милости — не могу. Вчера мама говорила про [190]5 и [190]6 гг. Они все думают, что это папа опрокинул горшок с угольями и что он поджег Россию.

Нет, это сделала мама. Она сделала это для того, чтобы спасти трон. Мама при первом причастии²¹ дала клятву спасти Россию. Она говорит, что одна капля царской крови стоит дороже, нежели миллионы трупов холопов.

— Народ, — говорит мама, — умирает потому, что его обманывает интеллигенция.

Это те, кто хочет стать во главе государства. Мама спасает от них трон.

19 сентября.

Одна вещь кажется мне неверной.

Мама думает, что папа слушается ее во всем, это не так. Он всегда готов «надеть черные штаны» и опрокинуть, когда нужно, горшок. Он отлично может любить — и всех обманывать. Он любит решать сразу же. Ему также очень нравится, когда мама и Гневная думают, что он действует в их выгодах. Только бы они были довольны.

А для него это вздор. Он смеется над ними.

5 декабря.

Папа приказал, чтобы позаботились принять Беннигсенна²². Этот гр. Б[еннигсенн], очевидно, весьма занят своей судьбой. Говорят, он очень богат. Не думает ли папа связать его судьбу с судьбой Шуры²³? Пускай он сам поговорит со мной.

5/3 1909.

Я очень люблю маму — так, как не люблю никого другого. Но, признаюсь, она держит меня тем, что я ее боюсь. Не то чтобы я боялась царского гнева (отец меня этим пугает), тут что-то другое. Она заразила меня своим страхом. Она боится чего-то. Боится, но сама не знает чего, она только [что-то] чувствует.

О, как она несчастна!

У нее всегда предчувствия и страх.

Она боится и ждет... ждет чего-то ужасного. Она человек довольно злой, вернее — жестокий, но когда она спокойна — бывает очень добра и мягка. [Но] только с теми, кому она верит; к сожалению, она не верит никому, даже папе.

Но самая ужасная беда в том, что она очень мстительна. Ни одной обиды она не забыла и не простила, она это всегда говорит.

— Они сразу же сделали меня злой.

Они — это Витте²⁴ и Гневная.

При дворе не тайна, что мама и Гневная два бунтующих лагеря. И каждый из них старается перетянуть папу на свою сторону. Несчастье этой семьи состоит в том, что папа все время кидается то к Гневной, то опять к маме. В действительности же он обманывает и маму и Гневную. Он смеется над ними. Они им управляют. Толкают его. И он как будто ведет их линию. Но недолго. Он старается сделать по-своему, но от этого всем только хуже. По своей натуре он человек не злой, чувствительный, однако иногда бывает хуже всякого изверга. Дикий и хищный зверь, когда рассердится. В нем живет какое-то непонятное упрямство. Гневную оскорбляет, что им руководят другие. И потому он держится своей линии. Когда мама начинает что-нибудь ему говорить, он отвечает:

— Я — царь, а царю можно только советовать!

Иногда он начинает издеваться и говорит, смеясь:

— Может быть, ты и права, но я сделаю так, как хочу.

Вот почему в конце концов все идет вверх ногами. Мама говорит, что Гневная хочет вести свои любовные дела как Екатерина²⁵. С той только разницей, что Катерина никого не пускала дальше своей постели, а у Гневной они роются в письменном столе. Гневная набралась от своего кавказца²⁶ вольных мыслей и толкает папу на конституцию. Папа не понимает, что Россия не Германия, что он — не Вильгельм Германский²⁷. Вильгельм управляет конституцией, а когда конституция будет в России — она обернется против Николая, и его прогонят, когда найдут, что довольно. Мама убеждена во всем этом. Но как внушить эти мысли папе, она не знает. Внушить ему мало: его надо запугать. Когда его пугают, он становится грустным, его охватывает страх. В продолжение нескольких дней он слушается и все исполняет, потом начинает пить и снова все приводит в беспорядок. И тут начинается та неразбериха, от которой все министры теряют голову.

14 мая 09.

Вчера мама сказала:

— Я люблю русские сказки и русские пословицы. Самая лучшая пословица — это: ночная кукушка денную перекукует.

Это значит — мама думает, что она победила Гневную. Но мне кажется — это не совсем так.

Иногда получается такая чепуха, происходит столько ненужного зла...

Чтобы уязвить Гневную, мама убедила папу разрешить в.к. Павлу²⁸ иметь детей²⁹ при себе, а сама смеется:

— Я знаю, что Павлик точно баран, а жена его овца³⁰, но если их защищает Гневная — пускай она помучается!..

Мама особенно не любит Витте. Он вообще ей неприятен, и, кроме того, ему покровительствует Гневная. Она ненавидит его уже давно. И вот почему.

Когда бар. Фр[едерикс]³¹ спросил его, как он находит маму (это было еще до свадьбы), он сказал:

— В ней мало мягкости, и характер скрытный... И кроме того, Дармштадт всегда был гнездом нищих и шарлатанов!

Слова эти были переданы папе (так думает мама), и вследствие этого он был так холоден к ней первое время.

Другое большое оскорбление состояло в следующем.

Однажды, уже спустя много времени после свадьбы, король Эдуард VII³² (тогда еще принц Уэльский), дядя мамы, обидел папу. Это было так. Принц Уэльский долго беседовал с Витте, который знакомил его с А[лександром] III, А[лександром] II и вообще со всей династией, так что он познакомился со всеми царями. Во время завтрака принц восхищался фигурой и лицом Ал[ександра] III. Потом взглянул на папу и сказал:

— Ни одной отцовской черты!.. Жалко!

И прибавил:

— Положительно, большое сходство с императором Павлом³³.

Подобную мысль, по мнению мамы, могли внушить ему только министры, а главное — Витте, который с самого начала невзлюбил молодого царя. Гневная тоже говорила, что у Ники очень опасные черты характера Романовых, от них только мог он унаследовать утрюмый нрав и скрытность. И, зная эти черты, и она сама, и его министры всегда старались выпытать, что он думает. Конечно, лучше всего это делал Витте, так как он очень умен.

13 октября.

Я записываю все это, потому что мне очень часто кажется, что самые важные дела обделываются здесь как бы случайно. И, главное, все зиждется на том, что каждый

устраивается так, как ему больше нравится, и на том, что кто-нибудь ловко надувает. В этом много зла и глупости.

В Ходынке³⁴ мама решительно обвиняет Гневную и в.к. С[ергея] А[лександровича]³⁵. Она говорит:

— Это все устроил этот барбос под давлением Гневной. Тут был умысел на жизнь царя. Хотели восстановить против нас московскую чернь.

И, несмотря на то что все разуверяют маму, она настаивает на том, что это так:

— Гневная хотела сразу же подорвать престиж царя. И В[итте] также!.. Она ни перед чем не остановится!

Мама хранит записку Власова³⁶. Как она ее получила, мне неизвестно. Я думаю, ее тихонько подсунула М[илица] Черногорская³⁷. В этой записке он пишет кн. Волконскому³⁸ (это было еще до Ходынки, во время коронации):

«Вдовствующая и молодая рвут меня в разные стороны. Он же³⁹ — и тут и там. Но только с канарейкой⁴⁰. Сюда он ее привезти не может. Так вот, дадим ему.....⁴¹ с золотой рыбкой, а там посмотрим!»

Золотой рыбкой тогда называли одну московскую цыганку-гадалку, которая управляла Москвой и безмозглым барбосом С[ергеем].

Мама истолковала эту записку в том смысле, что все уже было подготовлено к тому, чтобы обмануть папу, и что Ходынка была целой организацией.

— Я не верю, чтобы это был недосмотр. За такой недосмотр расстреливают! Тут нечто другое. Нужна была не гора трупов простого народа, а только одна голова!

Этому она верила так же твердо, как и всем своим заключениям.

Когда Муравьев⁴² докладывал потом папе о Ходынке, она ему сказала:

— Теперь, царь, ты будешь знать больше, чем тебе докладывают министры!

26 июня.

В бумагах мамы была в то время записка Плеве⁴³, в которой он писал:

«Если вашему величеству угодно, Вы будете знать, кто главные враги трона и откуда ждать выпадов».

Он имел в виду великих князей А.⁴⁴ и М[ихаила]⁴⁵.

— Ходынка, — говорит мама, — показала мне, что я должна спасти царскую семью. И что мне не на кого надеяться.

Гневная сделает все, чтобы убрать папу с дороги. Прежде всего ее влияние на папу сказалось в том, что он приблизил к себе великих князей. А она знала, что они

могут явиться серьезной опасностью. Что она знала это действительно, видно из того, что, пользуясь при жизни А[лександра] III большим влиянием, она настояла на том, чтобы их держали в страхе и на почтительном расстоянии, а тут их спустили с цепи. Их много, и им много надо, особенно их б..... Чтобы урвать кусок пожирнее, всякий гнет по-своему и в свою сторону.

16 октября.

В своей записке Плеве указывает маме, что Россия находится в опасности, что атаку на самодержавие ведут не только социалисты, но главным образом великие князья.

«Его величество, Алек[сандр] III, — пишет Плеве, — ....⁴⁶ Россию, а великие князья хотят разорвать ее на куски. Опасность раздела идет от них. Они не только рвут ее на куски, но поговаривают и о чем-то худшем, нежели конституция».

19 октября.

Мама уверяет, что под давлением и под руководством Н[иколая] Н[иколаевича]-ст[арше]го⁴⁷ [?] был разработан план раздела России на округа. На четыре части. Кавказ предполагалось отдать Н[иколаю] Н[иколаевичу]⁴⁸, Малороссию — М[ихаилу] А[лександровичу], а Сибирь одному из Константиновичей⁴⁹. Центральную же Россию — папе. И он должен был это провозгласить. Предлагали гогенцол[лернскую] систему.

Эту записку мама получила уже давно, по-видимому, через Рому⁵⁰.....⁵¹ всегда старались рассорить всех великих князей. В этой работе принимала участие Гневная.

8 ноября 09.

Вчера провела целый день у мамы, она третий день не выходит из своей комнаты. Она впервые узнала про Агинушку. Придворные дамы ее не любят: они на одних правах с нянькой; она очень близка к маме; ее называют «Совой» и «Графией от корыта».

— Агинушка, — рассказывает мама, сказала мне перед отъездом в Москву⁵²: «Я вижу на дороге черный крест».

В ночь перед отъездом она дала выпить папе и маме голубиной воды. Мама вполне убеждена, что Агинушка может отвратить всякую беду, если ее почувствовать за день. Она спасает маму от болей, от сонливости и от тоски. Голубиную воду она prepares сама. Приносит святой воды, [воды] из колодца и прибавляет голубиной

крови. Эту воду она дает пить маме и папе и кропит ею их постель.

6-е.

Из чудес Агинушки я отлично помню пророчество в ночь под Рождество Богородицы. В это время салон Бекеркиной⁵³ был особенно в ходу. Там орудовали молодой фон Валь⁵⁴ и П. Д.⁵⁵ («Дурныш», как называл его папа).

Там впервые говорили о плане раздела России на четыре округа. Этот слух очень волновал маму. В это время Гневная вызывала Ламсдорфа⁵⁶. Там говорили, что если папа не будет слушать В[итте] и не изменит своих мыслей относительно политики, то будет война с Японией. По этому поводу мама сказала папе:

— Лучше какая угодно война, чем революция, или что-бы ты был старшим дворником у великих князей.

Папа согласился с мамой и сказал, что Плеве, который чрезвычайно предан трону, говорит: «Война даст нам победу, и тем самым мы раздавим всякую революцию — и снизу и сверху».

13-е.

Мы сидели и разговаривали. Вдруг входит Агинушка. Она имела свободный доступ к Маленьк[ому]⁵⁷. Она была очень бледна, говорила шепотом и шаталась.

— Я только что, — сказала она, — только что видела что-то ужасное про тебя и про цариньку (так она зовет папу).

— А что же? — спросила мама.

Она была очень испугана.

— Гроза, — говорит она, — гроза... Слышите — ломает деревья... вырывает с корнем... Птенцы из гнезд падают...

Действительно, в парке⁵⁸ гремела гроза, но мы этого раньше не заметили. Мы испугались. Она говорит:

— Нева из берегов выйдет... зальет красной волной... Страшно будет!.. Шатается, шатается трон...

Мама вся дрожит.

— Как, — говорит, — опять война?

— Нет... нет... у тебя в доме кровь!

Мама в отчаянии вцепилась в меня.

— Что делать?.. Что? Что?

— Бойся, — говорит она, — седого ближнего и чужого гордого... Сломим их — или они тебя сломят!

Мама полагает, что «седой ближний» — это Н[иколай] Н[иколаевич], а «гордый» — Витте.

18 июля 09.

Когда вчера [приехал] Витте — мама его не приняла. Я не знаю, кто его больше ненавидит, папа или мама. Папа говорит:

— Я не выношу его, потому что он восстанавливает против меня интеллигенцию!

Интеллигенцию же папа не любит и подавно. Он произносит это слово совсем особенно. Когда папа говорит «интеллигенция», у него бывает такая же физиономия, как бывала у моего мужа, когда он говорил «сифилис».

Он всегда произносил это слово отчетливо, в голосе его был страх и какая-то особенная брезгливость.

Почему папа боится интеллигенции? Не понимаю этого!

Непостижимо, отчего оба они так не любят Витте. Теперь, когда он не у дел, это уж совершенно непонятно.

2 декабря.

Когда, бывало, в 190[?] и 1904 году вокруг меня кричали, я уходила: я была спокойна, потому что знала, что как бы мама и Витте ни старались отвлечь папу, война все-таки будет, будет. Иначе ему придется еще хуже. Кстати, я заметила, что папа большой сторонник войны.

Он говорит:

— Война хороша, потому что всех увлекает. Во время войны никто не думает о мятеже, и она все выясняет. Кроме того, она приносит славу и создает имя в династии...

Мама не может успокоиться, что война проиграна. Она считает, что [в этом] виновны те, кто желал перемен: Гневная, Витте, Муравьев, Коковцев...⁵⁹

Революция должна была совершиться до войны. Поэтому-то русская армия и не могла победить.

Борон Но[ль]де⁶⁰ говорит, что нельзя помышлять о войне, когда царя не любят и не знают и когда царские генералы слынут ворами. Папа примирился с неудачной кампанией легче, потому что эта война научила, как надо бороться с внутренним врагом. Это не так. Папа искренно думает, что это он усмирив революцию. Нет, это сделала мама. Ее оскорбленное чувство. Ее боязнь потерять трон. Между прочим, она говорит — напрасно папа думает, что довольно удалить двух-трех левых министров и революция будет побеждена. Мама всегда боится новой вспышки и всегда стоит на страже. А папа всегда все скоро забывает.

Извольский⁶¹ ведет определенную линию: он хочет проложить через мои уши путь к маминому письменному сто-

лу. О, лисица! Не понимаешь того, что проложить-то его я проложу, но прибавлю кое-что и от себя.

11/V

Вчера папа опять поучал меня, чего ждет от меня Россия. Удивительно, как он совершенно не понимает, что я только человек... И еще спрашивал, люблю ли я Россию? Ну разумеется! Всякий любит то, что приносит ему пользу, или то, что ему выгодно. Что была бы я без России!

13/V

Опять Извольский! Когда он мне что-нибудь говорит, он думает: «Как бы эта дура (это я) чего не напутала!» И не понимает того, что я на всех кобелей плюю — с ног до головы. Все они глина с кизяком, самая настоящая глина; я видела такую, когда ездила в Полтавскую губернию, где бабы обмазывают ею свои хаты. Но он думает, что он благороден, что он мрамор. Так он говорит о себе.

9/6

Мама говорит:

— Извольский — что медная копейка: выдохся! Но его надо еще поддержать, так как он здесь еще нужен: англо-русское соглашение...⁶² Временно приходится его терпеть. Дура, думает — я ему верю... Эти Дарданеллы⁶³ — это дело наших врагов, Милюковых⁶⁴ и других!

17/6

События, события!.. Нет проходу от этих дур! Вчера была Извольская⁶⁵. Она точно чир[ий]: если придавить — завоняет. Пищала:

— Ах, Аннет, если бы... если бы помочь... если бы...

Я не хочу. Я слушаю их только по необходимости. Слушаю и думаю:

— Ну, выкладывай, дура, с чем пришла!

Но она кудахчет, как курица над просом.

— Маме, — говорит она, — неизвестно, что народ ее не знает... и не любит... И придворные дамы тоже ее не любят... Она или горда, или застенчива... Это очень плохо; с помощью придворных дам она могла бы сделать много хорошего, так как погоду делают дамы!

И потом просила устроить молодого Род[зян]ко. Всем известно, что он для нее не только кузен, но и еще кое-что.

Когда я рассказала маме о том, как к ней относятся придворные дамы, она засмеялась:

— Не любят?.. И народ тоже?.. Ну, это еще не беда! Надо, чтоб боялись. А заставить бояться — это я сумею. Да, это мама умеет.

11 апреля 8-го.

— Убийство великого князя С[ергея] А[лександровича], — рассказывает мама, — произвело на меня такое впечатление, что у меня сделался припадок.

Это потому, что она боялась не анархистов, но тех, кто их⁶⁶ не понимал. Тех не укрывают левые министры. Они могут погубить всю династию. Папа тоже не боится анархистов. Не верит в революцию. Он боится только своих. Но, несмотря на этот страх, сходится и сближается легко. Легко соглашается. И много обещает. Гр. Вор[онцов]-Даш[ков]⁶⁷ говорит:

— Молодой царь отталкивает честных дворян не отказами, но обещаниями.

Никто не имеет столько врагов, как папа. Как среди тех, кому он покровительствует, так и среди тех, кто впал в немилость. Вероятно, потому, что он всегда действует под давлением. Его приказания бывают иногда путанными. Мама отвергает то, что предлагает Гневная, даже если и согласна с ней. Она не допускает, чтобы царь думал, что там ведут правильную линию.

11 марта

Мама опять больна, и потому мы много бываем вместе. Она рассказала мне о тех двух периодах, относительно которых ходит столько сплетен. Мама не любит вспоминать о них. Мы говорили об Орлове⁶⁸. При дворе по поводу этого много лгали. Мама сказала:

— Я такая же женщина, как и все, начиная с Гневной и кончая Аришей-прачкой (молочная сестра великой княгини Ольги⁶⁹, любимица мамы). Все другие могут любить. Я же не смею. Когда я была еще очень юной, я любила Г...⁷⁰. Но мы знали, что это невозможно. Это было очень тяжело и очень оскорбительно... Папу я вначале только переносила. А потом пришла нежность и постоянная боязнь за него. За каждый час... Это слишком утомительно... А он, Орлов, был первым, кто увлек меня. С ним было бы очень легко... Но я никогда не была его любовницей. Потому что я должна была рожать детей и всегда думала, что наследовать цар-

ский трон или взойти на него должен царский сын. Поэтому я никогда не могла иметь любовника. Я боялась еще и того, что если бы у меня был ребенок от другого, он был бы сильнее, чем дети царя, и от этого всем было бы плохо. Поэтому наша любовь была печальна, как и все... Я любила беседовать с ним и петь ему...

Действительно, мама становится очень красива, когда поет.

— Он не любил говорить со мной о политике, потому что моя судьба казалась ему очень страшной. И он боялся, что Гневная и великие князья окажутся сильнее меня.

Мама рассказывала, что он никогда ни о чем не просил ее.

— Я бы ему не отказала. Он не любил Агинушку.....⁷¹ удалить эту сову от меня, чтоб он ее не видел.

Та не любила его и подавно. Может быть, потому, что мама чувствовала себя с ним хорошо и не слишком в ней нуждалась.

— Утрата Орлова была для меня таким тяжким горем, что я боялась потерять рассудок, и только ожидание Маленького — я опасалась за него — спасло меня... Папа сказал однажды, что он ничего не потерпит, как муж и царь. Но я ему сказала — и он мне поверил, — что я его никогда не обману. Я могу иметь детей [только] от моего мужа и царя...

Это верно. Я знаю, мама верит в Бога. Если ей кажется, что это от Бога, она не обманет ни за что. Кстати, это удивительно: когда она говорит, ей [нельзя не] верить; это не то, что папа.

5/X—10.

Между прочим, я слышала случайно, что Орлов, который никогда не вмешивался в политику, склонял маму к тому, чтобы она держалась левого крыла, потому что придворные обманут. С придворными трудно ладить, так как они сильны. И потому они будут вертеть и увлекут в болото. Если бы он не ушел так рано, может быть, все было бы по-другому. Мама признает это и говорит, что на то была воля Божья... Чтобы спасти династию, надо было потерять его... Мама верит, что придворные верны трону, так как они поддерживают его и защищают его интересы, как помещики и дворяне. Но я думаю, что это не так: Милюков и Родичев⁷² и даже Витте — такие же помещики и дворяне.

23/V

С ужасом рассказывает мама о двух страшных ночах: о ночи 9 января, после Гапона⁷³, и о ночи подписания акта

17 [октября]⁷⁴, акта конституции. Виновниками этих событий считают Витте и Мирского⁷⁵. По поводу 9 января мама рассказывает:

— Накануне у Витте была депутация рабочих и предъявила свои условия. И от него зависело ликвидировать [дело] с [самого] начала. Он этого не сделал, рассчитывая насильно ускорить развязку. И расчет его был верен.

9 января показало маме еще кое-что — что ей не на кого надеяться... что от министров пахнет чесноком.

И самым ужасным было то, что вопрос войны и мирной конференции [был] уже [решен] папой. И, когда она [об этом] узнала, было уже поздно. Она убедилась теперь во влиянии министров на папу. Все они знали, что согласие у папы нужно вырвать раньше, чем она что-либо проведает. И, когда 9 января гроза разразилась, мама говорила:

— Левые рвут [Россию] на части, прикрываясь народом... Но и правые готовы оставить царя; за это они жестоко поплатятся.

Поэтому нужно удержать папу, а сделать это может только она. И с этого момента она вплотную подошла к делам правления.

Когда мама узнала, что акт уже подписан, с ней сделался припадок. Она стала просить папу изменить [свое решение], но папа ответил:

— Я — царь...

И мама возразила ему:

— Царю все можно!

В этом [участвовала] Гневная, сам он на это не решился бы. Он боялся за свою жизнь и за трон.

— Всю ночь, — рассказывает мама, — великие князья убеждали папу. Но было уже поздно.

Тогда мама решила отомстить стране за то, что она силой вырвала у него конституцию.

— Я заставляю ее проклясть этот день... и смыть это пятно кровью!

Мама сама повела контратаку против либералов.

В это время она получила письмо от императора Вильгельма, в котором он писал, что [для нее] явилась теперь возможность показать себя царицей, и советовал принять меры предосторожности: ни левое, ни правое крыло — только центр, благоразумный центр может помочь ей. Особенно же советовал не верить правым.

Мама считала, что он не прав: он не знал России. Держать ее можно только кулаком.

Другой неприятной вещью, о которой мама не любила говорить, было ожидание наследника и вся грязь вокруг этого.

— Ты знаешь, как мы оба любим детей...⁷⁶ Я должна признаться, что рождение первой девочки нас разочаровало, рождение второй — огорчило, а следующих наших девочек мы встречали с раздражением, бедные малыutki! И все это происходило потому, что рядом шипела Гневная. В ее унылом гнезде уже называли наследника, в особенности — после смерти С. А.⁷⁷

Мама помнила два случая, когда Витте и Вор[онцов]-Д[ашков] и особенно в.к. Н[иколай] Н[иколаевич] намекали относительно [возможного] наследника. Это было в 1900 г. Во время выставки Витте уехал в Париж, он был также и в Копенгагене, у короля Х[ристиана]на⁷⁸, где в это время находилась Гневная. Говорили о в.к. М[ихаиле] А[лександровиче] как о возможном наследнике. Витте указывал, что М[ихаил] А[лександрович] более подходит для трона, так как от отца он унаследовал необходимые для управления государством идеи, а от матери — ум и дипломатические способности⁷⁹. Эти толки дошли до армии.

Другой случай произошел еще во время болезни папы⁸⁰, еще до рождения Маленького. Опять всплыл М[ихаил] А[лександрович]. Куропаткин⁸¹ рассказывал все это маме. Эти слухи убивали ее окончательно.

В это время, по совету в.кн. М[илицы], были привезены из Киева четыре слепые монахини. Они привезли с собой четыре свечи и четыре бутылки с Вифлеемской водой. Они зажгли свечи, окропили водой царское ложе и предсказали рождение наследника после того, как солнце обернется четыре раза. Когда же после этого родилась в.кн. Ана[стасия]⁸², их отослали обратно в Киев. Так предсказали они рождение наследника. Мама была в полном отчаянии. Она опять видела черный крест перед собой. Она впала в тоску и — ничего уже не замечала. Как-то одна из девушек, А-ва, застигла их ночью с папой в модельной. Об этом узнали, и после этого девушка заболела и была сослана в дальний монастырь. Тогда черногорская княгиня привлекла ко двору, через Прот.....⁸³, Митю⁸⁴. Этот юродивый говорил только то, что ему открывалось свыше. Первые дни он пугал маму тем, что предсказывал всякие ужасы. Мама просила его помолиться о рождении наследника. Он помолился, потом причастил всех. Причастие он давал изо рта. Тут случилась большая неприятность. Когда давал из своего рта причастие в. княжне, ее стало тошнить, и она его выплюнула, сказав, что оно дурно пахнет. Она вообще очень капризна. Ее увели. Но мама боялась Божьего гнева. После этого у великой княжны появилась сыпь. Заговорили о заражении. Митя был удален.

Затем появился француз Филипп⁸⁵. О нем ходило много сплетен. Но он излечил маму от припадков, успокоил нервы; она стала лучше спать и окрепла. Столик Мудро⁸⁶ предсказал, что у нее будет сын, и так как она чувствовала себя лучше, то подумала, что это беременность. Врач подтвердил это. Потом, когда доктор уехал, мама опять стала горевать: было определено, что это опухоль. Профессор отменил лекарство Филиппа, так как оно действовало плохо. Все издевались над ними, и мама это знала.

— После этого, — рассказывала мама, — я видела страшный сон, и я уже знала, что у меня родится сын. Это было в ночь под мои именины. Я спала. Вдруг над моим изголовьем я вижу точно отверстие в потолке, и оттуда — легкий ветерок, приятный такой. Я вдыхаю его с радостью. Внезапно оттуда спускается как бы белая косынка, или крылья, и около меня, перед моей кроватью — какой-то человек: босой, в белой рубашке, подпоясанный веревкой; он спокойно осеняет меня крестным знамением и что-то шепчет. Я хочу разбудить папу, но он все шепчет, хочу что-то спросить, но он тихо удаляется. Говорю: «Кто ты, скажи!» — а сама не могу отвести от него глаз. «Алексей — человек божий!» — шепчет он и исчезает... Я стала тихо плакать. Когда папа проснулся, я сказала ему, что у нас будет сын Алексей. И с того момента я ждала и надеялась.

В это время Плеве, знавший, о чем молились царь и царица, убедил их помолиться у монахов святого Серафима Саровского⁸⁷, молитвенника за царскую семью. Все Романовы признавали это. Папа и мама отправились туда.

— Одно меня удивило при посещении мощей, — рассказывает мама. — Я ожидала увидеть спокойный и светлый лик, но увидела что-то темное... страшное... Священники объяснили нам, что, вероятно, среди молящихся присутствуют бунтари и богохульники. И после стало известно, что действительно в одном ресторане пили и кутили молодые люди, и князь Хил[ко]в,.....⁸⁸ и в.к. К[онстантин] К[онстантинович]⁸⁹ изображали святого в непристойном виде. Были произведены аресты. Кн. Х[илков] был через две недели переведен в один из сибирских полков.

— После, — говорит мама, — мы омылись у мощей святой водой и стали ждать рождения наследника.

9/6

Надо сказать — мама большего ожидала от Саровских реликвий.

— На меня все производит исключительное впечатление... И я слишком готовилась... А для папы Серафим —

наш всегдашний святой. Для него он связан с рождением Маленького.

Маму очень поразила Паша-молельщица⁹⁰, или, как ее еще называют, матушка Прасковья.

Мама говорит — она несомненно святая. У нее вид ребенка. Ясное и доброе лицо, с детскими или ангельскими глазами.

Она благословила папу, дала поцеловать руку, сказала: — Будет маленький!

С мамой же случилась странная вещь. Мама не любит вспоминать об этом. Паша не захотела ее благословить. Хотела оттолкнуть руками.

Мама ушла грустная и обиженная. Потом объяснилось, что она боится черного. А на маме было что-то черное.

Когда мама пришла после обедни, на ней была пестрая шаль. И Паша погладила ее по лицу, дала руку и сказала, показывая красную куклу (она играет в куклы) и красную ленту:

— Много будет, много!

И все время размахивала красной лентой.

Маме объяснили потом, что она сказала, с маленьким придет много крови.

Это значит, что великие князья намечают вместе с Витте наследника. Они хотят дворцового переворота.

7/9.

Боже мой, боже мой! Как гадка жизнь! Рома рассказывает:

— Вчера в одном из салонов (вероятно, Лили) был папа..... веселый..... И, когда Лили вышла, он укусил ее. Показалась кровь. Тогда в.к. Н[иколай] Н[иколаевич] сказал:

— Попроси царя, чтобы он записал тебя в святые мученики. Он это может!

И потом устроили пакостную церемонию пострижения. Папа уже уехал.

Гадости, мерзости! Если бы мама это знала!

11 ноября 01.

Мне от него не надо ласк, это мне отвратительно, а мне говорят:

— Папа приходит к тебе не просто так.

После его ласк я два дня не могу двинуться. Никто не знал, какие они дикие и зловонные. Я думаю, если бы он был просто.....⁹¹, ни одна женщина не отдалась бы ему по любви. Такие, как он, кидаются на женщину толь-

ко пьяными. Он в это время бывает отвратителен. Он сам говорил мне:

— Когда я не пьян, я не могу... Особенно с мамой.

В нем много тоски. Когда он печален, глаза у него жалостные, он точно мученик. Тогда я смотрю на него и говорю:

— Уходи... уходи... уходи! Ты не сумеешь довести дела до конца!.. Уходи... уходи... уходи!

Говорю это — и знаю, что ему некуда уйти: живого царя не отпустят.

Он это понимает.

Когда он бывает у меня, говорит:

— Одну я любил... Одну ласкал по-настоящему — мою канарейку (так называет он Кшесинскую), а другие — что? Другие все одинаковы... Брыкаются, как суки.

Он говорит:

— К тебе хожу, потому что с тобой могу говорить как со стеной!

Много гадкого и много страшного рассказывает папа. Я знаю — говорят, что он очень жесток, но он не жесток, он скорее сумасшедший, и то не всегда — временами. Он может, например, искренно огорчиться, побледнеть, если в его присутствии пихнуть ногой котенка (что любит проделывать Рома), это его взволнует. И тут же может спокойно сказать (если заговорят о лицах, которые ему неприятны):

— Этих надо расстрелять!

И, когда говорит «расстрелять!», кажется, что убивает словами. И, когда слышит о горе впавших в немилость, он счастлив и весел. Он говорит с огорчением:

— Отчего я этого не вижу?!

В нем много непонятной жестокости. Точно хищный зверь. Он и с женщиной обращается как дикий зверь.

17 с.

Между прочим, я присутствовала однажды при случае кабана с молодой свиньей. Это было на фабрике Ко-ва. Мы спрятались с Шуркой и смотрели. И когда кабан вскочил на нее и стал ее мять, и когда она была вся в крови, металась и стонала, он пыхтел... пена... дрожал...

Я рассказала ему об этом. Он очень смеялся. Так смеялся, что слезы выступили у него на глазах. Это значило — он очень доволен.

23 октября.

Я говорю, что папа может убить словом. Этот случай не дает мне покою. Он думал, я этого не знаю, но я видела,

как он может быть жесток. Как он расправляется с теми, кто перед ним провинится. И если он это надумает — это не шутка. Уже при одной мысли [об этом] я сжимаюсь в комок. Это страшно. Жутко. Зачем пришлось мне это узнать!.. И он хитрый. Злой и хитрый.

Вот что было.

У няни Агинушки есть внук (крестник). Все его знают как Петрушу. Он работает в гараже. Известный гимнаст. Дети его любят. Великий князь Дм[итрий]⁹² и Владя⁹³ также.

Однажды, когда мы сидели за маленьким столиком, Мудро показывал что-то ужасное. Между прочим, в отношении мамы и Орлова. Их имена все время переплетались и руки тоже. И мама была очень испугана. Особенно когда увидела тень мертвого Орлова. И папа оскорбился и ушел. Приревновал к тени. При этом верчении Мудро, кроме меня и Роббки⁹⁴, не было никого. Агинушка слышала об этом и передала Петруше. Папа отнесся к этому серьезно. Ночью он был у меня. Он впал в тоску. Утром убил Виру (маленькую собачку мамы). Часто ходил к Гневной.

О чем там говорили, не знаю.

Мама мне потом рассказывала, он ночью так сжал.....⁹⁵, что пришлось положить компресс. Мама оставалась на другой день в своей комнате. Маленького к ней не приносили. Папа был оскорблен, что руки их переплетались во время предсказания.

20 ноября.

Приехала новая гадалка Гриппа⁹⁶. Ей 30 лет. Она очень хороша, очень ловка. Обжигает, [как] печь. Папа говорит про нее:

— В одну ночь она может принять три поколения царской семьи, а потом пить свой шоколад в кровати.

К ней льнут все кобели. Все ее боятся, особенно ее предсказаний. У нее странная манера гадать. Она берет своей.....⁹⁷. На груди у нее длинная черная блестящая лента. Один конец она дает тому, кому гадают. Велит держать правой рукой. Другой конец прикреплен у нее на груди (черным скарабеем-жемчужиной). Закрывает глаза, и тот, кому она гадают, тоже. И потом потихоньку начинает говорить тихим голосом. Но так верно, что кажется — это не она говорит, но ты говоришь сама.

Когда она мне гадала, у меня было такое чувство, словно я боюсь заговорить сама. Мне казалось, я слышу собственный голос. В этом было что-то приятное. Испытываешь трепет, закрываешь глаза и впадаешь в дремоту. Чрезвычайно сладостное ощущение. Она говорит

невероятные вещи. Никого не боится и этим берет. Мне кажется, она смеется над папой.

Но маму она боится.

Папа говорит:

— Никакая опытная⁹⁸ женщина, [никакое] желание не дают такого трепета, как ее шепот...

Она гадает с глазу на глаз. Она сказала мне раз по поводу мамы:

— Аннет, ты не боишься, что она тебя задушит?

Я сказала, что не думаю об этом.

— Так подумай!.. И помни: если маму не задушат, она задушит своими тонкими пальцами и папу и тебя... Папу за то, что он может помешать, тебя — за то, что ты будешь знать... Она такая злая!.. И, если ее не уберут, она сойдет с ума!.. У мамы будет горе... А тебе надо остерегаться!

Странно, я верю Гриппе, я знаю, что она видит далеко, но я не думала [об этом]. Это так страшно!

23 сентября.

Я видела такую жестокость по отношению к Петруше, что просто не могу писать: мне страшно! Но скрываться перед собой я тоже не могу... Это было так ужасно, так страшно!

Когда Агинушка рассказала ему про маленький столик, его постигло несчастье. А случилось это потому, что он был очень красивый мальчик; ему не было и 18-ти лет.

Великий князь Д[митрий] и Владя очень любили играть с ним в кегли. Великий князь Вл[адимир]⁹⁹ говорит, что он красив, как грек, и хитер, как еврейский бог. Но в.к. М[ария]¹⁰⁰ часто звала его к себе чинить машину, и вот несчастный мальчик рассказал ей, что говорил маленький столик и как руки Ор[лова] и мамы переплетались, рассказал все.

Как и от кого проведал об этом папа, положительно не знаю. Думаю — от Ромы, ведь он продал и глаза и уши, все. Папа повел розыск через Игната¹⁰¹. Он пришел ко мне вечером в таком раздражении, что мне впервые стало страшно царского гнева.

— Гаденыша!.. Гаденыша! — кричал он.

Я тотчас же поняла, о ком он говорит.

— Того, что царских б..... (это было его любимое слово) тешит!

Я поняла. Я знала, что так он называл Петрушу. Войдя, мальчик бросился перед ним на колени и побледнел.

Он уже был полумертв.

Папа спросил:

— Был ты у б....?

— Был...

— И рассказал?

— Да...

— Все, что слышал от Совы (так называют Агинушку)?

И тут царь ударил его по лицу каким-то очень острым железным предметом... Кровь — и половина подбородка у него отвисла... И опять кровь... Никакого ответа... Удары... кровь...

Я бросилась к дверям.

— Стой! Смотри и помни!

Я не шевелилась больше.

Потом пришел Игнат и унес его в мешке.

13 декабря.

Гриппа исчезла.

18 декабря.

О Гриппе не говорят. В последние дни папа виделся с ней очень часто. Но она над ним издевалась. Вероятно, победила его.

Я знаю об этом от мамы. Папа рассказал ей, что она называла его «прислужником цариц» и еще «футляром для приказов».

Зачем он рассказал это маме?

Ничего не понимаю. Мама тоже на нее рассержена.

— Ники, — говорит она, — бросает мой хлеб этой собаке... Пускай! Я не ревнива! Ему нужны всякие гадости... Иначе он меня погубит...

Так, мама говорит, что после папы у нее вся спина в синяках и кровь. Это я знаю и по себе.

За несколько дней до исчезновения Гриппы мама сказала папе:

— Нехорошо, что Гриппа хочет завладеть царской короной для своей...¹⁰²

Папа очень смеялся, смеялся до слез, потом сказал:

— Я подрежу ей язычок, даром что он и острее и сладолюбивее, нежели у всех великокняжеских б...., собирающихся у Б[акеркино]й.

Ну, она и исчезла...

18/V

У Бак[еркино]й были все, и Н[иколай] Н[иколаевич] сказал, что папа заблуждается, думая, что Витте удовольствуется титулом «сиятельства». Нет, ему захочется сделаться «величеством» с левой руки. И это так и будет,

потому что русская корона опирается одним концом на.....¹⁰³ Романовых, а другим — на безмозглую Гессенскую муху.

7 июня.

Я выслушивала все, что мама говорила об Орлове. Любила? Что ж, конечно, она его любила. Но зачем она рассказывала об этом мне? Странно.

9-го.

Я понимаю — когда мама говорит о Соловушке (так она называла Орлова), она хочет показать мне, что он любил только ее. Или, может быть, она думает, что его любовь ко мне была таким пустяком, о котором не стоит и говорить. Странно.

Но о Соловушке мне хотелось бы рассказать все. Я не думаю, чтобы кто-нибудь когда-нибудь прочел то, что я написала. А если даже и прочтет, то это будет уже после моей смерти и, вероятно, после смерти тех, о ком я пишу.

Если бы у меня была дочь, я дала бы ей прочесть мои тетради, чтобы спасти ее от возможности или от стремления сблизиться с царями. Это такая грусть! Точно тебя погребают заживо. Все желания, все чувства, все радости все это принадлежит уже не тебе, но им. И ты сама уже не принадлежишь себе. Из всех подданных я (свободная и любимая мамой) более, чем кто-либо другой, лишена досуга (или свободы). Мама грустит — я должна быть с нею, мама весела — конечно, мне приходится оставаться с нею, больна — она меня зовет; чувствует себя хорошо — не отпускает меня от себя.

Я не имею и не должна иметь привязанностей.

Я выслушиваю все, но сама не смею говорить. Кому и что скажешь?

Вот только записывать — это мой отдых. Это удастся редко.

В субботу я вернулась раньше, напилась своего любимого чаю с медом и начала писать... За мной пришли. Мама была больна, посылали за доктором. Она должна была лечь... И смешно, и грустно! Право же, это обидно: взять здорового, нормального человека и сделать из него игрушку!

23-го.

Я все собираюсь писать о Соловушке и все отрываюсь... Ура! Я свободна до субботы. Почти два дня!.. Ура!..

О, мой Соловушка! И ты, ты обманул меня!.. По доброй ли воле, или тебя принудили?

Когда мы встретились, мне было 16 лет. Другие в эти годы только издали, понаслышке знают о том, что называется любовью, настоящей любовью, не той, о которой читаешь в книжках. Сестра и тетка¹⁰⁴ могут подтвердить тебе, что я ни о ком не хотела ни знать, ни слышать. Я была так счастлива!.. Но он меня не замечал... Потом он женился, приобретает связи и.....¹⁰⁵ Графиня Стенбок-Фермор, его жена¹⁰⁶, дала ему все. Забавно: все это могла бы дать ему женитьба на мне. Но этого не случилось.

Я встретила его уже молодой девушкой на придворном балу. Он был вдовцом, я — взрослой девушкой. Какое счастье охватило нас! Детская любовь превратилась в настоящую... Но не прошли еще и первые дни счастья, как, на горе, его увидела мама... и полюбила. (Она говорит, что это ее первая такая сильная любовь.)

Любил ли он ее — не знаю, но кто может уйти от любви царицы? Он говорил, что страдал от нашего разрыва. И это правда... Он обидел меня еще и тем, что говорил, что я нравлюсь царю... Какая гадость! Этим он хотел меня утешить или оправдать себя.

Мама нуждалась в близком человеке, который мог бы покрывать ее, нужна была ширма. И этой ширмой она сделала меня. По своей любви ко мне. Она говорила, что видела меня во сне и что во сне я ее спасла. За это она вознаградила меня по-царски: не во сне, но наяву, совсем просто, она отняла у меня моего дорогого.

И вот, когда Соловушка был с мамой, она предложила мне выйти замуж за Вырубова¹⁰⁷. Он служил в походной канцелярии. Это давало мне возможность всегда быть с ними. Мой муж не слишком мне нравился, да и никто не мог мне нравиться, так как я любила другого... А этот другой... на моих глазах ласкал... любил...

Мама была виновницей моего замужества. Мама дала мне понять, что это было неизбежно. Тут умеют сказать: «Проглоти этот кусок, или ты им подавишься!»... Да, так и случилось...

Теперь я [была] замужней женщиной, и дом мой мог служить местом для свиданий. Мама любила меня, так что никто не удивлялся этому проявлению ее привязанности. Мы были женаты уже год. Это было в Петергофе. Муж, помня мою молодость, ревновал к прошлому. Это бывало из-за Соловушки, который... Это была ложь. Соловушка оставался верен маме. В этом отношении он ее очень боялся и говорил, что в любви она может быть страшнее, чем в гневе.

Было 11 часов вечера. Мамина карета только что отъехала. Соловушка обыкновенно уходил через балкон минут десять спустя и шел по направлению к гим...¹⁰⁸

В этот вечер мама была особенно жестока: я должна была охранять любовь того, кто меня когда-то любил... Я отпустила Зину¹⁰⁹ и Берчика¹¹⁰ и сидела одна. Вдруг — звонок. Я узнала звонок мужа. Я крикнула Соловушке, он мог еще выпрыгнуть в окно. На столе остались его перчатка и хлыст. Муж вошел и нервно и быстро прошел к себе. Потом вернулся. Увидел перчатку и хлыст. И вскипел:

— Чья это перчатка? Чей хлыст?

Я молчала.

— Здесь был Орлов?

— Да, был.

— Б....! — крикнул он и дал мне пощечину.

Я хотела что-то сказать, но он так толкнул меня, что я ударилась о выступ печки. На мой крик прибежала Зина.

Что могла я сказать моему мужу? Могла ли выдать ту, для которой он приходил? Могла ли простить пощечину, которой не заслужила? Могла ли жить с человеком, которого не любила и который меня оскорбил?

В эту ночь я уехала к отцу. С замужеством моим было покончено.

Мой Соловушка! Твоя любовь не дала мне ничего, кроме оскорблений.

После всего этого я никого и никогда не люблю... Мама этому не верит. Но я знаю, что это так.

26/XII—8

Сплетни! О, какие сплетни!

Соловушка отличился на усмирении в Эстляндии, и папа благоволил к нему. Нас обливали помоями... Папа в них захлебывался. Нервничал. Отправка Соловушки в Египет была решением папы.

Забавно. В ту же ночь, когда муж дал мне пощечину, двумя часами позже разыгралась еще одна печальная комедия. Это было уже во дворце. После скандала со мной мой муж (бедный, он тоже был жертвой царей!) пошел в офицерское собрание. Там собираются все великие князья и все сиятельные б.... Что он там говорил, не знаю. Там был Ромочка, и через час папа знал уже все, что у нас произошло (имен не называли, но он узнал). Он пришел к маме. Что сказал он маме, не знаю, но он отшвырнул ее. И объявил ей, что Соловушка будет через три дня выслан.

Было так: Вырубов лечился за границей¹¹¹, а Соловушка — в Египте. Они выехали почти в один день. Папа еще

раз показал свою дурость: он хотел избежать скандала и еще больше раздул его. Такова его манера играть с огнем и подливать в него масла.

9 августа.

Припадок у мамы продолжался 6 минут. Но самое ужасное, что в бреду она называла его имя. Папа смотрел на нее с ужасом. Вечером он спросил меня:

— Если мама умрет, будет ли Маленькому хуже?

И затем:

— Если что-нибудь случится, я буду тому причиной. Я оскорбил ее. Царицу нельзя так оскорблять...

И прибавил:

— Но я люблю ее и боюсь ее потерять. С ней я потеряю много.

11-го.

Маме лучше.

Может быть, это было в первый раз, что она скрыла от меня такое большое горе и еще большее оскорбление. Я узнала, что в ту ночь, когда у меня произошел разрыв с мужем, во дворце был какой-то скандал. Я узнала это не от мамы.

Вот как она об этом рассказывает:

— Ники вернулся рассерженным, как никогда. Сжал мне руку до боли и выругался скверно, по-русски... И когда я встала, чтобы уйти, он толкнул меня, я упала в кресло. Тут он что-то крикнул. Потом я поняла: «...с сыном в монастырь!»... Это было ужасно, этого я никогда не забуду и не прощу!.. Потом он спросил меня, пойду ли я опять к нему. Я сказала, что пойду. Тогда он сказал: «Что же, пойдешь на кладбище?»

После этих слов мама заболела, она хворала несколько дней. Припадки стали сильнее. Ее терзал вопрос, как умер Соловушка.

3/5.

Смерть Соловушки поразила нас обеих. Но мое положение было лучше: я могла открыто оплакивать его. Он был жертвой... А мама?

Только у меня могла она его оплакивать, ужасая меня своими воспоминаниями. Мама была на его похоронах. Это был первый случай. Из-за этого было много толков. Мы ходили на кладбище¹¹² вместе и носили цветы.

Отец спросил меня вчера, верю ли я в то, что Соловушка умер естественной смертью. Как из мешка посыпались насмешки, грязные намеки, недосказы. Каждый поцелуй мамы, каждое слово — все было смешано с грязью, все расценено. Сколько платила ему мама за его ласки... Как печально! Какая гадость, какая грязь!

Я говорю, неужели же нельзя любить прекрасную молодую женщину только потому, что она царица? Отец говорит — нельзя. Но почему же, почему?

6/6.

Кто отец Маленького?

Этот вопрос носится в воздухе. Об этом говорят у Гневной, в салоне Б[акеркиной], в полку¹¹³, на кухне и в гостиной царя. Как гадко! Как скверно! Маленький — сын папы, это ясно. Если сплетни будут продолжаться, в.к. П[етр Николаевич]¹¹⁴ и в.кн. М[илица Николаевна] будут высланы первыми.

[Русский текст.]

7/8—10.

Одного понять не могу — как это случилось, что великие княгини Ан[астасия]¹¹⁵ и Мил[ица] от старца¹¹⁶ отвернулись? Кто его привел? Кто привел его к папе и маме? Н[иколай] Н[иколаевич]¹¹⁷.

Еще давно, когда Ан[астасия] Н[иколаевна] не была великой княгиней, мама ее очень любила.

— Она, — говорила мама о ней, — женщина большого ума и светлых глаз. Она видит лучше и дальше многих. Государственный деятель! Я очень любила ее слушать. Мне с ней легко. Но доверяться ей нельзя. Она может быть искренна только с теми, от кого взять нечего. А чуть почувствует, что есть чем поживиться, пошла хитрить, лукавить.

Потом, когда Ан[астасия] Н[иколаевна] стала великой княгиней, мама много смеялась, когда вспомнила одну вещь. Это было за несколько месяцев до свадьбы великого князя и Ан[астасии] Н[иколаевны]. Она назвала его «добрым боровом» и сказала:

— А с ним... должно быть тепло!

Мама смеялась и говорила:

— Боров с лисичкой! Пара хорошая!

Великая княгиня А[настасия] говорила мне про сибирского пророка:

— Это человек исключительной святости. Очень своеобразен. Необыкновенный. А главное — ему многое открыто. Я полагаю, что он маме может сказать больше всех этих... Особенно что в нем подкупает — это его праздность¹¹⁸, доходящая до грубости. Он мне сказал между прочим: «Аннушка (это я) и я — связаны судьбой с мамой. Мы все вокруг нее вертимся. Точно цепью привязаны».

Эти слова произвели на меня странное впечатление. Вспомнила сон мамы. Ей снилось в ночь перед ее выездом в Россию, будто села¹¹⁹ в царскую карету, запряженную белыми лошадьми. А лошади маленькие, как игрушечные. А правит лошадьми царь Н[иколай]. И будто одет он в длинную белую рубаху, опоясанную золотым поясом. На голове корона, ноги босые, а в руке длинный золотой прут. Взмахнул кнутом — а кони как птички понеслись. Несутся, несутся, и не остановить их никак. Хочет крикнуть мама — а дух у нее от быстрой езды захватывает. Несутся кони, по дороге давят людей. Льется кровь... Много крови... Треск раздавленных костей... Кровь заливает лицо. Мама кричит, зовет — никто не слышит. Только когда карета остановилась у красной стены, мама увидела лицо папы и спросила: «Что это?» Он сказал: «Кремль». И тут мама увидела, что идут двое — женщина в черной шали, опираясь на палку, и мужчина — мужичок с такими странными глазами, в такой же, как папа, белой рубахе, опоясанной веревкой.

— И только эти двое, — говорит мама, — и подошли ко мне и вынули меня из окровавленной кареты... Но тут, — говорит мама, — новый ужас: хочу пойти — и не могу; какая-то тяжелая цепь тянет меня к земле. Когда посмотрела — увидела, что на меня одета цепь, как ожерелье, и на ней пять детских головок...

Мама говорит:

— Когда пришли эти двое — женщина с палкой и мужик [со] страшными глазами — они сбросили эту странную цепь и повели меня.

И каждый раз, когда мама вспоминает этот сон, то говорит:

— Ты — это та, которая сняла с меня цепь...

Не знаю почему, но когда Анаст[асия] мне сказала, что сибирский пророк говорит, что я и он связаны с мамой, то у меня явилась мысль, не он ли тот второй, что видела во сне мама рядом со мной.

Это было так странно. Великая княгиня Ан[астасия] просила меня не запаздывать к вечернему чаю. Сказала — будет старец Гр[игорий].

Когда я приехала в Сергиево¹²⁰, то кроме великой княгини и Н[иколая] Н[иколаевича] за столом был еще Ром[очка?] и князь (Побирушка)¹²¹. А он ко мне таким петушком разлетелся:

— Вот поглядите — это лучший сын народа. Богоизлюбленный сын.

Потом, когда он пришел и стал тихо так гладить мою руку, я почувствовала дрожь — вот когда летом выйдешь из воды и ветерком обдует, то такая дрожь бывает. А он тихо так гладит мою руку и говорит:

— А ты меня, Аннушка, не чурайся! Вот ведь когда встретились!.. А дороги наши давно сплелись... Вместе, вместе идти будем!

А потом сердито так закричал:

— А будешь слушать брехни, будешь бежать — заплутаешься. Слышь — от меня не уйдешь!

Потом уж я ничего не соображала. Куда ни погляжу — все его глаза вижу.

Потом Ан[астасия] Н[иколаевна] и говорит:

— Ведь правда — удивительный человек? Как он тебе понравился?

Хотела что-то ответить — и не могу. Расплакалась. Когда уезжала — его не видела. Он куда-то уехал с Н[иколоем] Н[иколаевичем].

9/1.

Я сказала маме:

— Он необычайный. Ему все открыто. Он поможет Маленькому. Надо его позвать!

Папа и мама боялись. А у Маленького шестой день кровь шла¹²².

— А что, если он поможет?

А он так ослаб, он был в опасности.

— А что, если он не поможет? — говорила мама. — Знаешь ли ты его? Верить ли ему?

И я уж и сама не знаю, как это случилось, но я сказала маме:

— Он пророк. Ему многое дано от Бога. Он сказал, что он со мной связан одной цепью и эта цепь приковала нас к маме...

И еще сказала маме:

— Помнишь сон?

И мама испуганно сказала:

— Аня, пусть он придет. Это... Да будет воля Божья!

И когда свершилось великое чудо и Маленький был спасен, мама сказала:

— Аня, это он! Это его я видела во сне! Это он!

Сказала мне мама:

— Когда старец положил свою руку мне на голову и сказал: «Вот, дитя твое спасено!» — я уже знала, что он посланник Бога.

7/5—9.77

Опять вспоминаю, как это было.

Машенька¹²³ пришла ко мне и сказала:

— Чудный, чудный! Боюсь его и без него уже не могу!

И при этом вся бледная, трясется... Глаза большие... И слезы...

Я не поняла, о ком она.

Говорю ей, чтобы рассказала все толком. А главное, чтобы успокоилась. А то вдруг Маленький проснется и спросит ее.

А она вся трясется. Потом и говорит:

— Я о сибирском пророке. Чудный он. Мял меня, тискал¹²⁴, на пол бросил, бил... А я в слезах его руки и ноги целовала... И такая во мне благодать, и такая во мне радость, что скажи он «умри!» — лягу! И нет во мне для него ни в чем отказу. Его последняя раба по гроб жизни!

Я никогда не видала такого благоговения. И когда я у нее спросила:

— Что же он повелел тебе делать теперь?

Она сказала:

— Он сказал: «Пойди ко всем, кого встретишь, всем скажи: «Явился большой пророк, который всему миру несет великую радость... очищение от грехов плоти»... И еще сказал мне: «Запомни, что мои лучшие дары я берегу и понесу в царские покои. Чтобы на себя принять всякое горе, которое может с ними приключиться!»...

И после этого она, как в бреду, ушла от меня.

11/6—9

Шурочка¹²⁵ говорит, великая княгиня¹²⁶ ей сказала:

— До тех пор, пока ты будешь бегать к этому развратному мужику, для тебя мой дом закрыт.

И еще сказала:

— .....¹²⁷ и твоему мужу¹²⁸ даны ключи (он уже.....)¹²⁹

А Шурочка, как овечка, присмирела.

Машенька потом говорила с мамой. Тогда уже Маленькому дали няньку. Она рассказывала маме о радении старца. Мама слушала ее с умилением, потом мне сказала:

— И старец и Мэри (так она Машу зовет) — они оба из народа, и их вера, как все, что исходит от них, чисто народная. У них мы должны учиться верить и воспринимать все просто, без раздумья.

9/9

Маша рассказывает:

— Когда мне выпал высокий счастливый жребий быть няней Маленького, я пошла помолиться, чтоб Господь мне помог честно выполнить это дело. И по дороге мне встретился странник, Васенька Блаженный. Я ему дала пятак и половину просвиры. Он от пятачка отказался, а просвиру взял. «Иди, — говорит, — девушка, с миром. Господь тебе поможет. А трудовую копеечку на свечку отдай». Я так и сделала. А ночью во сне видела, будто во дворце я. Колыбель передо мной золотая, вся в камнях дорогих. А в колыбели дитя как ангелышко — все в белом. Не то шелк, не то полотно, как тюль тонкое. И гляжу на дитя — и взять его на руки боюсь: такое оно нежное и хрупкое. Не дай Господи — уроню, думаю. Расказнят меня. Руки так и трясутся. А он, Маленький, проснулся и радостно так лопочет и ручонки тянет. Я к нему. Взяла на руки — он смеется. И мне так светло и радостно! Хочу в глазаньки его посмотреть и вдруг — мать пресвятая богородица! — вижу у него на лобике черный крест, этак между глазами. Испугалась я, думаю, не я ли оцарапала. А сама так и дрожу, и надо мной голос чей-то. «Не бойся, девонька, я из мужиков, и ты из мужиков... оба мы царский корень соблюдали!» Поглядела кругом — никого нет. А голос точно в ушах звенит! Уж после, — говорит Машенька, — вошел старец и позвал меня: «Девонька!» Я сразу его голос признала. Он, он самый во сне ко мне приходил!

Между прочим, мама мне рассказывала, как Маша была оставлена в няньках.

Когда Маленькому должны были дать мамушку, то я помню, как все измучились. Первая кормила три дня и заболела (доктор признал нервное потрясение, вызванное страхом, что не угодит). Вторая тоже: побыла пять дней — у нее оказалось мало молока (у нее был первый ребенок, и она по нем тосковала, оттого уменьшилось молоко). Третья кое-как приспособилась. А когда подбирали няню, то

мама многих отослала. А когда вошла Маша, то Ан[астасия]¹³⁰, тогда еще крошка, залепетала:

— Няня, няня!

Мама сказала:

— Господь через младенца указывает, что эта будет няня!

Так и порешили на ней. Хотя доктор и обратил внимание мамы на то, что Маша очень нервная. [Но] мама сказала:

— Мое сердце к ней тянется. Я ей доверяю.

1/3—10.

Что делается с Зи[нот]ти¹³¹. Не понимаю. Только один раз я видела ее такой возбужденной. Это было в Петергофе. Двор выехал только в июне. Уже начались белые ночи. Мама в этот год чувствовала себя лучше. Устраивались балы. Мама с Ор[ловы]м танцевала... Я с замиранием сердца следила за ними. Действительно, это была поразительная пара. Она — гордая, величественная, прекрасная от любви, вся как солнце. Горит... И он — сильный-сильный, такой красивый! Счастливый и гордый ее любовью... И так мне было больно... Я глаз не могла оторвать от этой пары. Я никогда не думала особенно о своей красоте. Меня иногда смущала моя полнота, но я и об этом мало думала. А тут у меня такая зависть к маме: трое детей, а такая гибкая, стройная. И я искренно тогда поверила в то, что он ее, маму, просто любит. От этой мысли пришла разбитая, глаза горели, а слез не было. Сидела одна. Вдруг — Зи[нот]ти. Она ко мне редко ходила. Да и как ей уйти? Она никому не доверяла маму, особенно после смерти Агинушки. Да и вообще она редко кого жаловала. Ко мне была привязана.

Пришла взволнованная. Быстро так заговорила. А когда она говорила быстро, я ее с трудом понимала. У нее слова так и сыпались. Слог¹³² итальянского с немецким и еще французские и русские отдельные слова.

Из всего я поняла одно:

— Мама любит этого офицера, и это большое будет несчастье.

И когда я ей говорила о том, что мама умный и честный человек, что она ничего лишнего себе не позволит, что она прежде всего — царица, а потом уже любящая женщина, Зи[нот]ти раскричалась, стала топтать ногами и говорить:

— Ты ее не знаешь, никто не знает! А она... и не только она, а все женщины в ее семье такие, что из-за любви у них — безумие, эшафот... монастырь, тюрьма!

И столько страшного наговорила мне Зи[нот]ти. И сама дрожала от страха:

— Удержи ее, удержи!

А когда я ей сказала, что ей это легче сделать, чем мне, что она ей ближе, она заплакала.

— Вот уже больше месяца, — сказала она, — как мама запретила мне говорить об Ор[ло]ве. Пригрозила тюрьмой, высылкой на родину... И я не того боюсь, боюсь, что без меня она, мама, погибнет... О, — кричала Зи[нот]ти, — ты не знаешь, никто не знает, а я знаю, что она безумная, безумная, как ее мать! И я так за нее боюсь!

Я, чтобы успокоить Зи[нот]ти, обещала ей поговорить с мамой. А она мне сказала:

— Бедная, бедная! Только вы, русские, так можете: от-
дать любимого — и не возненавидеть, и не отомстить!

Она все знает. От нее ничего не скроешь.

Кстати — как она похожа на маму! И если мама безумная, то и в ней немало безумия.

[Французский текст.]

3 февраля 10г.

Вчера мне сообщили, что меня не только не любят, но даже ненавидят за то, что я ничего не понимаю в политике. Они говорят, особенно князь Ан[дронико]в, что политическая каша — это я сама. Вот дурак (или сумасшедший)! Сам все затевает, все переносит, роется в мусорной яме, требует, чтобы я вела его линию. Да у него нет никакой линии! Кто ему больше заплатит, тому он и служит! Они все пробираются к маме через меня: я — мост. И эти дураки хотят перейти через мост мокрыми ногами так, чтобы не оставить следов. Идиоты! *Подлецы!* Хотят выбросить мне *копейку с рубля*, чтобы замести следы.

Врете вы, я занимаюсь политикой. Я этого не хотела, но меня в нее втянули. И *пожалуй*, теперь вы попляшете. Если я — мост, то вы — гнилые балки, вы сгниете под мостом.

7 мая.

Я им очень нравлюсь, когда разыгрываю простушку. Ну, хорошо...

[Русский текст.]

19/3

Гучков¹³³ был у отца. Говорил с возмущением:

— Это упадок! Это упадок! В вопросы искусства и литературы не должно впускать людей, чуждых искусству!

Он возмущен тем фактом, что, несмотря на все старания П. А. Ст[олыпи]на¹³⁴, «Анатома»¹³⁵ Л[ео니다] Андреева¹³⁶ к постановке не разрешена.

— Подумайте, — говорит он, — с одной стороны — два величайшие таланта нашего времени — Л[еоид] Андреев и артистка В[ера] Комиссаржевская¹³⁷, а с другой — фанатики, невежественные церковники! Помилуйте, ведь это позор! Мы станем посмешищем Европы!

Отец обещал ему поговорить со мной, что он и сделал. Говорила сегодня по этому поводу со старцем.

— Так, говоришь, Гуч[ков] сердится?

— Еще бы! И во всем обвиняет Гермогена¹³⁸.

— Так, так! — весело засмеялся старец. — Пущай на него валят! А ему что?

Оказывается, старец говорил папе:

— «Анатома» — бесовское представление. Не надо его... Народ смущать будут... Они должны знать, что только Григорий с дьяволом борется... А то — в театре! Срамота! Сегодня в театре дьявол, а завтра — спаситель! Это не годится!

И еще сказал старец, что надо, чтоб запрещение шло не от папы, а от церкви. От епископа:

— Власть, мол, и рада бы, да церковь не пускает!

На мой вопрос старцу, нельзя ли все-таки пропустить эту пьесу, старец сказал:

— Не надо. Не смеют они про божественное. Ишь какие!.. Ежели этому уж так хотелось про божественное, должен сам явиться, писатель-то... А то Гуч[ков]а! Он мой враг, и ничего ему не будет!

Я больше не стала говорить по этому поводу.

7/9—11.

Отец Феофан¹³⁹ пришел к маме и сказал ей:

— Господь наделил тебя, царица, большим умом и чистым сердцем, поэтому я пришел тебе сказать: отрекись от старца Г[ригория], ибо он не от Бога, а от дьявола!

И мама сказала, указывая ему на дверь:

— Уйдите, и мои глаза вас больше не увидят.

Он еще хотел говорить, но мама сказала ему:

— Уйдите, или я забуду, что вы были моим духовником. Я бы не хотела этого забыть...

И он вышел.

Меньше одним гонителем.

Старец говорит:

— Был у Сазонова¹⁴⁰. Это человек толковый. Но, кажется, плетет сеть для меня. Ишь каков! Думает, мужика поймать легко! Врешь, стерва! Зубы обломаю!

К Сазонову приехал Илиодорushка¹⁴¹ (преданная душа). Старец был с ним ласков. Поцеловался с ним.

А я знаю, чувствую, что Илиод[ор] ждет момента предать старца.

Мама получила письмо от в.к. П[авла] А[лександровича] — прелестную пастель с фотографии Маленького¹⁴². Удивительно красивый снимок. Мама говорит:

— Как тяжело, что ни одного знака внимания ни от кого не можешь принять просто. То есть с сознанием, что это преподносят тебе за тебя самое, потому что любят тебя. Все это выслуживание, все это неискренне.

Мама часто говорит сквозь слезы:

— Кроме тебя и старца, во всей большой России нет ни одного человека, который был бы мне лично искренно предан. Нет такого!

Бедная мама, она действительно очень одинока.

А папа? Разве из его семьи хоть один человек относится к нему искренно? Конечно, нет. Гневная? Но для нее он не сын, а царь, да еще рядом с ненавистной царицей. Тут уже нет места чистой любви. Брат? Нет, там и вообще нет и не может быть любви. А это так странно. Так как они оба — и папа и мама — так нуждаются в близком, родном человеке. В этом секрет их любви к старцу.

У Сазонова был проф. Мигулин¹⁴³, этот жид Ман[ус]¹⁴⁴ и еще какие-то английские купчики-голубчики. Они подъезжают к папе, а так как самим ходу нет, то думают проложить дорожку через старца.

— Вот, — говорит старец, погляди, какую-то записку дали. Они вот хотят какие-то болота осушить у Каспия... Степи, говорят, там дарма пропадают... Ну и хлебный банк устроить надо...¹⁴⁵ А какие они осушители? Они только гадить умеют!.. А то — осушить! Пакостники они, вот что! А что им нужны деньги, так это верно. Ну, и скажу папе, пуцай даст им денег... Деньги ведь и нам, Аннушка, нужны! Вот, хочу ныне опять к Илиод[ору] съездить. Он хоть

и подлец, а за ним народ бежит... Вот я соберу народ-то и обделять буду. Люблю, когда за мной народ бежит! Когда народ восхваляет, у меня сила увеличивается!

А когда он говорит про народ и про подарки для народа, то чувствуешь, что это искренно. И что это его большой душе действительно нужно. Ему нужно, чтоб за ним шли тысячи тысяч. Какая большая сила в этом человеке! Его враги упрекают его в том, что он «мужик», а того не понимают, что только среди мужиков, только среди них еще могут рождаться такие необыкновенные. А не среди аристократии, вымирающей, дохлой, протухлой аристократии. «Мужик» — ну и пусть мужик. А сами кланяются ему в пояс, целуют руки, называют пророком (и ему не верят). И на каждом шагу пакостят. Для меня, для мамы, для всех нас он не только пророк, а наш спаситель. Наш бог. Мы идем за ним смело. И ничего нам не нужно от него. А они? Тоже, аристократы называются! Пресмыкаются... У, гады!

3/5.

Подъехали ко мне. Проф. Мигулин говорит:

— Старец обещал, но ведь он человек не от земли... Поэтому считали нужным вас, Ан[на] А[лександровна], со всем ознакомить. Имеется проект образовать компанию на паях по орошению Закаспийских степей.

Оттуда, как говорит профессор, потекут богатства. И еще попутно предлагается организовать банк...

Все это подробно изложено в докладной записке на имя папы.

Я взяла докладную записку. Сказала, что подумаю. Хочу заставить этих господ разговориться. Им нужны деньги. А за деньги надо платить деньгами. Он, ученый, профессор, говорит, что старец не от земли, а потом, может, и не уяснил себе, что нужно этой теплой компании. Он, правда, не понял — надо ли осушить или оросить степи, но зато верно понял, что этим пакостникам дела нет ни до осушки, ни до орошения, им бы только казна. Это он верно понял. Это поняла и я.

Старец велел подождать с подачей докладной записки.

7/5.

Хорош и муженек Саны. Говорит:

— Шарик сама еще дитя, и потому прощаю ей ее увлечение старцем, но требую соблюдения приличий.

А сам около старца так и увивается.

У, продажные твари!

Баронесса Ос.-Б.¹⁴⁶ была на приеме у мамы. Ее приняли очень тепло, как вдову любимого генерала. Когда она стала собираться уходить, зашел папа. Он успокоил ее насчет ее сына и дочери. Потом она дала маме маленькую черную тетрадь.

— Это, — сказала она, — от вашего исповедника, от Феофана... Несколько слов о Григ[орий] Ефим[овиче]...

И, низко приседая, добавила:

— Примите это как искреннюю заботу о вас ваших верноподданных рабов.

Мама поглядела на тетрадь и передала ее папе. Папа читал и хмурился. А потом сказал:

— Одно из двух: или Феофан был подлецом, когда привел к нам Григория, или он подлец теперь, лая на него.

Мама поцеловала папу и сказала:

— И тогда и теперь. Григорий наш друг и спаситель, но он человек простой, не знает ни наук, ни хитростей. А они все — и Феоф[ан], и Гер[моген], и Илиод[ор], — они сильны в науках и казуистике. И они, когда вводили к нам Григория, рассчитывали на то, что сделают его орудием для себя. Но он оказался сильнее их, потому что в нем есть дух Божий. Так они теперь хотят убрать его от нас, чтобы расчистить себе дорогу. Но они ошиблись. Казуистика их подвела.

Потом мама рассказала, как она, будучи студенткой¹⁴⁷, спросила у.....¹⁴⁸, что такое казуистика. И он, не задумываясь, ей ответил:

— Это такая поповская наука, которая одним ключом открывает двери ада и двери рая — в зависимости от того, кого впускает.

Папа весело смеялся. Потом сорвал переплет, а тетрадь разорвал пополам и бросил в камин. Баронесса Ос.-Б. три раза приезжала, но мама ее не приняла. Ее сын отсылается на Кавказ. Баронесса в отчаянии.

9/6.

Ну, уж этого я не ожидала!

Баронесса была у старца на Гороховой. Во всем ему покаялась и просила защиты. Потом приезжала молодая баронесса, Зиночка (ее дочь, совсем еще дитя). Старец назвал ее «Живчик». Подарил ей подушечку (дает немногим) и сказал:

— Ужо все будет хорошо!

Молодой барон Ос.-Б. возвращен с полпути. Дело с их именем тоже улажено. А зато теперь [она] уже всюду следует за старцем. Он называет ее «Мой Живчик».

Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло!

Старец рассказывает: ему когда-то Феофан говорил в первые дни, когда вводил старца во дворец:

— Сюда (то есть во дворцы) ходить часто не следует, а то двери начнут скрипеть. Потом помнить надо, что ходить надо через «домашний узкий проход».

И вся эта мудрая наука ни к чему не привела: для него все входы и выходы закрыты.

Мама говорит:

— Если бы не то, что он был моим духовником, я бы с ним иначе поступила. Его спасает то, что я его помню. Но и только.

13/5.

Старец говорит:

— Вчера Сазонов и профессор возили меня к Витте. И чего этому умнику от меня надо? Глядит — будто узоры с меня рисует. А тут не иначе, как чего-нибудь надо!.. Тоже вот про эти Закаспийские степи говорил. «Про эти, — говорит, — степи мы с доктором Бадмаевым¹⁴⁹ отцу, покойному царю Александру, говорили»... Ишь, как эти степи их за живое задели! Их послушать, так вся страна обогатится. А мне так сдается: мужику новая забота — господам пожива... А Витте-то? Граф так злобой и кипит, и меня ненавидит, и папу не жалеет! А хвостом так и вертит! «Мы да мы!.. Россия да Россия!» И что ни слово, то умность!.. Хитрый барбос!.. А банк-то, видно, и ему в зубах застрял!

Старец сказал:

— Обо всем поговорить надо с Побирушкой. Пускай обмозгует, что да как. Догореть¹⁵⁰ папе недолго. А надо, чтоб с умом и с пользой.

18/5.

Когда старец привел Илиод[ора] в Мраморный дворец¹⁵¹, у меня было такое большое желание сказать ему:

— Отойди от этого пакостника!

И когда старец приласкал меня, видя мою горечь, он такими скверными глазами смотрел на меня. Не понимает такой простой истины, что старец для меня — не мужчина, и я для него — не женщина.

17/6.

На днях стала писать о Зин[от]ти. О том, что она была в такой тревоге по поводу романа мамы с Орл[овым] много лет тому назад.

А теперь, вторично, по поводу старца. Зин[от]ти его не любит. Но боится в этом сознаться. Вчера она получила какие-то сведения о том, что у Гневной говорили о том, что старец захватил в свои руки не только маму, но и папу. Гневная сказала при этом:

— Эта женщина (мама) треплет корону по грязи!

И сказала:

— Боюсь, что она будет роковой для династии!

Зи[нот]ти сказала:

— Я не люблю Гневной. Она враг мамы, значит — и мой враг. Но она очень умна, и у нее открытые глаза. И вот, я такое думаю, что мама последняя русская царица!.. Нельзя править такой большой страной, опираясь на раз-зум дикого мужика!

Зи[нот]ти сказала:

— Я задумала одну вещь. Если это не отвлечет маму от этого дьявола...

Я не знаю, на что пойдет эта сумасшедшая. Но надо быть настороже.

Зи[нот]ти потом спохватилась:

— Я говорила тебе, Аня, а ты, как и мама, запуталась в его сетях... Мухи, несчастные мухи! Этот паук вас обсосет!

Вчера говорила с Шурой относительно Зи[нот]ти. Она говорит, что ее муж уверяет, что все ее считают близкой родственницей мамы.

Она незаконная дочь какого-то итальянца и принцессы Дар[мштадтско]й Алисы¹⁵². Так говорят. Числится воспитанницей герцогини А[лисы]. Это официально.

Во всяком случае, может, это только чисто случайно, но между ней и мамой большое сходство. Та же гордая поступь. Те же мрачные глаза и та же величавая красота [в] движениях. Может, случайно...

5/7.

Это ужас, ужас! Ужас! Только сумасшедшая Зи[нот]ти могла до этого додуматься. Если мама не сошла с ума и не умерла от разрыва сердца, то ее спасли только молитвы старца.

И главное, что поразительно, что это сделала Зи[нот]ти, та самая Зи[нот]ти, которая готова душу отдать за маму. Она искренно ей предана. И между тем злейший враг не мог бы придумать худшего.

А было вот что.

Мама нервничала. Под конец [с] ней был припадок. Я ушла к себе в 11-м часу. Не успела убрать голову ко сну — вдруг телефон. Мама говорит:

— Если ты не очень устала, приходи ко мне. У меня такая тоска... Пойду помолюсь... Придешь — почитаем.

Я собралась идти. В это время — с ногой что-то неладное. Прошло в общем полчаса. Подъехала ровно в 12. Поднялась. Прошла левым проходом. Не успела дойти, [как] услышала крик мамы. Сразу не сообразила откуда. По крику думала — она умирает. Кинулась к ней — она лежит в молельне, ударила головой о диван. Сколько прошло времени, не знаю. Но, когда я прибежала к маме, из-за божницы выбежала какая-то тень. И если бы мама не лежала передо мной, я сказала бы, что прошла мама. В таком же мягком халате, тот же чепец и, главное, та же походка.

Но мама лежала тут же, и я решила, что это от испуга у меня галлюцинация.

Я открыла огонь. Никого не должно звать. Только лишние сплетни.

Крикнула Зи[нот]ти, но она не отозвалась.

Потерла маме виски. Дала понюхать соль. Перевела ее и уложила. Мама глядела на меня безумными глазами. Только через час (было начало второго) она заговорила. И то, что она мне рассказала, было так страшно, что я приняла это за бред. А рассказала она мне вот что.

Когда она вошла и опустилась перед образом Спасителя, то услышала какой-то шорох, подняла голову и увидела женщину. Женщина держала в руках черный крест и лист бумаги, а на бумаге черными буквами написано: «Гони Григория, он дьявол и несет смерть всему дому!»

И когда мама это сказала, то вся задрожала. А потом тихо так прибавила:

— И главное, эта женщина — как будто я сама! Как будто мой двойник!

Я прочла с мамой молитву старца «Господи, очисти разум мой от злого духа, умудри и проясни меня!».

Когда мама стала успокаиваться, я позвала Зи[нот]ти, чтобы приготовить маме питье (она одна умела его приготовить).

Когда Зи[нот]ти вошла, я вздрогнула: на ней был такой же халат. Она смутилась, вышла и скоро вернулась в белом чепце и в таком же переднике. Мама стала засыпать. При виде Зи[нот]ти задрожала. Выпила питье и заснула. Я приехала домой во втором часу.

Страшная мысль, что это могла сделать Зи[нот]ти, не давала мне покою. Могла убить маму, могла убить! Эта мысль сверлила гвоздем. И это сделал не враг, а друг!

Ужас, ужас, ужас!

Утром, раньше, чем я собралась уйти, зашла Зи[нот]ти, страдающая, несчастная. С безумием в глазах. Созналась,

что все это сделала она. Давно уже задумала. Для этого приготовила такие же, как у мамы, халат и чепец. Думала, что мама ее примет за свое отражение в стекле. Когда мама опустилась на колени, опустила свет, осветила.....¹⁵³ Когда мама крикнула, [она] испугалась: думала, что мама умирает. Хотела к ней броситься, [но] в это время увидела меня.

Все это [она] рассказала сквозь слезы, умолая:

— Спаси, спаси маму!

Причем говорила: если для здоровья мамы это нужно, то она сознается. Пусть ее казнят, все равно, только бы мама была жива.

Я успокоила ее, как могла. Взяла с нее слово, что она никогда больше ничего подобного не сделает. И сказала ей, что об этом никто не должен знать, так как маме будет тяжело ее лишиться: она не только камеристка мамы, но и ее лучший друг. Мама выросла на ее руках.

И все же у меня в душе большая горечь против нее. Если друзья так беспощадны в борьбе [со] старцем, то чего уж ждать от врагов!

9/7.

Была у старца. Все в общем рассказала ему, не называя Зинотти. Звала его приехать, повидать маму. Она бродит как тень.

— Пугали, — говорит, — мной пугали! Это не дьявол, а люди... Свои люди! Да что уж! Приеду, успокою... Сделаю, чтоб то страшное, ночное, позабыла! Сделаю! Все будет хорошо, пока я с ней!

Был у мамы. Оставался с ней больше часу. Когда ушел, я пришла к маме. Тихая, спокойная. Спрашивает:

— А что со мной было? Отчего папа так волнуется за мое здоровье?

О, святой старец! Ты исцелил ее! Она все забыла¹⁵⁴.

4/7.

Мама все забыла. А старец не забыл. Он только умеет скрывать, если его что мучает.

Был у меня. Заходила великая княжна Ол[ьга]¹⁵⁵. Старец ей читал, вернее, рассказывал житие святых. Пели песни. В это время зашла Зинотти. Позвала великую княжну Ол[ьгу]. Она вышла. Ушла. Вскоре уехала. А Зи[нот]ти зашла ко мне, передала от мамы книгу (я больна, второй день не выхожу). Когда Зи[нот]ти зашла, старец отошел к окну. Играл с Бэби¹⁵⁶. Потом вдруг повернулся, подскочил (именно подскочил) к Зи[нот]ти и, глядя в упор в ее глаза, сказал:

— А ты, совушка, не пугай маму! Слышишь, не пугай! А то я тебя пугну! Вон, поганая!

Зи[нот]ти сразу растерялась. Она плохо понимает по-русски. Но, очевидно, старца поняла. Побледнела и, кланяясь, вышла.

Когда она ушла, я стала целовать руки святого старца. Как узнал? Откуда узнал?

Он, точно отвечая на мой вопрос, сказал:

— Я вот с того часу, как ты сказала, все думал: кто бы такое придумать мог? Понял сразу, что баба. Уж очень больно ущемить хотела... По-бабьи это... Да вот, не мог придумать. Татищева?¹⁵⁷ Так нет, та и стерва, и трусиха. Да и какая ей корысть в петлю лезть?.. Думал, от Гневной, — так где взять такого верного человека?.. Об этой гадюке позабыл. Не мог думать. Знаю, что уж очень она маму бережет... А тут, как она вошла, меня точно ударило! Осенило. Она, она, проклятая!

Я в слезах во всем созналась старцу.

Он меня успокоил:

— Ложь во спасение. Это хорошо. Это Богу хорошо!

Когда он ушел, я в первый раз за все время облегченно вздохнула. Меня избавила мысль, что я скрыла от старца его врага.

15/6—11.

Меня поражает то, как этот человек, без особых знаний, без придумочек, только по наитию, познает истину. А вышла история поразительная.

Епископ Гермоген с Илиод[ором] и компанией были одурачены — вернее же, сами хотели одурачить маму и папу. И в эту историю запутали еще и в.к. Ел[изавету] Ф[едоровну]. Они все знают, что папа (даже более мамы) дорожит образом Казанской Богоматери¹⁵⁸. Для этого рассказывают про какого-то плута-богоненавистника¹⁵⁹. Он из тюрьмы прислан слезничать, что он, мол, виноват в похищении образа Казанской Богоматери и что, если его выпустят на волю и куда-то повезут, то он отыщет спрятанную икону. В.к. Е[лизавета] Ф[едоровна] расчувствовалась и уже пошла петь акафисты. А тот жулик ее, как младенца, опутал. Она легко поддается обману. А епископу Гер[моген]у и компании это было нужно, чтобы вернуть себе внимание папы и мамы. А когда об этом узнал старец, то телеграфно¹⁶⁰ сообщил маме:

«Все врут. Иконы нет. Григорий».

И это он понял не умом, а высшим чутьем.

Была у меня Варечка¹⁶¹. Прелестная девочка. В ней что-то есть от отца. Удивительные глаза. Та же лучистость и глубина. И когда смеется — такая же мужицкая хитрость. Ее трудно назвать красивой, но очень интересна. Жалуются:

— Нет житья от подруг: отвернусь — слышу в спину: «Мужичка! Навозом пахнет! Капустой несет!», а повернусь к ним — либо сторонятся, либо льстят. А одна (это, очевидно, так прямо и сказано) говорит: «Счастливая ты, Варя! Твой отец все может сделать! Что бы ты ни попросила все тебе дадут». Потом добавила: «Поэтому мамочка¹⁶² сказала: «Ее, пожалуйста, не трогайте (это меня), а то всех нас разнесут... Потому что — правая рука царицы!» И оттого ко мне все так странно относятся. А главное — ненавидят. А что я им сделала? Когда Дима¹⁶³ принес конфеты, я всех обделяла. И одна из медвежат¹⁶⁴ говорит: «Подлиза!» Все зашикали, запугали. Она вечером прибежала извиняться и так вся дрожала: «Не сердись, не говори Злюке¹⁶⁵, а то она скажет мамочке, и моего папу ушлют!» Я ее с трудом успокоила. Но откуда, почему такое отношение? Уж лучше бы я, как Митя, ела дома колтунки¹⁶⁶. И была бы как он. А то — среди мужиков «барышня», среди барышень «мужичка». Никто к себе не допускает.

Жалко девочку.

9/5—9.

Теперь понимаю, откуда ветер дует. Это.....¹⁶⁷ и надолго будет памятно. Бедные дети. А главное, тут ничем помочь нельзя.

Отец Алек[сандр]¹⁶⁸ рассказывал маме о тайном подаянии. Это ей очень понравилось.

— Это, — говорит она, — как в сказке: голодный человек протягивает руку — и находит богатство. Находит счастье...

Мы долго говорили о том, может ли богатство дать полное счастье. Конечно, никто из нас не может себе представить, что должен почувствовать голодный, когда у него вдруг откроется возможность быть сытым. И быть сытым не раз, а долго, может быть — всегда. Мы решили найти такую семью, «которую можно осчастливить». Я должна была найти ее и сделать это в канун сочельника. Говорила с Берчиком. Он указал мне семью вдовы Л. Она из старинной дворянской семьи. Замужем была (ушла из семьи) за каким-то актером. Долго бедствовала с ним. Теперь вдо-

ва. Трое детей. Дочка одна кончила 6 классов гимназии, пришлось взять из гимназии, потому что нечем платить. А трое маленьких. Живут только тем, что мать вяжет и штопает чулки. А девочка (между прочим — красавица, как говорит Берчик) дает грошовые уроки. И то только пока тепло, так как в холод выйти не в чем. Одна кофтушка и одна пара ботинок. А дама эта, несмотря на нищету, гордая.

Рассказала маме. Оля¹⁶⁹ тоже приняла участие в этих беседах. Решено было снести им узел нарядов и сластей и деньгами 3000 (деньги дала мама) и написать письмо: «Молитесь Богу за Александру и Алексея и будьте счастливы».

Вопрос был в том, как передать все. Подойти, постучать в окно и уйти (так делается тайное подаяние)? Но это неисполнимо, так как они живут в дворницкой, в бывшем доме ее отца (приютил ее дворник, и окно выходит в коридор). Кроме того, может случиться также, что выйдет дворник и получит все. Или кто-нибудь из его семьи. Этот, наиболее романтический, способ не подходит. Надо что-то другое. Послать по почте? Тоже неудобно. Кто ее там знает? Может, и не отдадут (говорят, что живет под чужой фамилией, а какая у нее фамилия — мы не знаем). Решили так, что Митя¹⁷⁰ (ему очень нравится все романтическое) оденется в студенческое пальто, зайдет, спросит Валентину Викторовну (так ее зовут) и отдаст ей пакет. И сразу же выйдет. По крайней мере, мы будем знать, что это попало в те руки, что мы желали.

Так и сделали.

Мама приходила ко мне с Олечкой, все сама просмотрела. Олечка положила свои кружева и свои две косынки. Мне кажется, что этого не следовало делать: вещи настолько хороши, что могут пойти лишние толки. Но ей так хотелось положить эти вещи, она так радовалась при мысли, как та девочка (она, пожалуй, одних лет с великой княжной О[льгой]) будет радоваться и примерять кружева, что ей нельзя было отказать. Туда же были положены три рубашечки Маленького и в них записка («Молись за Алексея»), много конфет и сластей.

Вечером, часам к 9-ти, Митя.....¹⁷¹ и погрузил на себя узел. Постучал в окно. Ему открыл дворник и на вопрос, где живет В[алентина] В[икторовна], провел его в полутемную каморку. Митя вошел. Увидел трех детей, играющих на полу с кошкой, а на кровати лежала и стонала женщина.

— Я, — говорит он, — в первый момент растерялся. Но больная постучала в стену и слабо позвала: «Лили!»... Я бы сразу ушел, как было условлено, но я не знал, сюда

ли я попал... В это время вошла девушка (вернее, девочка) в сером каком-то рванье (так он рассказывал). И когда она вошла, я прямо растерялся. Такие глаза! Безумно красивые глаза!.. И тонкие темные брови... А волосы — целые снопы золота! Я спросил, здесь ли живет и могу ли я видеть В[алентину] В[икторовну]. Девушка растерялась и сказала: «Мама больна. А я, вот, я дочь В[алентины] В[икторовны]... А что вам угодно?» Она, видно, очень терялась. Тогда, — так рассказывает Митя, — я сказал: «Вот это возьмите!» Подал ей узлы и конверт и быстро вышел. За мной кто-то пошел, но я быстро скрылся...

Прошло более двух недель. Олечка приходила ко мне и часто спрашивала:

— Аннет, а как ты думаешь, та девочка еще счастлива?

— Мне кажется, что в этом нельзя сомневаться...

Уже весной Берчик мне сказал:

— А знаете, Ан[на] Алек[сандровна], вместо счастья, Бог вещь что в ту семью внесли!

Я уже забыла, в чем дело.

— А в сочельник, помните?

Вспомнила.

— Ну так вот. Они поправились. Квартиру другую... и все такое... Она шляпы делает, магазин у нее... Дети — так прямо ангелочки!

— Ну так и хорошо! Что же ты ворчишь?

— А вот великий князь с того самого дня за девочкой этой бегаёт. Видели его с ней в городе... Не было бы худа, не знает ведь, в чем дело. Думает, и вправду студент.

А раз было народное гулянье. Я ехала с детьми. Вижу — навстречу молодая девушка, везет колясочку с ребенком (калейкой). Берчик указал мне:

— Это та самая... в сочельник которая... А это братишка ее больной...

Девушка действительно необыкновенно красивая, однако больше похожа на еврейку или грузинку (с зелеными глазами).

9/9—10.

Сегодня опять услышала об этой несчастной Лили. Месяца два тому назад в «Новом Времени» появилась заметка:

«В воскресенье, 19 мая, в Павловском парке молодая девушка стреляла в студента. Когда раненого подняли, он отказался себя назвать. Предполагают, что это один из великосветских романов».

Больше об этом ничего не было.

Потом оказалось, что так закончилось наше «тайное благодеяние». У в. князя с Лили затянулся роман. Когда

девушка узнала об обмане, то выстрелила в своего героя, не зная, кто он. Когда ее арестовали, она себя не назвала, боясь напугать мать. Потом великий князь хлопотал об ее освобождении, но сказал полицеймейстеру, что хотел бы избавиться от этой семьи, чтобы убрать их из Царского. А в то время Митя уехал полечиться к отцу. Отец навел справки. Оказалось, что эта дама, мать Лили, была вдова еврея; ей жить, конечно, было нельзя в Царском. Но она что-то скрыла — уже не знаю, — словом, жила под чужим именем. Ну, и ее вместе с Лили арестовали. А детей у нее отняли. Она умерла в тюрьме, а Лили куда-то ушли.

Все это вышло ужасно. Великого князя не было. Он об этом узнал, только когда вернулся, месяцев через восемь. Страшно волновался.

— Вот, — говорит Митя, — наши полицейские с.....¹⁷²! Готовы человека живьем съесть! Перестарался, мерзавец!

Он собирался было навести справки о том, куда девалась Лили. Потом решил ограничиться выговором полицеймейстеру... И еще боялся, что дойдет до мамы.

Бедная, бедная девочка.

А мы так искренно верили в то, что наше «тайное деяние» принесет счастье всей семье.

7/5—11.

Старец едет¹⁷³. Ждем его с нетерпением. Мама говорит: — Он единственный человек, который вносит мир в мою душу.

И дети его ждут. Любят его святые слова. Оказывается, он задержался. Совершил паломничество в Саров. И не один, а с народом. Его большой душе надо, чтобы всякий, кто будет около него, возрадовался. А посему мама сегодня отправила ему 3000 рублей на подарки для народа.

9/6—1.

— И вот, — говорит старец, — эти министры — ослы: велют из Царицына убрать Илиодора, а это не понимают, что за ним сто старух поплетутся и такой рев поднимут, что никакими пушками не заглушишь... Дурьи головы! Надо, чтобы все спокойно!

И опять о Л. Толст[ом] вспомнил:

— Папе, — говорит, — на графов не везет: графа Л. Толстого за характер Синод оттолкнул, графа Витте (так как он граф — Витте) зовут за большую умность — так это не годится: плохое то хозяйство, когда хозяин умного приказчика боится!

Да, прав старец, прав мудрый, святой пророк!

Мама говорит:

— Если бы я не была царица, то была бы с теми, кто против царей!

Думаю — если бы старец не был святым человеком, то был бы тоже с теми, кто против.

9/7.

Старец говорит:

— Царские министры не видят много дальше своего носа. Вот им граф Лев Толстой чем-то не по нутру пришелся. Они Синоду и напели. А этот и рад. Ведь попы — души продажные... Тоже вот, выслужиться хотели — ему отречение от церкви...¹⁷⁴ Думали — он заплачет, в ножки поклонится: дайте, мол, свое благословение! А он и не подумал. А папа, как стал помирать граф Толстой¹⁷⁵, печально так сквозь слезы сказал: «Не он перед церковью, а перед ним церковь виновата, что он не как христианин, без покаяния умирает. Церковь сумела наказать, а не сумела на свою сторону перетянуть!» Вот что сказал папа, а они думали — царю-батюшке угодили! Щенки слепые, а не правители, дальше сиськи суки не видят.

И как он прав! Ах, как он прав!

Отречение графа Л. Толстого от церкви внесло большую горечь во всю царскую семью.

Мама говорит:

— Граф Л. Толстой — величайший мировой ум, гений... И этот человек, который жил в наше время, относился злобно к нам, потому что к нему церковники применили такую же плеть, как к любому поваренку. И это так тяжело! Особенно потому, что вся Европа это нам поставила в вину. И еще потому, что «Война и мир» — это лучшая русская книга...

Меня несколько удивило, что мама так отозвалась об этой книге, так как граф Толстой очень откровенно высказывает [в ней] свои симпатии солдатам, а не генералам и еще посмеивается над царем Ал[ександром] Пав[ловичем]... И вообще над царями... Но в этом отношении мама верна себе, она человек культурный, и от этого ей не уйти.

А раз она мне сказала:

— Ах, Аннет, если бы я не была царицей, то присоединилась бы к тем, кто нас, царей, ненавидит, — так много жестокости! Такая узкость!.. Но мы, цари, — помазанники Бога и должны нести свой крест...

Папа его имеет.

Странно, когда вступишь в папу и маму, оба они «не для величия и славы», как им для них [поет] поэт державный К. Р.¹⁷⁶. Они люди глубокой веры, тишины... Любят свой покой, своих детей... Ну, и судьба поставила их царствовать. Конечно, положение не только обязывает, но и развращает. Особенно власть.

Это я знаю по себе. Власть очень портит. Кружит голову. Сбивает с пути скромной, молитвенной жизни. И все же мама — величайшая мученица. В ней, в буквальном смысле, все болит. У ней столько ответственности, столько забот и так мало чистой радости.

18/7.

Столыпин настаивает, чтобы как-нибудь убрать Илиод[ора] из Царицына. Он сказал папе:

— Нельзя допустить (хотя [бы и] на религиозной почве) устраивать погромы. Илиод[ор] — погромщик и опасный монах. Сильно действует на толпу. Этот сумасшедший несет позор. О нем слишком много говорят. Его надо убрать из Царицына. Там готовится бунтовское гнездо.

Я думаю — Сто[лыпи]н прав. Илиодор — это злокачественная язва. Его надо обессилить. А старец говорит:

— Надо еще маленько выждать, а то, ежели так, нахрапом, Илиодорушку уберут, народ его мучеником признает. А народ страсть как мучеников любит!

Как он мудро рассуждает!

9/9.

Однако Синод, под влиянием Стол[ыпи]на, настоял на своем. Илиодора перевезли из Царицына в Новосильевский монастырь¹⁷⁷. Шуму чтоб меньше было. А старец обиделся, что без него порешили. Сказал:

— Ежели они без меня решают, то я это решение смахну... Пуцай остается в Царицыне, пока я того требую!

Мама хоть и очень обижена на Илиод[ора] за эту мошенническую историю с образом Казанской Богоматери, но старцу не решилась отказать, и потому решение Синода отменили и Илиод[ора] оставили в Царицыне.

А князь Анд[роников] приезжал и говорил:

— Отец Григорий по доброте своего же врага Илиод[ора] защищает. А этот враг только выбирает удобный момент, чтобы его раздавить!

Я его успокоила, сказав, что раздавить старца не так просто, так как Илиод[ора] и Гермог[ена] мама терпит только по милости Гр[игория] Еф[имовича]. И что его

слова довольно, чтобы их убрать. Кн. Ан[дроников] улыбнулся:

— А[нна] А[лександровна], а вы разве не знаете, что старец также смертный, а у этих голубчиков рука не дрогнет убить того, кто им станет на дороге?

И так он это сказал, что у меня мурашки по телу забегали.

Так много врагов, так много врагов! И главное — со всех сторон. Сохрани его, Господи!

6/7—11.

Папа еще при первом свидании с Илиод[ором], когда старец велел его папе принять, сказал ему:

— Ты во всем должен следовать указаниям старца, и если тебе дана возможность жалить, то пускай свое жало против революционеров и жидов. А министров и других правителей не трогай!.. А главное, во всем слушайся Гр[игория] Еф[имовича]. Его Бог избрал нам в советники. Умудри его¹⁷⁸.

А что сделал Илиод[ор]? Он не удовольствовался еврейскими погромами, а стал кидаться на губернатора¹⁷⁹. Этого мало. Отрастил зубы и бросился на самого старца. Тут уже придется накинуть цепь!

7/9—10-й.

Ненавижу Илиод[ора]! Ненавижу! Несмотря на то, что старец говорит:

— Его должно почитать, потому — на ём благодать!

И все же ненавижу.

Что-то в нем есть такое, что делает его отвратительным. Гадливым. Он когда смотрит, то, кажется, проникает глазами. И в позах его что-то стыдное. Я знаю: враги старца говорят, что старец своим касанием оскверняет женщину. Но так говорить могут только враги и люди с развратом в помыслах. От касаний старца чувствуешь только, что поднимаешься над землей. Что ничего тебе не надо. Ничто тебя не трогает. А есть высшее, сладостное, что кружит тебя над землей. И это не ласка его, не сладострастие, а горячая волна божественного. И никакие радости не сравнить с этим сладчайшим туманом.

Вспоминаю величайший трепет моего существа.

Когда мы приехали к старцу¹⁸⁰, то он водил нас по деревням. Чтобы, так говорил он, я видела, в какой грязи живет народ. Какой горький хлеб крестьянский. И еще для того, чтобы видеть, как его почитает народ.

Когда мы шли по улице, то я видела, как крестьяне кидались ему в ноги и молили:

— Благослови, спаси, помолись за нас!

И он, такой жалостливый, поднимал их и обделял. И я никогда не представляла себе, что он так много раздает народу.

И я не могла и подумать, что он делает это только для нас. Потому что, когда я вечером шла с Варей¹⁸¹, и к нам присоединилась старуха Ириша (она не верит в Гр[игория] Е[фимовича], говорит, что он не от Бога), и все же водила нас по дворам и показывала: «Тут он избу починил, там корову купил, там — лошадь. Там на детей дает. На его счет обучаются, на его счет лечатся...» Это требует десятков тысяч.

— Такой царской щедрости никто никогда не видел! — говорят крестьяне.

Вечером П. Д¹⁸² нас кормила чем-то очень жирным и сладким. Пили вино, пели песни.

Вся комната старца увешана коврами. Мягко-красная оттоманка. Против нее, на столе, божница, в ней икона Божьей матери. В черной без позолоты оправе. Старинное письмо. Когда смотришь издали, то видишь только бледные тени. А когда зажигается лампада, то святой лик светлеет.

Когда стало тихо, то двое взяли нечто похожее на цимбалы, стали играть. Старец, подпевая, стал кружиться. Песнь усиливалась. Усиливалось кружение-пляска. И старец, указывая на Божью мать, сказал:

— Глядите, плачет, о нас скорбит!

Когда же, в великом кружении, мы все пали ниц перед старцем, я увидела на глазах Богоматери сияние.

И когда, утопая в мягком ковре... в изнеможении... Это была высшая благодать... Высшее трепетание...

6/9.

Ненавидела Илиод[ора] всегда, особенно теперь! Отец сказал, что вчера он прислал письмо, в котором описывает «радение» старца с Мар[ьей] Ив[ановной]. И я знаю, что все, что он пишет, это клевета, чтобы очернить старца.

А с М[арьей] И[вановной] было так.

Она, как лучшая молитвенница старца, никогда его не принимает у себя, разве — когда идут от мамы. Он заносит ей для Маленького что-нибудь. В этот раз тоже так было. М[арья] И[вановна] ушла, оставив Маленького спящим. Пришел старец. И когда дверь открылась и Маленький зашел (он оставил свой волчок на кровати М[арьи] И[вановны]), то они его не заметили. Он испуганно закричал.

Пришел отец Алек[сандр]. Маленький слушал его. Но все жаловался на головную боль. Мама позвала старца, и Маленький закричал:

— Не хочу. Он будет меня душить, как М[ашу]!

И это особенно было неприятно, потому что при этом был отец А[лександр]. Он скоро ушел. Старец стал гладить Маленького, и головная боль у него прошла, и он воробышком прыгал по комнате.

7/10.

Как об этом узнал Илиодор? Но разве это поймешь? Уши и глаза всюду. За каждым шагом следят. И все оскверняют. Всюду гадят. И никуда не уйти от них.

10/10—11.

Вчера мама говорила:

— Когда в начале войны с Японией запахло этим несчастным бунтом, который они называют революцией...

Между прочим, мама всегда говорит: «В России никогда не может быть революции, а может быть только бунт... А бунт надо усмирять нагайками, так как меченый холоп — лучший работник!» Я бы не сказала, что в данном случае мама особенно дальновидна, но возвращаясь к ее рассказу.

— Итак, — говорит мама, — во время японской войны было предложено устроить нечто вроде «Sûreté général»¹⁸³, и дело было поручено Комис[саров]у¹⁸⁴.

Мама говорит, что он проявил необычайную прозорливость. Вся заграничная шифрованная переписка, как в волшебном фонаре, проходила перед нашими правителями, им оставалось только делать выводы. Он раздобыл десять шифров: американский, японский, китайский и др. Работа шла удивительно, но кто-то предал. И пришлось ликвидировать. И вот мама говорит, что, по ее мнению, Комис[саров] сам состряпал, сам и разрушил. Далее мама говорит:

— Этот же человек составлял и печатал прокламации о еврейских¹⁸⁵ погромах¹⁸⁶, а когда все стало известно, перевернул горшок с углями на другую голову.

И вот, она говорит, этот человек предлагался в качестве охранителя старца. Да он не только убьет, а еще пойдет с красным флагом по улице! Нет, нет, ему верить нельзя, такие люди опасны!

1/2.

Старец сказал папе:

— Тем, что обер-прокурор Лукьянов¹⁸⁷ со скандалом убрал Илиод[ора], только дуракам языки развязал. Вон, послушайте, что говорят: «царь, мол, послал Илиод[ора] жидов бить, да и спутался. Когда Дума на царя нападать стала, царь от своего слова отказался, и Илиод[ор] предан жидам. То есть Думе... Вот что говорят!.. А разве хорошо такие слухи слушать? Ведь думать надо, что стеной за Илиод[ора] народ. Так надо сделать так, чтоб бабьего реву не было, чтоб народ его прогнал. Вот что надо! А пока что — терпеть! А Лук[ьянова], прихвостня Столы[пи]на, думского попыхача, — гнать в шею надо! Вот!

И при этом сердито закричал:

— А то дождешься, что всех думских собак на нас пустят! Вот! Гнать его, стерву!

Папа сказал:

— А кого поставим?

Старец указал на Саблера¹⁸⁸.

— Не человек, а воск, чистый воск! Подогреешь — и жми его! Вот царский послушник!.. И церковник! Вот! Назначение Саблера мама приветствует.

4/7.

Папа указал старцу, что Дума высмеивает смещение Лукьянова и замену его Саблером. А старец и говорит:

— Дума — это собачья свадьба. Свои собаки дерутся, а все вместе ходят и чужих не подпускают! Вот что — гнать ее надо, эту Думу!

О, если бы это ее так же просто было прогнать, как всякого отдельного министра! Но это не так просто. Тут уж определенно борьба за власть. Папа охраняет самодержавие, а Дума это самодержавие обстреливает, пока только речами, но впоследствии может быть худшее.

5 марта.

Вопрос о диакониссах¹⁸⁹ прямо разросся в борьбу. Вокруг него, конечно, разгорелись страсти. С одной стороны — великая княгиня Е[лизавета] Ф[едоровна] с московским митрополитом В[ладимиром], с другой — мама со старцем.

Для чего нужны в.к. Е[лизавете] Ф[едоровне] диаконисы? Ясно. Она хоть и отшельница, но очень властолюбивая. Ей нужен свой штат, свои верноподданные, хотя [бы и] в монашеских рясах. И еще одно — в.к. Е[лизавета] Ф[едоровна] любит все обстановочное, декоративное, а в этом отношении католическая церковь дает больше. А диаконисы — это прямое явление католического монасты-

ря... Еще думается мне и нечто другое. Тут у в.к. Е[лизаветы] Ф[едоровны] может быть и другое — если не совсем, то хоть отчасти навязать нам главенство церкви над престолом. Во всяком случае, диаконисы не дают ей покою. Старец сразу не понял, а потом и сказал:

— Ишь, какая молитвенница!.. У католиков над царем папа римский, а у нас московская мама будет! Пускай убирает руки, пока пальчиков не отрубили!

А папа так рассмеялся в первый момент. Не знал, как от в.к. Е[лизаветы] Ф[едоровны] отделаться, отписаться.

А старец говорит:

— Мы на нее епископа Гермогена напустим. Пускай ее законами запугает.

И только этим и удалось разбить тенденцию о диаконах.

Я очень рада, что все старания в.к. Е[лизаветы] Ф[едоровны] разбиты. Казалось бы, если человек уходит в монастырь, то тем самым отказывается от властолюбия и честолюбия. Но это не так.

6/7.

Ба[дмае]в был. Говорит, на этих днях будет у меня Мигулин. Лично мне этот человек очень неприятен. У него особенная манера говорить, предлагая какой-нибудь проект. А все его проекты сводятся к одному: поставки, концессии, банки и т. д. Он так нахально смотрит в глаза и говорит:

— Это для нас (подчеркивая для нас) будет очень полезно!

Когда он был у меня несколько дней тому назад, я его отпугнула.

— Не для нас, а для вас это нужно, — сказала я ему в ответ на его проект о приисках.

Он на минуту вздрогнул.

Потом так завилял:

— Я думал, что вы мне разрешите считать интересы государства нашими общими интересами...

Кстати, с ним этот Руб[инштейн]¹⁹⁰. (Между прочим, все говорят: «Евреи трусливы, жулики и трусы». Глядя на этих людей, вслушиваясь в их мудреные проекты, я думаю: «Жулики, но не трусы!» Очень откровенно издеваются над нашей простотой.) Этот Руб[инштейн] мне положительно нравится. Когда заговорили об отчислениях, он сказал:

— Многоуважаемая Ан[на] А[лександровна], я знаю толк в бриллиантах и еще лучше — в оправе! — намекая на ту бестактность, которую себе позволил Побирושка,

оставив пакет с надписью: «5 каратов, 8 каратов» и т. д. Страшно мало в нашем обществе умных людей, а потому, когда встречаешь таких, как вот он, то это особенно приятно. И думается мне, что такие везде будут на месте. А то — кичиться породой, а подносить в пакетиках!

9/9.

Мама взволнована. Император Вил[ьгельм] пишет ей: «Я верю в твой критический ум и твою гордость. И все же и до меня доходят эти ужасы о твоём и Ники увлечении «старцем». Для меня это совершенно нечто непонятное. Мы — помазанники Божьи, и наши пути перед Богом должны быть такие же чистые и недоступные для черни, как все, что люди от нас.....¹⁹¹ А это ваше увлечение равняет вас с толпой. Берегитесь. Помните, что величие царей — залог силы».

Дальше он пишет о том, что в заграничной прессе выступление одного старца — Илиод[ора] — против другого — Расп[утина] — рассматривается как бунт церкви против власти. И самое ужасное, что цари являются не усмирителями бунта, а играют роль разжигателей. «Имя царицы рядом с именем какого-то темного проходимца! Это ужасно!»

Это письмо как громом поразило маму.

— Никто никогда не смеет вмешиваться в нашу жизнь!

Мама особенно нервничает, зная, что это письмо продиктовано или внушено ее «отцом»¹⁹². О нем она всегда говорит с особой и нежной любовью, и это ее оскорбило.

— Почему они все вместе и каждый в отдельности стараются мне навязать свои правила? Кто дал им это право? Как они смели! Ах, как они смели! И главное, этот Иуда-предатель Илиод[ор]! Старец о нем, как о своем любимом брате, хлопотал. Ни на минуту не забывал о нем, и он, он явился предателем!

Утром получаю письмо от Лелички¹⁹³.

«Боюсь за старца. Боюсь. Они — епископ Герм[оген] и Илиод[ор], как черные вороны... Черные вороны хотят клевать чистое тело. Боюсь, могут пролить кровь. Сделай все, чтобы примирить их. Разорви свое сердце, но не дай свершиться между ними ужасному! Жди меня к вечеру».

Это письмо — сумбур и страх, как и все, чем живет в последнее время Леличка. Оно меня напугало. Но я не знала, в какую сторону направить свое наблюдение.

Говорила с А[лександром] Э[риковичем].

Он сказал:

— Не пугайтесь и, главное, не пугайте Саны. Эта О[льга] В[ладимировна] всегда что-то выдумывает. Во всяком случае, весь день будем иметь за ним наблюдение.

Старец был у Гол[овиных]¹⁹⁴. Мама звонила мне, что Илиод[ор] приехал, говорил со старцем. Беседа мирная. Дружно обсуждали. Поехали в Ярославское подворье, где ждал епископ Герм[оген]. Старец доволен.

Выслушав это сообщение, мама успокоилась. Думала, А[лександр] Э[рикович] прав. Леличка преувеличивает. Они сговорились, значит — все хорошо. Успокоилась, хотя в душе не доверяла Ил[иодору]. Но, думала я, он боится старца, а потому смирится и убедит епископа Герм[огена] тоже смириться. Их, конечно, терзает зависть к старцу. Но они должны смириться.

Когда приехал старец, мы все поняли.

Я омывала его ноги слезами. Как они смели! Как смели!

Били... истязали... могли убить...¹⁹⁵ И только испугались Божьего суда...

Когда они подняли руки на старца, он, старец, сказал: — Да будет воля твоя!

И рука епископа Герм[огена] повисла, как плеть.

Свершилось нечто страшное. Они пошли открытым бунтом против старца и против папы и мамы. Знают ли они, какая судьба их ждет?¹⁹⁶

Леличка, обливая слезами руки старца, шепчет все то же:

— Примирите, примирите их... Или случится большое горе!

Старец говорит:

— Поздно. Я еще надеялся на то, что они поймут... что им без меня нельзя... А они, вот, не понимают... Думали, убьют Григория — к маме пройдут... Врут, проклятые!

Когда вечером пришел Илиод[ор], этот бунтовщик, этот одержимый гордостью и злобой дьявольской в смиренном одеянии монаха, то я молила Бога:

— Всели в меня, Господи, дух смирения, не дай нанести оскорбление принявшему сан!

И, когда он заговорил, я отошла к окну, боялась на него смотреть. А когда старец сказал, указывая на Илиод[ора]: «Заманили и хотели убить... Крестом... крестом убить», то я почувствовала, что готова броситься... рвать... терзать...

И когда А[лександр] Э[рикович] поднял свой кулак¹⁹⁷, я вспомнила его слова:

— Этой рукой сам 80 революционеров казнил!

Да, я знаю, что А[лександр] Э[рикович] умеет отстаивать друзей папы и мамы...

Очевидно, о том же подумал и Илиод[ор], глядя на кулак Ал[ександра] Э[риковича], потому что голос его стал тише, когда он стал пробираться к двери.

Смиренный схимник, одержимый бесовской гордостью, о, как я его ненавижу! И нет таких мучений, которые могли бы искупить его грех перед старцем. Знал ли он, понимал, на кого поднял свою руку?

Когда он ушел, старец мрачно поник головой.

— Не хотел с ним войны. Пожалеть его хотел... А он сам... сам себе яму копать хотел...

Вскоре все разъехались.

Я осталась со старцем. И он тихо сказал:

— Аннушка, они не меня, а папу... маму оскорбили... И я рад за них пострадать... Но зачем они такую злобу имеют?

И его святые глаза покрылись такой любовью... такой лаской ко всему миру...

10/5.

Леличка не хочет успокоиться:

— Пойми, они оба, оба — лучшие сыны.....¹⁹⁸ бес-искуситель...

Она вся как в огне горит. Написала маме:

«Сестра Ал[ександра], моя госпожа и царица. Стань между ними, соедини их руки, и да будет между ними мир и любовь. Они вот не могли понять — все, и даже и Аннушка, что они оба — Илиод[ор] и Григ[орий] — братья во Христе, лучшие сыны церкви... и от войны между ними может случиться страшное шатанье трона... Шатанье трона! Царица, помири их!»¹⁹⁹

Мама очень любит Лелю. Но это письмо ее огорчило.

— Не могу, — сказала она, — протянуть руки тому, кто оскорбляет, в лице нашего друга Григ[ория], меня и папу. Нет у меня к нему любви, а без любви что я могу для него сделать?

Борьба разгорелась. И теперь уже никто, никто не может их примирить. И Илиод[ор], и Герм[оген], оба уже связанные по рукам и ногам и лишенные царской милости, не сдаются, чего-то ждут...

Старец говорит:

— Илиодорка хочет скинуть клобук...²⁰⁰. И возьмет топор... Он как Пугачев... Думает собрать рубойную²⁰¹ рать и пойти на царя и православную церковь. Он об этом только и помышляет. Да Господь по-иному рассудил... Пришел Григорий и смирит беса, смирит!..

И я знаю и верю, что старец смирит их. И душа моя радуется этой победе святого над нечестивыми. Но

тяжело то, что весь муравейник взбудоражился. Вот, пишет Б[адмаев] папе: знает ли папа о том, что произошло между епископом Гер[могеном], Илиод[ором] и старцем? А произошло, мол, такое, что они хотели заставить его, святого друга нашего, дать клятву в том, что он никогда не переступит порога дворца, не пойдет ни к папе, ни к маме.

Папу это письмо очень рассердило.

— Кто просил, — говорит он, — епископа Герм[огена] и Илиод[ора] оберегать наш царский покой?

Он, папа, усматривает в этом бунт, желание стать между папой и церковью...

Мама вполне разделяет мнение папы.

Дальнейшая судьба бунтовщиков предрешена.

19/7—17.

Были Марков²⁰² и этот несчастный Римск[ий]-Корс[аков]²⁰³. Я затруднилась [бы] сказать, почему эти люди вызывают во мне брезгливое чувство. Клопы поганые! И тем не менее приходится не только выслушивать, но считаться с ними. Цель их, как они все говорят, это сбереечь отечество и спасти папу и маму. А для того нужны деньги и только деньги.

Мар[ко]в требует, чтобы ему дали 50 000 руб. на газету.

— Эта газета, — говорит он, — будет бороться со всеми левыми группами. И кроме того, через эту газету можно подготовить общественное мнение к будущим выборам.

Римск[ий]-Корс[аков] просил для той же цели 20 000 руб. Газета предполагалась в Твери.

— Там, — говорит он, — кругом фабрики и заводы. Рабочие в большинстве под влиянием революционеров. наших агентов мало. Да и не имеют успеха.

Он полагает, что только хорошая правая газета может поднять настроение среди рабочих.

— В такой газете, — говорит он, — мы укажем на опасность от увлечения революционными теориями. Кроме того, можно кое-что рабочим обещать...

Одним словом, все они тем или иным путем добиваются денег.

Говорила старцу о том, что они были у меня.

— Вот пролазы! Узнали дорожку! Думали без меня, Григория Ефимовича, обойтись. А ты вот что скажи: я сказал, что об газете подумаю. А я пощупаю Побирушку; он на этот счет хороший глаз имеет. А думаю, что их придется гнать: потому — деньги у них по карманам теряются, а толку не будет.

Срочно приезжал кн. Мещер[ск]ий²⁰⁴.

— Знаю, — говорит, — о чем хлопочут правые... Хотят иметь свою газету.

Но, по его словам, эти газеты не только не достигают цели в смысле поднятия престижа папы и мамы, но положительно роняют таковой. Он говорил о газете, которая издается правыми в Петербурге. На газету тратятся большие суммы, а ее даже бесплатно никому не навяжешь²⁰⁵.

Он прав. Эти газеты так грубо и глупо все перевирают, что читать противно. А ведь здесь работают все же петербургские сотрудники.

Князь Мещерский указывает на то, что так как та газета — пресса, то в газетах из революционного (вернее, либерального) лагеря работают серьезные журналисты и бороться с ними должны сильные партнеры. А что могут сказать такие писаки, каких выпустит Марков и К^о? Они будут натравливать одну часть населения на другую, а кому это теперь нужно?

Он сказал, что надо серьезную газету, которая бы специально обсуждала вопросы внутренней политики, значение Думы и Совета. По его мнению, такую газету надо, и он полагает, что ее можно пустить якобы в противовес «Гражданину», а фактически она его должна дополнить. Возможно, что он прав. Досадно только, что и тут личная заинтересованность.

7/2—12.

Кто же убил Стол[ыпи]на? Кому и для чего нужна была эта смерть? Эти вопросы часто поднимаются вокруг меня. И еще чаще я слышу вопрос:

— А папа, а мама, как они реагировали на это убийство? И для кого назначалась пуля Р²⁰⁶?

Все эти вопросы теперь более, чем раньше, волнуют всех. Вопрос о Е[катерине] Шорник[овой]²⁰⁷ [стоит] очень остро. Этот барбос Щег[ловитов] мог допустить такую ошибку — чтобы выбросить человека, который представляет собой склад сведений, компрометирующих власть.....²⁰⁸ если Господь захочет кого наказать, то раньше его ума лишит. Иначе этого не понять.

Вчера получила письмо. Автор неизвестен. Есть подозрение... Вот что пишут:

«Многоуважаемая А[нна] А[лександровна]. Я Вас знаю, и Вы меня тоже. Поэтому пишу Вам: знайте, что намечено в первую очередь две смерти — Рас[пути]на и Вас. Оба

вы будете убраны для того, чтобы ликвидировать вопрос династии. Если до сих пор Россия терпела сумасшедшую царицу, то теперь ее вместе с развратным мужиком не станет. Пишет Вам человек, преданный престолу... И еще вот что. До меня дошли слухи, что Вы поминаете о монастыре... Если бы Вы ушли! Как бы это [было] хорошо и для Вас и для тех, кто «не мыслил убивать», а должен убить, чтобы спасти Россию. Подумайте обо всем, Ан[на] А[лександровна]».

Как странно. О своей мысли «уйти в монастырь» я полусерьезно говорила в субботу неделю тому назад. Были при этом, кроме Шуры²⁰⁹ и Мумы²¹⁰, только Вера Николаевна (друг семьи и Пур[ишкевича])²¹¹. Странно как все это... Так как вопрос идет не только обо мне, а о дорогом нам всем старце, то возникает вопрос, как быть. Если так, то это очень смело. Где же наша охрана?.. Сказать В[оей]к[о]ву?²¹² Есть один человек, который мог бы все более или менее прояснить — это Курлов²¹³. Но я ему не доверяю...

Если могли убить Сто[лыпина] свои, те самые, которых он вскормил, то какой охране можно доверять? Странно и жутко. И не за себя. Ведь я знаю, что дело не во мне. Я без старца — это пустой звук. Это ружье без заряда. Они ищут его голову. Голову старца. А через него — поразить маму.

9/12—12.

Вчера А[лександр] Э[рикович] рассказал мне всю историю этой несчастной Шор[никовой]. Оказывается так. Она одна из так называемых раскаявшихся грешниц. Предложила свои услуги по политическому сыску. Предала своих, свою партию, в которой работала. Это она по указанию властей (главным образом, очевидно, Столып[ина]) разыграла сказку про то, что члены Государственной Думы с.-д. (она, видно, сама раньше работала в этой партии) якобы готовили заговор, воззвание к войскам или что-то в этом роде. С этим документом в руках добилась того, к чему стремилась. «Кабинет» [?]. Арестовали всю фракцию с.-д.-в, членов Думы, а Думу разогнали. Казалось бы, что после того, как работник оказал такую услугу правительству, оно (то есть тот же министр) должен озаботиться о ее судьбе. Правда, она рвань, гадина, но эту гадину использовали. Она сделала лучшее для нас дело. Надо ее если не наградить, то хоть устроить. А о ней совсем позабыли. Кинули, как...²¹⁴, отправили в горячий момент куда-то — и позабыли. И тут началось самое интересное. В партии она

под подозрением. Ее ищут. На нее.....²¹⁵. Местная власть²¹⁶ от нее отмахивается, а ей есть нечего. Рваная, полуголодная, она мечется, пишет, напоминает... А они, голубчики, мирно делят лавры.

Кончилось тем, что обо всем этом узнали союзники (С. М. А.)²¹⁷, и скандал вылился через край.

При такой постановке дела²¹⁸ какое отношение может создаться между правительством и агентами сыска? Конечно, всякий рвет себе кусок, пока можно. А после меня — хоть трава не расти!

Интереснее всего в этом то, что когда начинают разбираться, то виноватых нет. Власть [валит] вину с Ивана на Петра. Ну, и солидарность при этом замечательная. Чтобы обелить себе хоть кончик уха, готовы запутать три десятка своих соработников.

Солидарности им бы научиться у тех же революционеров. Через которых [они] выслуживаются. Когда А[лександр] Э[рикович] рассказывал мне о ней, то хотел обратить мое внимание на то, что такая Шорн[ико]ва могла бы пригодиться для той цели, о которой я ему говорила. Я с этим его мнением не согласна. Я бы и вообще не сказала, что он умеет отыскивать людей. Нет, она не годится. Уж очень это все гадко!

1908 5/8.

От этих ищеек житья нет. Они не только стараются выслужиться перед папой и мамой, но, чтобы скovyрнуть друг друга, ведут такие сплетни, создают заговоры, чтобы.....²¹⁹ в ликвидации их. Проклятые! И никого они не пропустят, никого! А когда заврут, то теряют нить. Этой скверной ищейке Гер[асимо]ву²²⁰ почему-то вздумалось поохотиться на старца. Врешь, поганый, тут ничего не получишь!

А было это так. У Гер[асимо]ва своя свора (больше по.....²²¹). Они не только человека, но и птицы на лету не пропустят. Конечно, тогда, когда это им выгодно.

Кто-то донес Гер[асимо]ву, что у меня бывает старец (их нюх наводит их только на революционеров: на них всего легче выехать).

Гер[асимо]в сделал, очевидно, страшные глаза — из зависти — ну и рассказал все Ст[ольпи]ну.

Тот, как большой, распорядился и все передал папе²²².

Папа сказал маме. Мама — мне. Старец уехал. А дальше? Дальше то, что мама о нем уже много раз меня спрашивала. Тянется к нему душой. Говорит:

— За мной, за царицей, шпионят. И это называется охраной!

Еще одна отличительная черта. При полной тишине этим ночным воронам делать нечего. Они тогда предполагают другое. Кинут свою ищейку в гущу революционеров. Тот раздует там кадило, а если это не помогает, то просто составят какой-нибудь заговор позабористей и начнут с ним носиться: вот мы, мол, какие спасители! Всех спасли, папу и маму! И если для наглядности [надо] «убрать» кого (хотя бы из своих), то и это разрешается. Я не знаю, как это называется и чем вызываются такие действия охранного отделения, но и это делается. Столып[и]н убит своими же²²³. И для чего? Во-первых, возможность выслужиться, ну и освободить место для своего.....²²⁴, чем для себя. Все это кошмарно. Все это разбой. И этим людям доверена династия и лучшие слуги!

9/9.

Старец сказал вчера:

— Мама с ее светлой головой одного не понимает: что из десяти покушений на папу и маму девять придуманных этими прохвостами. И им без этого нельзя. Это их хлеб. Если, скажем к примеру, волков нет, то для чего собак держать близ стада?.. А собаки есть хотят... Потому — ежели волка нет, под волка собаку оденут и пустят. Вот он, мол, волк! Мы его растерзаем, а ты нам по куску сама кинь.

Старец именно так же, как и я, понимает это.

А когда я спросила, почему он об этом маме не скажет, он ответил:

— С царями надо говорить умеючи. Как по веревочке над пропастью ходить... И еще то надо знать, что надо, чтобы мама известную осторожность блюла. Ну, и еще чтобы знала, что за ее и папу старец молится и отводит руку врага.

Так, старец находит, что наши с ним размышления об этих Герас[имо]в[ых] и К^о не должны касаться ушей мамы и папы.

Ему виднее.

Меня только одно особенно огорчает, это чрезмерное нахальство этих господ, когда они, добиваясь мест, лент, орденов и складов, даже путем кровавым, приходят ко мне, разыгрывают героев и не желают видеть, как я их презираю. Если бы не чувство деликатности, то отвернулась бы и дверь закрыла.

— Все, — говорит мой зять, — должны, как опытный царедворец, уметь лукавить.

Эта наука небольшая. Особенно если ее изучать у моего [зятя]. Он научит!

Шурик говорит:

— Мой муж делает карьеру.

И сделает, конечно.

— Этой рукой, — говорит он, — 80 бунтарей ухлопал! А надо будет, так и 800 ухлопаю!

Это, конечно, большая заслуга перед родиной, но мне как женщине было бы тяжело, если бы эта рука меня ласкала. Почему тяжело, не знаю, но определенно тяжело.

Всякая смерть есть смерть. Я не говорю [на] войне, где убивают спасаясь. Правда, «бунт» — это тоже война. И все же, когда один убивает 80, то, значит, эти 80 связанные. И каждый раз, когда он говорит об этом, у меня какой-то [против] него внутренний протест.

Я говорила по этому поводу со старцем. Он говорит:

— Такие люди государственные — они царю нужны! «На страх врагам!» Потому ему всякие награды должны быть... и будут... А мы их грехи перед Господом замаливать будем! Вот!

Против старца не спорю. А в душе какая-то горечь. Что же делать, если уж иначе нельзя? Политика требует жертв...

27/X—12.

Христос сказал: царствие Божие для детей и праведников. Это часто повторяет старец. И на этот раз глаза его горели такой злобой, что я испугалась.

— Детей, ребят обижают! Вот ироды! Аспиды! — кричал он. — Скажу маме, что это ее женское дело — о детях иметь заботу.

А было все это вызвано вот чем: старец шел от меня. Направился не парком, а улицей. Видит — городской гонит (говорит — гонит, как поросят) детей, да еще подзатыльники дает. Старец за ним. Он в участок, и старец туда же. Причем, рассказывает старец, одна девчонка, маленькая, лет 8-ми, ноги в крови, и из носу кровь хлещет — это от подзатыльников. Пришел старец в участок, а его пристав узнал. Стал мелким бесом рассыпаться.

А он ему:

— Веди, где у тебя тут детвора содержится!

Тот стал отнекиваться. А старец крикнул:

— Веди, а то во дворец звонить буду!

Повел.

— А там, — говорит старец, — срамota: дети на голом полу, и соломы вдоволь нет. Вшивые. Все в ранах. Пищат, голодные. А их подзатыльниками кормят. И это в Царском

Селе, рядом с мамой, с папой! Как будто они там в каком-нибудь отдаленном углу!

— Этак, — говорит пристав, — приходится их иногда неделями выдерживать до суда.

— А маленьких куда? — спрашивает старец.

— В попечительство, да там никогда мест нет. Особенно нет для уличных.

— Ловко, — говорит старец. — И попечительство, стало быть, для того, у кого рука есть! А эти, — пущай их вша заест!

Очень волновался старец. Долго беседовал с мамой.

На днях выработан новый устав о малолетних преступниках. Попутно с этим сделано распоряжение, коим предписывается более суток не содержать детей при участках, направляя их в попечительство, где должны быть приспособлены временные помещения.

— Вот, — говорит старец, — как дадут старшим подзатыльника, так про малых вспомнят!.. Ах, как много безобразия кругом!

И он прав, как всегда. А наши старшие только то и делают, что грызутся — кому местечко потеплее.

9/3—12.

Вчера мама говорила, получила письмо от в.к. П[ав]л[а]²²⁵. Он только и знает, что поет. Все выпрашивает милостей для своей жены. И все пишет: «Наш Владя²²⁶... Наш сын...»

Мама смеется; рассказывает скандальные подробности о в. к. Мар[и]и²²⁷. Отец, то есть в.к. П[авел] А[лександрович], пишет папе:

«Если бы ты видел нашу Мари, это милое дитя! Что они с ней сделали! Она так бледна, так измучена, что на нее тяжело смотреть»²²⁸.

Мама говорит:

— Когда и кто уже успел ее измучить? Да и какое это дитя, которое чуть ли не с брачной постели кидается на авантюры. Ищет защиты у отца, который своим отношением к браку развязывает руки детям. Подробности этого брака, — говорит мама о браке в.к. М[арии] П[авловны] со шведским принцем, — полны пикантных подробностей. Причем это 17-летнее дитя Мария может дать 20 очков вперед своему более опытному супругу... Лучше бы, — говорит мама, — не выносить эту грязь на свет.

Мама полагает, что все это следствие влияния отца на детей. Я бы этого не сказала. Кругом столько грязи, что при желании за хорошим примером долго ходить не придется.

Одно должна сказать (чтобы ни говорили враги папы и мамы): лучшей семьи, в смысле взаимного отношения, как семья мамы, я не встречала. И только люди очень развращенные или не отдающие себе отчета могут считать отношения мамы к старцу чем-нибудь иным, как поклонение чисто религиозное.

Я бы сказала: «Тут все от Бога и во имя Бога».

И мне так больно слышать, как скверно говорят по этому поводу. Даже близкие мне люди не хотят понять, что в отношениях мамы к старцу нет и не может быть плотского.

Они должны бы понять хоть такую простую вещь, что старец, несмотря на свою простоту, очень умен и очень чуток. Он знает, как папа любит маму и какой [он] ревнивый, как же можно допустить хоть какой-нибудь намек на другие отношения, кроме тех, о которых я говорю?

А в уме и в чуткости старца даже его враги не могут ему отказать.

Он взглянет на человека — и его глазами просветит. И такой человек не пойдет и не поведет другого на риск; а кто лучше старца знает папу? Не только то, что он думает, а как думает, во что выливается его настроение. Ну, по моему мнению, так думают только очень неумные люди, уже не говоря о честности...

19/V—12.

Старец вчера зашел невзначай, я его не видела. Он говорил, что вечером занят. У меня Шурик сидела, Мума, ну, Петровнушка²²⁹ гадала. Не мне, а Муме. К ней последнее время упорно присматривается генерал Совранов. По моему мнению, он и стар для нее, и уж очень уродлив, с короткой ногой. Ну, а Вер[а] Вал.²³⁰ говорит:

— Все же положение даст, да и со средствами... Принят при дворе...

Вижу, что Муме он противен. Но она примиряется. Очевидно, очень уж тяжело живет с ним. Есть желания, есть молодость, а средств нет. Да. Ну и вот, гадала ей Петровнушка.

— Ничего, — говорит, — из этого не выйдет. Дороги расходятся ваши... Важный генерал в одну сторону, а ты в другую...

Не успела [окончить] — зашел старец.

Она смутилась.

А он говорит:

— А ты постой, колдуньюшка... Им гадаешь и мне погадай!

— Не стану, — говорит Петровнушка, — гадать. Вы сами лучше моего гадаете!

А старец и говорит:

— Я не гадаю. И гадают неверно... А это ты, бабка, хорошо делаешь, что барынь моих тешишь, побольше им ври, они это любят!

Засмеялся и ушел.

Утром мне говорит Петровнушка:

— И что у него за глаза! Даже страшно.

Говорит, что всю ночь не могла заснуть. Все его страшные глаза снились.

Между прочим, я уж несколько раз слышала такое мнение о нем. Особенно он сильно действует, когда видишь его в первый раз.

[Французский текст.]

9/X.

Опять мерзость. И ужас в том, что сделали ее священники. О, Боже мой, прости им... Кругом мерзость!..

Мама говорит:

— Этот храм рано или поздно прославится.

Почему она так думает?

В четверг вечером она пошла в эту пещерную церковь²³¹. С нею была только Марья Ивановна — няня Маленького. Когда они подошли, им открыли дверь (храм был заперт). Мама направлялась к аналою и увидела, что там горит свеча. Она была так потрясена, что стала на колени и молилась в экстазе сорок минут.

Кто зажег свечу? Храм был заперт.

— Это Божий знак! — говорит мама.

В церковь сделали богатый вклад. Мама послала облачение священнику, чтобы он заботился о благолепии храма.

[Русский текст.]

11/X—12.

Пишет мне Гнилушка²³². Он узнал о болезни Маленького²³³, и знает еще о том, что старца²³⁴ нет, и потому думает, не удастся ли чем поживиться.

И пишет мне:

«Многоуважаемая А[нна] А[лександровна]! Знаю вашу искреннюю преданность дорогим нашему сердцу папе и маме, а посему выслушайте меня. Меня обьял ужас до слез, до сжимания сердца, когда я узнал через газеты

о том, что Маленький опять болен, и еще в такой момент, когда нашего молитвенника нет с вами. А посему умоляю вас, отдайте это маме, и пусть в продолжение трех дней ему аккуратно дают. Если отвар, принятый внутрь, то есть выпитый как чай, не понизит температуру, то положить компресс из того же отвара. Температура обязательно упадет. Причем прошу вас в это время никаких других лекарств не давать. Кормить овсянкой на молоке и чашку бульона в день. Важное условие при лечении — никаких других лекарств и строгое исполнение предписанного мною. Только при таком условии я ручаюсь за скорое и полное выздоровление. Если у кого-нибудь явится подозрение, что эти лекарства ядовиты или вообще могут дать отрицательные результаты, то я предлагаю сделать настой на три чашки воды и выпить в один прием (взрослому) и находиться в полной безопасности»²³⁵.

При этом письме приложены пакетики с порошками.

Мама, обессиленная бессонными ночами у постели Маленького, слабо улыбнулась на мое уверение, что Маленький от этих порошков поправится, однако послушалась. Перед сном Маленького напоила, а утром маме дали телеграмму от старца, где он пишет:

«Мама моя дорогая, Господь услышал наши молитвы, твое дитя здорово. Молись. Григорий».

Когда мама и папа вошли с телеграммой и положили телеграмму на головку Маленького, он открыл глаза и весело засмеялся. Мама опустила [на] колени, а папа заплакал. А Маленький сказал:

— Не надо плакать! Пусть выведут мою лошадку, я ей дам сахару!

Маленький здоров. Совершенно здоров. Мама, как зачарованная, ходит, улыбаясь.

18/X.

Когда об этом рассказали на половине Гневной, то она сказала:

— Удивляюсь, что исцеление молитвой совпало с присланными лекарствами Бад[мае]ва. Почему не раньше и не позднее? Это похоже на то, что они действуют заодно.

Княз[юш]ка Анд[рони]ко в рассказе мне об этом и так хитро улыбнулся.

О, Побирושка проклятый, как зловонный ст.....²³⁶ портит воздух своим дыханием.

Удивительно противный человек! И знает ведь, поганный, что его терпят только до тех пор, пока он пугает. И выбросят при первой возможности...

Мама говорит:

— Всякого, когда он выдохнется, можно выбросить. А князя Анд[рони]ко[ва] выбросить недостаточно. У него надо выбросить язык и отрезать обе руки, чтобы ни сказать, ни написать ничего не мог.

Он этого дождется!

18/XI—10.

Мама говорит:

— Если я все прощу этому мерзкому кн. Анд[рони]ко[ву], то за последнюю измену старцу я когда-нибудь с ним рассчитаюсь! Вырвать поганый язык и отрубить обе руки, пусть он задыхается от всех тайн, которые он может выплюнуть! Эти тайны, как змей, его задушат!

Дело в том, что мама уверена, что это он внушил Бад[мае]ву мысль передать все сведения о старце в Государственную Думу²³⁷.

Навела справки.

Дело обстояло так.

Когда, после беседы [с] папой, Родзянко²³⁸ сказал кн. Анд[рони]ко[ву]: «Государь, слава Богу, открывает глаза, и судьба этого проклятого мужика на днях решается», князюшка Побирושка забил тревогу, убедил Сову — Б[ад-мае]ва повернуть руль, сойтись с Думой. А для того, чтобы сойтись, надо прислужиться, а чтоб прислужиться²³⁹, надо кого-нибудь.

И как Иуда предал Христа, так они предали его лучшего сына на земле — святого старца.

И как распяли Христа, так он предает распятию, осмеянию святого старца.

И чем больше будут над ним издеваться неверные, тем ближе он будет сердцу мамы и моему любящему сердцу.

Запрос в Думе о старце²⁴⁰, как и надо было ожидать, был праздник для Гневной и ее компании, но они праздновали недолго. Когда на третий день после запроса Род[зьян]ко был с докладом у папы, мама, когда он вошел, не подала ему руки. И вышла, не удостоив его поклоном.

Когда после его ухода папа зашел, мама сказала:

— Неужели мы предадим того, кто своей молитвой вернул нам нашего наследника?

И еще тише прибавила:

— Уйдет он — уйдет и наша благодать.

Папа сказал:

— Когда слушаю тебя — знаю, что ты права, и точно вижу его перед собой, а когда слушаю Думу, то чувствую какой-то позор, какое-то страшное, неведомое носится

над нами. И еще должен сказать, что их требования более разумны.

Папа ушел подавленный.

5/12—12.

Папа был у меня. Глаза в тумане. Голова опущена. Глубоко вздыхает. Угнетен.

— Аня, Аня, мама больна, мама очень больна! Она говорит: «Уйдет старец — уйдет благодать». Я чувствую, что в ней говорит болезнь и страх, и она этой болезнью меня заражает. Что нам делать? Что нам делать?

И точно не я, а какой-то внутренний голос шепнул за меня:

— Позвать старца... и мама поправится. И он скажет, что делать.

И лицо папы прояснилось, и он сказал:

— Я и сам так думал. Но не хотел, чтоб это решение исходило от меня. Я уже и себе, как и маме, не доверяю...

Сегодня вызвала старца.

9/XII—12.

Старец говорит:

— Мне легче дерево с корнями вырвать, чем папу в чем убедить. Легче суковатое дерево зубами изгрызть, чем с царями говорить!.. Ведь я им не свои слова говорю, а то, что мне из нутра кричит!

Была утром у мамы. Пришли папа со старцем, говорили относительно в.к. Мих[аила Александровича]²⁴¹. Старец говорит:

— Он тебе кровный?

Папа молчит.

Старец стукнул кулаком по столу. Маленький закричал. Мама побледнела. Папа подошел.

— Видишь, — говорит старец, — дитя чистым сердцем почувствовало, что кровному надо на все сердцем отозваться. А ты своих умников слушаешь.

Мама поцеловала руку старца, и папа сказал:

— Подумаю...

А потом тихо прибавил:

— Ты прав, мой мудрый учитель, и будет так, как ты сказал.

А Маленький сказал:

— Папа будет всех любить! — и весело так засмеялся. Когда Маленький смеется, то мама говорит:

— Ангелы.....²⁴²

Потом старец сказал:

— С папой говорить — камни ворочать!

10/1.

По моему мнению, Вое[йко]в играет скверную игру. Он боится старца, боится меня, вьется, а чуть что — за спиной гадит.

Старец об этом знает и говорит:

— Он пустой, такие не страшны.

А все же я лично думаю, что Вое[йко]в придет с повинной раньше, чем даже старец ожидает. Он не прийти не может, потому что у него есть заинтересованность в том, чтобы устроилось дело со шпалами.

23/6—13.

Мума²⁴³ в отчаянии: предсказание Петровнушки сбылось, генерал отъехал.

Вчера были у старца. Приехала какая-то из Москвы. Очень изящная, красивая, держит себя независимо. Из купеческих. Из семьи Выс[оцк]их. Маша²⁴⁴ говорит, на ней одних только камней столько, что можно купить особняк на Мойке. Намекнула на особняк, купленный кня[зем] Мещерски[м] для этой цыганки. Кстати — говорят, что он готовит из нее что-то вроде Гриппы. Говорят, что он ее выдвигает, как замену старцу.

Старый осел!

Кстати, на какие деньги купили особняк? По имеющимся сведениям, были даны какие-то деньги на газету, и еще на поддержание в провинции «союзников». Кто их разберет! Мутная водица с запахом гнили. И новый пакостник на пакостнике.

Возвращаюсь к москвичке.

Маша говорит:

— Она все время заигрывает со старцем. Видно по поведению — кокотка.

А старец смеется:

— Пускай, — говорит, — попрыгает, накинem узду!

— Однако, — говорит Маша, — нам неудобно. Это так не вяжется с тем, как мы относимся к старцу. Для нас всех он такой светлый, такой святой. А она с ним так пошло затеивает.

Ну и доигралась.

Что у нее было со старцем, я не знаю. Маша говорит, что он ее лечил от припадков.

Только на днях явилась она. Пришла, когда полный стол молящихся. Вдруг она врывается, подбегает к старцу и громко так на всю комнату кричит: «Со всеми б..... Всех..... А

теперь вместе молитесь?» Старец взял это ее за руку и крикнул: «На колени! Молись!.. И мы за тебя помолимся!» Она еще громче, и его [и] всех назвала б..... Все вострепнулись. Подошла к ней Акулина²⁴⁵, а она, поганая, ей прямо в лицо плюнула и скверно обозвала. Старец взял со стола соль и сыпнул ей вослед с криком: «Уйди, поганая!» Она нейдет. Он ее швырнул, она упала и завывала. Он сказал всем: «Помолитесь за одержимую!» А она что-то крикнула...

Мума²⁴⁶ не разобрала, только помянула Илиодорушку, ну, и маму.

Ее вывели. Она арестована.

Старец говорит, хоть она и шпион, все же он думает просить, чтобы к ней не очень строго относились...

Но она сама себя осудила: повесилась в своей оди-ночной палате.

Больная она или преступница?

Возможно, что и больная.

О ней не пишут, не говорят.

2/8—13.

Состояние мамы очень тяжелое. Она жалуется на то, что ее опять преследуют кошмары. И еще одно неприятно — она начинает бояться своих же людей. После той истории с Зи[нот]ти мама очень изменилась к ней. Почувствовала какой-то страх. Когда у мамы начинается полоса страха, весь дом в ужасе. Особенно это сказывается на папе. Тут как-то мама мне сказала:

— Я знаю, что на нашу охрану тратятся большие суммы. Значит — сотни людей. Но от этого мне не легче, так как именно от них я жду измены. Нас могут поразить не потому, что это им будет нужно, а потому, что Иван сделает это для того, чтобы подвести Степана.

Эта мания преследования подтачивает силы мамы, и никто, кроме старца, не может ее успокоить.

Мы шли парком. Дорогой шла нищенка. Узнав маму, опустилась на колени. Мама велела отдать ей кошелек. Не вставая с колен, нищая шепнула:

— Какая же горькая твоя доля!

Мама не сразу ее поняла. Когда мы отошли, мама спросила:

— Что она сказала?

Я, не желая тревожить маму, сказала:

— Она сказала, что будет молиться за милость.

— А я думала, что она сказала, что я более ее нуждаюсь в милости.

У мамы есть это свойство — угадывать слова, которые она не сразу понимает.

Вчера ночью мама проснулась с криком:

— Что с Маленьким?

Ей почудилось, что его укусила змея. Пришлось вызвать старца. Он полагает, что маме хорошо было бы поехать. Доктор вполне с ним согласен. Мама сказала:

— Никуда не поеду, так как старцу с нами ехать нельзя, а без него боюсь остаться.

2/1—14.

Видела вчера эту книжку, присланную в.к. П[авлом] А[лександровичем]. Называется она: «Царствование Государя Императора Николая Александровича»²⁴⁷.

Удивительно, как они нетактичны! Кому нужна такая книга? Если бы ее написал какой-нибудь писака из наших, ну хотя [бы] князь Мещер[ский], ну, или Пуриш[кевич], я бы поняла. Всякий поэтому делает карьеру.

Но для чего, [для] чего это нужно?.. И так все просто, так грубо-льстиво. Становится стыдно за нашу высшую аристократию.

Она²⁴⁸ его, папу, называет «глубоким», «кротким» и «устойчивым, как скала». А еще недавно в салоне Гневной говорили с ее слов — «флюгарка с короной», так она называла папу.

По моему мнению, и первое и второе неверно. Он, папа, не скала, но и не флюгарка. В нем достаточно если не силы воли, то упрямства, чтобы поставить на своем там, где он считает нужным. И это уже имела возможность испытать семья в.к. П[авла] А[лександровича] на себе с большим успехом.

Мама говорит:

— Эта книжка, очевидно, имеет политическое значение, но читать ее.....²⁴⁹.

А папа говорит:

— Книжка не для нас, а для тех, кто знает, как читать.

А по мне, как ни читай — одинаково противно. Тем более что, по моему усмотрению, она политически еще беднее, чем литературно.

Если бы мы говорили о России, то особа царя неприкосновенна, и никто не станет с ним знакомиться через эту книжку. Ну, а за границей? Там такими сахарными барашками никого не удивишь. Слащаво, немно.

И старец смеется:

— Пускай князюшка тешится. Ему это приятно. А до других какое ему дело? Ведь он никак знает, что его все старшим дураком над дураками считают.

А на мой вопрос, как ему книжка нравится, сказал:

— Что на дешевую карточку смотреть, коли лицо живое тут!

И еще прибавил:

— Дураки они, вот что! Папа куда умнее того снимка, что нарисовали.

28/II—14.

Вчера мама рассказывала, что ее поразил Маленький.

— Каждый раз, когда Маленький бывает у Гневной, это влечет за собой целый ряд неприятных вопросов. Вот и на этот раз Маленький сказал: «Почему я редко вижу свою бабушку? Я ее очень люблю, и она меня любит».

Мама на него посмотрела при этом, и он закричал и затопал ногами:

— Да, да, любит меня!

Мама говорит: когда Маленький так закричит, то она пугается — такая в нем непокорность и угроза.

— Да, да, любит! — кричал он. — Вчера, когда я играл с Додо, она так целовала мою голову и плакала и говорила: «Милый, милый мальчик!»

А потом Маленький еще спросил:

— Почему бабушка меня жалеет? Я ведь теперь здоров.

И еще много говорил о бабушке, [о] Гневной.

Потом сказал:

— Вот, няня говорит, что в деревнях всегда бабушки живут вместе и все рассказывают детям сказки. Почему у нас так нельзя?

Мама говорит, что ее всегда волнует эта большая любовь Маленького к Гневной. Она подозревает тут чье-то влияние.

Отчего не допустить искреннее родственное чувство?

Странно.

II

ГОДЫ ВОЙНЫ

[Французский текст]

7/IV—14.

Вчера мама показала мне письмо Е[лизаветы] Ф[едоровны]. Эта затворница видит в своем монастыре и больше и дальше, нежели мы предполагаем. Вот что пишет она маме:

«В лице Су[хомлинова]²⁵⁰ папа приобретает страшного врага. Он страшен потому, что всегда носит маску послуш-

ного раба. Он очень зол и хитер. По своей жестокости он не пощадит никого. А кроме того, у него под рукой «великолепный демон»²⁵¹, который проскользнет и пролезет всюду».

И дальше:

«Ты царица и моя сестра. Ты знаешь, как опасен может быть враг, когда ему помогает женщина».

Письмо это произвело на маму сильное впечатление.

— Она ушла от жизни, — говорит мама про Е[лизавету] Ф[едоровну], — и питается сплетнями.

События нарастают... Война! Ужасная война!²⁵²

Я рассказала старцу о том, что мама говорит про Е[лизавету] Ф[едоровну].

Он доволен:

— Так ей и надо, чернокнижнице! Не трогай Григория!.. У Григория ничего своего — все от Бога!.. Когда ей говоришь — сердится... То ли еще будет!

[Русский текст.]

5/5—14.

Старец вчера говорил папе:

— Ты не слушай своих министров... И родичей не слушай: они хотят воевать, чтобы побольше выслужиться. А для нас война — нож в сердце.

А потом еще сказал:

— Нам дружба с Германией очень нужна. Германия нам будет всегда подпорой.

По его мнению, надо от Франции подальше, а к Германии поближе. Он говорит:

— Германия — страна, где почитают царя и церковь, а Франция — республика. У нее ни царя, ни церкви. Все — откуда ветер дует!.. И еще то плохо, что начнись какой бунт в России, французы сразу к царю спиной, а к бунтовщикам со всей душой!

Что-то есть в этом человеке, что заставляет прислушиваться к его слову. Он мудрее мудрых, сильнее сильных. В нем все от Бога. Ибо он поистине — святой пророк.

[Французский текст.]

20/V.

Старец сказал Варе²⁵³:

— Записывай, что я буду говорить.

И она записывает. Он сказал что-то ужасное, сказал, что война будет для России громадным несчастьем, таким,

что об этом он не может сказать ни папе, ни маме, и когда я спросила — почему, он ответил:

— Потому что Россия останется, но ни мамы, ни папы не станет.

При этом лицо его было ужасно, а глаза так сверкали, что меня пробрала дрожь.

— Не мужицкая, не мужицкая, — кричал он, потрясая передо мной кулаками, — будет эта война, а господская!.. И все баре полетят к черту! Все к черту! Мужику эта война не нужна. Он и так гол... А они выдумали войну!.. Полетят кобели!.. Мужик от войны разъярится. Вот что!.. А Богу война не нужна и подавно!

Это он сказал более спокойно.

Еще долго бегал он в неистовстве по комнате. Схватил стоявший на столе букет гвоздики и принялся мять и трепать цветы.

— Говори, какое несчастье я принес, какое?.. Все пользуются, все хотят пролезть к маме!.. Нет, врешь, без меня не пролезете... Подавитесь куском!.. Вот Митя²⁵⁴ — тот хороший, даром что из княжат, прямо говорит: «Тело у нас белое, кость темная, а брюхо большое!» Ну, да мужик проткнет брюхо-то, небось!.. Мужик силен!

Я сказала ему, что Е[лизавета] Ф[едоровна] хочет предостеречь маму от генерала С[ухомлинова]. Он задумался.

— Не знаю еще... Попробую... Да все равно; не он, так другие каналы будут обманывать папу, облепят, как мухи.....²⁵⁵ Все каналы, выются, лезут!

Ушел в бешенстве.

Я подобрала лепесточки, которых касались святые руки, и спрятала их за образ Спасителя.

7/9.

Видела вчера Пуриш[кевича] и Замыслов[ского]²⁵⁶. Очевидно, приходили за тем же, что и М-й. Говорили много, но туманно. Сетовали, зачем Дума и жида. Говорили, что октябристы бросят царя в трудный момент. Говорили:

— Мы спасем царя и родину!

Кончили тем, что надо убедить папу отдать дело снабжения армии правым. Передали доклад для мамы.

Из проекта их (вот о чем) я поняла, что никто и никому ничего не делает даром. Надо было видеть при этом его мерзкое, некрасивое лицо! Пуриш[кевич] — тот нахальнее, но умнее. Недурные у вас аппетиты, мои миленькие!

Я рассказала об этом старцу.

— Пошли их к с.....²⁵⁷ матери!.. А то лучше — помани их, пускай пишут. Мы покажем их бумажки Гнилушке²⁵⁸ — он мозговитый... А коли что не так — утрем им

нос их же бумажками да прикажем к стенке!.. Мерзота они! Господу от их тошнехонько. И никому-то от них радости!

Мама отдаляется от старца. Вчера он сказал мне:

— Приглядывай за мамой! Уходит от меня!.. Ну, а коли я уйду — уйдет и благодать!

7/9.

И после прибавил еще:

— Мама отдаляется от меня — пускай! Еще помучится, когда поймет, что без меня и ей, и Маленькому будет хуже!.. Будет большое чудо!.. Я хочу ее повидать, да только когда сама позовет.

Надо поговорить с мамой. Я жду, не заговорит ли она сама. Вчера она мне сказала:

— Я получила письмо от отца, он пишет: «Дитя мое, я всегда верил и продолжаю верить в твой светлый ум, в твою божественную прозорливость. На тебе почилла благодать. Господь сделал тебя царицей, сильной и могущественной. Помни о своей новой родине, о родине твоего мужа и царя твоих детей. Но помни и о Германии. Ты — немка по крови. Не давай же в обиду твоих родных. Повлияй на твоего государя. Пускай затушит пламя, пока есть время. Тебе придется держать ответ перед Богом и историей».

Письмо это взволновало маму:

— Они не могут понять того, что я могу лишь советовать моему мужу!

Зачем, зачем не призовет она Друга²⁵⁹, не помолится? Мама была смущена.

— Знаешь, теперь в этом кипяченье, в этой сутолоке... я немного отдыхаю... Я освободилась. Хочу любить самое себя... Столько обвинений, нападок!.. Может быть, в этом и есть доля правды, что старец покрывает авторитет папы... и мой...

Больше ничего не сказала.

По отношению к старцу — это впервые за пять лет, насколько я знаю²⁶⁰.

Странно.

Надо подумать и осторожно подойти к этому. А старцу я не скажу ничего, пока все не разъяснится.

Была Сух[омлино]ва. Как все это интересно! Она напоминает белку, хищную, грациозную и хитрую. Очевидно, ей надо было коснуться... Она мне много рассказывала, что муж ее делает много.....²⁶¹ и что этот жулик кн. М-й²⁶² выступает против него в газете. Я ей сказала, что ничего этого не знаю. Но, конечно, это если и не прямое

обвинение, то во всяком случае — очень прозрачный намек.....²⁶³ (совершенно для меня неожиданно), знаю ли я, что в бою погиб принц Г[енрих] — не только родственник мамы, но и лучший друг ее детства (все это говорилось с наивной детской улыбкой).

Я сказала, что, по газетным сведениям, он не погиб, но ранен.

Погиб... Он сошел с ума²⁶⁴. Откуда у нее эти сведения?

Потом она стала восхищаться моей работой и кончила тем, что сказала — если ее приблизят, это будет не только из уважения к ее бедному герою мужу: она сама так любит дорогую, родную Россию. А героя и создателя Германии Вильгельма.....²⁶⁵ его величество великодушный Николай и храбрый Вильгельм!

Чего ей надо, этой твари?

Но болтовня ее дает ключ к маминому настроению.

Опять письмо, на этот раз, видно, старцу.

[Русский текст.]

10/9—14.

На приеме были Родз[ян]ко и Волк[онски]й²⁶⁵. Мама говорит, они оба говорят:

— Война одним концом бьет, другим голубит. С наступлением войны всякие разговоры о революции замолкнут. Вся страна объята одним патриотическим огнем.

— Это, говорит мама, — было бы радостно, если бы всем этим патриотам можно [было бы] доверять.

А мама им не верит. Она говорит (со слов старца):

— Гучков и Родзянко будут подкладывать дрова под революционный костер, когда такой вспыхнет. Они это делают по близорукости, потому что не понимают, что революция несет смерть не только трону, но и крупному дворянству.

Потом она сказала:

— Но, к счастью для трона, в России не может быть революции, а только бунт. А от бунта все Гучковы могут пострадать в первую очередь.

Вечером говорила по этому поводу со старцем.

— Вот, — говорит старец, — радуются, как дети, войне. Думают спастись от революции... Не спасенье, а только оттяжка. А чему быть — того не миновать. Народ, он свое возьмет... А война — какая бы ни была — всех не перебьют!.. Вот!..

А потом прибавил:

— Вот, «граф Витя»²⁶⁶ — тот умом покрепче, так он говорит: «Россия на краю гибели. И спасти ее может только

твердая власть». А где ее взять — твердую власть?.. А Родзян[ко], Гуч[ков], главный военный управитель²⁶⁷ — кто ими правит? Никто!

Потом говорил о том, что его упрекают в том, что он, старец, пьет и так рискует собой.

— А я это с горя. Вижу, чувствую — горим! Ох, горим!.. Ну и чтобы не думать... И еще вот, Аннушка, запомни: меня Гусева²⁶⁸ убить хотела, да вот пуля не взяла²⁶⁹. Потому — спасла святая Богородица. Видение было мне... Вот!.. А только — все мы смертны. И я приму смерть от руки врага папы и мамы. И не смерти боюсь, а боюсь того, что уйду я — уйдет от них благодать...

Старец был очень расстроен. Потом сказал:

— Немцу эта война тоже не нужна. Сами затеяли, а теперь хотели бы сразу прикончить... Человек тут один... Был у меня, говорит: «Миллионы не пожалеют, если умеючи дело повести»... Да я еще не обмозговал, кто кого ловит...

Эти слова старца заставили меня много, много думать...

9/12—14.

Вчера была — Гор[емыкин]а²⁷⁰. Эта старая дама всегда кажется мне оттиском из галереи тургеневских женщин. Она, несмотря на свою седину, еще институтка. Слово «царица» она произносит с трепетом и уважением истинной дворянки. И все же это ей не помешало сказать мне:

— Если бы наша царица постигла всю горечь, что мы переживаем, выслушивая обвинения против нее! Ее обвиняют как жену, как царицу и, главное, — как немку. Все это так ужасно!.. Если бы я могла ей сказать все, что думаю, я бы сказала: «Если есть хоть один процент правды в том, что говорят, то надо уйти в монастырь!»

И когда она говорила, то чувствовала слезы в ее словах. На нее нельзя обидеться. Она страдает за родину и за идею царизма. Я ее понимаю. Я, живя так близко с мамой и папой, уже не могу чувствовать обаяния царизма. Для меня они — люди, со всеми человеческими достоинствами и недостатками. И я, будучи предана маме всей душой, уже не знаю, кому я больше предана — маме или престолу?

Да, для меня [это] непонятно. А вот для каждого патриота прежде всего — престол, а не тот, кто в данный момент на троне. И если для сохранения трона надо убирать того, кто сидит на нем, то они уберут...

А вот когда я слышу: «За веру, царя и отечество», я понимаю, что «вера» и «отечество» — это есть что-то незблемое, а царь — это... затрудняюсь, как сказать... царь — это понятие условное.

Возвращаюсь к этой даме. На меня произвели сильное впечатление ее слова, потому что я знаю, что таких честных критиков деяний мамы мало. А остальные ее просто проклинают. А Горе[мыкин]а сказала:

— Как я ее жалею! Как болею за нее душой!

И это правда.

19/12.

Не знаю, как мама узнала о визите Гор[емыкино]й, но она с такой тоской сказала:

— Никто не понимает. Никто не относится ко мне как к женщине и матери. До сих пор я была нелюбимая царица, а теперь — ненавистная всем немка.

И потом мама сказала:

— Если бы ненавистью можно было сжечь, я бы сожгла всякую память о ненавистном императоре Вил[ьгельме].

Потом мама показала мне письмо, полученное ею от императора Вил[ьгельма] за 12 дней до объявления войны.

Называя маму властной и мудрой царицей, он пишет ей:

«Сделай невозможное — спаси два родственных тебе народа от войны. Войны не нужно. И только ты можешь в том убедить своего мужа и царя».

Дальше он пишет о том, что в те часы, когда цари в мучительных терзаниях борются со страшным призраком войны, дипломаты и с той и с другой стороны разжигают страсти.

«Мы, — пишет он, — не властны остановить тот поток разжиганий, который льется со всех газетных строк. Но если подумать, что эти все газетные и другие выпады толкают нас на кровопролитие, то становится страшно. Теперь еще слово о мире за нами, — пишет он, — а через несколько дней уже будет поздно».

Он напоминает маме о том, что она имеет влияние на папу, который так любит ее и бережет ее покой. А какой же может быть покой под гром пушек?

— Я, — говорит мама, — не успела ответить на это письмо, когда уже началась война.

Потом мама говорит:

— Когда я дала прочитать папе письмо императора Виль[гельма] — папа прочитал и спросил: «Что это — безумец или подлец?» И меня подозревают в том, что я продаю

Россию этому царственному представителю Германии! Да где же разум? Где....?²⁷¹ А как же наш наследник? Разве люди думают, что можно больше любить, чем я люблю своего сына? Разве во мне недостаточно царской гордости?

И еще долго говорила мама, до слез волнуясь.

Кончила тем, что сказала:

— Я не сумела заставить себя любить, так заставляю трепетать перед царицей!

20/15.

Старец сказал:

— Мама занята ранеными и стала от меня сторониться. Не было бы худо!

23/X—15.

Мама в ужасе. Маленький опять болен. Всю ночь горит. Сказала — вызвать старца.

Был старец. Велел оставить его одного с Маленьким. Когда пришел к маме, она поцеловала ему руку и сказала:

— Не сердись, святой учитель! Но я так несчастна, когда тебя нет с нами! Я слышу такие ужасы кругом! Меня обвиняют во всем. Говорят — я не верна ни царю, ни России... А ты один знаешь, что я только и живу для того, чтобы сохранить величие России. У меня нет другой родины... И мужу я верная жена и мать его детям... А меня мучают!

И мама заплакала.

— А когда ты со мной, — продолжала она, — то моя душа радуется. И ничего не боюсь и никого не боюсь.

И старец сказал, что он ни на нее, ни на папу не сердится, потому что знает, что их мутят враги престола. И еще сказал, что примет меры, чтоб поменьше этих говорунов было.

— Гнать их надо!

Уходя, сказал:

— Маленький здоров. О нем не беспокойся!

А что касается войны, то он говорит:

— Я войны не желал. А уж раз пришла такая беда, то надо ее так повести, чтобы папу весь свет величал «сильным» и «мудрым».

А для этого, по мнению старца, надо, чтобы у папы были хорошие помощники. Весь кабинет пересмотреть надо. Ну, и Думе рот заткнуть. По его мнению, Гучков и вся компания хоть и прикидываются верными престолу, а первые подведут папу, потому что им самим пра-

вить охота. И еще потому, что они.....²⁷² и направо и налево.

А потом прибавил еще:

— А хуже всех — наш главный военный управитель. Так он называет в.к. Н[иколая] Н[иколаевича].

9/12—14.

В.к. А[лександр] М[ихайлович]²⁷³ был у мамы. Мама говорит.....²⁷⁴, но человек с сердцем, ну, и гордость свою имеет, и она его за это любит. Он жаловался маме на то, что, по его мнению, [план] полевого [пополнения] войск²⁷⁵, принятый в эту кампанию, требует большой проработки. Все сделано наспех, утверждено папой без должной проверки, за день до объявления мобилизации, без просмотра, когда война уже началась. Она полагает, что с развитием военных действий жизнь сама внесет поправки.

— Но, — говорит он, — надо, чтобы ни одного под-сказа жизни не пропустить.

.....²⁷⁶ что, по мнению [великого] князя, теперь все эти генералы в погоне за крестами перегрызутся, и это поведет к бедам.

— Везде, — говорит, — одно и то же: полное отсутствие солидарности. Все только то делают, что тянут друг у друга кусок. Это доходит до безобразия²⁷⁷.

1915 год

[Французский текст.]

7/3—15.

Вчера он был у Олечки²⁷⁸. Видел там французского посла²⁷⁹. Каждый думает о себе, а ему все дороги. Посол хочет воспользоваться папиной простотой. Вот на что он рассчитывает.

— Он мне о величии, а я ему о мужицком горе, о настоящем горе.....²⁸⁰ — только бабы с детьми да старики... Горюют. Скоро кору глотать будут! Ни лошади, ни работника... Совсем я ему не верю. Врет сколько влезет. Ему бы только умные разговоры!.. А дело кончать надо. Пора кончать!

То же говорила вчера и мама.

Он сказал еще:

— Папа должен занять свое место. А Н[иколая] Н[иколаевичу] там делать нечего! То есть — ничего! Потому в папину войну обиженный мужик не пойдет. А बारे ус-

качут, как блохи. Надежда только на солдат. А солдаты знают только его...²⁸¹ От него все несчастья... Народ возмутится, а он его усмирит. И взойдет на престол. Говорю — он пострашнее всякой революции. Его надо разлучить с армией. У него все подготовлено. Надо его удалить. Папа должен быть со своей армией. Тогда с ним будет и благодать Божия. А тот — изменник царю и родине. Ты думаешь, я не знаю, что это от него идет? Что он нам вредит? Он знает, что пока я с вами — Господня благодать на вас...

Мама долго молилась.

[Русский текст.]

6/6—15.

Вчера старец сказал:

— Этот французский посланник — чужак! «Пусть война стоит денег, не беда, потому что у Франции денег много!» Какой шустрый! «Денег много!» А того не понимает, что не всякого деньгами купишь! Он из господ и по-господски рассуждает... А я, вот, мужик, делов этих не понимаю. А знаю, что гибель придет от мужика голодного. И уж тогда никакими деньгами не откупишься. Потому какие бы ни были деньги, все они разойдутся, все пойдут по карманам чиновников. А крестьянам — дубинку в зубы. Нет моего благословения на эту войну!.. Говорят, надо, чтоб мир был честный. То есть всякий свою честь блюди. А на какого....²⁸² мне эта честь, ежели за нее кровь льется? Пусть один на один идут! Ишь, какие ловкие! Ведь живые солдаты, не пешки, не в шахматы играют... Они про какую-то честь толкуют, а того не понимают, что война — бесчестное дело.

Святой человек! Послушаешь его простую речь — и поймешь больше, чем от всех умных речей. Он не понимает этой национальной чести. Да и кто понимает!

[Французский текст.]

6/4—15.

Старец сказал маме:

— Скажи папе, было мне видение. Георгий-победоносец дал папе меч и сказал: «Вот этот будет победителем!», и когда я приблизился — увидел, что у папы лицо веселое, радостное, а в руке у него икона, завернутая в русский флаг. Я спросил, откуда это, и папа ответил: «Это спаситель из храма св. Серафима...» Так вот, пускай он удалит

изменника и займет свое место! Потому с тем не будет милости, не будет победы. Только позор да горе.

[Русский текст.]

8/10.

Поездка в Червонную Русь²⁸³. Более ужасной нелепости и врагу не придумать. Папа всегда очень упрям. Трудно поддается на передвижение. Но когда речь идет о какой-нибудь напасти — он легче перышка.

Генерал Рузский²⁸⁴ никогда не был предан папе. Он говорил Брусилову²⁸⁵, что папа есть последнее несчастье России. И что трудно бороться, сознавая, что находишься под его «верховой властью».

Но все же я не думаю, чтобы он был способен на подвох. А между тем поездка папы была предательством. Когда были посланы наши святители, Евлогий²⁸⁶ и другие, старец тогда же сказал:

— Эти едут хоронить!

Никто не хотел его понимать тогда. А мне сделалось страшно, и я молила его молиться о том, чтобы наши завоевания закрепить за нами.

Сережа²⁸⁷ писал мне тогда, что «легче взять, чем удержать». И весь тон его письма был такой, что наводил на грусть. И когда мама сказала о поездке папы во Львов, старец встревожился и стал говорить:

— Гаечки, гаечки... стрелочки... Все, все — а ежели не.....²⁸⁸ что тогда?

Мама испугалась этих слов, но отговорить папу было нельзя. Он ехал закрепить победу.

Тогда же мне показалось подозрительным, что на этой поездке особенно настаивал в.кн. Н[иколай] Н[иколаевич]. Особенно меня поразило, что этого очень желали «сестрицы-цыганки»²⁸⁹, как их зовет старец.

Что диктовали во Львове? Когда папа, возвращаясь с молебствия, подымался по лестнице, то оступился. Его подхватил в.кн. А[лександр] М[ихайлович]. Через несколько минут под ковром поднята была плоская пластинка — взрывчатое вещество, несомненно, немецкого происхождения. Об этом не писали и не говорили.

Кому это было нужно, кому это было удобно?

Как выяснилось через генерала Мартынова²⁹⁰, до этой поездки приезжали двое от в.кн[ягини] А[настасии] Н[иколаевны], родственники по линии матери²⁹¹. Благодаря ее покровительству они имели свободный вход во дворец.

У нее, вернее, у них был расчет верный: случись несчастье с папой — в первый момент огненным столбом

стоит в.кн. Н[иколай] Н[иколаевич]. К тому же еще в это время очень влюбленный...

Знал ли об этом в.кн. Н[иколай] Н[иколаевич]? Принимал ли участие сам Боров? Не думаю. Он на это не пошел бы.

Вернее всего, что он делал вид, что не знает. Не вдаваясь в подробности.

5/11.

В салоне гр. Тол[сто]й большой чай. Шура говорит, много говорили о в.кн. С[ергее] М[ихайловиче]²⁹² и о Кше[синско]й.

— Ни для кого не тайна, — говорилось там, — что на обновление туалетов и бриллиантов нашей примадонны идут «артиллерийские запасы». «Канарейка» не только умеет соблазнить, но умеет и устраиваться.

Говорили о том, что за широкой спиной Сухо[млино]ва (благо он недоволен на войну) творятся такие дела, что диву даешься.

Как бы все не вылилось наружу. А ведь если этот котел опрокинуть, будет скверно пахнуть.

[Французский текст.]

10/VI

Мама сказала мне:

— Я знаю, из-за моей привязанности к старцу меня считают не совсем нормальной, каких в нашей семье было много. Но мы не больные, мы только ближе к небу, нежели к земле...

Я думаю, мама права. Друзья считают, что она склонна к мистицизму, враги — что она помешанная. Но я полагаю, что и [то и другое] ошибка. И друзья, и враги заблуждаются. Склонна к мистицизму? Да, я тоже так думаю. Это человек, верящий только в судьбу, в рок... Тот, кто верит, всегда готов на все. Папа скорее пассивен. Мама — нет. Она прямо идет навстречу опасности. *Напролом.*

Ей кажется, она родилась, чтобы выполнить на земле что-то необычайное. Будучи, в сущности, человеком жалостливым, она может тем не менее совершенно спокойно допустить самую страшную жестокость, если ей покажется, что это надо сделать во имя известной ей одной цели.

Она говорит про войну:

— Война ужасна... Но я вспоминаю об этом ужасе тогда, когда встречаю в списке погибших знакомое имя. В

общем же война для меня — отчаянная борьба за могущество царей и церкви. Всякая борьба требует жертв. Кроме того, я всегда помню, что каждую минуту кто-нибудь умирает. Смерть постоянно и повсеместно делает свое дело. И никто не думает оплакивать всех этих мертвецов.

Когда я заговорила о тех мучениках, которыми переполнены наши госпитали и кладбища, она сказала с большим страданием:

— Те, кто умирают за царя и родину, обретут мир, спасутся...²⁹³

И я стараюсь убедить себя, что это действительно так, но каждый новый раненый — новое страдание.

И я стараюсь больше не думать о этом.

Вчера меня удивил один солдат. Он доставлен с Обуховского завода. Ранен при взрыве — в пах и в живот. Боли его терзают. Он не стонет, а кричит. Я слышу его крики, еще не входя в комнату.

Вчера я пришла и застала его спокойным. Мне сказали, что это агония. Я подошла. Лицо было спокойное, но такое злое. Он дышал с трудом. Я спросила, не желает ли он чего-нибудь, не надо ли дать кому-нибудь знать. Он не отвечал. Потом я подошла к другому, но чувствовала, что он на меня смотрит, зовет глазами.

— Вот что, — сказал он, — говорят, вы близки к царю...

Я слушаю — он хрипит (предсмертное хрипение):

— Скажите ему... скажите ему... что несчастье... несчастье...

Больше я ничего не могла разобрать. Но в нем была такая злоба, что я ушла в ужасе.

Мама говорит: «Смерть за царя и отечество дает успокоение...»

[Русский текст.]

6/7—15.

У папы были Н. А. Маклаков²⁹⁴, Саблер и Щегловитов²⁹⁵. Они говорят, что нельзя теперь созывать Государственную Думу. Раньше нужно твердо решить вопрос о том, может ли Россия продолжать войну. И на это министры отвечают:

— Россия дольше воевать не может, так как продолжать войну — значит своими руками подкидывать щепки в костер революции.

Мама говорила со старцем.

Старец сказал:

— Войну прикончить надо. И Думу гнать надо. Только сделать это не так, как эти молодчики предлагают. Они

почему боятся Думы? Потому, что она их ругательски ругает... Особенно Маклакова. Его прозвали «стертый пятак»... Так это им верить надо только наполовину.

На прямой вопрос, поставленный папой, как быть с войной, старец отвечает:

— Кончать войну!

Тогда папа говорит:

— Но кончить теперь — значит позор. Этого мне не простят. Да и я сам себе не прощу.

Старец рассердился и крикнул:

— Смотри, дожدهшься красных флажков!

Мама испуганно подошла к папе:

— Слушайся Григория! Он — наш друг!

Старец сказал:

— Если бы ты мог видеть мою душу, то понял бы, что там только одна забота, о троне... Чтoб ему, Маленькому, сильную, могучую, царственную Россию получить! Вот!..

Уходя, старец сказал:

— Тут много обдумать надо...

Для меня ясно одно: войны теперь боятся все.

Старец войны и вначале не хотел. Теперь вопрос, как разрубить этот узел. А разрубить его надо.

Мама больше всех страдает. Все ей не доверяют. Монархисты считают ее немецкой патриоткой. Либералы — монархисткой и ханжой. Придворные, во главе с Гневной, считают ее интриганкой (к тому же еще душевнобольной). А она просто глубоко несчастный человек, запутавшийся в этой искусственной паутине придворных интриг. Она не знает, кому и когда можно верить. Доверяет только старцу. Но и он часто [бывает] под влиянием тех или иных советников. Его спасает только его божественное чутье. И его мама слушает, как оракула. Последнее время она боится без него принять какое бы то ни было решение.

20/VI—15.

Вчера папа принимал доклад министра юстиции Щ[еголовито]ва, а к нему присоединились и Саблер и Н. А. Маклаков. Папа всей этой компании не доверяет, особенно Мак[лакову].

У него, — говорит он, — лавочка, а не голова. Всякие товары. На все цены.

Они указывают папе, что созыв Думы задержит дело мира²⁹⁶. А мир стране необходим. Папа их выслушал, но ничего не сказал. Когда же говорил с мамой, он сказал:

— У них лакейские души, они не понимают, что подписать мир теперь — значит подписать и позор и революцию. Никто не простит царю позорного мира.

Он очень огорчен. Мама согласилась с папой, что такой мир опасен.

— Но, — сказала она, — я боюсь не мира, а Государственной Думы. Эта Дума постепенно суживает твои права. Теперь более, чем когда-либо, ты должен показать, что ты самодержавный царь.

— Папа, — говорит мама, — загадочно улыбнулся и сказал: «Ну и покажу!» — и уж больше не говорил.

Вечером уехал в Ставку²⁹⁷.

7/5—15.

Отец говорит:

— Помни, что Россия накануне революции. И еще помни и то, что первая революционная вспышка потребует больших жертв. Может, многие и спасутся, но первые удары направят на Г[ригория] Е[фимовича], на маму и на тебя.

И еще он говорит, что революция в России будет пугачевщина. Это будет нечто страшное.

8/5—15.

Говорила со старцем.

— Что, — говорит он, — енерал — так он называет отца, — пугает тебя?

Я ему рассказала. Когда ему сказала, что отец говорит, что будет пугачевщина, он задумался и сказал:

— Кабы не такой я был охочий до баб, то быть бы мне Пугачевым! Ох, и делов бы наделал!.. Только у меня линия другая. Я не от себя, а от Бога! И грехи мои на земле нужны во спасение человека.

И, уходя, мне сказал:

— Ты мне о Пугачеве почитай!

Потом обернулся ко мне и сказал:

— И это вот прочти! Обмозгуй! А потом передай маме. Дал мне записку. Пишет председатель Государственной Думы Ро[дзян]ко.

Обычно, как всегда, они все — и каждый в отдельности, и все вместе — стараются показать, что они спасают Россию. Записка направлена папе. Как и откуда старец получил копию, я не знаю. Очевидно, рассчитано на то, чтобы мама не знала об этой записке. Вот что в ней написано:

«Бунт в Москве²⁹⁸ показал, как народ настроен против царицы и, главное, против прямого виновника гибели России — Рас[пути]на».

И потому группа депутатов, с председателем Думы во главе, предлагает заключить старца в отдаленный монастырь, немедленно принять меры к составлению кабинета министров²⁹⁹. И он.....³⁰⁰.

«А эту сводницу, развратную А. В[ырубо]ву (это я), арестовать, чтобы избавить ее от народного суда. Ее убьют».

В том, что меня могут убить и даже убьют, я не сомневаюсь. Думаю только о том, что убьет меня не народ, как полагает этот красноносый индюк Ро[дзян]ко, а такие же дураки (из умничающих), как и он.

Они, эти умные, эти дипломаты, не хотят и не умеют понять такой простой вещи, что я сама по себе ничто. Случай, почтовый ящик, куда опускают письма. Они все мне завидуют и оттого готовы меня съесть. За то, что я якобы имею влияние на маму. Индюки надутые! Они того не понимают, что на царей нельзя влиять, ими можно править. Мамой управляет старец, и только потому, что она, верующая в чудеса, считает его чудотворцем. Я только его раба.

[Французский текст.]

18/6—15.

На маму нападки из Москвы. Она винит в этом кн.....³⁰¹ Но она говорит, что он не один. Это целая организация. Оппозиция.

— Но они увидят, что русская царица сумеет вырвать трон у этих гадов!

Гнев мамы безграничен.

Ей переданы копии... Она не верит, что это народное возмущение против «немецкого духа». Она предполагает, что это духовенство в.кн. Н[иколая] Н[иколаевича] — таким путем хочет он попасть на трон. В этих мыслях ее поддерживает старец.

В копии есть имена кн. В. и гр. В. Это вечные враги мамы.

21/VI.

Письмо от Е[лизаветы] Ф[едоровны], в котором она просит маму за тех, кто ополчается против немцев, потому что народ не понимает политики, он знает одно: немец — враг, а коли он враг, то его надо бить.

«Народ, — пишет Е[лизавета] Ф[едоровна], — раздражен, вследствие голода и сиротства, и его нельзя обвинять». И еще она пишет, что во время войны от нас самих

зависит, чтобы нас любили. И еще она пишет: «Пока этот грязный мужик, это диво, будет около трона — страна будет в опасном состоянии».

Мама была очень рассержена и сказала:

— Я могу забыть, что она моя сестра!

Старец же, увидев маму, сказал:

— Не сердись на сестру! Это не она враждует со мной — ее соблазняет дьявол. Он толкает ее на это. И когда она победит — спасется.

Мама плакала и говорила:

— Он святой! Заступается за своих врагов!

Старец сказал еще:

— В Москве не надо больше наказаний. Теперь мира надо добиваться не кнутом, а лаской... Пока враги трона.....³⁰². Надо ко всему подготовиться!

Потом он рассердился и стал кричать маме:

— Доколе же, доколе будет он там! Ведь это же несчастье для Маленького! Так не должен ли родной отец помочь своему детищу?

[Русский текст.]

5/4—15.

Старец был с мамой. Говорил больше часу. Сердится, что папа медлит.

— Надо убрать Н[иколая] Н[иколаевича], — говорит он, — или дождемся того, что все погибнет. Н[иколай] Н[иколаевич] продает папу. Продает двор.

Когда мы остались одни, я напомнила старцу, что Ми[ли]ца (жена Петра Николаевича) тогда представила его ко двору.

Рассердился. Видно, не понял меня. Я только хотела выяснить, относится ли ненависть и к ней, как и к Н[иколаю] Н[иколаевичу].

Потом, когда он успокоился, он сказал:

— А может, она подсунула меня, думая, что я напорчу. Ей бы, как и Н[иколаю] Николаевичу, только бы народ отвернулся от папы и мамы. И она ведь и права-то вышла — вишь, как все они взъелись на маму, что меня слушает! Одного не поняла, бесхвостая, что зла добра не бывает!

Я не поняла, а спросить боялась.

1/5—15.

Без грязи у нас не могут. Капитан фрегата³⁰³ Саблин³⁰⁴ — любимец папы. Об этом знают все. И его частое

присутствие всем понятно. Но иначе рассуждают в салоне у Гневной. Вот что говорилось там о маме:

— После Орл[ова] она долго не могла утешиться. Саблин ее утешитель. Как это он терпит рядом с собой этого грязного мужика Распутина?

Потом говорили, что мама, как истеричка, не только меняет свои привязанности, но одновременно увлекается многими.

Какая пошлая грязь!

Саблин, как и мы все, считает старца нашим лучшим другом. Охранителем царского покоя и величия. И он никогда не был для мамы тем, как они это считают. Он ей ближе других, как собеседник, как истинно преданный престолу человек. Она любит с ним говорить. Она его отличает среди других. Но точно так же относится к нему и папа.

Мама, при ее характере, так трудно сходится с людьми. И поэтому каждая ее улыбка на счету. За ней в буквальном смысле следят, осуждают за то, что всякой другой — не только женщине, но и царице — прощают легко.

7/5—15.

Говорят, что Россия — страна неожиданностей. А все эти неожиданности чаще всего рождаются в Москве. Москву считают городом патриотов, любящих царя и отечество. А в последнее время оттуда идет нечто противное патриотизму: козни, клеветы, умаление царского достоинства. Все это исходит из Москвы.

Старец был в Москве. Был в кругу женщин, которых исцелял. Ну, и вокруг него создали грязную историю:

«Пил... кутил... были женщины...»³⁰⁵ — так они говорят о старце³⁰⁶.

А они, те, кто клеветает, что же, они из щелочки видели старца с женщинами? Нет, они были вместе с ними. И эта мерзкая шл[юха], графиня Шер-ва³⁰⁷, что подняла весь скандал, — как попала в кутящую компанию?

В донесении генерала Адрианова (московский градоначальник) читаем такую историю:

«Старец Распутин в «Яру», кутил. Были некоторые дамы. Позвали цыган. Они пели и плясали. И во время пляски старец заставлял графиню Шер. плясать, а когда она отказалась, то он будто бы сказал: «Пляши, для меня и царица пляшет!»

Ну и еще что-то.

И эта мерзавка обиделась за маму и подняла скандал. Если во всем разобраться, то ясно видно, что графиня Шер. чем-то обижена. И уж, конечно, не из-за оскорб-

ления мамы, а из-за себя. Если бы она действительно обиделась за маму, то постаралась бы замять всякие о ней разговоры, а не подымать скандал, который проник даже в газеты.

И так еще эта святая отшельница, в.к. Е[лизавета] Ф[едоровна], руку приложила ко всем этим гадостям.

Папа, узнав об этом, сказал:

— Мне стыдно за тех русских дворянок, которые кутят вместе с мужчинами в кабинетах, где поют цыганские хоры. Хористки кормятся этим, ну, а дамы?

Когда стали обращать внимание папы на присутствие старца и на его якобы упоминание о маме, он сказал:

— Старец из народа. Любит народные песни. Цыганская заунывная песнь близка его душе. Он мог расчувствоваться и в экстазе упомянуть наши имена. А до клеветы нам дела нет. Он — святой, а на святых всегда клеветают...

Так московские кумушки и отъехали с мокрыми хвостами.

7/V.

Бывают дни, когда я перестаю верить в то, что все, что делается вокруг нас, действительно, а не выдумка, не фантастика.

Третий день я получаю таинственные записки, где умоляют меня прийти и выслушать. Написано наивно, сказала бы, безграмотно и, вернее, по-детски, на хорошей бумаге. Сегодня пишет:

«Выслушайте меня. Очень вас прошу. Мне для себя ничего не нужно. Я скоро, очень скоро умру. А то, что я хочу сказать, очень важно. Имеет важность для всей страны. Не откажите. Очень вас, на коленях, о том умоляю».

Завтра с ней увижусь.

11/V.

Господи, спаси и помилуй! Умудри меня и подкрепи мою веру! Господи, спаси и помилуй!

24/V.

Все это так кошмарно. Так нелепо, что если бы я не видела своими глазами, то не поверила бы. Кому пришла эта жуткая, преступная мысль?

Вот что мне рассказала моя таинственная корреспондентка.

Она зовет себя Зоя. У них в доме, внизу, снял квартиру какой-то иностранец. По виду очень богатый. Говорит порусски плохо. Назвал себя американцем. Через несколько дней к нему приехали гости. Уехали. Опять приехали. Потом приехала какая-то полная дама. Девочка (ей 18 лет) слышала, что эта дама приехавшая — А. А. Вырубова. Так повторялось несколько раз. В доме, кроме этой девушки и ее глухой бабки, никого нет. Есть еще денщик (он их дворник), тоже глухой. Иностранец, снимая квартиру, очень интересовался вопросом, кто еще живет с бабушкой. И бабушка сказала, что, кроме нее и старого денщика, никого нет. Оно так и было.

Потом Зоя заинтересовалась иностранцем и стала тайком оставаться у бабушки ночевать, а раньше внучка (то есть Зоя) только иногда забегала поведать бабку.

Первое, что ее поразило, это то, что иностранец с одним из своих гостей заговорил на чистом русском языке. И даже по-русски выругал его. Несколько раз подъезжали и уехали какие-то люди, потом стали звонить по телефону и сказали, что сейчас приедет А. Вырубова. Зоя заинтересовалась. В подъехавшей полной даме на костылях узнала меня. Видела якобы несколько раз. Слышала какие-то разговоры. Только раз услышала она такую фразу:

— Влопалась!.. Выруб[ова]-то больна, а эта дура приехала!

— Ну, насчет болезни, — сказал иностранец, — можно отвертеться... А эта дура другую оплошность сделала. Приехала с костылями, забыла про костыли и вышла чуть ли [не] вприпрыжку.

Эти разговоры навели девочку на мысль, что тут что-то неладно. Когда через два дня приехала дама, именовавшаяся Вы[рубовой], Зоя стала вслушиваться. Дама спорила, доказывая, что ее грим так хорош, что и моя мать признала бы в ней меня. Когда девочка подслушала первую фразу о какой-то поставке, то и стала меня вызывать письмами.

То, что обнаружено, не поддается описанию. Арестовано трое мужчин и женщина. Они, эти мужчины, пользуясь якобы знакомством со мной, устраивали поставки, переводы, большие сделки и, что всего ужаснее, передали какие-то снимки, за которые получили свыше 300 000 от каких-то иностранцев. Что меня особенно поразило, так это — как ловко подделали они мой почерк! Мне не отличить было оригинала от подделки.

— Над этим почерком, — сказал один из арестованных, — работали больше месяца.

Подробности сделок до того ужасны, что их не оглашали. План был выработан широко: пользуясь моим же именем — проникать во дворец.

Какой кошмар!

13/V—15.

Отец обратился ко мне по поводу генерал-майора Стыценко. Дело в том, что Н. И. Стыценко еще молод, ему 34 года, что не мешало ему получить свой чин. Он отличился в Минске при еврейских погромах. До тех пор, в чине ротмистра, работал там же, в охранном отделе.

Стыценко — тип нашего Эрик[овича]³⁰⁸, но еще кровожаднее и нахальнее. В Царском Селе появился недавно. Среди офицерства презираем; нахален и навязчив. Был в связи с какой-то шляпницей Шварц (еврейка), из детей николаевских солдат. Очень красива. Себе на уме. Очевидно, думала выйти в генеральши. Связь их продолжалась около трех лет. В последнее время Н. И. упорно стал посещать семью Мор., где, как говорят, имел виды на сестру Мороз., вдову генерала Игнатьева. Об этом как-то узнала Шварц, которая к этому времени была в положении со вторым ребенком; у них имеется двухлетний сын.

Узнав о его новой симпатии, Шварц поехала к Игн[атьевой], взяла с собой и маленького сына. Поговорила с той. Та оказалась человеком с душой. Тут же дала ей слово, что откажет ему, несмотря на то, что уже считалась его невестой. Обещала с ним поговорить. Как она с ним говорила, установить, конечно, трудно. Но результат получился неожиданный. Явившись к Шварц, Стыценко стал к ней придирааться. Она (по словам прислуги) только плакала, и [он], остервенев, стал избивать ее нагайкой и засек до смерти.

Ее прислуга (няня ребенка) кинулась к ее отцу. Когда он явился, денщик по приказанию этого скота его вытолкал. Отец подал в суд.

Этого мерзавца, как говорит отец, надо бы наказать. Но... есть одно обстоятельство: он слишком много знает. У него есть документы, определенно показывающие, как и кем были руководимы «погромщики».

К несчастью, как говорит отец, там есть петербургские имена.

Как это ни противно, пришлось принять меры. Ему дали возможность уехать. Уехал в Крым. Семью Шварц выслали из Царского Села.

[Французский текст.]

7/IX.

Вечером он пришел взволнованный.

— Вот еще новость! Святейший Синод дают московскому.....³⁰⁹, и он требует, чтобы меня удалили. Папа сказал — так требуют... Ну хорошо, я уеду, уеду... Чего уж там!.. Да только меня скоро опять призовут! Тогда я покажу московским....³¹⁰

Старец был очень разгневан.

[Русский текст.]

22/8—15.

Трудно разобраться во всем! Важно одно, что завязывается борьба между мамой и папой. Думаю, победа за мамой. Папа скоро выдохнется.

Старец велит звать папу домой³¹¹.

— Там, — говорит он, — старик³¹² и княжата им вертят. И там мое слово не пройдет. А пока они будут им вертеть — многое может измениться.

А измениться действительно может. Вот что было вчера. Рассказывает графиня Н.³¹³, большой друг старца:

— Было совещание в доме кн. П[алей]. Там была и Шур[а]. Были Саз[онов] и Гуч[ков], был французский посол. Много говорили. В заключение Гуч[ков] сказал — к сожалению, папа не видит, что переворот готовится с двух концов. Главная работа идет в армии. Высшее офицерство все на стороне Н[иколая] Н[иколаевича]. Переворот, как и декабристы, готовит высшая аристократия. Принимают участие представители московского двор[янского], богатое купечество (называют Выс[оцкого], Мор[озова] и Поп[ова]) и великие князья. Новое правительство во главе с конс[титUTIONным] царем Н[иколаем] Н[иколаевичем] даст новые льготы и, ввиду коренных изменений, добьется перемирия.

Все это не в виде догадок, а разработанные проекты. Графиня Н. будет говорить со старцем. Я подожду говорить с мамой раньше, чем не услышу чего от старца.

Во всяком случае, положение становится серьезным.

Маленький плохо спал вчера. Все беспокоят колики. Мама в большом горе. Старец мрачен. Старец едет к себе³¹⁴.

— Уж очень тут страшно! Помолиться надо!

Торопится с отъездом.

Вечером Маленькому хуже... Мама велит звать старца.

Звонила ему.

Сказал, чтобы я сама к нему приехала. Был грустный. Тихий и ласковый.

— Тучи тут собираются над царским гнездом... Ох, тучи!.. А я что ж? Говорит папа: «Уезжай!» — уеду... Уеду, молиться за них буду... Буду молиться... А теперь — на вот, — дал маленькую ладанку, — под подушку Маленькому положи. Не больше пяти минут держать... Без меня не класть.

Свезла. Отдала маме. Положила. Маленький уснул спокойно.

21/VII—15.

Утром Маленький встал веселый. Играл. Был у Шуры, много шумел. Благословенна рука старца!.. Поехала его проводить³¹⁵. В моторе много говорила, гр. Н. норовила поближе к старцу сесть:

— Чтобы надышаться запахом его тела, напитаться святостью его духа!

Когда остались одни, он так посмотрел на меня.

— Опять беспокоят тебя?.. Пишут?.. Пугают?.. А ты не думай!.. А это вот брось! — сказал он, кинув мою шляпу. — Некого соблазнять красотой... А это вот одень.

Надел на меня свою шляпу. И точно какая-то благодать охватила меня. Гляжу — и ничего не вижу. Те же люди, а будто лица иные. Светятся благодатные...

Приехала домой и этот великий дар — шляпу с его головы перед иконой повесила. Ложилась спать — на голову надела. Тихий, спокойный сон. Как в детстве, в белянской кроватке, рядом с Шур[ой]. Милые, тихие сны...

Сказала маме.

— Счастливая ты! — сказала она. — Ты безбоязненно с его святой душой общаешься!

Бедная мама! Ведет борьбу против папы, против всех... Вся горит...

2/7—15.

Мне кажется, что нигде «сказка» не имеет такого успеха, как в нашем обществе. В нашем Петербурге, где есть столько ученых, верят во все. И особенно в чудесное.

Мне вчера сказали, что на обеде [у] графини Ост. Сухом[линов] сказал:

— Старец Григ[орий] Распутин — антихрист.

Одна дама рассказывала, что ее муж был в очень тяжелом положении и спасти его мог только папа. Она несколько раз посылала прошения на высочайшее имя, но ответа не было. Ей посоветовали обратиться к старцу. Она его просила. Он раньше не соглашался. Потом согласился. Оторвал клочок бумаги из записной книжки, написал только три слова и велел передать мне. А когда она передала мне эту записку (так эта дура рассказывает) и я стала читать, то из записки выпала красная звездочка и запахло ладаном. Она стала всматриваться в подпись и сама прочла: Антихрист.

Эта сказка передается шепотом из уст в уста.

И хотя старец помог этой дуре и ее можно было проучить, он очень смеялся, когда я ему рассказала.

А получилась эта сказка таким путем.

Старец написал мне о ее муже. Он у нас известен под кличкой «Антихрист». А написал он мне в записке:

«Скажи маме, пускай сделает, что просит «Антихрист».

В конверт вложил красную облатку. Она, конечно, ладаном не пахнет, но имеет что-то опьяняющее. Я ее растерла и, впивая запах, не заметила, что эта.....³¹⁶ смотрит на меня и читает записку.

А почему мы его прозвали «Антихрист»? Ее муж, будучи у Дедюлина³¹⁷ услышал, что папа называет старца «Христос», и сказал:

— Он (то есть старец) не Христос, а Антихрист!

Когда об этом рассказали старцу, он его вместо «Анциферов» стал звать «Антихрист». И когда вышла эта история с поставкой сапог с бумажными подошвами, за что и судили генерала Анциферова, старец сказал:

— «Антихрист» то просто вором оказался!

Так и осталась за ним эта кличка, и от этого выросла сказка. Удивительно!

20/IX.

На похоронах в.к. К[онстантина] К[онстантинов]ича³¹⁸ Гневная, как рассказывает мама, сказала папе:

— Как ты изменился в эти дни! И глядишь так, будто сильно страдаешь...

А потом стала говорить шепотом. Мама поняла одно — что Гневная недовольна папой за его послабления.

— Ты слаб, ты слаб! — несколько раз повторила она.

Она, очевидно, намекала на то, что папа оставил без ответа переданное ею письмо, где она указывала на то, что старец в Москве, в компании, хвастался, что он «всему голова».

А папа ей на это ответил:

— Сплетням не верю и вам не советую верить!

И еще прибавил:

— Слова Гр[игория] Е[фимовича] надо уметь понимать. Он не всегда говорит то, что мы слышим. В его словах часто скрытый глубокий смысл.

Папа обижен Гневной.

20/6—15.

История с этим проклятым Евдок[имов]ым³¹⁹ выплыла наружу. Дело в том, что после объезда Родзянки и другими депутатами фронтов, выяснилось, что Евдок[имов] не только не допускает Красный Крест, но гноил раненых [и] продукты. В это дело тогда вмешался в.к. Н[иколай] Н[иколаевич]. Евдок[имов] был снят (вопреки желанию мамы), и казалось, что на этом дело закончилось; оказывается, что Гу[чков], очевидно, действительно ясновидящий. Одним словом, настаивая на привлечении Сух[омлинова], с документами в руках, он, между прочим, открыл ту связь, которая была между Екат[ериной] Викт[оровной]³²⁰ и Евдок[имовым]. Стало известно, что ей уплачено из общей суммы «на оборудование первого поезда» 1 000 000 руб. и взято от нее свыше 50 сестер; к ужасу — те самые сестры, которые были отправлены за распространение заразы. Документ настолько ясен, что убивает.

И этот вырожденец Евд[окимов] мог оставлять такие документы! Он это объясняет тем, что никогда не доверял Екат[ерине] Вик[торовне] и должен был иметь про запас для нее хлыст. Все это, может, так и есть, но от этого никому не легче. Главный ужас в том, что при всяком таком скандальном событии непременно приплетают меня и старца. Точно эти проститутки и их кавалеры сами не знают дороги в болото. О, Господи! Могла ли я или кто бы то ни было допустить, что вся Россия — вся, вся, вся — это одна гниющая, заброшенная яма. Отовсюду несет смрадом.

Измена — взятки, взятки — измена! И для чего-то судьбе нужно было меня поставить над этой ямой сторожем. Я точно стою и вдыхаю этот смрад, эту погань!

Старец говорит:

— Чем выше чином, тем крепше воняет!

2/8—15.

Приезжала Игнатьева³²¹. Эта старая женщина не хочет понять, что мы должны действовать в тени. Нам

нельзя также открывать лица мамы. Мы должны ее беречь не только из любви к ней, но и потому, что без нее мы погибнем в одно мгновение. На папу надеяться нельзя. Папа (я знаю это) ко мне привязан. Он часто говорит, что я ему нужна. И это верно. Но для чего, для чего? Потому что мне он может все сказать. Все выбросить передо мной. Оплевать всех и себя. И в то же время знает, что он каждую минуту, если бы я заблудилась, может вырвать мой язык. О, он умеет быть жестоким, жестоким до сумасшествия. Но с мамой, боясь за ее здоровье, он научился удерживать себя. Ну, а со мной он весь раскрывается в своей звериной жестокости. Ну, а потом говорит:

— Прости, требуй чего хочешь!

Но я уже давно от него ничего не требую и не прошу. Это его часто злит. И пускай злится! Это единственно, чем я могу сама от себя его ужалить.

— Не просишь, не требуешь! — скрежещет он зубами. — Можешь без меня обойтись!

Я молчу.

И знаю, случись что, он сразу же мне припомнит. При его забывчивости и неустойчивости, когда дело идет об обещании, он необычайно злопамятен, и если ему покажется, что кто-то где-то когда-то его ужалил, он не забудет. О, я его знаю! И, зная его, могу ли хоть на минуту представить себе свою жизнь без мамы? Это сплошной ужас. И поэтому я сказала Игн[атьевой], что она не права, когда требует от нас открытого выступления.

Дело в том, что, по ее мнению, мама должна теперь же отстоять Евдок[имова], главным образом потому, что Гневная со своим штатом его топит. Но я ей сказала, что Гневная имеет за собой общественное мнение. Ей все кивают с улыбкой. Она в последние годы (может быть, для того, чтобы насолить маме) изображает какую-то либералку, и вся Дума, в особенности Родз[янко] и Гуч[ков], ездят к ней на поклон. С этим надо считаться, так как мы не гонимся за дешевым эффектом. Наша ставка слишком серьезна, чтобы нам рисковать из-за эффектных кивков. Дело в том, что Игн[атьева], в связи с историей Евдок[имова] с Сухомл[иновой], пообещала ему не только полную реабилитацию, но [и] поощрение. А я на это никогда не пойду, главным образом потому, что его ненавижу. Никогда не прощу тех сгноенных раненых, которых он раскинул сотнями и тысячами. Да будет он проклят!

Я не могла скрыть от Игнать[евой] свою ненависть к нему. Она так ехидно улыбнулась и сказала:

— Тот, кто хочет править, должен отрешиться от личных симпатий и антипатий.

Отрешиться! Это, очевидно, легче пожелать, чем сделать. Я, во всяком случае, этого не могу и не хочу.

Я ей отказала, она уехала обиженная. Я знаю, что она этого так не оставит. Попытается воздействовать на маму помимо меня. Посмотрим!

[Французский текст.]

20/IX—15.

— Он от Бога, от Бога... Он общается с Богом! — шепчет мама.

Вчера старец возвратился. Он пробыл с мамой больше часа.

Говорил, что надо подумать о народе:

— Народ страдает... Ох как страдает! Нищета! Какая нищета!.. Не только картошки не хватает — спичек нет. Огня нельзя зажечь... В опорках. Нет рубах... Нет скота... Мужик озлобляется, свирепеет... А ты, ты слушаешь этих кобелей. Им бы только потасовка! Бабы бесятся от жиру, да и они также!.. Чего им надо!.. Ты их не слушай! Слушай только меня. Я помолился... Довольно крови... довольно!

Мама поцеловала ему руку. Просила научить, как помочь беде.

— Разве я знаю! Это не мое [дело]. У меня ум мужицкий. Мужицкие глаза. Вижу, что поступают незаконно, и говорю: довольно крови!

[Русский текст.]

14/VII—15.

Вчера у старца было много народу. Любочка Гол[овина]³²² несла дежурство. Было много народу. Когда я приехала и зашла, весь стол был занят. Со мной поехала Петровнушка. Я ее несколько раз звала, но она отказывалась:

— Господь с ним! У него...³²³ тяжелый.

Но в этот раз согласилась. Зина возится со своей свадьбой, Настя³²⁴ — такая кубышка... Уговорила ее поехать со мной, [а] то из мотора не выбраться. Приехали. Зашли. Старец беседу вел. Подождали у двери. Старец увидел. И радостно закивал Петровнушке:

— А, колдунья, пожаловала!

Сразу узнал. А видел-то он ее только раз, и то в прошлом годе.

— Ну, — говорит старец, — иди, колдунья, садись — гостьей будешь!

А Петровнушка смутилась. Потом он говорит княгине О.:

— А ты, княгинюшка, помоги костыль снять и поближе ко мне посади!

Кн. стала раздевать Петровнушку.

— Вот, — говорит, — милые барыньки, вы народу-то в ножки кланяйтесь! А то все народ вам кланяется!.. Это не дело!.. А то, может, станется еще, что поклонитесь!

Скажет он иногда такое слово, что гвоздем засядет.

Вообще это был особенный день. Когда мы сидели за столом, позвонили. Любочка вышла открыть и сказала, что старца просит дворник Николай.

— Очень, — говорит, — нужно.

Когда старец вышел, о чем-то поговорил с дворником, потом говорит:

— Вот что, милые барыньки! Дело такое вышло: брат вот у Николая умер. Хоронить его надо. А у его жены пятеро ребят. А он не просто умер, а в снегу с лошадьёю замерз. Хоронить вот надо, ну, и лошадь нужна. Давайте, кто сколько может!

Через пять минут на столе было 1800 руб., не считая одного кольца в шестьсот рублей. Старец позвал Никола[я] и сказал:

— Денег, видишь, более двух тысяч... И надо, чтоб с толком, чтоб не прилипли к рукам!

Потом уж я слышала, что семью он уже обеспечил.

Как много он может сделать! А его упрекают в том, что он берет взятки. О, негодяи!

10/6.

Верочка³²⁵ вчера говорит:

— Что толку, что старец помогает, — Господь счастье дает!

И действительно это так. Только он не всякому отзывается. Иным говорит:

— Деньгами помогу... и не боле!

Если так скажет, значит, человек ему не по душе.

Я была при таком случае. Кроме меня был только Побирушка, ну, Сова³²⁶ с ним. О чем-то беседовали. Сова давал старцу порошки. Учил, как их принимать. Побирушка писал для мамы докладную записку о снабжении (во главе — Замысловский) и еще говорил — пока мама

не распорядится дать 50 000 на газету, дело не наладится...

— Потому, — говорит он, — что в провинции все сведения о правых доходят только через социалистов, а нашего голоса нет.

Особенно волновался за Москву.

— Вот, — говорит он, — выходит газета «Голос Москвы»³²⁷. Пишут в ней Гучковы³²⁸. А что толку? Так облают монархистов, что любому жида под стать.

Старец засмеялся.

— Люблю, — говорит, — жидов за то, что и таких продвухных, как князюшка, обойдут!

Побирушка обиделся.

А старец и говорит:

— Кабы жида да дать дорогу — ох и наделал бы делов! А вы только топчетесь на одном месте: «Мы дворяне! Мы ученые! Мы да мы!» А без поправки вас с места не сдвинешь!

Когда Побирушка с Совой уехали, он мне сказал:

— А денег ему давать на газету не надо. Потому, что эта газета только для.....³²⁹ годится! Говорит мне: «Мы тебя в твоей газете вот как восхвалять станем!..» Нужна мне такая похвальба! Всякий дурак знает, что у них не газета, а б..., если они похвалят, то скажут — прохвост. Потому — они только прохвостов хвалят... Денег давать не надо!

Мама отказала.

20/7.

Пришли к старцу две курсистки. Обе молоденькие, обе глазастые. Пухленькие. Одна — розовая, как пряник. Хорошенькие. Особенно одна, розовенькая.

— Мы, — говорит, — пришли, потому что нас, десять курсисток, выбрасывают за неплатеж. Помогите нам!

Говорит это розовенькая, а черненькая молчит, сурово так поглядывает и губы кусает.

Старец велел Варя фамилии записать. Говорит:

— Ладно!

Потом поглядел и говорит:

— Плата платой, а и калошки плохие! Берите, коли нет!

Открыла Варя ящик, он дал несколько бумажек. Розовая и говорит:

— Так мы благодарны!

И слезы на глазах.

— Только, — говорит, — не пишите мою фамилию... Дворянка ведь я... кто-нибудь из своих... была...

Старец этак усмехнулся. А черненькая резко так говорит и будто сердито:

— А я, меня пишите... Я Кну...³³⁰. Я идти не хотела. А теперь — пишите! И если можно, отцу помогите... выселяют из деревни. Теперь, в войну... И так разорен... У нас большая семья, девять человек детей. Я самая старшая... Помочь ничем отцу не могу. Уроков нет... Ну, чтобы не выселяли.

А сама все губы кусает (чтобы не расплакаться).

Старец велел Варе записать. А когда они стали уходить, говорит розовой:

— Ну ты, барышня! Деньгами, коли надо, помогу, а больше ничем... Нестоящая!

А черненькой сказал:

— Пущай напишет полный список всех, что выселяют. А главное, чтобы нынче к вечеру. А если тебе самой неудобно ко мне идти — напиши... Варя все расскажет.

Когда они ушли, он сердито сказал:

— Эта розовая мной брезгает, а кланяется. Мне что... А жалко вот — молодая, а протухла!.. А то вот с толком, голова на месте...

Потом я узнала, что выселение было отменено.

— И вообще, — сказал он маме, — это дураки выдумали и трусы теперь евреев гонять³³¹. Мало что ли врагов! Еще их дома разорять будем! Выселение приостановить надо!

Всегда поражаюсь старцу, как далеко он видит.

3/8.

Папа, как это с ним бывает, проявил решительность и опрокинул горшок с углями. Мама в отчаянии. Тем более что это решение обидело старца. А вышло это вот почему.

Сух[омлинов] не только проявил полную [без] деятельность, а нечто худшее — предательство. По представленным справкам, он затормозил выработку снарядов, завалив мастерские внеочередными заказами, никакого прямого отношения к армии не имеющими. Задержал ассигновки [и], что всего ужаснее, не осведомил папу о решении, уже известном через Саз[онова] союзникам. Все это пахнет предательством. Еще обнаружен неучет в 150 000 руб. Теперь весь вопрос в том, кто поведет расследование и как отнесется [к этому] старец.

Папа считает С[ухомлино]ва предателем. Он снят³³². Но, что ужаснее [всего] — вместе с ним слетели Саб[лер], Щег[ловитов] и, конечно, Мак[лаков]. Какой страшительный³³³ удар. [Это] определенно означает, что папа поворачивает руль налево. А еще раньше, если всмотреться — то означает затяжную войну.

Кто внушил папе такое решение?

Мама в отчаянии.

— Сухомлинов — вор и предатель, — говорит мама, — но старец считает, что его еще надо бы сохранить. Потому что он хоть и вор, да свой. А то будут воры, да еще чужие!.. А главное, — говорит она, — то, что папа приближает к себе левое крыло. Он делает это с целью освободиться от влияния старца... Ну, и моего влияния... Это решение не самостоятельное.

Мама в нем подозревает влияние Н[иколая] Н[иколаевича].

— Этому хищнику, — говорит она, — безразлично, кто бы ни съел меня. Поэтому он убеждает папу спустить стаю левых псов. Но папа не понимает такой простой вещи, что со мной вместе погибнет и он. Все погибнут. Н[иколай] Н[иколаевич] мечтает о короне, но его убьют раньше, чем он вступит. Если будет революция — все Романовы сгорят...

2/9—15.

Папа получил хорошее впечатление, побывав в армии. Он говорит:

— Если бы я мог доверять своим генералам так, как доверяю своим солдатам, я мог бы сказать: «Война до полного поражения Германии!»

Папа полагает, что затруднения со снарядами — дело рук наших врагов.

— Верхам нужно мое поражение... Или это погоня за деньгами?

Мама полагает, что если это исходит от великих князей, то тут тенденция подорвать авторитет папы.

Папа ставит вопрос:

— Кому и для чего это нужно?

На этот вопрос отвечает старец:

— Это нужно великому князю Н[иколаю] Н[иколаевичу]. Он, командуя армией, готовит ее себе. Дело ведь простое: Россия проигрывает войну, потому — царь плохой! Нужно царя, которого бы и армия и народ почитали бы. И таким царем будет великий князь Ник[олай] Н[иколаевич]. Его все знают и почитают... Вот!..

8/9.

Папа говорит:

— Такого позора не переживал никто и никогда. Что берут взятки, дают взятки — это знает весь мир, но чтобы

этим скверным душком понесло от верхушек — ужасно!.. Теперь все валят на Сух[омлинова]: «Он старый плут, у него молодая жена...» Все это я знаю, — говорит папа, — но он не вор и не предатель...

Папа больше говорить не стал.

Старец говорит:

— Чего папа гневается? Не знает разве, что его родичи — хапуны над хапунами?.. Тоже и бабы им нужны! И две нитки топазов для Кш[есинской] — 250 000 рублей. А это с каких сумм? Этого не вытанцуешь! Хотя она и ловко ногами перебирает, а все же многовато!.. Да, говорят, имение под Ярославом — за него 300 000 отдал!.. Вот она, война-то!.. Вот оно куда хотят всех закопать!.. И закопают, закопают, если вовремя не останутся!..

8/9.

Старец был очень возбужден.

— Дождетесь, дождетесь, — говорит он папе и маме, — что вам пришлет революцию не народ, а в.кн. Н[иколай] Н[иколаевич]. Он теперь верховный. Что это значит? Кто может взять верх тут? Где правит император? А к нему, к верховному, скачут с докладами, он их подписывает. И придет час — он напишет: «Долой царя!» И это будет похуже того, что кричат болтуны с красными флагами. Вот!.. Имею сведения, его Настенька говорит, что на нем видела корону... Вот!

При последних словах старца у мамы началась мелкая дрожь.

Папа потемнел в лице.

Очевидно (я это уже давно заметила), ему тяжело слушать нападки на в.кн. Н[иколая] Н[иколаевича]. Он говорит:

— Ему я привык верить, как честному офицеру.

Мама сказала:

— Но мы же знаем честолюбие черногорок! Ведь там не одна Анас[тасия], но и еще более коварная Мил[ица]. А разве мы не знаем, что Н[иколаю] Н[иколаевичу] должен наследовать Р[оман]?³³⁴

И при этом с мамой сделался припадок.

Более часу успокаивал старец маму.

Уходя, сказал:

— Спи спокойно. С корнем измену вырвем!

Думаю, что этот вопрос должен скоро разрешиться.

10/11.

Старец говорит:

— Я так решаю, что папе взять на себя всю военную команду... Ехать ему в армию... А маме тут быть. К ней нужных людей поставить и, ежели будет нужно, кончать эту войну. Это так будет легче. И народ войны не хочет. Коли что — можно так повернуть, что народ за мир будет царя благодарить: наше, мол, сиротство и нищету пожалел; сам, мол, поближе стал и увидел, что пора народ свой православный пожалеть... Такую можно музыку подвести... А народ — шарманка. Какую песню заведешь, ту и поет. А не сумеет он вовремя на свой лад поставить — хуже будет. Бунтари свою музыку заведут. Тогда держись!

Он прав. Он видит, чего нам не дано видеть. Один он может спасти трон.

[Французский текст.]

7/9—15.

Дума наделала большого шума³³⁵. Вчера была Сух[омлинова]. Мама ее не приняла. Сказала со слезами на глазах:

— Предать страну во имя личной мести! Не бояться истории!

Сухомлинов.....³³⁶ снабжение армии, чтоб подорвать престиж в.кн. Н[иколая] Н[иколаевича]³³⁷.

— Посмотрим, — сказал он, — как этот замечательный герой будет сражаться без оружия, без пороха!

Мама склонна думать, что сюда, кроме мести, присоединяется нечто худшее. Его.....³³⁸ громадное состояние...

Вчера гр. О.³³⁹ передал[а] интересный документ, присланный из Москвы. Он подписан Е[лизаветой] Ф[едоровной].

«Что может спасти страну? Россию может спасти только дворцовый переворот. Такой переворот спасет Россию от ужасов народной революции».

Автор этого документа предлагает «оставить царя, потому что Россия не может быть без царя. Он хоть и слаб, но честный патриот. В помощь ему можно дать Государственную Думу, в которой будут только националисты, избранные Москвой. Императрицу заточить в дальний монастырь. Распутина свести к нулю, а Вырубову и всех приспешников сослать в отдаленные места Сибири».

Этот доклад представляет собой целую.....³⁴⁰ не только в области военного управления, но и в самом царствующем доме.

Мама показала мне этот документ. Она говорит:

— Мне известны его авторы. Но пока я оставляю их в покое. Для них не пришло еще время.

2/15—14.

Как они смели! Как они смели!

В газете «Биржевые Ведомости» святого старца облили грязью³⁴¹. Он и вор, и развратник, и мошенник. Он пьяница. Его надо гнать отовсюду. Он — это нечто ужасное. И в заключение — совершенно неожиданный вывод, где говорится о том, что этого вора, развратника и пьяницу принимают всюду. Вверху (читай — во дворце) к нему прислушиваются министры, церковь, святейший Синод — он правит всеми.

Автор ставит вопрос — как же так, почему всей Россией, где столько патриотов, столько ученых, почему среди них затесался грязный мужик и стал ими править?

На этот вопрос автор-клеветник не дает ответа. Да и что он может ответить? Он просто кричит: «Караул! Россия в опасности! Россию хочет съесть пьяный мужик! Гоните мужика!»

Эта статья не только грязный пасквиль, но и глупый выпад против старца, папы и мамы.

Этой статьей новый министр внутренних дел князь Щербатов³⁴² (тем, что разрешил ее печатать) хотел подслужиться [к] левым и, главное, — [к] московским либералам.

Мама возмущена.

Старец говорит:

— Князь слишком высоко голос поднял. Оборвется!

Конечно, оборвется.

И еще сказал старец:

— А писака-то из дураков, видать. Хороша страна и хороши в ней мудрецы, коли пьяный мужик их за нос водит! Обругал мужика, а сам в дураках остался!.. Не тот дурак, что над умными верховодит, а те дураки, что под начало к мужику-дураку пошли!.. Вот так-то!.. Одним дураком больше стало!

12/8—15.

Мама сказала папе о том, что положение действительно становится серьезным и что теперь от него, от папы, зависит спасти трон.

А разговор был вызван следующим событием.

У Гневной был чай для своих. В.кн. Мария Пав[ловна] указала Гневной на то, что делается в Государственной

Думе, прибавив при этом, что Государственная Дума совершенно игнорирует папу, а маму ненавидит.

— События в Польше³⁴³, — сказала она, — всем показали, что армия гибнет из-за тыла. А в ошибках тыла открыто обвиняют папу.

На это Гневная ответила:

— Он не виноват. Он в руках этой сумасшедшей, которая продает Россию.

Дальше указывалось на то, что по сведениям, полученным из Германии, известно, что старец закуплен. Называли имена банкиров Ман[уса] и Руб[инштейна]. Читали какое-то письмо. В заключение Гневная сказала:

— Россия погибнет, если в.кн. Н[иколай] Н[иколаевич] вовремя не возьмет инициативу.

Эта беседа стала известна маме. И она вчера сказала старцу, что если он теперь не употребит все влияние на то, чтоб отправить папу в Ставку, то положение может стать опасным.

19/7.

Мама рассказывала сон. Ей снилось, будто она с Маленьким на руках очутилась где-то в степи. Снежная буря. Метель. Не видать пути. Маленький просит спустить его на землю, но мама боится, что он попадет в снежный сугроб. Она пробивается вперед, но метель застилает глаза. Она зовет, кричит, но никого не слышно. И вдруг над ней — много-много черных ворон. Каркают, кричат, машут крыльями, бьют ее по лицу. Она в ужасе видит, что они готовы вырвать из ее рук Маленького. Она отбивается от них. Зовет на помощь. Вдруг видит — папа идет, но ему трудно пробраться, так как в снегу копошатся какие-то не то трупы, не то раненые. Папа хочет идти, но они цепляются за его ноги и не пускают его. Мама в испуге спрашивает: «Что это? Что?», а папа чуть слышно отвечает: «Война!» И мама видит, как папа, не дойдя до нее, падает. В это время старец быстро так идет. Подходит к папе, подает ему трубу. Папа затрубил — и так стало светло. Воронье улетело...

Когда мама рассказывала, то вся дрожала. Папа испуганно глядел на старца. А старец молчал. Долго молчал. Потом сказал:

— Царь, царь, спасай свой народ! И сына своего спасай! Разве не видишь? Глаза ему выклевать враги хотят... А главное — одного врага бойся...

Папа чуть слышно спросил:

— Какого?

— Твою правую руку... Кровного!.. Его бойся!

Наутро пришел старец, снял со своей груди крест (небольшой, из слоновой кости) и сказал:

— Этим крестом сына благословишь, когда сам выступишь к своим войскам.

И папа, уже не возражая, сказал:

— Пусть будет так!

А вечером мне папа говорит:

— Мама говорит, ну, [и] Г[ригорий] Е[фимович], что это воля Божья, что я должен стать во главе своей армии... Я не спорю. Но об одном молю Бога, чтобы Маленький без горечи вспоминал меня.

Когда я стала ему говорить, что это испытание от Бога, что мы победим, он грустно так сказал:

— Уж я в это не верю... Я не победитель... Только бы сохранить честь и трон...

И еще тише прибавил:

— А матушка говорит, что мы гибнем.

Вечером, за чаем, папа играл с Маленьким, и было видно, что он делает усилия, чтобы не разрыдаться. Таким я его никогда не видала. Мама же была нервно возбуждена, даже казалась веселой.

Почему-то мне вспомнилась одна картина. Зовется она «Последний глоток вина». На ней красивая женщина подает отравленный кубок возлюбленному. Возлюбленный пьет вино, зная, что оно отравлено...

Не знаю почему, но эта картина мерещилась мне, когда я смотрела на папу и маму.

24/8—15

Я сказала отцу о том, что папа едет в Ставку. В.к. Н[иколай] Н[иколаевич] вместо графа Воронцова-Дашкова назначен наместником Кавказа.

Узнав об этом, отец сказал:

— Папа лично берет на себя высшее командование?

— Ну да, — сказала я.

Тогда отец сказал:

— Ну что ж, хотя он этого и добивался, но должен сказать, что это означает — еще ближе к концу...

И по лицу отца я поняла, что ничего хорошего он не ждет...

26/8—15.

Когда Сазонов³⁴⁴ узнал о решении папы взять на себя высшее командование³⁴⁵, то он, по словам отца,

пришел в ужас и застонал. Говорил о гибели страны и трона. Потом стал метаться. Бросился к союзным посланникам. Французский посол Палеолог (этот хитрейший из дипломатов) забил тревогу. Английский посланник Бьюкенен³⁴⁶ отнесся к этому еще мрачнее. Общее мнение посланников такое: папа берет верховное командование, чтоб подписать мир. А за чей счет будет подписан этот мир?

По моему мнению, Сазонов не сумел с достоинством ответить на этот вопрос. Он хороший дипломат, но слабый патриот.

Все засуетилось. Особенно забурлило в гнезде в.кн. Ма[рии] Пав[ловны]. У нее в салоне решается судьба не только России, но и Европы. Князь Андр[онико]в (этот беспроволочный телеграф) носится на крыльях политической сплетни. Сколько шуму!

20/9—15.

Среди либералов тоже шумят. Куда ни повернись — все занимаются только тем, что спасают Россию. И это тем более странно, что спасают не от внешнего врага, но от внутреннего. Когда начинаешь всматриваться, то получается такая картина: Пуришкевич и Марков II спасают Россию от Гучкова. Гучков и К^о — от Милюкова, Милюков — от Пуришкевича и т. д. А все вместе спасают от старца и мамы. И все бы ничего, если бы хоть одна группа спасителей имела свое представление о том, что и от кого спасает.

На днях у гр. В. состоялся обед³⁴⁷, на котором присутствовал французский и английский посланники, краса либеральной партии Милюков, заграничная знаменитость Ковалевский³⁴⁸, Родичев и др. Был, конечно, Сазонов.

Весь политический интерес обеда заключался в том, что побудило папу снять в.к. Н[иколая] Н[иколаеви]ча и занять самому его место и к чему это приведет.

Заставили это сделать папу мама и старец, так говорилось там. Выдвинули перед папой ту опасность, что в.к. Н[иколай] Н[иколаеви]ч становится претендентом на престол, и еще запугали его гневом Господним, если он вовремя не спасет отечество.

А на вопрос — к чему это приведет? — все мрачно ответили:

— К полной гибели, если вовремя папу не освободят от влияния старца... и мамы.

Поднимался вопрос, может ли мама без старца представлять опасность.

На этот вопрос ответы получились различные. Во всяком случае, говорили о том, что старец есть наибольшее зло, та центральная злая сила, вокруг которой, как змеи, обвиваются всякие другие разрушители.

По мнению Милюкова, старец опозорил церковь и авторитет папы. У народа нет больше кумиров. Царица — блудница. Царь — обманутый муж. И церковь — место пьяных оргий. При таком положении вещей, чем и как поднять авторитет трона?

Графиня Б., которая присутствовала на обеде (она тайная поклонница старца, мы пользуемся ею для получения сведений оттуда), говорит, что мысль о том, что в.к. Н[иколай] Н[иколаевич] может быть преступным претендентом на престол, всей этой компанией отрицается. Они говорят, что эту мысль, как пугало для папы, пустили мама и старец.

Чем это все кончится? Этот вопрос мучает всех. Чем все это окончится?

На этот вопрос профессор Ковалевский отвечает:

— Революцией!

А Маклаков поправляет:

— Пугачевщиной!

Когда французский посланник говорит о том, что либеральная партия должна принять меры против пугачевщины, Милюков отвечает:

— Пока мы будем в Государственной Думе, мы будем бороться.

— Неужели революция во время войны? — спрашивает с ужасом барон К.

— А как долго будет продолжаться война, чем и когда она кончится?

На эти вопросы никто не отвечает. Либеральную партию особенно угнетает то явление, что созыв Государственной Думы опять оттягивается³⁴⁹.

— Мы не знаем вечером, — говорит Милюков, — какой политический сюрприз ждет нас утром...

Видя такое отношение правительства к Государственной Думе, либералы хотят уйти из тех комиссий, что наблюдают за работой тыла для армии.

Французский посланник указывает им на то, что такой выход является чуть ли не преступным перед союзниками. А либералы говорят, что они скоро будут бессильны что-нибудь сделать.

В заключение намечается группа для составления докладной записки на имя папы.

Ну что ж, будем ждать! На большее они не способны.

А послушали бы они старца. Он говорит:

— Они все боятся революции, как черт ладана, а сами только и делают, что готовят эту революцию. А если их

послушать и воевать до тех пор, пока не победим, то уж ни папе [и] никому этой победы не увидеть. Черти слепые, не видят, не понимают! [Думают] — пустят пушку солдату в зад — и он побежит побеждать врага!.. Врете, черти! Он обернется на вас же!.. Вот!

15/8.

Старец говорит:

— Нет моего благословения³⁵⁰ на эту войну! Ни к чему стране война! Гиблое дело — эта война, она нужна только генералам. Сидя на теплых местечках, детей наплодили, и надо их вытаскивать. Ну, и деньги и чины нужны!.. А уж вору война — лучше ярмарки: грабь сколь хочешь! Они вот и войну затевают! Им она нужна, а для папы — погибель!

Еще говорит старец:

— Ежели от японской войны папа чирьями отделался, так тут может такая болячка вскочить, что и головы не снести! Война — это наш враг, убьет нас!..

19/9.

— Вот, — говорит старец, — папина бывшая любовница³⁵¹ к царскому телу вкус имеет. Ей, вишь, царевич зандобился. С в.к. С[ергеем] М[ихайловичем] любовь крутит — и второго³⁵² не отпускает! Один для любви, а другой для казны!.. Ведь они такое творят, что русским солдатам придется гнилой картошкой от германских пуль отбиваться!

По мнению старца, Кшесинская и князек³⁵³ хапнули не менее полумиллиона. Он сказал, что принесет выписку и с папой разговор иметь будет.

— Маме, — говорит старец, — об этом говорить с большой оглядкой надо. В ней женское сердце распалить можно. Ей, как там ни говори, все же Кше[синская] — бывшая любовница папы. Женщины такое никогда не забывают!

5/9—14.

Вчера у Побирушки был маленький чай. Там мне показали Белецкого³⁵⁴. Старец велел к нему присмотреться. Человек очень хитрый и, по-моему, очень скрытный. Определенно льстит. Впечатление неприятное. Но старец говорит:

— Он оберегал мою жизнь, когда на меня зубы точил Илиодор. И ежели бы не он, то быть бы мне покойником. И потому мы должны его взять.

[Русский текст.]

7/9.

Вчера я сказала маме, что старец придет к ней А. Н. Хвостова³⁵⁵. Об этом я узнала там же, когда был чай у Побирушки. В первый момент мне показалось, что они затеяли это свидание, несколько обойдя нас. Мне известно, что Побирушка, предлагая мне змейку, сказал:

— Редкая работа, ценят в 50 000!..

А потом выяснилось, что змейка — только часть полученного.

Сказать старцу.

И еще самое важное: они полагают, что А. Н. Хвостов повернет дело по течению, что все будет с ведома и с благословения старца. Ну, а если нет? Что и как я скажу маме, если сама привела его к ней?

Боюсь, что они ходят вокруг старца. А он и Бел[ецкий] — это две половинки сломанного гроша.

11/7.

Вчера у меня пили чай Побирушка, А. Н. Хвостов, Бел[ецкий]. Заезжал епископ Вар[нава]³⁵⁶, благословил трапезу и скоро уехал. Уезжая, сказал:

— Господь умудрит тебя, как подкрепить древо царского величия!

Потом заезжал Бел[ецкий]. Все время ходил вокруг да около. Ждали моего слова. Старец сказал:

— Они православные, царские они. Значит — наши. Одначе их помучить надо, чтобы знали, что они от нашей воли не уйдут.

Я так и вела себя с ними. К концу звонила Лелечка, что старец велел сильно обнадежить. Ну, я так и намекнула. Уходя, Бел[ецкий] сказал:

— Ан[на] Ал[ександровна] — наша путеводная звезда. Куда поведет, туда и пойдем во славу царя и отечества.

Стелет мягко. А глаза хищника, и проникают и жалят. Не доверяю ему. Однако — кто лучше? Мерзопакость на пакости. Ведь вопрос в том, кто хоть за приличную цену будет служить. У этого аппетит большой. Ну, и изголодался. А это хорошо!

6/Х.

Е[лизавета] Ф[едоровна] опять написала маме. Она указывает ей на то, что Россия на краю пропасти. Она говорит маме про Геню, который был ей дорог как воспоминание детства.

«Теперь, — пишет Е[лизавета] Ф[едоровна], — он болен ужасной болезнью и испытывает страшные боли. Если бы не эти боли, он чувствовал бы себя сносно. Его убило то, что он должен был идти против тебя. Подумай об этом!»

Она напоминает маме еще и о том, что женщины их рода всегда играли большую роль в династии.

«Мы с тобой, — пишет Е[лизавета] Ф[едоровна], — принадлежим к тем женщинам, которые могут погибнуть под влиянием большого чувства и увлечь с собой в гибель и своих близких».

Она вспоминает Давида Штрауса³⁵⁷.

«Этот истинный ученик Христа наполнил собой жизнь женщины, предавшейся ему³⁵⁸. Она сгорела, как свеча, на алтаре этой страсти во имя любви к Богу. А тот, кого приблизила к себе ты (она пишет о старце), пачкает имя Божье мужицкой грязью, развратом. Он несет смерть и гибель династии. Он вовлекает тебя в грязь!»

Она пишет еще много дурного про старца (да простит ей Бог, она слепа).

Наконец, она пишет:

«Я знаю, мысль о тех, кто умирает на полях сражений, мысль о нашей матери подскажет тебе, что ты должна очистить тво... царск...³⁵⁹ от грязного мужика! Его грязным ртом говорит не русский народ, как это тебе кажется, но сам дьявол, воплотившийся в это грязное и злое животное».

Она прибавляет:

«Я удалась от жизни и почестей, царская милость ничего не может мне дать. А царский гнев не отнимет у меня ничего. Жизнь разве?.. Но ты знаешь, что я с радостью умру ради Бога, ради спасения нашей второй родины и ради церкви».

Дальше она пишет о том, что вся Москва, как один человек, охвачена злобой и негодованием против мамы за тот позор, в который вовлек старец царя, его дом и всю Россию.

«Он знает, — пишет она, — что его считают изменником и шпионом, подкупленным Германией».

Она вспоминает про один раут у гр. Ост.

— Графиня, — пишет она, — бывшая другом и поклонницей старца, выгнала этого мерзкого мужика. Приблизьте к трону честных людей, которые и окончат эту войну с честью для России».

«Я боюсь, — кончает она письмо, — что кровь невиннейших из невинных напрасно проливается на полях сражений и что слезы сирот падут, вместе с проклятиями, на царскую семью».

[Русский текст.]

11/XI.

Говорила со старцем. Ничего не сказала ему про маму и про письмо Е[лизаветы] Ф[едоровны]. Но он мне сказал:

— Опять чернокнижница!.. Ну что ж, пускай! Лучше она, чем война! Она мне помощник. И ей и мне эта война...

С мамой дело клонится к миру.

20/10—15.

Старец говорит:

— В Государственной Думе — около пятисот умников, сколько же их по всем министерствам, в тайных и явных комиссиях? И вся эта свора умников одного дурака мужика боится! Вот так умники!.. «Нам бы, — говорят, — только этого мужика-дурака убрать! Тогда все хорошо будет. И победа придет, и революции не будет. И всякий свой кусок возьмет...» Ох и подлецы же! У них вместо головы...³⁶⁰ на плечах!.. Врете, черти слепые! Вам всем одного мужика-дурака не убрать. Потому мужик этот — Григорий! А вы его боитесь, боитесь его, подлецы! Потому — и мир и победа — все от Бога. А Бог его над вами поставил!.. Вот!.. «Мы, — говорят, — будем воевать до победы!» А я говорю — никакой победы не надо и войны не надо. Война — это смерть, смерть для народа и царя. А потому — довольно! Будем кончать войну!

И при этом старец так взволновался. И потом мне сказал: — Следи, чтоб враки этих умников до мамы не дошли. А папе, чтоб ему там спокойнее было, надо с собой Маленького взять³⁶¹. А уж тут я сам все обмозгую. И через маму пустим...

Потом сказал, что у него свидание с банкиром. Опять об этом Руб[инштейне] говорил.

— Умная, — говорит, — голова. Даром что жид, а Россию лучше всякого русского знает! Вот!

Так-то, князь Владимир! Будете знать, что ничто не вечно! И ваше могущество закончилось!³⁶²

Князь В[ладимир] Ор[лов], полагаясь на то, что папа им дорожит, стал уж очень ясно игнорировать старца и меня.

На вечере у графини Б. (его старая любовь) он сказал: — Домик А[нны] А[лександровны] Вырубовой построен на песке и держится только гнусным Распутиным. Оттуда, из этого скверного гнезда, льется всякая грязь.

Эти слова дошли до мамы.

Потом он еще сказал:

— Если Россия погибнет, то в этом виновна царица и этот скверный пьяный мужик. Они оба погубят династию, если папа вовремя не остановится.

И это заставило маму принять меры к тому, чтобы его снять.

Папа очень долго его отстаивал, особенно опираясь на то, что он к нему привык, что они связаны двадцатилетней дружбой.

Но мама сказала:

— Враг нашего Друга не может быть нашим другом. От него идет вся эта грязь, которая передается из дворца.

Ну, и, конечно, мама поставила на своем.

Так-то, князьинька, домик на песке оказывается устойчивее, чем ваше сиятельство!

Я полагаю, что в этой московской истории, в том, что маму обвинили в предательстве, также виноват князь Ор[лов]. Так что перетянул вожжу — она и лопнула.

Князь Щер[батов], тоже спой свою лебединую песнь!

12/X—15.

.....³⁶³ был небольшой чай. Говорили о том, что папа последнее время чувствует себя много бодрее. И уж не так мрачно смотрит на будущее. Это всех удивляет. Присутствовавшая там г-жа Гор[емыкин]а рассказала, что папа сказал недавно председателю министров:

— Еще напор — и враг побежит!

На вопрос — какой враг, папа сказал:

— Не тот, что на позиции, а тот, что в тылу.

Очень интересовались, кого папа считает врагами тыла. На это г-жа Г[оремыки]на ответила, что папа считает врагами династии левое крыло Государственной Думы. Эти враги тем опаснее, что они «не видят, что творят». Подрывая авторитет папы теперь, во время войны, они тем самым играют в руку Германии.

Я полагаю, что папа совершенно прав.

Но княгиня П[алей] сказала:

— Бодрость папы надо объяснить тем, что он как бы находится под гипнозом старца и мамы.

— Мама, — так говорила она, — никогда не была так ласкова и внимательна с папой, как теперь. Она это объясняет тем, что она чувствует, что чем дольше удержится папа в армии, тем легче будет ей со старцем подготовить все в тылу для прекращения войны.

На вопрос г-жи Г[оремыкино]й, как считает Гневная, можно ли еще продолжать войну, княгиня П[алей] ответила:

— Она вполне резонно полагает, что такой позорный мир ускорит развязку, то есть приблизит революцию.

Там же из рук в руки передавалось письмо от московского дворянства за подписью Гучкова³⁶⁴, где пишут царю:

«Вспомни [190]5 год. Тогда еще был мудрый царедворец С. Ю. Витте, и народ еще верил царю. Теперь над царем смеются, царицу заслуженно презирают, церковь опоганена.

Близ царя только выживший из ума Гор[емыки]н³⁶⁵, который кивает и направо и налево. И вспыхни теперь бунт — на кого может опереться царь? Это уже будет не бунт, а революция.

И такая революция, которой мир не видел. Ибо история не знает такого позора — царст[вовани]я сумасшедшей царицы с развратным мужиком».

Умоляя царя опомниться, те, что пишут письмо, умоляют царя «для династии и России» изгнать этого дьявола, прислушаться к тому, что говорит мыслящая патриотическая Москва.

Письмо это предполагается направить папе в Ставку. Под ним имеется свыше пятидесяти подписей.

Неужели они посмеют?

Говорила со старцем, надо ли знать об этом маме. Она так нервничает, так всего боится, что надо ее пожалеть.

13/10.

Это письмо, адресованное Б[адмаеву]³⁶⁶, попало в руки Побирušки и ходит по рукам. Теперь к нему прибавили снимок: старец, а рядом с ним, по обе стороны его, четыре женщины: я, М[арья] И[вановна], Лен[очка]³⁶⁷ и кн. Юс...³⁶⁸ И все это в неприличной позе.

И пишет Илиодор:

«Я сам своими глазами видел, как Гришка изгонял бесов из этих четырех».

И еще пишет он, «этот богомерзкий развратник» хвастался тем, что он избавил в. княжну О[льгу] от наваждения, когда она полюбила Коко³⁶⁹.

А было это так.

О[льга] созналась маме, что Коко ее любит и что она любит его. Мама очень огорчилась и испугалась. И много говорила с О[льгой]. Но она плакала и говорила:

— Я очень несчастна.

И целую неделю была больна, и глаза опухли от слез. И мама сказала мне:

— Боюсь, что О[льга] уморит себя. Она очень чувствительна, и это ее первое большое горе может ее убить...

И мама дала ей слово, что ничего худого с Коко не будет, что его переведут, но дадут ему повышение.

— Но, — сказала мама О[льге], — случись что с тобой, и я и папа будем считать его виновником, и тогда его ждет очень страшное.

И О[льга] испугалась и дала маме слово, что будет жива. Но все же вид у нее был такой странный. Мама боится, не оскорблена ли О[льга].

Мама говорила со старцем. И он сказал:

— Будет здорова. И опять весела будет.

И после первого посещения он сказал:

— Дуся, — так он зовет в. княжну О[льгу], — познала истину и от грехов очистилась. А больше с ней говорить об этом не надо.

И действительно, О[льга] переродилась. Только стала тише и больше молится. А раз она мне сказала:

— Аннет, а ты веришь, что этим можно спастись?

И еще прибавила:

— Я целовала его ноги. И уж никогда больше не буду думать о Коко так, как думала раньше.

И такая мука была в ее прекрасных глазах.

Бедное дитя!

И ее мука тоже стала посмешищем. Точно люди готовы ее оплевать.

7/9.

Цветок³⁷⁰ плачет. Мама волнуется. Не знает, что делать, чтоб не дошло до Гневной. Обвиняет во всем в.к. Д[митрия].

— Я, — говорит она, — ему, как сыну, верила, а он не мог вовремя остановить!

Мама говорит:

— Не знаю... Это вопрос ее здоровья. И если узнает обо всем папа, то это будет ужасно. Он потребует строгости к Коко. А это еще хуже отразится на ее здоровье.

9/9.

В салоне кн. П[алей] — шумный вечер. Шурочка говорит — говорили о Цветке. Гневная узнала. Говорит:

— В этом сумасшедшем доме, где юных девушек воспитывает развратный мужик, будет еще хуже.

Хочет увезти ее в Киев³⁷¹, а потом в Коп[енгаге]н. И еще говорила, теперь вся семья и все лучшее дворянство (?)³⁷² требуют, чтобы кончилось это безобразие, «или Россия погибнет».

23/X.

Мама говорит:

— Чувствую, что эта поповская история наделает много хлопот!

Старец не велит сильно наказывать Ольгу.

— Пушай, — говорит, — помучается, тогда опомнится. Он говорит так, потому что жалеет ее.

Ослы, не понимают такой простой вещи, что если старец не боялся свободного Илиодора, то что может ему сделать Илиодор связанный?

И кого может бояться старец, если он знает, что мама верит только ему, и еще то, что чему верит мама — тому верит и папа.

Лелечка пишет:

«Старец просит напомнить маме, что Родзянко был у папы и добивался, чтобы старца выслали. А с мамой сделать, чтобы ее в монастырь... И что пора делать хоть и страшное, но нужное и для мамы, и для Маленького... И что подушка от головной боли — травяная».

Мама нервничает. Она боится этой подушки, говорит:

— Папа такой подозрительный стал. И потому лучше, когда он домой вернется.

А все — съемки и планы, — все готово. Только мама говорит:

— Когда все свершится, то я только тогда успокоюсь, когда Побирושку уберут или вырвут у него язык.

Ему она ни в чем не верит.

Она его боится и ему поручает такое страшное дело: свидание с принцем³⁷³.

Старец говорит:

— Есть зло, а от него большое добро родится. А ежели этот принц все в точности выполнит, то будет конец войне. Будет конец страху... ежели нам Германия, страна царская, будет друг.

Илиодор не только хочет погубить старца. Но, кидая в него грязью, травит не только меня, но и маму. Он пишет в письме, в котором указывает на то, что я, подруга мамы, «привела к ней Распутина, потому что ему, Распутину, обещала, что приведу его к царице, если он, кроме меня, никого знать не будет».

Богомерзкий развратник Илиодор хорошо знает, что это ложь. Что если я действительно говорила с мамой о старце, то только тогда, когда они (папа и мама), напуганные болезнью Маленького (его кровоточило 6 дней), боялись полного истощения. Тогда я сказала, что сибирский старец хорошо останавливает кровь. И мама мне сказала:

— Ты помнишь мой страшный сон? Ты помнишь, я видела во сне, что ты и какой-то мужик со страшными глазами, вы спасаете меня?

И когда мама вспомнила свой сон, мне стало так страшно.

И когда старец пришел, она как зачарованная шла за ним, и когда он стал гладить Маленького по голове и говорить: «И все будет хорошо! Все хорошо... Бог поможет!» — то я уже знала, что так и будет.

И с тех пор мама к нему прилепилась душой.

20/X.

Напомнила Бел[ецкому] относительно Екатерины [Шорниковой]. За нее хлопотал Побирушка. Спросила, как он мог допустить, чтоб дело попало в Думу³⁷⁴.

Говорит, в этом виноват Джунковский³⁷⁵. Он все время нагонял экономию. И поэтому перебросил ее на работу, где ее должны были съесть. Ну, это и случилось. Думаю, что он лжет. По имеющимся у нас сведениям, он желал подслужиться левым. У него манера играть сразу в две стороны. Но старец желает его назначения; тогда придется за ним следить, следить, следить.

Дело этой Е[катерины] показывает, насколько полиция неустойчива. И этим господам придется доверить охрану дорогого нам старца. Боюсь, что они перегрызутся и, чтобы насолить друг другу... Этого я очень боюсь.

19/2—15.

Старец пишет:

«Скажи маме вот что: миленькая мама, помни, что Государственная Дума — бесова пляска. Что все они хотят погубить меня. И что я не могу за них молиться. Что

Род[зянко] как клещ впился в шею папы. Что туман на горе. И большой ветер. Что ежели без моей молитвы — судно разобьется. Или как бумажная лодочка, что дети играют, размокнет в воде... И еще, миленькая мама, — Григорию ничего не надо. Но боится Григорий — война лодочку опрокинет. И еще — мама перед Богом ответит и за папу, и за Маленького. Пускай скажет папе — не надо этой поганой бреханки Думы! Не надо — и все! Должны знать, что есть хозяин. «Ну, цыц по местам!» А то как дикие кабаны хрюкают... Ну и говорю — гони к черту Думу!.. И горе большое... Меня слушай! Молюсь за всех, Григорий».

21/X—16.

Прекрасные черногорки не могут успокоиться. В.кн. Ан[астасия] затеяла свой кружок. В кружке дамы из общества, работая на армию, сплетничают, сплетничают и сплетничают. Последняя сплетня о Владе. Его уход (вернее, то, что папа его убрал, несмотря на их продолжительную дружбу) порождает массу слухов.

Последняя версия наиболее нелепая. Будто кн. В. Ор[лов], имея свободный вход в половину мамы, застал ее и старца. И это дошло до папы. И вопрос был поставлен так, что должен был один из них уйти. Ну, и, конечно, мама потребовала ухода Влади.

А дело обстояло несколько иначе, хотя участвовали действительно эти лица: мама, старец и кн. Ор[лов].

В. княжна О[льга] Н[иколаевна] была больна, не выходила. У нее был старец. Потом они перешли в диванную. Идя через бильярдную, кн. Ор[лов] услышал крик (он знает, что в. княжна О[льга] боится Бэби³⁷⁶, хотя и играет с ним).

Думая, что она испугалась, он кинулся к ней... и увидел ее со старцем. Когда он пришел к папе и папа спросил, в чем дело, то князь сказал папе, что, даже рискуя навлечь на себя гнев папы, он вынужден сказать, что надо оградить честь великих княжен. Ну, и еще что-то.

Вечером папа имел разговор с мамой. Высказал ей, что она должна больше заботиться о дочерях.

Мама очень волновалась. С ней был обморок.

Потом папа уступил, но сказал:

— В лице Влади я теряю искренно преданного мне человека. Он один показывал мне оборотную сторону того, что делается вокруг меня. Это для меня большая потеря. А будет ли польза — не знаю.

Так вылетел кн. Ор[лов].

Воображаю, что и как говорится черногорками на половине Гневной!

22/Х.

Когда говорили о черногорках, мама мне показывала письмо Милицы, присланное ею папе в мае или в июне³⁷⁷. Вызвано оно было тем, что папа хотел (по предложению в.кн. М[ихаила] А[лександровича]), в целях будущего, выяснить, какие, по окончании победной войны, должны произойти перемены в смысле границ.

Зная, что Милица сведуща во взаимоотношениях балканских княжеств, папа ее запросил о том, как бы мнила Черногория, чем и за чей счет могли бы расширить ее границы. Интересовался также вопросом о том, какую роль в новых перемириях на Балканах могла бы взять на себя Россия. Причем папа всегда говорил:

— Балканы — это больное дитя России: откуда бы ни подуло — всегда закашляет.

И надо сказать правду, что папа часто тяготился этим «больным дитятей». Но положение обязывает, поэтому приходится возиться с Балканами.

Милицу же папа называл «ходатаем по черногорским делам». Не любил ее, мало доверял ей, но прислушивался к ее просьбам. Сестру ее, в.кн. Ан[астасию], папа менее любил, называл интриганкой. Но все время держали их при себе — и папа и мама.

Папа говорил о них:

— Эти сестрички как друзья мало пользы принесут, а как враги могут быть очень опасны.

На запрос папы о границах Черногории Милица ответила, что, по мнению ее отца (короля черногорского Николая), это вопрос очень сложный и только Россия, в лице папы, могла бы улучшить положение Черногории. А это так нужно. Черногория (по ее словам) вполне заслужила эту милость России, так как всегда первая приносила жертвы в борьбе за православие. Черногория, истомленная иноверцами, сотни лет стонет, сжатая железным кольцом Австрии, но ее всегда поддерживала надежда на то, что ее мощная сестра Россия освободит ее.

«И теперь, — пишет М[илица] Н[иколаевна], — когда час победы России близок, Черногория была бы очень рада получить часть Адриатического моря (от Герцеговины) и часть Далмации, ее острова (включая Рагузу и Катарро)»³⁷⁸.

Дальше аппетиты ее еще разгораются.

Но не это интересовало маму в письме М[илицы] Н[иколаевны], а то, что в заключение она пишет, что Чер-

ногория, в лице ее отца, ее самой и ее сестры, всегда была наиболее преданной престолу и только в той его наследственной последовательности, которая идет теперь³⁷⁹.

— Это, — говорит мама, — намек на то, что в.к. Н[иколай] Н[иколаевич] со всей родней останутся верными папе и не пойдут за теми, кто будет выдвигать новых наследников из другой царской ветви.

На мой вопрос, на кого намекает в.кн. М[ил]ица, мама ответила:

— Очевидно, на в.кн. М[арию] Пав[ловну].

И тут же прибавила, что она в это не верит, что не Мар[ии] Пав[ловны] с ее дурашливыми княжатами³⁸⁰ надо бояться, а именно в.к. Н[иколая] Н[иколаевича]. Так сказала мне мама:

— Когда я читала это письмо, то сказала папе, что М[илица] Н[иколаевна] с целью кидает тень в сторону М[арии] П[авловны], с целью отвлечь внимание от настоящего врага, то есть от в.кн. Н[иколая] Н[иколаевича]. Н[иколай] Н[иколаевич] бездетен, а у нее с Петром есть Ром[ан]. Комбинация очень проста и ясна. В.к. Н[иколай] Н[иколаевич] заменит папу, но он стар и бездетен, и ему наследует Ром[ан].

— К счастью, — говорит мама, — наш Друг, старец, дальновиднее их. Он все предусмотрел и велел папе вовремя убрать великого князя Н[иколая] Н[иколаевича, а с ним и прекрасных черногорок.

[Французский текст.]

23/X.

Нити ведут в Царское Село, в книжный магазин. Объявились удивительные продавцы книг и газет. Они посылают газеты в деревню. Есть копии. Кроме старца и меня, намекают также и на Марию Ивановну, из-за ее близости к маме и старцу. Копия....³⁸¹ в газетах и передана Курлову.

26/X.

Вчера были аресты. Арест полковника Остен-Сакена наделал шуму.

23/X—15.

Сегодня узнала случайно, почему старцу пришлось уехать к себе с назначением нового обер-прокурора Самарина.

Дело в том, что Сам[арин], представляясь папе, передал ему записку за подписью целого ряда представителей дворян и купечества. Подписались: Долгоруков, купцы — Ковалевский, Попов, Дмитриевский, Морозовы и пр.

Вот что они пишут:

«Развратник Гришка оскорбил в пьяном виде жену полковника Ост[ен-Сакена] и хотел затащить ее к себе. Оскорбленная женщина оттолкнула его и стала звать на помощь. Тогда он обругал ее, как пьяный мужик, и, вернувшись с пьяной компанией в «Яр», начал говорить, что может вызвать маму из Царского Села по телеграфу». И еще много ужасного. Об этом московском приключении старца будет поднят вопрос в Государственной Думе.

Папа, не посоветовавшись с мамой, предложил старцу уехать на некоторое время к себе.

8/11—15.

Рассказывая мне это, старец сказал:

— Врет, дрянная! Куда я ее тащил? Сама пришла!.. Она ищет выгоды, а мне выгоды не надо... Только б очистить епитимией ее помыслы.

7/15.

— Вот, — сказал мне старец, — прочти, — и бросил мне письмо. — Полковник Ост[ен]-С[акен] пишет мне, просит выслушать ее и успокоить. «Теперь, — пишет, — верю, что спасение только у тебя!..» Если б не была красавицей и гордячкой — не принял бы ни за что....³⁸², а теперь пишет — «верю». Змея грязная!..

Видела вчера эту московскую... Дура, делает донос, устраивает скандалы, а потом...

Вчера он сделал сам подарок маме (взял у меня) шелковый шарф. Она плакала.

Велел мне передать маме записку. Полковник Ост[ен]-С[акен] освобожден. Получил назначение в качестве вице-губернатора в Сим[бирскую] губ. Там у его жены имение.

Алекс.....³⁸³ простилась со старцем, была очень грустна. На мой вопрос, что с ней, сказала:

— Я так любила моего мужа. О, как я его любила!

— Ну и что же?

Она ничего не ответила, только заплакала.

Странная женщина. Неужели же она считает это изменой мужу? По-моему, это положительно нечто совер-

шенно другое... Разве я могу смотреть на него как на простого мужика и на отношения с ним как на плотские?

[Русский текст.]

18/XI.

Киев становится опасным для трона гнездом. Там орудует Милица с компанией. Вот что разыгралось на днях. Какая-то группа молельщиков шла в лавру. После молитвы о ниспослании победы православному воинству кто-то предложил анафему антихристу Гр[игорию] Е[фимовичу].

Когда подошедшие агенты захотели уличить сказавшего, то он скрылся. Только среди молящихся говорили, что по Киеву носится слух о том, что царицын люб[овник], антихрист Распутин, хочет извести царский корень, что он продал Россию немцам, что действует заодно с царицей, которая без него ничего не смеет.

Эти слухи, как выяснилось, идут от в.к. М[арии] П[авловны]. Старец, узнав об этом, сказал:

— Им откликаться не надо. Потому — за такое дело надо их судить, а судить никак нельзя. Так уж лучше принять свои меры — надеть намордники.

Легко сказать — «надеть намордники», а как на таких наденешь?

19/11—15.

Мама говорит:

— Государственная Дума, [а] с ней и министры, чтобы стать между народом и папой, задушивают³⁸⁴ продукты. В армии уже чувствуется недостаток. А война еще [в] неразвернувшейся форме. Нет продуктов, недоволен солдат. Начинается реквизиция. И что берут? Скот и хлеб. У кого — [у] того же крестьянина, брата солдата. То есть народ бьют, что называется, в два кнута. А почему реквизиции падают на бедный класс? Очень просто: реквизиции не подлежат скот племенной, производители и т. п. А у кого такой скот? У богатого помещика. А у крестьянина — одна-две захудалые коровенки, такая же и лошадка. И ее отберут? Все это вызывает неудовольствие.

Мама говорит:

— Папа не мог всего этого знать. Где ему все учесть! Это должны были учесть министры, если б они были заинтересованы в том, чтобы все было спокойно и хорошо.

А старец говорит:

— Министрия не только между папой и народом клин вбивает, а еще похуже. Тут себе карманы набивают: «Я тебе жеребца сохраню, а ты мне — подряд!» Мошенник на мошеннике!.. Говорят — жиды мошенники; а наши послаще! Жид поставит сапоги без подошв, а наш русский мошенник одни портянки даст.

Когда вслушиваешься, то старец ненавидит аристократию, дворянство...

— Продажные шкуры! — так он [их] всех величает.

23/7—12.

Какой ужас! О, какой ужас! Кто эта женщина? Акилина говорит, что она часто, особенно в последние дни, звонила старцу. И он подолгу с ней беседовал. Несколько раз она ему напев[ала] [в] трубку, а он ее хвалил. А когда Акилина спросила про нее у старца, он сказал:

— Такая какая-то... Все звонит. Говорит, ко мне приедет, а сама вот не едет. А то к себе звала...

А когда старец сказал «еду» и спросил, «куда ехать-то?», она, видимо, смутилась и повесила трубку. Старец обругал ее дурой.

Акилина просила старца не рисковать, не ездить к незнакомой. Он засмеялся и сказал:

— Шалая баба... Поговорит, да и заявится.

После этого разговора прошло с неделю. Старец приехал с островов. Веселый был. Хотел ехать к маме. Потом отдумал. Пошел отдохнуть. Вдруг — телефон. Сам подошел. Весело так зашептал:

— Буду, буду, буду!

И через несколько минут уехал.

На все вопросы Акилины сказать, куда едет, отвечал:

— Не приставай!

Позвонила Михаилу Степановичу³⁸⁵. Тот мигом прикатил. Очень заволновался. Пустился по всем следам.

Прошло более трех часов ужасной тревоги. Были подняты все. Но М[ихаил] С[тепанович] не велел делать.....³⁸⁶. Уже к 11 часам (началось это в 6 часов, то есть [когда] уехал старец) подъехал извозчик, и старца вынесли на руках. Он был в обмороке. Приехал доктор Бад[маев], — ему дали знать. И через час старец очнулся. Но доктор уложил и ни о чем не велел спрашивать. Провозился с ним до утра. И только после сильных рвот сказал, что теперь жизнь его вне опасности.

Когда назавтра я в слезах молилась за его дорогую нам жизнь, он мне рассказал следующее: уже более месяца какая-то «барыня» интриговала старца, то обещая к нему приехать, то зовя его к себе. Все говорила ему:

— Жажду тебя видеть — и боюсь тебя!

А в последний раз позвала. Такой у нее голос приятный и простой, что старец поехал, никому не сказавшись. Приехал он на конспиративную квартиру (и даже не в квартиру, а в комнату). На Каменном острове. Квартира парадная, рассказывает старец. Дверь открыл не лакей и не горничная, а денщик. Помог раздеться. Вышла «барынька», молоденькая, точно девочка. Лицом красавица, только прихрамывает. Заговорила — тот же голос. Повела к себе. Угощение. Видно, все его вкусы знает. Его вино, торты, пирожное, груши. Все честь честью. Стала это она болтать — телефон. Она к телефону. Он налил вина, выпил, кусок торта съел, пирожное взял. Она вернулась — и вдруг бросилась перед старцем на колени:

— Не пей... яд... Отравить тебя хотела.

А сама вся трясется и еще что-то бормочет.

Чувствуя головокружение, старец выбрался в переднюю, где никого не было, и уже без пальто и шапки вышел. К счастью, увидел извозчика, сказал ему адрес и сам впал в обморочное состояние.

Назавтра в вечерней газете была заметка:

«Жена ген.-лейт. В. Н.³⁸⁷ Войцех найдена мертвой. Смерть последовала от отравления».

Старец был страшно поражен. Почему она покончила с собой? Испугалась ответственности или личное что?

— Я бы ее и пальцем не тронул и никому бы в обиду не дал. Все говорила: «Я тебя — меня, Григория, — убить хотела, чтобы спасти всех. А как увидела, то поняла, что убивать нельзя!» А себя вот убила... За нее молиться надо.

О том, что было со старцем, никому [не] велели рассказывать. Погибшая молодая, недавно вышедшая замуж институтка, как говорят, очень экзальтированная. Когда-то собиралась в монастырь. Тут, как передают, решила пойти на смерть, чтобы спасти Россию от старца. Подпала под чье-то влияние. А увидела старца — и не устояла перед его святостью...

Прости ей, Господи, ее помышления! Прости и допусти ее очиститься от грехов!..

Как много зла, как много зла кругом сеют те, которые разжигают злобу на старца!

А он всех их великодушнее. Мужа этой несчастной обласкал. Обещал все сделать, чтобы не было разговоров.

Смерть жены генерала В[ойцех] объясняется как припадок ее душевного заболевания.

21/X—15.

Вчера мама говорила:

— Получила от папы письмо, где он пишет, что ему с утра нездоровилось и мысли всякие беспокоили. И перед обедом получил от старца телеграмму — и точно все выяснилось. Помолился. И так стало легко и радостно на душе. И уже ничего не страшно. Все тяжелые мысли отошли.

«И еще, — пишет папа, — передай нашему Другу, что всякое от него слово для меня тут как великая радость. Оживаю душой».

Мама сказала мне, что не знает, что писал старец папе и чем была вызвана эта телеграмма. Когда она спросила у старца (передав ему слова папы), о чем он писал папе и почему вдруг написал, он ответил:

— Писал, потому такое мне видение было, что мучают папу злые мысли... от злых людей... А что писал, не помню. Писал, что велел мне голос. Писал, что от Бога писалось.

8/11—15.

Великие княжны с Маленьким любят кататься по чухонской деревне Баболово³⁸⁸. Поехали вчера. Когда ехали большой дорогой, встретили свадебный поезд. Очевидно, были пьяные. По адресу детей крикнули что-то неприличное. Ол[еч]ка, которая хорошо знает язык, испугалась и сказала Т[еглево]й³⁸⁹, что надо вернуться.

Полагали узнать, кто эти скандалисты. Но О[леч]ка умоляла никого не трогать. И так печально сказала:

— А я думала, что они нас любят.

Больше в эту деревню не ездят.

11/11—15.

Странные это были люди. Я не знаю, кто и как их допустил. Но мама их видела, и это произвело на нее сильное впечатление. Было это так. Мама обходила лазарет. Один из раненых офицеров, умирающий, глядя на маму, сказал:

— Ваше величество, за что вас так ненавидит русская армия?

Мама не сразу поняла, так как он говорил очень тихо. Но я расслышала и поняла его, так как он еще накануне говорил мне о том, что в армии, среди офицерства, папу жалеют, а маму ненавидят.

Когда я подошла к маме, она была взволнована и спросила:

— Что он сказал?

Я сказала, что он просит помолиться за него.

— А о какой ненависти он говорил? — опять спросила мама.

Я не успела ей ответить, как услышала какой-то шум в передней.

Сестра Воскобойникова³⁹⁰ испуганно сказала мне:

— Там какая-то депутация из крестьян, хотят видеть маму.

Я не успела выяснить, кто и что, как услышала голос Н. И.³⁹¹ (наша отрада):

— Это наши. Земляки Гр[игория] Еф[имовича].

Я сказала маме. Она усталым голосом сказала:

— Если от Г[ригория] Е[фимовича], надо принять.

Их было пять человек. Старший, лет под шестьдесят, опустившись на колени, подал маме какой-то лист, а на словах прибавил:

— Мы за тебя Богу молитвенники. Не оставь нас.

Мама подняла старика и сказала, что даст ответ, чтобы они сказали, куда ответ направить.

Они сказали — в Ярославское подворье.

Когда мама вернулась, то оказалось, что это «челобитная» от общины крестьян из Царицына, в которой они молят маму примирить старца с Илиодор[ом], который умирает в чужбине³⁹². «А если, — пишут челобитчики, — этого примирения не будет, то случится большое несчастье, ибо от их взаимной злобы родится антихрист».

Когда мама передала эту челобитную старцу, то он сказал:

— Они у меня были, просили дать пропуск к маме. Я дал. Пущай не думают, что я отгораживаю маму от народа...

Но, очевидно, самой челобитной старец не читал. Так как принял их старец по возвращении от обеда, который для него устраивали банкиры. На вопрос, как же быть, что ответить, старец сказал:

— Надо дать денег — я выясню сколько, чтобы отправить их домой. Направить, если нужно, хозяйство. Ну, и на храм пожертвовать... А относительно Илиодорушки сказать, что я, мол, Григорий, молюсь о том, чтобы его душа смягчилась.

Депутации, по выяснению старца, было отпущено две тысячи рублей и посланы дары в храм. Ответ давал сам старец.

Но кто эти люди?

Старец говорит, что старик, по имени Фаддей, сектантбессребреник, называет себя «миротворцем», ходит по деревням, и где случится ссора — старается примирить спорящих. Его все знают в Тобольской губ. Мысль о примирении старца с Илиодором его несколько лет преследовала. Очевидно, сделалась манией.

В заключение в челобитной сказано:

«Великая царица, мы молимся о том, да придет мир на землю, да прекратится страшная война. Ибо в каждом убитом на поле брани погибает душа человеческая. И это порождает скорбь».

Мама сказала:

— Это голос народа. Требуют мира.

Старец поцеловал ее в голову.

18/5—15.

На мой вопрос, сделанный Белец[кому] о том, знает ли он владыку Питирима³⁹³, этот хитрый царедворец начал вилять. Очевидно, раньше, чем ответить, он хотел выяснить, какой ответ меня интересует. Видя его виляние, я ему сказала, что и мне, и старцу, следовательно, и маме известно его отношение и заигрывание с Вар.....³⁹⁴.

Но это, сказала я ему, дело его совести. А что касается Питирима, то я его давно знаю и так же, как и двор, отношусь к нему с большим уважением.

Последнее несколько поразило его. Он, правда, скоро оправился и сказал:

— Если так, то я могу подтвердить, что относился с большим недоверием к тем слухам, которые распространяют депутаты Марков и Замысловский.

Несмотря на то, что я знала, что эти слухи в свое время муссировал сам Белецкий, я сделала вид, что ничего не знаю, и спросила его. И тут я узнала, как они упорно все старались очернить владыку Питирима, потому что против него зуб имел Марков II, который затеял в своем имении открыть святой источник. И владыка отказался поддержать его. Это была полоса, когда Государственная Дума решила руководить через церковь государственными делами. Это какой-то кошмар... Эти идиоты убедились в том, что власть старца над папой и мамой сильна, [и] решили выдумать своего святого.

18/9.

Удивительную подлую роль сыграла печать в деле назначения владыки Питирима. Два сотрудника вечерней газеты «Новое Вечернее Время»³⁹⁵ — Мануйлов³⁹⁶ и Оцуп³⁹⁷ — задались целью доказать в печати, что владыка Питирим — ставленник старца. Для этого они спровоцировали старца, вызвав его срочной телеграммой к владыке, когда у него был Хвост[ов]³⁹⁸ (этот скверный червь, подъедающий корни).

Старец, узнав, что это ловушка, сказал Хвост[ову]:

— Ты сколько заплатил газетным прихвостням, что меня сюда привели?

Хвост[ов] растерялся.

— Так вот, ты запомни, что для меня они даром тебя завтра высмеют. Напишут, что ты ко мне на поклон приезжал... Вот!

Через три дня такая заметка о приезде Хвостова к старцу действительно появилась. И хотя Хвост[ов] в то время и не приезжал, но опровергнуть не хватило смелости.

2/4—15.

Трепов³⁹⁹ губит все. Мы сами настаивали на удалении Рух[лова]⁴⁰⁰. Он хотя и обнюхивался с Гучк[овым], но он знал все, что касается путей сообщения. Этот же не знает, а кроме того, с первых же шагов проявил себя ужасно.

Был отец и сказал, что отданное Треп[овым] распоряжение (это он провел через Совет Министров) о том, чтобы на шесть дней прекратить движение между Москвой и Петр[оградом]⁴⁰¹, то есть пассажирское движение, повлечет за собой определенный голод для Пет[рогра]да.

В первый момент, когда он развил нам свою точку зрения на это распоряжение, я поддалась на уговоры. Он говорил нам, что если линии будут заняты только перевозом продуктов, то мы в шесть дней пополним кладовые и холодильники, по крайней мере, на два месяца. У нас.....⁴⁰², и я убедила маму, что это верный расчет.

Что же оказалось? Ужасная, непоправимая ошибка. Это нужно было немецкому банку, и для того, чтобы отвлечь наше внимание, действовали не через Ман[уса], а через Вал-на. Это — варшавский немецкий банк⁴⁰³. Это ужасно. Известно только то, что за эту остановку Тр[епов] получил свыше 500 000 р. Теперь весь ужас в том, что если это дойдет до Думы, то она, конечно, обвинит нас и, главное, маму. Но это подымет такую бучу. А ни я, ни старец, а значит, и мама, ничего не знаем. Мы введены в обман.

Был отец, говорит, что если эта история докатится до Москвы, то будет серьезный взрыв. Теперь надо во что бы то ни стало ликвидировать этот ужас. Предали Треп[ова] ген. Волошин и бывш. инт. Горбачев. Как это ни ужасно, но надо решиться. Это единственное средство. Их передать Треп[ову], он без суда их осудит.

7/4—15.

Отец очень заинтересован в этой истории с Путиловским заводом. И меня пугает вся эта история. Очень пугает.

Вчера приезжала к старцу Катюша⁴⁰⁴; ей я никогда не доверяла. Она сказала старцу, что Путилов⁴⁰⁵ сам будет у нее, и сказала, что ему все надо сделать, но за это не менее 2 000 000, так как кроме нее заинтересовано еще два лица. Итого пять лиц. У Катюши все в руках. Так как этот старый барбос (Сух[омлинов]) давно отдал ей ключ от военного министерства. Бедная, бедная Россия!

Отец, видя мои сомнения, сказал мне, что так [как] мы заинтересованы в том, чтобы скорее добиться мира, то всякая задержка в выделке снарядов нам на руку. Так ли это?

Сережа оттуда, с войны, пишет такие ужасы. О, Господи! Я запуталась. И старец запутался, а они все нами пугают. Все, все, всякие ужасы — через наши головы!

Был Путилов. Выяснилось: он требовал на нужды заготовок субсидию в 36 000 000 руб. Требуя, уже знал, что в.к. С[ергей] М[ихайлович] будет против этого, так же, как и Кшес[инская], им это не с руки. И раньше, чем папа осведомился с мамой, Путилову отказали.

Старец сказал, что «ежели все будет по-моему, то деньги тебе дадут». Уговорил для.....⁴⁰⁶ не 2, а 2 500 000 руб. Тот согласился.

Имела разговор с мамой. Не упоминая Кшесин[ской], сказала, что великий князь отговаривает папу и что это угрожает новыми скандалами. Это им на руку.

Мама вполне со мной согласилась. Будет иметь разговор с папой. Может теперь-то!..

5/4.

Ужасно! Ужасно! Они нас перехитрили. И общественное мнение за них. Если бы наши дипломаты были хоть немного дальновиднее, то они бы должны это заранее предвидеть. Но они чувствуют удар не ранее, чем хватят их обухом по голове. Идиоты! Хотя бы знали такую простую истину, что мошенничать надо с умом.

Случилось ужасное. Когда Путилову было отказано, то он, как директор Русско-Азиатского банка, заявил, совместно с правлением завода, что если не будет дана субсидия, то завод вынужден [будет] прекратить работу. Дума, очевидно, только и ждала такого выступления, так как Родзянко с Гучковым и К^о внесли предложение секвестровать завод. Прием не монархистов — социалистов. Это предложение для Государственной Думы пришлось как конфетка. Всем охота не потерять ни гроша, на чужой счет прослыть либералом. В ужасе прилетела Катюша.

Ночью вызвали старца. Путилов, Погор.⁴⁰⁷ и кн. Туманов⁴⁰⁸ приехали ко мне. В ужасе. Ясное дело, надо спасти положение. Надо, чтобы правительство голосовало против. В некоторых мы были уверены, других надо было отвлечь. Я ездила к Гор[емыкино]й. Вызывала Игн[атьеву]. Эти две старые барыни, при желании, могут сделать более, чем вся фракция октябристов.

Однако и будучи уверены, что все удастся ликвидировать таким путем, решили, если тут не удастся, воздействовать на папу. Это будет очень трудно. Тем более, что ВПК⁴⁰⁹ последнее время ведет какую-то свою линию, открыто заигрывая с Родз[янкой]. В случае успеха — а это необходимо сделать — он дает 3 000 000. Вечером отец мне сообщил, что секвестр отложен. Все вздохнули свободнее. А на душе такой скверный осадок, так тоскливо... Мне-то не нужны эти тысячи, особенно если их дают за сотни убитых и раненых... Ужасно! Каждый раненый в моем лазарете мне сердечно близок. И неужели я предаю их?! О, Боже!

Но они все, особенно старец, убеждают меня, что мы должны сделать все, все — даже преступление, только бы спасти армию, прекратить войну. Да, только бы прекратить войну. О, Господи, вразуми и научи!

Перлюстрация писем⁴¹⁰ положительно палка о двух концах. И нам, всегда окруженным врагами, с большой осторожностью надо пользоваться этой услугой агентуры. Потому что, как там ни говори, а те, что служат нам, с особой легкостью продают нас.

На днях, по указанию мамы, я затребовала переписку кн. Палей. Сделано это потому, что у кн. Палей (это я знаю от Саны) часто собирается военная знать и ведутся очень свободные беседы.

В это время появился молодой гр. Тат[ищев]⁴¹¹, афиширующий свой взгляд «на правление мамы». Симпатии к нему княгини становятся для всех очевидны. Было ли это женское или государственное — выяснить трудно. Особенно когда имеешь дело с такой опытной кокеткой и интриганкой, как О[льга] В[алериановна].

С отъездом графа в Москву, а потом в имение, в Орловскую губернию, письма его к ней нас заинтересовали. В первых письмах, кроме воспеваний и горячих чувств, ничего не было. Потом пошли указания на «первые всходы», на «хорошую озимь». Все это, по моему мнению и мнению мамы, мало интересовало нашу красавицу. Очевидно, она сама что-то сеяла и ждала особых всходов. На этот вопрос ответила одна неосторожная фраза княгини. Восхваляя его хозяйственные начинания, она, между прочим, пишет:

«А что, если всходы дадут такой неожиданный результат, что будет снесена не только верхушка, но и все здание?»

Княгиня тут оказалась слишком проста.

За дело взялся Ком[иссаро]в. У него хороший нюх.

Но одновременно с этим я узнала другое: что для кого-то (нетрудно догадаться — для кого) перл[юстрируются] мои письма и, что еще ужаснее, — были попытки заполучить письма мамы.

Это обнаружил Бел[ецкий] и обвиняет в этом А. Н. Хвост[ова]. Этот мерзавец на все пойдет. Но я боюсь и того, что, если Бел[ецкий] доносит на Хв[остова] только потому, что тот предвосхитил его идею? Что, если он сам торгует тем же товаром? О, Господи Боже мой, как непомерно тяжело иметь дело с теми, кому не доверяешь! А как довериться этим вора́м?

Вот как удивил и поразил меня старец. Я раньше огорчилась, а потом так хорошо посмеялась с ним.

Дело было так. Бел[ецкий], предостерегая меня относительно Хвост[ова], что он дерзает наложить руку на письма мамы, показал мне, между прочим, список писем от великих князей, и особенно П[авла] А[лександровича], которые должны быть направлены папе. Во время разговора и просмотра писем подъехал старец; я ждала его попозже, полагая, что он приедет поездом, а он приехал на машине Вани⁴¹².

Увидя у меня письма, он спросил:

— А это што?

Бел[ецкий] стал ему объяснять. Но он сердито прикрикнул на меня:

— Ты, ты — объясни, што это?

Я стала объяснять, но он схватил письма и швырнул их на пол:

— К черту, к черту эти бумажки!.. Разве они мне нужны? К черту!

Потом выяснилось, что он спрашивал, как я могла до его прихода, помимо его, решать какие-то дела с Бел[ецким]. Он в этом усматривал не только обиду, а заподозрил меня в том, что и я вместе с другими хочу пользоваться им, как слепым орудием. Хочу использовать его темноту.

Такое дикое подозрение до того оскорбило меня, что я, несмотря на присутствие Бел[ецкого], расплакалась.

Старец смутился. Собрав бумажки, сказал Бел[ецкому]:

— Ты уйди, голубок! Уйди, я потом кликну. Очень уж я обидел ее!

Потом стал меня, как дитя, утешать.

— Нет, — говорит, — до чего довели эти собаки!.. Все брешут, все брешут, друг от дружки кусок рвут!

Утешая меня, еще сказал:

— Ведь ты — часть моей совести. Мое зеркало! А разве можно от зеркала лик свой спрятать? Не можно, не можно!

Нет, он прав. Нам друг от друга не только дела — помысла скрыть нельзя. Нет, нельзя!

Что касается меня, то я каждую мысль, каждое решение рассматриваю, примеряясь к его взглядам. Как он подумает. Как он решит.

9/7.

Этот граф Тат[ищев]⁴¹³ производит на меня странное впечатление. Его намечают в министры финансов. Такое сложное и ответственное ведомство, а он так мало сведущ. Кроме того, как это ни странно, но мне кажется, что он не отдает себе отчета в том, что от него требуют. Он позволил себе такую дикую фразу:

— Во всяком случае, расходы дорогого Г[ригория] Е[фимови]ча и на ваши нужды — будут всегда...

Что, этот идиот собирается нас подкупить государственной казной?

Господи, какая скука и тоска! Мелкие воры и взяточники.

Нет, я от него положительно отказываюсь.

7/8—15.

Вчера был отец. Он очень состарился за это время. Мне больно на него смотреть. Когда я ему сказала об этом, он тяжело вздохнул и сказал:

— Анна, разве ты не видишь, что Россия гибнет? До сих пор я еще верил, что есть выход, теперь я вижу, что мы попали в тупик. Россия накануне ужасов. В России больше нет царя... Не только Государственная Дума, но и Совет, тот самый Государственный Совет, который немислим без царя, как немисливо дерево без корней, и Государственный Совет говорит: «Царя не уважают, царя не ненавидят». Куда же идти дальше?

Когда я ему указала, что такие слухи, может быть, исходят от великого князя Н[иколая] Н[иколаеви]ча, вернее — его клики, он сердито сказал:

— Ложь все это! Великий князь Н[иколай] Н[иколаеви]ч сам страдает не меньше нас! Он чувствует, что мы — накануне катастрофы. И что бы мы ни делали, все разрушается. Вот эта дикая пляска кабинета — это агония!

На мой вопрос, кого же отец винит во всем, он сказал:

— Об этом теперь поздно говорить. Я, быть может, сам виноват, что старцу даны такие широкие возможности...

А потом еще сказал:

— Гр[игорий] Еф[имович] — это наша судьба. Что-то страшное, что должно было разрушить могущество России. Это рок... А против рока люди бессильны...

В таком унынии я его никогда не видала. В заключение он сказал:

— Только бы вовремя умереть! Не видеть позора!

Я потом заехала домой. Говорила с матерью. Она говорит, что отец успокоился, но что вообще он очень мрачно смотрит на будущее. И очень боится за меня. При этом мама заплакала и сказала:

— Нам с отцом завидуют, а не видят наших слез.

9/9—15.

Графиня Игнатьева (на правах друга матери) сказала мне вчера, что они все считают, что я виновата в том распаде, который наблюдается последние дни. Уход Щеглов[итова], Саблера и ужасный, по ее мнению, факт назначения владыки Питирима...

— Это, — говорит она, — какая-то политическая неразбериха, которая убивает страну...

Когда я ей стала говорить, что я играю слишком маленькую роль, она так печально сказала:

— Мама слепая, а ты ее поводырь. Куда поведешь, туда она и пойдет...

А потом еще добавила:

— А все, что делает Г[ригорий] Е[фимович], он делает твоими руками.

Несмотря на мои искренние заверения, что это не так, она осталась при том же убеждении.

— Гр[игорий] Е[фимович], — говорит она, — это глашатай. Это, может быть, даже злой дух, но он сам по себе был бы не так страшен, если бы не ты и не другие, что им руководят. Потому что все его слова и поступки как бредовой набор слов. И он его выясняет перед папой и мамой. Вы даете канву и узоры...

Как и чем я могу доказать, что я гораздо меньше значу, чем они полагают?

Канву дают те же министры, то есть, вернее, те, кто добивается портфелей для себя или своих ставленников. Они все заранее придумывают и обдумывают. Уже в готовом виде дают старцу. Я же чаще всего играю только маленькую роль почтальона — снести и сдать готовый пакет. И никогда я от себя ничего не прибавляю и не убав-

ляю. По той простой причине, что сама себе не доверяю. Боюсь.

[Французский текст.]

6 ноября.

Старец сказал папе:

— Молись!.. Если Дума будет кричать...

Он показал письмо Василковой⁴¹⁴ о мире с Германией. Долго говорил с папой⁴¹⁵, сказал, что Маленького надо взять в Ставку.

Папа ушел грустным.

Старец сказал:

— Лучше Германия, чем революция.

[Русский текст.]

3/XI—15.

Директор департамента Шелк⁴¹⁶, заезжал. Он говорит, что, по его мнению, надо принять меры к тому, чтобы старец ни в коем случае не возвращался из Царского Села поездом. Так как последняя история в вагоне может наделать много шума. Необходимо прежде всего принять меры к тому, чтобы подробности скандала не дошли до газеты.

То, что он мне рассказал, совсем не похоже на то, что мне передавала Мушка⁴¹⁷.

По его словам, дело обстояло так. Старец вошел в вагон первого класса. Рядом с ним сел Тер[ехов]⁴¹⁸. Старец ему рассказывал о деревне. Когда они вошли и сели, то против них сидели два офицера и какая-то молодая дама, как оказалось — жена фабриканта Прес. Один из офицеров (Караулов) предложил перейти, довольно громко сказав, что неприлично сидеть в обществе того, кто опозорил Россию. И тут же встал. Тогда старец плюнул ему вслед, сказав также громко:

— От бешеной собаки отплеиваться надо.

Офицер, со словами «убью, мерзавец!», кинулся на старца.

Старец смял его. И второго, бросившегося на помощь, так толкнул, что он расшиб себе голову. С дамой сделалась истерика. На Средней Рогатке⁴¹⁹ они вышли. Старец сказал, что преследовать их не надо.

.....⁴²⁰ же отдал распоряжение навести о них справку. Оба высланы. Барыня уехала на юг.

Такие истории делают совершенно невозможным езду старца в поезде. Тут его слишком знают. Слишком много врагов. Ему будет предоставлена вторая машина, специально для приездов сюда.

20/XI—15.

Госпожа Брас[ова], жена (с левой руки) в.к. М[ихаила] А[лександровича], проявила себя как подлая торговка. Очевидно, понадобились деньги срочно. И сиятельный растерялся. Разыгралась до того безобразная история, что мама настаивала на негласной высылке этой прекрасной дамы.

Она явилась сводницей между своим безмозглым мужем и прекрасным кавалером, г-ном Братолюб[овым]⁴²¹. Тот через ее посредство устроил аферу более чем на десять миллионов. Он предложил какое-то смертоносное вещество, которое на большом расстоянии и в большом количестве осыпает вражескую армию горючим веществом. И на этот золотой дождь потребовалось свыше десяти миллионов. Эти деньги в.к. М[ихаил] А[лександрович], под давлением своей супруги, испросил у папы. Тот, не расчухав всего, дал рескрипт на имя в.к. М[ихаила] А[лександровича], разрешая брать открыто деньги из Государственного банка по мере надобности.

Когда по проверке оказалось, что это — скверная афера, то открылось еще одно: что прекрасный кавалер для прекр[асной] дамы уже успел получить из банка 2 000 000.

Трудно уяснить, знала ли она всю сущность аферы или только догадывалась. Во всяком случае, за свое глубоко патриотическое вмешательство она получила такую редкую шубу (голубой песец), которая оценивается в 250 000 руб. И еще кольцо из бриллиантов и рубинов, приблизительно в ту же цену.

Если так поступают жены великих князей, то зачем обижаться на проституток ниже рангом?

1/9—15.

Порой мне кажется, что все помешались на одной мысли — как бы побольше цапнуть. И в этом отношении люди заходят так далеко, что не знаешь, как за ними усмотреть. В комитете великой княжны Т[атьяны] Н[иколаевны]⁴²² стоит во главе бар[он] [Нейдгарт]⁴²³. Известный всем как большой барин, с большими замашками; прославился как усмиритель. Папа его не любит. Он пользуется симпатией у мамы. Со старцем ведет большую дружбу негласно. Я с ним вполне согласна, что ему, как общественному представителю, очень неудобно афишировать свои отношения

с нами. Для нас он важен, потому что через него удобно сноситься с теми провинциальными монархическими организациями, которые нам нужны для поднятия авторитета. И мне казалось, что у него идет все гладко. Правда, стали поговаривать о его связи с этой стервой.....⁴²⁴, теперь оказывается, что при получении вещей из эвакуированной Варшавы есть большой недочет, что-то около 600 000 руб. И самое ужасное в том, что в этой истории проклятый кн. Анд[роников] умудрился запутать старца. Через него были даны вагоны, которые вместо беженцев перевозили совсем другое, и за это было получено от московских Высоцких⁴²⁵ свыше 200 000 р. Он же способствовал подаче вагонов для перевоза вещей.

Все это раскопали, и, конечно, если дойдет до проклятой Думы, то вся вина падет на старца и на тех, кто за его спиной работал. Они все так обставили, что их — Нейд[гарт]а и других — не ущипнуть.

По этому поводу приезжал Эриков[ич], он, очевидно, непосредственно во всем этом заинтересован.

Буду говорить с мамой. Неудобно и то, что это разыгралось в комитете великой княжны Т[атьяны] Н[иколаевны]. Никому, конечно, не придет в голову обвинять детей, но это значительно подрывает авторитет.

Господи, до чего они все жадны!

30/XI—15.

Сана говорит, у в.кн. Мар[ии] Па[вловны] был маленький обед, на котором говорили о том, что настроение папы падает с каждым новым поражением на фронтах. И что Гневная полагает, что теперь надо бы использовать это настроение в том смысле, чтобы попытаться еще раз открыть ему глаза «на маму и старца». Она полагает, что говорить ему о том, чтобы разлучить его с мамой, теперь нельзя. Он на это не пойдет, во-первых, потому, что любит маму, находится под ее влиянием, и еще потому, что без мамы Маленький может зачахнуть. Поэтому надо убрать старца. И постараться приблизить папу ко всем родственникам. Указать на то, что в такой опасный для династии момент ему нельзя идти одному. Что касается мамы, то ее обескуражит отсутствие старца. Без него она наполовину теряет власть на папу...

— Потом, — говорит Сана, — поговаривали опять об этом кавказском красавце, священнике Мардарии⁴²⁶.

По словам в.кн. Ма[рии] П[авловны], он мог утешить маму, а его, конечно, надо взять в руки.

Какая грязь! Какая пустота! Чем они думают действовать!

Как доказать, как убедить этих шлюх, что для мамы старец — не мужчина, что его никем и уже никогда нельзя заместить. Это так же верно, как и то, что Господь оберегает нашего учителя, нашего молеельщика, нашего истинного друга и защитника.

9/XII—15.

Эта скандальная история еще долго будет всех волновать. Началось это с момента удаления Сухомлинова с поста военного министра. Его приспешник Поливанов⁴²⁷ не по душе старцу. На него указали папе Гучков и К°. Когда сняли Сухомлинова, подняли вопрос о предании его суду.

Папа этого не желал и говорил, что «я ему верю. Он мог сделать ошибку, но не подлог».

А по его вине кричали все, особенно в.кн. М[илица].

Папу это очень нервило. И он, по возможности, старался оттянуть вопрос о суде. Вдруг разыгралась эта скандальная история. О ней рассказывает князь Ан[дроников] так:

— Когда было выпито достаточно для того, чтобы языки развязались, кн. М. сказал, указывая на полковника Р. (племянника Сухомлинова), что он напоминает своего дядюшку. Пьет на поминках. На это полковник Р. ответил, что хотя в.к. С[ергей] М[ихайлович] и занял место папы при Кш[есинской], но не сумел убедить папу в том, что Сух[омлинов] виновен в том, что у него под носом великий князь нажил миллиончик на артиллерийских снарядах.

Когда князь пошел в амбицию, то полковник пригрозил, что направит по адресу папы копии со счета по уплате за колье К[шесинской] и за ярославское имение.

Скандал принял опасную форму. И только благодаря вмешательству Пист[олькор]са ссорящихся развели.

Но история разошлась по Петербургу.

Полковник Р. по болезни переведен на Кавказ. Его ожидало нечто худшее, но за него хлопотала графиня В.

Старец, узнав об этой истории, сказал:

— Я давно говорил папе: «Твои родичи воруют!»

Относительно полковника старец сказал:

— А он мне не нравится... Он похуже Сух[омлино]ва будет. Тот все же человек государственный, а этот так, вроде мошенника.

Старец, как всегда, прав.

Лелечка (она совсем больна; старец называет ее «Аленка», и это название к ней теперь очень идет), так вот она, в поисках примирения старца с Илиод[ором], бросилась теперь к дубровинской⁴²⁸ компании.

Вчера рассказывали любопытную вещь о военном министре Поливанове.

Его, как известно, думские либералы, включая и Милюкова, считают своим ставленником. Его выдвинули для «оздоровления ведомства» — так говорит Гучков.

А на собрании у монархистов Дубровин сказал:

— Нам теперь легче будет добиться всего, потому что военный министр — наш.

Когда против этого стали возражать, указывая на то, что Поливанов чуть ли не кадет по убеждению и ставленник октябристов, Дубровин рассвирепел и показал письмо военного министра, где тот пишет:

«Я ваш душой и всеми помыслами. Но для нашей же пользы надо, чтобы я одел другой мундир».

Старец, узнав об этом, сказал:

— Дуракам грамота во вред. Кабы министр Поливанов был неграмотный, то он бы такого письма не написал.

А потом сказал:

— Гнать дураков надо! Дурак и мошенник!

А Лелечке сказал:

— Ты, Аленка, пощупай, что они про меня говорят. Я их не боюсь, а занятно, как дураки бродят кругом да около, а в самую точку не попадут.

Лел[ечка] рассердилась и сказала:

— Я не шпион.

А старец поцеловал ее и сказал:

— Не шпион, а мой друг.

2/12—15.

Сана сидела вчера. Чего-то хмурится. Ее Эрик[ович] что-то дурит с этой немочкой⁴²⁹. По-моему, этому надо бы положить конец. Сана хотя и говорит, что это ее не трогает, однако вижу, что оно не совсем так. Сана, правда, не девочка. И хотя она тоже не теряет времени даром, однако у нее все иначе. Она помнит, что у нее есть семья и обязанности. А эта немочка так его захватила, что он может все позабыть.

Надо с ним поговорить. Указать ему на то, что мы все не только связаны семейно, но что еще важнее — государственно. А она между нами чужая и может оказаться небезопасной.

Буду с ним говорить, не сказавши ей. Бедная моя, она все же страдает.

Господи Боже мой! Где счастливые люди, где счастливые браки, где счастливая любовь? Пока влечет, пока горит — есть хоть спасение. А потом? Горе и боль, боль до слез...

Спрашивает у меня Сана:

— О чем ты все пишешь — о государственном или о своем?

На этот вопрос я ей не могла ответить по совести. Сказала, что обо всем. Но когда я начинаю разбираться в самой себе, то вижу, как мне трудно на этот вопрос дать ответ по совести. Это потому, что у меня все смешалось и перемешалось. Ведь уже более девяти лет, как все мое, мое личное, стало государственным. Все, все, все мое отнято — это государственное! Отняла мама. А может, не столько она, сколько...⁴³⁰, моя связь с ними, с царями...

Когда я была молодой и любила такой горячей любовью, когда и меня любили по-хорошему, когда могла быть своя семья, дети, которых я так люблю... сделалось совсем иначе. Для государственных удобств, чтобы иметь, как игрушку, около себя, мне предложили взять в мужья Выруб[ова]. Мы совсем не были друг другу нужны. Ну, и ему и мне, по нашей близости к ним, надо было быть вместе. Ну, и женились. Он кого-то оставил. Я оторвалась от любимого. Любимый для тех же удобств, чтобы быть ближе ко двору, женился почти так, для удобства.

Когда потом судьба нас снова столкнула, когда блеснул луч счастья — его отобрала мама. А может, и не отобрала, а он сам отошел... На моих глазах, рядом со мной, он все отдавал ей. А она, как властная царица, брала все как должное. Не видя, не чувствуя моих страданий... И все шло так, и все шло так... Где же личное, о чем я стала бы записывать? Какие-то мимолетные ласки, поцелуи на минуту... Свои и чужие. Кому это нужно? И теперь, и после — никому не нужно.

А кроме того, мои записки будут после меня. И всякий, если пройдут десятки лет и они попадут кому на глаза, то всякий будет в них искать не мое, а государственное. Не про меня, а про царей...

Я даже не знаю, нужно это кому или не нужно. Может, и не нужно. Потому что от них не научишься царствовать. Они не годятся в учителя.

Сана мне сказала — она это знает от Лили⁴³¹, что во дворце многие ведут записки. Пишет, между прочим, Тют[чева]⁴³². Воображаю, сколько желчи, сколько злобы в ее записках. Она нас всех, особенно меня и старца, ненавидит. И я даже подозреваю, что она и к детям не искренна. Она любит только Таточку⁴³³. Потому что избрала ее своей доверенной. А Олечки она не любит.

Интересно, для чего и для кого она ведет свои записки? Если бы я знала, что это просто невинные, ну хотя бы злобные записки, но я думаю, что там может быть нечто худшее. Она, как это ни странно, как уверяют (об этом

даже намекала Мад[лен]), поставила себе целью уничтожить старца.

Мад[лен] мне сказала по этому поводу:

— Я тоже готова ему (Г[ригорию] Е[фимовичу]) перервать горло, но так, чтобы ей не было больно. Ну, а она маму тоже не любит!

Мадлен права, но при таких условиях записки Тют[чевой] особенно интересны. Их надо во что бы то ни стало достать. Это я поручи[ла] В[ерочке].

Пишет и Мад[лен], но она пишет так, чтобы «маме не больно». Не думаю, однако, чтобы ее записки имели большое достоинство. Она слишком погружена в слезку за всеми, кто окружает маму, и потому многое из ее глаз уходит. О ее писанье не думаю. Оно, конечно, попадет за границу.

Сана смеется, она говорит, что Эрик[ович] рассказывал, что у него есть «дневник». Он записывал свое участие в усмирении. Выставил фамилии тех 85, которые пали от его руки. И он собирался этот дневник поднести папе. Там также есть список женщин, убитых тогда же. Он хвастался тем, что среди расстрелянных была известная в Риге красавица, дочь пастора Рабонен, которая с четырнадцати лет ушла к социалистам. И эту красавицу — ей было в это время 19 лет — он отдал солдатам. Они ее пожалели, или она откупилась и убежала. Он ее настиг в поле и изрубил.

Когда он хотел передать папе запись, то папа сказал, что о мертвых надо молиться. Особенно о тех, которые умерли без покаяния.

Ну, и Эрик[ович] с носом отошел. Он считает, что папа не оценил его. Болван с сердцем зверя.

Еще мне хочется написать об одном дневнике. Пишет старец. Много пишет. Вернее, он не пишет, а ему пишут. То есть записывают его мысли, его святые слова.

И как бы мне ни хотелось увидеть написанное им, я знаю, что этого нельзя. Так же как и он не увидит написанное мною. Это потому, что мы так влипли друг в друга, так перевоплотились, что нам будет очень больно узнать, что один другого может в чем-нибудь упрекнуть или неверно оценить. И еще то, что меж нами огненным столбом стоит мама и каждый из нас по-своему подходит к этой святыне.

Старец говорит, что когда он диктует свои записки Мушке, то ему так больно, будто кто его держит за палец, который нарывает.

— Надо, — говорит он, — чтобы меж тобой и бумагой были только твои мысли и глаза. А тут все чужие руки.

Писанием Варюши он совсем недоволен. Решили сделать так, чтобы его переписала Лена. Думает, что она это сделает у него в деревне. Она для него заполнит и ту тетрадь, что от Кир[илла] Белоз[ерского]⁴³⁴. Я тоже думаю, что это будет лучше.

И еще думается мне, сколько бы ни писали всякие министры и царедворцы о царях и царстве, написанное мною и старцем будет самое правдивое, ибо мы пишем с болью, но без злобы. И потому еще, что и мне, и ему от царей уже больше ничего не надо. Они наши — цари, от нас не отойдут, как и мы от них. Это потому, что мы оба — и я, и святой старец — уже срослись с ними. И терзать нас — значит калечить их... И вот поэтому — наши записки искренние.

11/7.

Что это было? Даже непонятно. Положительно, надо принять меры к тому, чтобы старцу не давали пить, в особенности в те часы, когда он едет к нам.

Когда они⁴³⁵ в понедельник возвращались от меня, они завезли старца еще в Павловск к Кусовой⁴³⁶. Там, очевидно, выпили основательно. И Комис[саров] предложил старцу не ехать поездом, хотел вызвать машину.

— Это, — сказал Ком[иссаров], — неудобно, потому что в Царском Селе всегда кто-нибудь может подсесть, и тогда может дойти до мамы то, в каком виде Г[ригорий] Е[фимович] возвращался. И за это может кое-кому влететь.

На это старец ответил, что никого не боится, особенно мамы, потому — «кто подо мной, тот николи не может вскочить на меня».

Эта ужасная фраза была сказана уже в вагоне, и Ком[иссаров] в ужасе закрыл рот старцу (там сидели какие-то военные) рукой и крикнул:

— Замолчи, а не то задушу своими руками!

Как все это безобразно. А главное то, что на завтра об этом уже говорили в офицерском собрании.

1/12—15.

Была у меня Любочка Г[оловин]а, говорила:

— Старец пишет большую книгу, то есть не то что пишет, а с его слов записывает Варя (племянница старца).

Любочка говорит, что, если бы старец согласился, она [бы] эту работу на себя взяла. Так как Варя ей созналась, что много из того, что старец говорит, ей непонятно. И он часто сердится. И тогда ей еще труднее писать.

А потом Любочка сказала:

— А своей дочери, Варюше, старец тоже не может доверять этой работы, говорит — молода очень.

Я говорила со старцем относительно предложения Любочки. Он подумал и сказал:

— Оно бы ладно. Она умненькая. Да уж очень льнущая... изведать. Ну и еще то — свяжись с ней — и старуха⁴³⁷ привяжется, и сестрица... Нет, не надо! Скажи, чтобы она не обиделась — я подумаю.

2/12—5.

Это старец верно сказал, что Любочка «льнущая». И все они такие: Вер[а] В[икторовна] с дочками, или, как ее зовут курочка с цыплятами. У них какая-то манера присасываться. И уж очень они внимательны. Иногда это затрудняет.

Мама говорит:

— В[ера] В[икторовна] всегда старается отгородиться от К. П.⁴³⁸, и это очень неприятно. Тем более что я не верю в искренность этой преданности.

Мама ее не любит.

А мне ее жалко. Я отношусь к ней и к Любочке и [к] другим очень нежно за их беззаветную любовь и преданность старцу.

Воспитанница В[еры] В[икторовны] (Верочка Г[олови]на) еще совсем дитя. Ее благоговение перед старцем трогательно. Вчера она мне сказала:

— Если бы старец потребовал мою жизнь — я бы отдала, потому что для меня нет Бога, кроме него.

Мама говорила, что за Верочкой очень увивается молодой граф В., и В[ера] В[икторовна] полагает, что Верочке об этом надо подумать.

Когда я сказала об этом Верочке, она до слез покраснела и сказала:

— Если мама Кока⁴³⁹ непременно будет на этом настаивать, то я пойду в монастырь лучше, чем за него.

Она говорит:

— Как я могу полюбить графа, если он считает старца антихристом?

А старец сказал о нем, что «этот граф уже гниет».

Я успокоила Верочку, сказав, что никто ни к чему ее не будет принуждать.

23/XI—15.

Мама говорила, что старец давно настаивал на том, чтобы убрать Горем[ыки]на. Указывал на то, что он тайно подслуживался Думе, то есть входил в сношения с думскими комиссиями. И когда папа в последний раз пред-

ложил созыв Думы назначить 1 декабря, Гор[емыки]н настоял на 15 ноября. Пояснив тем, что если Дума соберется 1 декабря, то до рождественских праздников ничего совсем не успеет сделать, так как останется месяц для работы.

На вопрос папы, о каких работах он говорит, он сослался на бюджетную и на комиссию по обороне.

А старец сказал по этому поводу:

— У Гор[емыки]на два входа: один для Пуришкевича, другой для Гучкова. И ни одного для друзей папы...

Когда папа сказал Гор[емыки]ну, что Дума только тормозит работу, так как партийная борьба отвлекает депутатов от прямой работы, то Гор[емыки]н сказал:

— Теперь все думские партии объединены одной идеей — выиграть, победить Германию.

А папа сказал:

— Если бы я мог этому поверить!

25/XI—15.

Горемыкин не сумеет убедить папу. Трудно заставить верить в то, во что сам не веришь. А он, близко зная состав Государственной Думы, не мог не видеть, что в Государственной Думе нет друзей престола. Если монархисты и прикидываются таковыми, так это только в личных интересах.

Старец сказал папе о Гор[емыки]не:

— Этот старик [играет] на две стороны. Зная и видя, что Государственная Дума подкапывается под царскую власть, он не может ее потнуть по-настоящему, потому что там заседают его дружки. Он слишком стар, чтобы хитрить, а потому его убрать надо.

А когда папа спросил, кого поставить, старец ответил:

— Мне мой голос сказал: «Ставь Штюмер!»⁴⁴⁰ Он очень хороший! С немцами — немец, с русскими — русский. Он как сам из немцев, [так] знает, чем их ужалить можно... И как приласкать знает!

Папа задумался.

Мама сказала:

— Дед⁴⁴¹ Штюмер сторожил Наполеона на острове Св. Елены, а внук будет присутствовать при уничтожении могущества Вильгельма, при подписании мира в Берлине.

Папа так грустно улыбнулся и сказал:

— Самое ужасное — это то, что я не знаю вечером, как будут звать моих министров наутро. Я не только не могу с ними сработаться, но их имен запомнить.

— Потому, — сказала мама, — надо брать тех, на кого указывает наш Друг. Мы уже бессильны разобраться в

том, кто лучше и кто хуже. А [старец], действуя по указанию Бога, дает нам тех, кто в настоящий момент нужен. Нужны люди, преданные престолу.

Папа подписал назначение Штюмера.

Старец сказал мне потом:

— Свалить Гор[емыки]на было легко: трухлявое дерево... А вот мне главное Хвостова убрать надо было! Этот — что кость в горле у меня стал... Пока я был нужен, так вот как прыгал! А потом надумал под меня подкопаться... Извести меня хотел. Врешь, того пуля не возьмет, кого оберегает Господь Бог наш!.. А еще себе в подмогу таких дураков взял!⁴⁴² Только локтем придавили — а он извольте: «Так точно! Убить старца хотели!»

Я поблагодарила Господа Бога за спасение дорогого старца, охранителя нашего благополучия.

Относительно Штю[мера] старец сказал:

— С горя этого немца поставил. Не по душе он мне. Больно плутоват. Одним будет хорош, что от меня не уйдет. Я ему так и сказал: «Правь, да так, чтобы мои глаза видели не только то, что ты делаешь, но и то, над чем думаешь!..» Вот!

Мама тоже говорит о Штю[мере]:

— Не нравится он мне. Так и вертится... Точно ищет, с какой стороны подойти. И совсем он рамольный... Одно достоинство, что податлив. И что не выйдет из-под власти старца.

Насколько последнее верно — покажет будущее.

2/8.

Граф Тат[ищев] заезжал ко мне. Без людей, когда он не боится проговориться, он лучше. Мы долго с ним беседовали. Он старался меня уверить, что в его желании убрать Барка⁴⁴³ не только домогательство места для себя, а действительное желание избавить Россию в такое тяжелое время от правителя-врага. При этом он представил, мне записку, нечто вроде разъяснения к тому, как распоряжается финансами министр Барк; это до того печальный доклад, что становится обидно до слез. Это даже для человека непосвященного кажется издевательством над страной. И это в такое тяжелое время! Все сводится к тому, чтобы обострить отношения ведомств, восстановить рабочих. Какой-то кошмар. Эту записку я передала маме⁴⁴⁴. Во всяком случае, не предпринимая решения о его назначении, могу сказать, что в этот раз он больше понравился. Старец тоже сказал:

— Кабы не подмочен⁴⁴⁵, так можно двинуть... К нему приглядеться надо.

Папе о нем говорить пока, во всяком случае, не надо. Пусть все позабудется. Надо сказать старцу, чтобы он на докладе папы о нем пока помолчал. Но старику⁴⁴⁶ об этом надо строго наказать, а то он по-стариковски проболтается. Ему он не только понравился, но, очевидно, подкупил его своей готовностью всячески поддержать начинания старика.

19/8.

Проклятый Кувака⁴⁴⁷. Мало этому дьяволу показалось. Надо еще какую-то торговлю открыть. Ведь ни для кого не было тайной, что Кувака — скверный миф. Теперь об этом уже закричат и за границей.

Вое[йкову] для чего-то привязали старца и меня. Появилась иллюстрация: папа, пьяный, подает раненому куваку, а мама, поддерживаемая с одной стороны мной, с другой старцем, подает ему восковую свечку. Подпись: «Цари и их прислужники в заботе о воинах».

При чем тут воины? Я и мама — в костюмах шансонеток, старец-сатир. Что за гадость!

И каждый считает своим долгом везде и всегда ткнуть пальцем и в нас. Какая скверность!

Я говорила с мамой. Она будет иметь разговор с папой, который поставит на вид этому шуту, что ему не к лицу торговать.

Опять этот проклятый граф Тат[ищев]. Он оказался более настойчивым, чем это можно было думать. Дело в том, что Бел[ецкий] мне сказал, что, убрав от нас этого проклятого кн. Анд[роникова], он тем самым постарается очистить весь наш состав. По всем ведомствам. Тогда же я ему сказала, что положительно против Тат[ищева], что как ни плох Барк, но менять его на еще худшее нет смысла.

Он со мной согласился. Но с появлением Штюр[мера] опять пошли эти разговоры. Его всячески проталкивает А. Н. Хвост[ов]. Это чисто родственная протекция⁴⁴⁸. И самое ужасное в том, что это уже пронюхали там. И уже на этом стараются сыграть. Есть такая жидовская газета «Речь». Говорят, что в ней пишут русские профессора. Если так — тем хуже для них, так как они, конечно, покупаются на жидовские рубли. Ну, так вот, в этой чесноковой газете есть такой сотрудник Л. Клячко. То, что у нас носится в воздухе в виде проекта, попадает к нему, в его записную книжку, как работа Распут[ина] и К^о.

Так как люди не боги и в воздухе улавливать ничего нельзя, то несомненно, что кто-то предает нас. Но кто —

«Ваня» или «Мишка» (как старец зовет Мануйл[ова] и Оцупу) или оба вместе?

Факт тот, что этому жидку все заранее известно. Ну, а через его газету узнают все те, кому бы, казалось, еще знать не полагается. Так заранее открылась история с этим графом Тат[ищевым].

Когда Бел[ецкий] заявился к Барку по финансовому делу (наших складов), то он ему шутя предложил повременить, пока ведомство перейдет к Тат[ищеву]; это, говорит он, тем удобнее, что он кстати выяснит по-родственному все дело А. Н. Хвост[ова].

Это заявление — прямая угроза. И полученные тут же сведения о тат[ищевской] растрате⁴⁴⁹ только подлили масла в огонь. Что касается газеты «Речь» и подобных, то их папа не читает. Но вся беда в том, что в «Новом Времени» появились не только перепечатки, а кто-то проливает крокодиловы слезы о том, что опять-де распут[инская] клика торгует министрами.

Это более чем неприятно, так как папа в последний раз сказал маме, что малейший намек в газетах о том, что Г[ригорий] Е[фимович] явно «поставляет министров», заставит его принять меры к тому, чтобы такие были устранены. А если у него явится такая блажь, так он, вопреки здравому смыслу, все повернет по-своему. Назначит худших, но не тех, на кого мы укажем. С ним играть опасно. Поэтому эта газетная заметка очень встревожила маму. Это все надо учесть.

1916 год

[Русский текст.]

2/1—16

Как они все шумят! Их послушать — то мы все накануне гибели. Но я им не доверяю.

Вчера у в.кн. М[арии] П[авлов]ны были «кое-кто». Между прочим — жена нового военного министра П[оливанова]. Говорили о последних событиях. Передавали, что Гневная сказала в.кн. А[ндрею] В[ладимировичу], что ей «наши дни» напоминают дни императора Павла.

Тот в последние дни своего царствования разогнал всех своих ближних. То же делает и папа.

Увольнение В. Ор[лова] и Джун[ковско]го — наиболее преданных папе лиц — кажется Гневной роковым.

— Я знаю Ники, — говорит она, — он очень добрый, очень деликатный. Но у него одна особенность — если он решил что сделать, то сделает это, хотя бы сам убедился,

что его решение ошибочно. И эти два человека, Владя Ор[лов] и Дж[унковски]й, не давали ему выполнить задуманное. Они, как его совесть, берегли его от безумных и недостойных поступков. И, чтобы освободиться от них, он их отпустил. И теперь, закрыв глаза, кидается в пропасть.

Гневная полагает, что под пропастью надо считать какую-то авантюру, придуманную мамой, которая пахнет «немецким подкупом».

Это одна из наиболее модных сплетен.

Гневная в данном случае ошибается. Мама действительно борется с папой, зная его упрямство, но не в целях немецкого патриотизма (мама теперь ненавидит немцев), а для того, чтобы подготовить мир в тылу.

4/1—16.

Папа вернулся от Гневной больным...⁴⁵⁰ Он ведь ее очень любит. И ее огорчить ему очень трудно. А в этот раз он был с ней резок. И сказал Гневной:

— Я — царь.

И, не поцеловав ее руки, вышел.

По словам кн. Ан[дронико]ва, на половине Гневной упорно говорят о том, что последнее время папу определенно спаивают. Причем говорится, что папа не то что пьянеет от вина (это было бы еще ничего), а ему дается нечто одурманивающее, после чего он постепенно теряет настойчивость и делается вялым и податливым на все.

Кто и на каком основании распускает такие слухи?

И неужели Гневная, при всей ее выдержке и корректности, могла об этом упомянуть папе? Это было бы ужасно!

Во всяком случае, за обедом папа был очень мрачен. Он ведь почти ничего не пьет за столом. И его лафит подается два-три дня одна и та же бутылка. Налив вино, он стал его смотреть, потом выпил. И с такой горечью сказал:

— Как тяжело жить окруженным сплетнями!

Мама очень нервничала.

Откуда идут эти сплетни?

Когда об этом говорил старец, сказал:

— Папа хуже больного. Ему не вынести всех страхов. Больше по этому поводу не стал говорить.

20/1—16.

Вновь открытые мощи архиепископа Иоанна наделали слишком много шуму⁴⁵¹. Дело в том, что преосвященный Варнава затеял это дело с мощами с тем, чтобы прославить и обогатить тот край, откуда явлена высочайшая милость

Господня — явление старца. Я лично именно так поняла. То же говорит и старец. Святейший же Синод, который всячески пакостит старцу, стал на дыбы. Потребовалось вмешательство папы.

Когда мама, по требованию старца, заговорила об этом с папой, он сказал:

— Не требуйте от меня вмешательства в дела церкви, так как это ставит меня в тяжелое положение по отношению к Святейшему синоду, который мне так нужен теперь, в дни войны.

Когда мама передала этот ответ папы старцу, старец сказал:

— Сам с ним буду говорить.

И через три дня сказал папе:

— В дни великих испытаний нужны новые святители. Мне был голос, что Иоанн Тобольский несет тебе крест Георгия Победоносца. Он даст нам победу... Не смущайся брехунов! Они накликают на тебя позор... А меня слушай! Говорю тебе, — при этом он стукнул кулаком по столу, — слушай! Не для себя — для тебя хлопочу... В дни скорби — новый святитель!

Папа в тот же день отправил преосвященному Варнаве августейшую конфирмацию.

Казалось бы, что после державного слова все должно смолкнуть. Оказывается — ничего подобного. Обер-прокурор Самарин (из московских умников) потребовал отмены канонизации. А так как преосвященный Варнава не принял этого предложения, сославшись на то, что действовал по разрешению высочайшему, тогда этот московский умник из либералов решил прыгнуть выше головы, пригрозив епископу Варнаве, что он за послушание будет лишен кафедры и сослан в монастырь.

Тоже додумался!

Завязалась каша.

В этот момент и папа и мама пожалели о Саблере. Тот знал, дальше чего нельзя идти, и умел уважать волю старца.

Обер-прокурор имел беседу с папой. И папа сказал ему, что сделанное царем (даже ошибочно) переделыванию не подлежит.

Обер-прокурор не успокоился. Эта история, с различными прибавлениями, перекинулась за границу. Там затрещали на все лады: в России идет открытая борьба между властью и церковью.

В этой шумихе, что возникла вокруг этого дела, некрасивую роль (непатриотическую) сыграл митрополит петроградский Владимир⁴⁵². Он стал на сторону обер-прокурора, забыв, что его высшая власть — папа. Вся эта история была неприятна папе.

Старец сказал:

— Самарин — нам неподходящий! Какой добрый слуга даст своего хозяина на смех поднять? А он дал... Убрать его надо... А у меня есть человек, что нам и нужно. Царский, православный и, главное, — покладный.

Самарин снят. Назначен тот, на кого указал старец: А. Волжин⁴⁵³.

На маму он произвел приятное впечатление. Мама говорит:

— В нем видно умение покоряться... И он не уйдет из-под воли старца.

Старец доволен, а это самое главное.

13/III—16.

Папа поступил не только самостоятельно, но как будто назло нам. Не сказав о том ни слова, он прямо из Ставки поехал в Думу⁴⁵⁴. Не только депутаты, но и он, очевидно, одурел от того шума, с каким его встретили и проводили. Он им чего-то наобещал, чего-то сказал, что-то недоговорил. Как всегда, в особенности если он действует против желания мамы.

У него в таких случаях хватает решимости на то, чтобы начать, но тут он скоро срывается. Говорят, что он даже что-то кивнул насчет ответственного министерства.

Как случилось, что папа поехал в Думу? Это все подготовил этот выживший из ума Клопов⁴⁵⁵. Он написал папе в Ставку письмо, в котором писал:

«Государь, от тебя зависит честь и слава России. И это ты можешь все спасти, когда войдешь в общение с нашим славным дворянством, оберегающим царские устои в Государственной Думе. Если ты придешь к ним, как старший к младшим, как отец к детям, то Господь тебя благословит. Ты найдешь настоящие слова и услышишь голос верно-подданных».

Дальше он писал, что если царь отойдет от народа, то может случиться нечто страшное.

Одним словом, мольбой и запугиванием он толкнул его на это безумие. Я лично не придавала особого значения этому посещению, так как знаю, что папа может обещать что угодно, а даст только то, что разрешит мама. Поэтому я ничего страшного не видела. Старец тоже отнесся спокойно к этому посещению. Он говорит:

— Пущай потешится!

А мама была в ужасе. Как поехать в Думу, которая не только оскорбляет ее, маму, а требует ее удаления!

Как ехать к тем депутатам, которые открыто идут против нее!

Оказывается, что вл[адыка] Питир[им] заранее знал о планах папы. И тоже не открыл маме. Очевидно, владыка хочет играть и вашим и нашим. Ну, что ж, дело хорошее. Так, по крайней мере, скорее обнажится душа его.

12/2.

Мама очень недовольна тем, что папа афишировал своим присутствием церемонию открытия Думы.

— Это, — говорит мама, — похоже на то, что он, заигрывая с либералами, негласно признает нарушение самодержавного строя.

Это ложный шаг, который очень огорчает не только маму, но и старца — так говорит мама.

А старец говорит:

— Папа к Думе лицом повернулся. А Дума ему кулак показала. Папа от своего заступника отворачивается, а это к худу приведет. Будет худо. Потому, Дума — это только помеха церковному и государственному делу. А кто против меня и против церкви — тот Богу не угоден. Будет худо!

Маму это очень волнует. Папа нервничает и говорит, что в такое тяжелое время, когда и война, и внутри страны неблагополучно, некогда раздумывать над жестами.

Он полагает, что его отношение к Думе в день ее открытия есть жест доверия.

— А дальше, — говорит он, — от нас будет зависеть признать, оправдала или не оправдала Дума этого к ней доверия.

Мама не совсем согласна с папой.

Она говорит, что эти жесты папы направо и налево ведут к тому, что все только и говорят, что папа несамостоятелен, неустойчив. А среди либералов (из великих князей) это отношение папы рассматривается как уклон папы в сторону их воздействия.

Кн. П[алей] говорила по этому поводу — то, что папа не побоялся мамы и старца и открыто выступил, приняв участие в церемониале думского открытия, показывает тот факт, что папа переходит в лагерь искренне расположенных престолу людей, то есть великих князей и Гневной.

И так как такое настроение папы необходимо использовать, то кн. П[алей] рекомендовала принять меры к тому, чтобы добиться от папы удаления старца. Она сказала при этом, что ей известно, что мама не допустит, чтобы старца отдали под суд, и вообще не допустит ка-

ких-нибудь по отношению его репрессий. Поэтому можно бы ограничиться тем, чтобы сослать его в отдаленный монастырь.

На это присутствующий там генерал Сав. (близко знающий старца), сказал — он сумеет действовать и на расстоянии [и] что вернее всего было бы от него избавиться.

Во всей этой истории видно только одно: великие князья боятся старца так, что им кажется, что в нем одном весь ужас современного положения. Поганые трусы доходят до того, что готовы пойти на преступление, чтобы избавиться от него. Из этого следует, что в них нет никакой уверенности в том, что они могут влиять на папу, а через него — на исторический ход событий. А если так, то надо, чтобы старец отбил у них всякую охоту влиять на папу.

5/2—16.

Вчера в салоне гр. Игн[атьево]й много говорили об уходе министра Хвостова. По словам великого князя А[ндрея] В[ладимировича], уход этот имеет два объяснения. Первое — это то, что министр Хвостов, который через старца получил портфель, затеял ссору с Бел[ецки]м и, видя, что тот берет верх, опираясь на поддержку старца, повернулся к Бел[ецкому] и к старцу спиной. И в своем безумии дошел до того, что через убийцу Б. Ржевского решил извести старца. При этом великий князь А[ндрей] В[ладимирович] сказал, что имелось в виду не убийство (для этого незачем было ехать за благословением к Илиодору), а более тонкая месть: путем разоблачения уничтожить влияние старца вплоть до ареста. А для такого разоблачения были нужны соответствующие документы, и такие мог дать Илиод[ор] (этот поставщик закулисных пасквилей). И для этого был командирован Б. Рж[евски]й.

Это первое (по мнению в.к. А[ндрея] В[ладимировича] — наиболее достоверное) объяснение; а второе заключается якобы в том, что мин[истр] Хвостов собрал сведения, компрометирующие старца как агента Германии. И эти сведения должен был доставить тот же Бор[ис] Рж[евский], а получить их он мог через Аннушку (любовь Илиодора).

Эта версия новая и, по словам гр. Б. (которая мне все это передала), имела большой успех у придворных сплетников.

По моему мнению, Аннушка Илиодора — это какая-то пифия.

Мама в сильном беспокойстве. Утром сказала мне:

— А что, если действительно Россия накануне революции?! Ведь это не только смерть престолу, а эшафот... смерть — прежде всего для папы, меня и детей... Смерть!

И при этом у нее такое страшное было лицо. Я вся задрожала.

Я у нее спросила, чем вызвано у ней такое настроение.

Она рассказала мне, что, когда папа был у Гневной в последний раз, она так искренно, как мать, ему сказала:

— Мы все погибаем... Все... Но подумай о том, как спасти детей!

И при этом заплакала.

И это так подействовало на папу, что, уезжая, он сказал:

— Я лично перестал верить в то, что я dokonчу войну... Я делаю все, но уже не верю ни во что... И все время жду самого ужасного...

В таком настроении папа уехал в Ставку⁴⁵⁶ Мама в большой тоске.

Говорила старцу.

Дамские политические салоны⁴⁵⁷ — повальная болезнь... И странно, за все время, что я при [дворе], за все десять лет, никогда не было такого шума, такой неразберихи. Конечно, теперь война. Тяжелая война. Но разве не было войн раньше?.. Нет, тут нечто другое. Тут какая-то скрытая, еще не выявленная болезнь. Что-то такое, что и пугает, и точно опьяняет в одно и то же время...

Вчерашний день отец говорил мне:

— Аннушка, или вы там ослепли, или вся страна охвачена безумием.

При этом он рассказал мне, что в салоне Кш[есинской] (где теперь бывают великие князья и цвет бомонда) говорилось о том, что на Кавказе, в Полтавской, Екатеринославской, Харьковской губерниях, также и на севере (Вологда, Архангельск) идут широкие приготовления к бунту. Что в Царицыне (бывшее гнездо Илиодора) — довольно сильная организация церковников, которая распространяет в народе слухи о том, что старец и мама — немецкие агенты, что старец для того снимает лучших служителей церкви, чтобы обессилить русский народ. Там же распускают слухи о том, что наши продукты, вместо того чтобы передаваться народу, в тыл и армии, идут в Германию. Указывают на то, что пленные

немцы живут как почтенные гости, тогда как наши гибнут. Пленных немцев кормят мясом, а наши солдаты едят сухари с червями.

Все эти сведения действуют на психику народа и готовят к революции. Одновременно с этим в армии, среди солдат, расходятся по рукам революционные листки и сказка о том, «как пьяный мужик полюбил царицу».

Эта безобразная скандальная история расходится в тысячах экземпляров. Я видела один из этих листков. Более грязного пасквиля нельзя себе представить. Это такая грязь! И при этом скверная русская ругань.

Отец, преданный престолу, говорит, что «бывают моменты, когда я бессилён выступить в защиту трона».

Я спрашивала у отца, не есть ли это брожение умов следствие войны, от которой все устали, изнервничались.

Он так болезненно вздохнул и сказал, что вначале война, наоборот, послужила небывалому подъёму патриотизма, что партийные споры были закончены и что все объединились вокруг одной мысли — победить врага.

Но я говорила отцу, что энтузиазм, бывший в начале войны, уже улегся. Устали воевать, устали жертвовать. Измучены и армия, и тыл. И это может вызвать такое брожение.

Отец полагает, что это не так. Что отечественная война, отдача Москвы все это не только не роняло царизма, но подняло его. Я попробовала сказать отцу, что царизм поднимает победа, что, когда эта война закончится победой, все пойдет по-новому. Но отец не верит в победу, [не] верит в то, что Россия сохранит свое бывшее величие. Он полагает, что наверху не видать, как все расшатано. Царя открыто презирают, царицу ненавидят.

На мой вопрос, кого отец считает виновником всего, он сказал:

— И никого — и всех... Во всяком случае, Г[ригорий] Е[фимович] — одна из наиболее вредных фигур...

Но он полагает, что в нем, в старце, есть что-то роковое. Он — это какая-то сила, которая помогает делу для разрушения.

Когда я указала отцу на то, что он сам поддерживал старца, он сказал:

— Мы все — слепое орудие в его руках. Мы идем за ним, потому что в человеческой слабости держаться того, кто в силе, от кого кое-что перепадает... А в тот момент, когда все убедятся, что он обманул наши надежды, его растерзают. Это будет ужасно... И ужасно будет то, что в момент, когда все начнет разрушаться, все кинутся друг на друга. А его растерзают свои.

Я еще пробовала указать отцу на то, что великие князья, как всегда, сеют смуту и грызутся для того, чтобы самим стать у власти, но отец сказал:

— Теперь и этого нет... А есть какой-то страх. Они мечутся, как в дикой пляске.

20/3—16.

Старец видел маму. Она успокоилась. Он телеграфировал папе:

«Дни страха миновали. Уже слышу дни радости. Папа, дорогой, над тобой благодать и великая радость. Молюсь. Григорий».

Надеюсь, что папа успокоится. Самое ужасное, что он уехал в таком настроении. Между прочим, говорят, что [он] слишком много пьет. А это для папы ужасно.

Мама говорит:

— Старец не велит трогать папу: говорит, что «вино у папы дух смиряет, а то с ним совсем сладу нет».

Так ли это?

[Французский текст.]

16 марта 1915 г.

Утром мама (царица А. Ф.) сказала:

— Фактически в России царствуют трое лиц: старец Распутин, ты и я.

— А папа (царь)? — спросила я.

— Папа страдает за нас троих. И несет бремя, которое мы на него возлагаем.

Если подумать — мама права. Она берет на себя слишком много. Она говорит — до верного не довершает, но только приносит доклады на подпись.

Но папа в самом деле страдает — не от бремени, но... от тумана. В субботу он сказал мне⁴⁵⁸:

— Я не верю в революцию, но я боюсь тумана. Чувствую, что туман все застилает передо мной.

Туман? Что хочет он этим сказать? Совсем не понимаю!

И потом прибавил:

— Маленький начинает не верить в старца. Откуда это у него?

Да, Маленький в общем плохо разбирается.

20 марта.

Вот откуда ветер дует. Я поняла.

В среду за обедом, кроме графини (неразборчиво?)⁴⁵⁹, были еще Каботиков⁴⁶⁰, граф М. и протоиерей Александр Васильев, законоучитель Маленького. У него горе: умер его любимый старший сын Левушка. Он умер в Варшаве. Мама хотела его утешить и предложила перевести в Петроград его другого сына, который тоже на позициях. Он поблагодарил и отказался.

— Будем надеяться на Бога... — сказал он грустно.

— И на святого старца, — прибавил вдруг Маленький⁴⁶¹.

Все переглянулись. Маленький спросил отца Александра:

— Какие такие бывают святые? Могут ли они все сделать? Могут ли избавить от смерти?

Отец Александр дал ему объяснение.

— А Григорий Е[фимович]⁴⁶² — святой?

Отец Александр почти не ответил ему на этот вопрос, отделался каким-то неясным объяснением.

Маленький рассердился и сказал:

— Все говорят — он святой. А вы не хотите мне сказать!

И потом прибавил тихо:

— Я не понимаю... Вы мне рассказывали летом, возле печки.

Печкой он называет книжный шкаф (его библиотеку). Мама встала из-за стола грустная.

Удалить отца Александра невозможно: Маленький его слишком любит. Надо ли сказать об этом старцу?

Думаю, как и мама, что надо подождать.

[Русский текст.]

8/5—16.

О, эта проклятая забастовка⁴⁶³. Она доведет до ужаса. Мы убрали Поли[ванова] потому, что при нем все предпринятое нами для ближайшего конца войны совершенно не проводится. Он не только всюду суется, но за ним тенью идет Гуч[ков]. И от этого одного впору сойти с ума.

Ну, а далее, далее что будет? Заменивает⁴⁶⁴ его Шуваев⁴⁶⁵. Это человек, которому тоже очень трудно довериться. Его величайший недостаток — это недоговаривание. Такие люди любят туманить словами и недомолвками. Как он справится со всем этим?

А тут еще этот сиятельный мошенник в.к. С[ергей] М[ихайлович]. Он совершенно обнаглел. Действуя под палкой Кш[есинской], он точно потерял меру всему, что можно и чего нельзя. Его действия до того под-

рывают авторитет папы и всю работу Думы, что многие, не знающие его, связывают его со старцем, говорят, что это «старатель» Г[ригория] Е[фимовича]. Это, конечно, абсурд. Но если задаться целью обессилить нашу армию, довести ее до отчаяния, то лучшего старателя и не надо. В этой истории с выделкой ручных гранат⁴⁶⁶ он не только сыграл в руку немцам, но, что еще пикантнее, он так обставил полученные им дары, что очень трудно установить — с какого берега к нему приплыло счастье. Что только не наделает этот обезумевший человек!

7/IV.

У меня была гр. В[елепольская]⁴⁶⁷. Говорила о том, что среди поляков носят слухи о том, что Россия ведет переговоры с Германией насчет Польши.

9/IV.

Это уж нечто дикое. Старец сказал:

— До тех пор, пока Сазонов у власти, наша работа кидается собаке под хвост. Он в один час разрушает то, что мы делаем неделями.

Потом старец сказал, что князь Ан[дроников] указал ему, что за то, чтобы убрать Саз[онова], предлагают 250 000...

— Но дело не в том, — прибавил он, — может, и своих столько же добавишь, чтобы его убрать, но как?

Мама тоже говорит:

— Сазон[ов] — это тот камень, на который наталкиваются все наши предприятия. Пока он у власти — мы в его руках. Страшен не он, а то, что через него говорит с нами Европа. Как его убрать?

10/IV.

Весь день одно и то же говорится на все лады:

— Нам мешает Сазонов. Надо убрать Сазонова!

От кого исходят эти 250 000 за его уход? Кто выступает агентом? Как все это жутко!

17/4—16.

Мадлен пришла ко мне в таком испуге, что мне было очень трудно ее успокоить. Она все время испуганно шептала:

— Уже, уже, уже!

И на мой вопрос, в чем дело, отвечала все это бессмысленное «уже, уже!».

— Что «уже»?

— Уже она сошла с ума. Уже она больная⁴⁶⁸.

Прошло более десяти минут, раньше чем она собралась с духом настолько, чтобы рассказать.

— Вот, — говорит она, — мама уже больна той странной болезнью, которая у них в роду. Эта болезнь у них обыкновенно начинается с того, что они делаются как бы ясновидящие. Видят не только окружающее, но и то, что будет.

Потом Мад[лен] говорила о том, что так у них всегда начинается заболевание.

Господи Боже мой! Спаси и сохрани ее.

Не знаю, под впечатлением ли слов Мад[лен] или это уже действительно проявляется в ней, но последние дни у мамы какие-то особенно пустые глаза. Она смотрит и не видит. И так мрачна. Только при имени «Малютка» у нее появляется улыбка. Но такая жалкая, такая растерянная. О, Господи! И эта больная душа, это больное сердце правит больной Россией! Куда это приведет нас? Не будет ли это причиной того, что конец всему придет ранее, чем мы думали? О, Господи! Я так измучена, так напугана всем, что надвигается, что молю Господа только об одном: «Скорей, скорей, скорей!» Нет сил ждать и жить в страхе.

17/IV.

Старец всю неделю провел в молитве и посте. Молился в Казанском соборе. Говорит, что в эти дни дух его в большой тревоге.

19/IV.

Вчера в лазарете подошел ко мне Дмитрий (сын старца)⁴⁶⁹ и спросил, можно ли ему зайти ко мне. Я ему сказала, что всегда рада его видеть.

— Вот, — говорит он, — мой папаша как будто всему голова, а мне от его великой чести ничего, кроме горя, нет.

Потом стал жаловаться на то, что в госпитале много нехорошего говорят про Г[ригория] Е[фимовича], но он молчит. А тут случайно пришлось услышать в лазарете, как двое раненых говорили. Оба с Южного фронта. Причем один из них рассказывал, что в его части появились листочки, в которых написано, что «Долг каждого солдата — обернуть свое оружие на врагов отечества (на папу

и маму), а главное — на самого опасного врага — пьяного распутника».

Потом он стал говорить, что как скверно говорят в армии про царицу и Распутина. И всякие про них похабные песни поют и картинки показывают.

— И все я, — говорит Дмитрий, — терпел. А потом стали говорить, что папаша большую взятку от жидов получил, что эта взятка от немцев и что за это он взялся уговорить царицу помириться с немцами. И так, — говорит он, — стало мне горько, что хоть под поезд кидайся!.. Я, — говорит он, — знаю, что папашу убьют, и еще нам на всю жизнь проклятье останется.

На мои уверения, что Г[ригорий] Е[фимович] святой и что все это про него враги распускают клевету, он сказал:

— В его святость я не верю. Умный он и хитрый... Какой он святой, если так здорово пьет!.. И с матерью по бабьему делу скандалит...

Я стала ему говорить о том, что святого человека нельзя рассматривать как всякого отдельного человека, что он пьет и кутит для того, чтобы ближе подойти к аристократам, что это ему нужно в целях улучшения положения, что он, делая греховное, от грехов спасается.

Он, очевидно, плохо верит в мои доводы. И так по-детски улыбаясь, сказал:

— Плохо я это понимаю. Мало ученый...

А потом еще спросил, не могла ли бы я подействовать на старца, чтобы его на позиции отправить.

— Ведь мужик я... Чего тут! А то так мне тяжело, когда про него такое говорят!

Я спросила его, не может ли он указать, кто эти говорившие.

Он смутился. Потом рассердился. (Когда рассердился — что-то отцовское блеснуло в глазах.)

— Разве, — говорит, — я за этим к вам пришел? Разве я доносчик! Да будь я проклят, ежели вы их обидите! Ведь они не с озорства... Ведь они калеки! Как же их обидеть!

Я его успокоила, сказала, что я бы их не дала в обиду, а разъяснила бы им, что они неправильно думают о старце.

Он так печально сказал:

— Коли я, сын ему родной, не верю, то как же чужие поверят?

А потом сказал:

— Я, главное, для того, чтобы узнать, что это за новая клевета относительно подкупа...

Я его по возможности успокоила.

— Вот, — говорит он, — папаша собирается домой, и это очень хорошо. Там, с мужиками, и он мужик. Верят

они ему или не верят, а все равно его уважают, потому что он им всем много добра сделал. Для своей деревни он первый человек. А тут ему смерть уготовляют...

Уходя, он очень просил меня не говорить старцу о том, что говорят раненые. Боятся за них.

— Мне, — говорит он, — ничего не надо. Неприятно только, что на меня косятся. А я разве виноват?

Вообще-то он застенчивый и скрытный юноша.

20/IV—16.

Много тяжелого пережито за это время. Иногда мне кажется, что если писать изо дня в день, то придется только имена подставлять. А содержание все одно и то же: предатель, взяточник, изменник.

Умен⁴⁷⁰ выживший из ума Гор[емыкин]. Мы его сами убрали. Мы же поставили на его место эту проклятую рухлядь Штю[р]мера. На него я и старец возлагали столько надежд. Он был нужен нам не как правитель, который что-то выдумает, сотворит. Я знаю, что на это он не годен. Он был нужен нам как проводник наших планов. Он должен перед мамой раскрывать всю картину надвигающегося бедствия и в то же время вести ее по пути мира с немцами. Этот мир необходим, иначе мы погибли. Папа там этого не видит. А мы видим, чувствуем этот ужас во всем. А как ему передать? На него нельзя действовать путем запутывания. Тут он сразу начинает играть в героя и пойдет плести такую чушь, что только держись.

Как же быть? Надо действовать помимо его, но так, чтобы поставить его в такие условия, чтобы ему от нас не уйти.

Вот такой правитель нам нужен был. Мы надеялись такого найти в Штю[р]мере, а что же получилось? Это определенно человек без чести и к тому еще большой трус. Стоит только на него прикрикнуть — он теряется.

О, проклятие! Разве можно ему доверить. Он выдаст нас с головой первому, кто сумеет на него накричать. А это легко может сделать и Толст[опузый]⁴⁷¹, и всякий из Думы. Всех лучше это может проделать Гучков. Он его великолепно знает.

23/IV—16.

Старец пришел. Был очень возбужденный.

— Вот, — говорит, — Аннушка, без Побирушки нам не обойтись. А он брехлив, как старая банщица... И очень вредный. Если может меня продать — продаст. Лукавый, продажный, продувной, а без него не обойтись!

А потом посмотрел на меня и говорит:

— Опять пишут, все путают... А это, знаешь, путают они, даром что себя монархистами и церковниками называют... Лжа от них большая! А всех больше Пуришкевич, плетун этот!

И при этом такое лицо у него страшное было. И так мне страшно стало.

30/IV—16.

То, что старец причащался вместе с мамой⁴⁷², послужило предметом новых сплетен. В доме светлейшей⁴⁷³ княгини П[алей] говорили по этому поводу, что такой факт не только оскорбителен для папы, но и роняет достоинство церкви.

— Это, — говорит она, — показывает, что мама совершенно игнорирует мнение двора и всех приближенных.

Тем более что это еще в первый раз мама причащалась без папы. И мама якобы этим воспользовалась и допустила такой странный поступок.

А обстояло дело так.

Папа не мог уехать из Могилева и написал маме, чтобы она с детьми и Г[ригорием] Е[фимовичем] помолилась за него, если он не успеет к заутрене.

И когда мама с детьми и старцем пришли в Федоровский собор и причастилась Святых Таинств, а вслед за ней причастился старец, то они вместе оповестили папу. Причем старец телеграфировал ему:

«В чистый четверг причастился Святых Тайн. Утешил сердце Бог, внял нашим молитвам, посылает тебе, папа дорогой, победу. И да наступит мир, как повелел Господь Бог наш. Молимся за тебя. Чистая молитва детей Богу угодна».

Казалось бы, что в том, что мама причащалась со старцем, в чью святость она верит, есть столько доказательств того, что ее к нему отношение основано только на вере в его святость. Их уже все стараются опозорить, все осквернить.

По их мнению, в этом акте совместного причастия есть указание на то, что старец близок маме так же, как и папа.

Какой абсурд! Может быть, в смысле религиозном старец ближе маме, чем папа. Одно дело — близость чисто человеческая, другое — религиозная. И это тем понятнее в отношении мамы, что она считает, что он, как святой, страдает от толпы, которая преследует его.

Обиднее всего, что такие нелепые толки распространяют «дамы из общества», и не какие-нибудь девчонки, а старые люди. Люди верующие.

Солнце печет до одури. Много цветов. Моя любимая душистая черешня. Отдыхаю. Казалось, что если бы я как всякая [другая] приехала отдыхать, то не могла бы получить большее удовольствие. Но нет... Смотришь — и море, и цветы, все будто только для отдыха, а тебя сосет.

Пишет старец:

«Ты, Аннушка, отдыхай, только...»

И вот это «только» — грызет.

Я, как собака на цепи, не могу ни на час оторваться отсюда. И не то что мама без меня обойтись не может, а то, что надо быть начеку: не подвернулся бы кто и не откинул тебя.

А ведь там просто. Пока человек нужен, его и ласкают, и награждают. А миновала нужда — как старую тряпку сапогом вышвырнут... А кроме всего, еще и забота. Эти подлецы затеяли дело против Мануйл[ова].....⁴⁷⁵ и не на шутку угрожают и меня притянуть. Пока я на месте, то все сглажу. А не то — прорвется что, попадешь в Думу, ну и хлопот не оберешься.

С папой по этому поводу очень трудно иметь дело. Мама — та сразу поймет. Ну, а его убедить надо. Рассказать. Нет, мне надо быть там. Всегда с ними.

Между прочим, я определенно замечаю, что мама тяготится моим постоянным присутствием. Особенно это заметно на детях.

Но тогда приходится шепнуть через старца маме, что это делается для нее же.

У меня в голове такой хаос, что мне и не разобраться — что надо делать для мамы, а что для себя.

Верно только одно, что вся эта компания насильно мне навязала честолубие и денежные интересы. Мне кажется, я бы гораздо лучше себя чувствовала, если бы всего этого не было.

Но старец говорит:

— Ты, Аннушка, Богом отмечена.

Ну, и вот...

3/V

Май месяц всегда представляет собой время тревожное. Революционеры начинают бесноваться. А теперь — в особенности. Не только где-то в глухой провинции, а здесь, в самом Петрограде, начинается движение на заводах. Где-то у каких-то продуктовых лавок — бабий бунт. Причем в отсутствии продуктов винят «этих жидов, которые подкупают Распутина».

Это уж нечто совсем дикое.

Тут же вмешиваются другие и говорят, что виновен не Распут[ин] и не жидаы, а правительство, что теперь нечего искать виновных, а надо взять все в свои руки. Ну, и много подобного говорится. А на заводах и на фабриках ведется форменная агитация. Подготавливают бунты. Отец день ото дня мрачнее. Приносит печальные вести.

Старец сегодня утром был у мамы. Говорил, что после пасхальной недели ему [было] видение, чтобы быть готову встретить скорбь перед радостью великой. Что еще только три раза луна обернется, раньше чем победные песни огласят столицу. Что надо верить Божьему человеку. И будет, как предсказано, после скорби радость великая.

Мама заплакала и сказала:

— Приму всякую скорбь с готовностью, зная, что она перед радостью...

12/5.

Был князь Андроников. Говорит:

— Теперь надо быть во всеоружии. В.кн. А[лександр] М[ихайлович] сказал, что у нас идут новые спешные работы на Путил[овском] заводе. Работают, как нам надо, но наши друзья предлагают получить одну партию.....⁴⁷⁶ через Швецию. Если добыть пропуск, то получить можно 100 000. Вносят раньше.

Говорит, старец обо всем оповещен.

Так ли это?

Жду личных распоряжений старца.

Пишет д-р Б[адмаев]:

«Когда собираются тучи — будет дождь или гроза. Надо быть готовыми».

Поэтому он рекомендует принять графа Т[атище]ва и выслушать его.

Он недавно из Швеции и привез новые предложения. В заключение он намекает на то, что князь Анд[рони]ков играет опасную игру. Он пишет:

«Когда один глаз смеется — другой плачет, а потому оба лживы».

Все так сложно. Так спутано.

Одна надежда, что старец по наитию свыше узнает, кому и насколько можно доверять.

19/5—16.

Гроза. Гроза надвигается. Папа ослеп или думает с закрытыми глазами грозу встретить.

Вчера я получила сведение, что поезда Союза горюдов⁴⁷⁷ в буквальном слове сеют смуту в армии. Солдатам, вместе с подарками с тыла, попадают газеты, брошюры. Масса прокламаций. Где побывает этот поезд — там сразу следы. И как с ними бороться?

Этот способ борьбы — форменное подливание масла в огонь.

Это было под Киевом. Где-то на Южном фронте. Было обнаружено чтение прокламаций в казарме. Был ли суд и какой суд — это не удалось выяснить. Но расстреляли 46 человек. И это проделали почти на виду у всех.

Когда об этом узнал старец, то сказал:

— У, дьяволы, небось за этих 46 остальные не одну сотню уложат. Запоминай тех, кто стрелял! Это, — сказал он, — наши начальники себе казнителей готовят.

Какой ужас!

Даже мой Эрик[ович], который не отличается особой мягкостью, сказал:

— Такая расправа — опасная игра!

Всякий по-своему понимает игру. Для него 46 трупов...⁴⁷⁸

30/V

Старец сказал маме, что ему сказал его голос, что мама призвана спасти трон и веру православную, что уже ждать больше нельзя, что зашевелился народ на фабриках и на заводах.

Перекидывается шумиха в деревню.

— А тут еще думские брехни... Одним словом, надо торопиться, чтобы папа согласился, что Сазонов больше не нужен. Нужен свой человек. Скажи — мой голос приказует на то, что этот человек близко. Это наш известный и испытанный.

Мама поехала в Ставку⁴⁷⁹. Я не могла с ней ехать.

Старец послал телеграмму:

«Папа дорогой и дорогая моя мама, близок час, когда сбудется. Слава вышних Богу и на земле мир. А еще вижу, как сияет на небесах звезда Маленького. Благословен Господь. Молюсь. Григорий».

5/V.

Князь Андроников рассказывал, что на обеде в посольстве (у обаятельного М. Пал[еолога])⁴⁸⁰ члены Государственного Совета, граф Пот[оцкий]⁴⁸¹ и гр. Вел[епольский]⁴⁸², говорили о том, что ни для кого больше не тайна, что Россия проиграла кампанию. Весь во-

прос в том, чтобы союзники не пострадали от этого. Указывалось на сведения, полученные из Берлина, в которых определенно говорится о том, что в России три группы, взаимно заглушающие друг друга: 1) общественное мнение в лице Государственной Думы, желающее поднять дух патриотизма и объединить все группы для победы; 2) государь и пьянствующие с ним начальники, уверяющие его, что все идет хорошо и [что] те, что пугают царя, бунтовщики; и, наконец, третья, самая сильная группа — это старец и царица, которые перекидывают мост для мира за счет позора и унижения России. Причем указывается еще на то, что последняя группа задалась целью во что бы то ни стало ликвидировать всякую опасность для престола, хотя бы для этого пришлось пожертвовать папой. Причем мама надеется (ее в этом уверил старец), что ей, если она останется регентшей с Маленьким во главе, поможет старец, который окружит ее верными друзьями.

2/VI.

Мама говорит, что папа очень трудно поддается на то, что теперь необходимо расстаться с Сазоновым. Он говорит:

— В этом человеке я все время встречаю сотрудника, который разделяет вполне мои мысли. По вопросу о Польше я сговорился с ним вполне⁴⁸³. С Алексеевым⁴⁸⁴ он тоже сговаривается. Где я возьму другого такого?

Когда мама стала говорить, что старец настаивает на уходе Сазон[ова], что в противном случае он не ручался за исход, что на Сазон[ове] нет Божьего благословения, папа сказал, что теперь слишком серьезное положение, что нельзя действовать только по указке старца.

А когда папа увидел, что мама очень огорчена, то сказал:

— Чувствую, что теряю над собой волю... Чувствую какой-то ужас...

Когда же получилась телеграмма старца, то папа просветлел и сказал:

— Этого хочет Господь. И да свершится воля его. Потом обещал маме все обдумать.

3/VI—16.

Написала папе (надо вложить в маленький пакет), что старец сказал, что гибель Китченера⁴⁸⁵ — во благо России. Так как у Кит[ченера] были такие бумаги, что могли бы наделать хлопот русскому престолу. И еще написала (ста-

рец велел), чтобы папа ни в чем не доверялся французскому послу Пал[еоло]гу, что этот хитрый француз недаром ведет такую дружбу с Гучковым и княгиней Палей, что он заодно с этой милой компанией, которая только и помышляет о «перевороте». А что касается английского, то тот хотя и себе на уме, но чувствует, что всякий «переворот» ускорит развязку и что от этого союзники мало выиграют.

7/VI—16.

Приехала из Териок⁴⁸⁶. У своих думала хоть немного передохнуть, но и там отдых небольшой. А[лександр] Э[рикович] сказал мне, что ему известно, что Алекс[еев] ведет широкую игру против мамы.

9/VI—16.

Пожалуй, что А[лександр] Э[рикович] и прав. Папа пишет маме:

«Все наши лучшие части перекидываются на юг»⁴⁸⁷.

И просит об этом никому не говорить, даже старцу. Что он этим хочет сказать?

Говорила об этом старцу. И он, мудрый, сказал мне: — Напиши ему... Или лучше телеграмму пошлю.

И тут же составил такую телеграмму:

«Папа дорогой. Где солнце заходит — там благословение Божие. А где солнце жарко светит — все выгорит. А не бойся ветру. Гром гремит — земля радуется. Молюсь. Григорий».

11/VI—16.

Пишет папа:

«Все хорошо. Дух мой окреп. Получил весть от нашего друга».

Несомненно, что мысль о том, что надо скрыть от старца передвижение войск, вызвана теми же слухами о немецком шпионаже и что эти слухи проникают к Алекс[ееву] от Гучкова и его милой компании.

Недавно папа, тоже под секретом, сообщил маме о том, что наступление временного затишья указывает на то, что войска стягиваются на западе, поближе к Минску, и что это ход, нужный для защиты польских границ.

А этот секрет папы старцу был известен за два дня. И когда он сказал об этом Ман[усу?], то тот сказал:

— Русские генералы хотят на кривой кляче немецкого рысака обскакать!

Написала папе все, что велел старец. Дело в том, что вопрос с продовольствием и топливом становится острым. Правда, теперь, летом, топливный вопрос не так страшен. Но подойдет осень и зима — и, кроме «голодных хвостов», образуются еще «хвосты замерзающих», и это действительно может создать такие бунты, с которыми будет не справиться.

Поэтому необходимо и теперь же, в срочном порядке, многое уладить. Поэтому старец велел написать папе о четырех вопросах⁴⁸⁸.

Первый (самый главный) вопрос: распустить Думу не позже конца июня.

— Это, — говорит старец, — развяжет руки Старику, и он проведет в порядке 87 ст.⁴⁸⁹ необходимые распоряжения и смены.

Второй: необходимо опубликовать, что Союз городов, получивший такую популярность в армии и в тылу (среди беженцев), орудует деньгами правительства, а не своими. Это очень важно, потому что они, выдвигая якобы общественную помощь, вконец подрывают авторитет папы⁴⁹⁰.

Старец говорит:

— Дают папин грош, а папе показывают...⁴⁹¹.

Третий: необходимо передать продовольственный вопрос Министерству внутренних дел (а им старец будет руководить).

— Это, — говорит старец, — надо сделать сейчас, потому что до тех пор, пока этим распоряжается Кривошеин, будут только скандалы (потому что Кривошеин⁴⁹² — друг и советник Гучкова, и они оба ненавидят старца).

А старец говорит:

— Написал: «Папа, милый, всякий кусок без Божьего благословения камнем падает. А моего благословения этому жулику не будет».

Четвертый: о том, что в.кн. Мария Павловна (старшая) всякое проделывает, чтобы выдвинуться вперед, чтобы ее видели там, где должны видеть маму, а то и папу.

Старец считает, что это она делает неспроста. Что тут не «бабья спесь», а пахнет тем, что она готовится «сына на трон посадить». Что ей крылья связать надо. И чем скорей, тем лучше.

Мама еще просила напомнить папе об этом несчастном греческом короле Кон[стан]тине⁴⁹³. А старец сказал мне о нем:

— Этот королек — что слепой конь: куда ни сунется, все в...⁴⁹⁴ попадет.

А мама настаивает, чтобы старец о нем с папой поговорил.

28/6—16.

Недавно старец велел написать папе, что ему было видение, что этими днями быть полной победе. И что ко дню Иоанна надо освободить из-под ареста старика Сухомлинова. Пусть он будет под домашним арестом. Никуда он не денется!

Велел написать: «Большой грех, что за бабью нечисть страдает невинный».

— Так и напиши: «Ежели нельзя сажать великого князя с полюбовницей, так надо так уметь сделать, чтобы Дума не могла задушить Сухом[линова]».

30/6—16.

Написала папе (просил старец), чтобы он выяснил, что означают слухи, появившиеся в городе, о том, что в ближайшие дни в городе будет введена военная диктатура под главенством в.к. Сер[гея] Мих[айловича]⁴⁹⁵. Что это всех очень нервит. Что престиж князей очень низкий. Что такая диктатура может еще усилить разруху. Особенно теперь, когда продовольственный вопрос угрожает бунтами. И еще напомнила папе (велел старец), что если освобождение Сухом[линова] (хотя бы под домашним арестом) затянется, то в газетах могут появиться разоблачения с указанием имен великих князей и Кш[есинско]й. Что старец очень просит положить этому конец.

1/7.

Когда официально пришло извещение об отставке Сазонова, зашевелилось гнездо великих князей. У в.кн. М[арии] П[авловны] обед. Присутствуют послы. Приезжает в.кн. А.⁴⁹⁶, появляется кн. П[алей], Гучк[ов], гр. Б[еннигсен]⁴⁹⁷ (это думцы), приезжал граф К[оковцов].

У всех вытянутые физиономии. Шушукуются. Боятся стен. Кричат в один голос:

— Погибла, погибла Россия!

Уже не пытаются создавать проектов ее спасти.

Кто-то говорит о том, что если бы теперь убрать старца и маму...

Но кто-то возражает, что маму теперь нельзя... Достаточно старца.

В.кн. М[ария] П[авловна] говорит:

— Поздно, сама судьба против нас. Папа помешался. Ему больше нельзя доверять.

Потом рассказывают, что накануне подписания отставки Сазон[ову] была дикая попойка. Опять вмешательство генерала Алек[сеева]. Но оно, очевидно, как полагают, тут шло на пользу Сазон[ову]. Так как генерал Алексеев определенно не сочувствует Штю[р]меру. Все говорят, что отставка Сазон[ова] — это месть мамы, которая не может ему простить [того], что он всегда шел против нее и против старца.

15/7—16.

С этим праздником, где демонстрировались наши трофеи, где должны были быть все георгиевские кавалеры, получился большой курьез⁴⁹⁸.

В.кн. М[ария] П[авловна] решила на этом празднике разыграть большую роль: представить собой царствующую власть. По этому поводу ею повелась форменная агитация. Она собрала вокруг своей особы круг дам-прихлебательниц, которые должны были произвести фурор, чтобы о ней заговорили. А у нас, как известно, тайн нет. Обо всем до времени раструбили.

Докатилось до мамы. Она заволновалась. Чтобы не дать в.кн. М[арии] П[авловне] красоваться на этом празднике, решила сама в нем участвовать с детьми. Написала об этом папе⁴⁹⁹. Велел написать старцу. Написала. От него получилась телеграмма:

«Отменить этот праздник, потому не хвались колосом на хлебе, а зерном в закроме. А еще — раненым не кресты нужны, а портки. Вот. Нет моего благословения на этот праздник».

Так праздник и отменили.

А зачем такой шум вокруг него подняли?

Мама собирается в Ставку. Старец сказал:

— Аннушка, там свой глаз нужен.

И настаивает, чтобы и я ехала с мамой.

Это очень неприятно, так как мама несколько смущается, не столько за себя, сколько за детей и папу. В.к. Ол[ьга] Н[иколаевна] сказала (об этом я узнала от Зин[отт]и), что этот вечный хвостик (это я) всем мозолит глаза и делает маму не только безвольной, но и подневольной.

И все же необходимо настоять на том, чтобы ехать с ними. Дело в том, что мама, когда папа заупрямится (а с ним это бывает), теряется и тем самым не доводит до конца начатое.

А теперь особенно необходимо мое присутствие там, так как в Ставке теперь и Саблин (хотя он и друг старца).

Мама в его присутствии в слишком приподнятом настроении и, чтобы отвести глаза папе, пойдет на многие уступки.

Нет, теперь ее одну пускать нельзя.

Я написала папе, что старец через меня (так нужно) шлет ему крест с Афонской горы. И еще написала, что очень хочу его повидать.

Итак, придется ехать⁵⁰⁰.

8/7—16.

Старец пишет из деревни⁵⁰¹, что узнал, что в город приехал и проживает в подворье епископ Герм[оген], и приказывает немедленно о том оповестить папу.

— Воронье падаль чувствует! — говорила мама.

Мама вызвала Старика и просила проверить, тут ли епископ Герм[оген], зачем он приехал и кто ему разрешил этот приезд и пребывание в столице. И сразу просила распорядиться об его отъезде⁵⁰².

Вот что сообщили маме.

Епископ был на обеде у в.кн. М[арии] П[авлов]ны. Там были некоторые депутаты, в том числе Гучков. Епископ Герм[оген] читал, а потом отдал ему какие-то документы, имеющие касательство к старцу и Рубин[штейну], и главное, что обо всем этом узнал Родзянко. И об этом готовится вопрос в Государственной Думе.

Все это так ужасно, что теперь необходимо принять меры к тому, чтобы его немедленно убрать из города.

Между прочим, носится слух, что духовенство, по инициативе владыки Владимира, заготавливает петицию папе, в которой указывает на тот вред, который приносит старец церкви. В петиции указывается на то, что когда перед гвардией появилась присланная папе печорская икона, то солдаты вслед ей кричали всякие непристойности, связанные с именем мамы и старца. Все это так жутко.

19/7—16.

Пишет мне Н[иколай] П[авлович], что, по его мнению, с папой что-то неладное творится. Он моментами впадает не то что в сонливость, а на него находит какая-то апатия. И глаза такие отсутствующие. На вопрос Н[иколая] П[авловича], что с ним, папа ответил:

— Я все более и более убеждаюсь в том, что у меня нет собственной воли... И даже желаний нет... Не верю в собственные шаги. Знаю, все, что бы я ни сделал, не даст хороших плодов. Я человек без счастья. Я злой рок России.

При этом (пишет Н[иколай] П[авлович]), говоря о себе, папа с трудом сдерживал рыдания.

— Вот, — сказал он, — полюбуйте: я люблю свою жену, а ее... обливают... Во мне разжигают ревность мужа, царя... И так всюду!

Н[иколаю] П[авловичу] (я так понимаю) было очень тяжело слышать эту исповедь папы.

Потом пришел Маленький и тоже поразил Н[иколая] П[авловича] одним вопросом. Он спросил у него, как он думает: Г[ригорий] Е[фимович] — друг папы или враг?

Н[иколай] П[авлович] стал уверять Маленького, что, конечно, друг. Он ответил:

— Я тоже так думаю. Только почему все говорят, что он ведет к гибели Россию?

На вопрос Н[иколая] П[авловича], кто это говорит, Маленький замялся и сказал:

— Этого не надо спрашивать!

Как это ни странно, но я часто, когда смотрю на Маленького, думаю: мы все проглядели, как он вырос. У него такие бывают глаза, что видно — он напрягает всю волю, чтобы что-то увидеть. Несмотря на его болезненность и слабое развитие, в нем уже и теперь виден характер. Он очень любит папу, но как будто временами видит его слабость. И это его раздражает. А маму он обожает и побаивается.

Вообще с ним надо быть настороже. Это не то что девочки: те попроще (а может, потому, что те бесправные). Иногда я побаиваюсь ноготка великой княжны Тат[ьяны]. У нее своеобразный характер. Многое от мамы.

20/7—16.

Телеграфировала старцу:

«Папа на большую прогулку собирает[ся]».

Получила ответ:

«Скажи маме: мама дорогая, Григорий молится. Прогулку к концу последней четверти луны. Будет ясно, тепло, без дождя».

Мама телеграфировала папе:

«Прогулку назначить после 20-го. Так распорядился наш Друг».

23/7.

Написала папе о Жук, о Нейдгарте. И тот и другой должны быть оставлены в тылу. А тут с этими идиотами толку не добиться. Старик и то сказал мне:

— В делах по отсылке на фронт (вернее, на оставление в тылу вместо фронта) я заниматься не могу больше. На

нас показывают пальцами. Говорят: «Лавочка по военным делам».

Вот дурак! Разговоров испугался!

Приехали австрийские и немецкие сестры⁵⁰³. Привезли маме письмо. Ее «папочка» и Эрни⁵⁰⁴ пишут все о том же — что мама за каменными стенами не слышит раскатов грома, что Россия накануне страшной революции, что если мама решила выступить в защиту трона, то необходимо действовать теперь, иначе будет поздно.

Мама в тревоге.

Написала старцу. Ответил:

«Буду этими днями. Если вовремя не скосить, зерно дождем вымоет».

Сказала маме.

История с Сухом[линовым] принимает неприятный затяжной характер. Вчера получила письмо.

Пишет ген. Вер.⁵⁰⁵, его, Сухомли[нова], друг и помощник:

«Необходимо выпустить Сухом[линова] и для него самого, и для великих князей. И главное — для нас с вами, потому что если Дума стала на позицию разоблачений, то доберутся до всех. Война многих соблазнила».

Потом он пишет о том, что г-жа Миклашевская⁵⁰⁶ в Москве работает настолько неосторожно, что о ней открыто говорят, особенно богатые лабазники:

— Не хошь идти на войну — обратись к Миклаш[евской]; отправь с пол-лабаза — мигом прикрепит в Москве!

Ну, и при этом, конечно, называют и старца.

Да, да... Все это так отвратительно. А как выпутаться? А тут еще это проклятое дело Сухомлинова. Надо его прикончить. Надо, надо, надо! Буду сама писать папе. Он что-то мямлит. Ни туда, ни сюда. Ужас какой-то, игра с огнем!

Напишу папе.

3/8—16.

Получила письмо от Н[иколая] П[авловича]. Он пишет:

«Я, и не только я один, а все, кому дороги папа, трон и армия, возмущены: Безобразов⁵⁰⁷ (по капризу, глупости или упрямству, или еще нечто худшее) кинул десятки тысяч людей в огонь. Горы убитых и раненых. Море крови во имя одного подлеца (или глупца; но не все ли равно тем, что убиты или, еще хуже, — искалечены). За убитых могут отомстить оставшиеся. И это тем страшнее, что каждый грамотный ефрейтор выступает с критикой и злобой против этого мерзкого похода. Без[образова], если папа (в память того, что он его сослуживец по полку) не

хочет отдать под суд, надо немедленно снять. Иначе будет худшее: с ним расправятся. Солдаты озлоблены. И ужаснее всего то, что он пожертвовал гвардией. Это — незаменимая потеря».

Все письмо его дышит таким гневом. Он, очевидно, обвиняет папу в малодушии. И полагает, что мне, через маму, надо настоять на смещении Безобразова.

Говорила с мамой. Сегодня же напишет папе⁵⁰⁸.

Новая грязная история. В.кн. Н[иколай] М[ихайлович]⁵⁰⁹, этот историк, я бы сказала — исторический сплетник, говорил в.к. Д[митрию] П[авловичу], что он в своих записках⁵¹⁰ указал, что виной войны явилась Германия, а виной русского позора — старец.

Ну и пусть бы он остался при этом мнении, так он пошел дальше. Привел несколько документов, копию с которых отправил в Киев Гнев[ной]. И там пошла буря. Кн. Палей высказалась, что Гневная так настроена, что если папа не пойдет на уговоры семьи, то вся семья примет меры к освобождению трона от позора.

Они все, конечно, кроме ворчанья себе в кулак, дальше не пойдут. Но всегда такое настроение, точно тебя насильно раздевают и купают в помоях. Хочется бежать, кричать... Омерзительно.

10/9—16.

Сегодня рано, до моего ухода, заезжала ко мне.....⁵¹¹ (так старец называл накануне). И была в большой тревоге.

— Мы, — сказала она, — живем на вулкане. Боюсь взрыва каждый миг!

Ей рассказывал Фролыч (из старых сторожей), что среди заключенных делается нечто необычайное. Они ждут с часу на час взрыва. Получают сведения с воли, где их утешают тем, что все скоро изменится.

10/9—16.

Все это время как в котле кипела... Этот милый карим⁵¹², с его круглыми детскими глазами... Он определенно создает настроение... Но об этом не надо и думать. Не надо. Господи, спаси и помилуй! Укрепи дух мой! Очисти разум мой!

Опять новость. Не знаешь, чего больше — смешного или омерзительного. Война. Страшная война. Потери на войне. Угроза народного восстания. Надвигается голод, а тут такая пакость.

Чтобы отвлечь внимание папы от мамы или чтобы самим стать к нему поближе, эти пакостники не могли

ничего лучше придумать, как подсунуть папе женщину. Откуда-то появилась мадам Солдатенко⁵¹³ (одна фамилия чего стоит!). Тут говорят — ее открыл Гра[ббе]⁵¹⁴. У меня есть сведения, что это исходит от великих князей. Особенно от Н[иколая] М[ихайловича].

Во всяком случае, эта красивая, бесцеремонная женщина, одержимая большим честолюбием, ведет на папу открытую атаку. Мама в большом гневе. Но она знает, что для того, чтобы отвлечь от нее внимание папы, надо подойти поосторожнее, чтобы не разжечь его любопытства, и еще...⁵¹⁵

Она ему написала о ней, просила ее убрать. А если это не удастся, то придется маме самой поехать. Во всяком случае, надо убрать, и как можно скорее. Старец смеется, говорит, что «ежели просто по женскому делу — так не страшно. А ежели в советницы лезет, то сразу ее отправить к черту».

9/9—16.

По приказанию старца написала папе, что, несмотря на то, что Государственная Дума, в лице Родзянки, выставляет своего кандидата в министры внутренних дел⁵¹⁶, Г[ригорий] Е[фимович] убедительно просит назначить Калинина⁵¹⁷. Это человек не только государственный и церковный, но — что самое важное — старцу было видение, что звезда Калинина сплетается с царской звездой. Что Калинин⁵¹⁸ совершил какое-то деяние во спасение и славу трона⁵¹⁸.

От себя старец велел написать: «Папа дорогой, не руби дерева из чужого леса. В нем, может, трухлятина. И еще — когда возьмешь Констант[инополь], в соборе святой Софии он вместе с нами примет святую благодать».

Старец просил обратить внимание папы на то, что ему, старцу, отсюда не видно, кто какими путями ведет армию, но что тыл, особенно город⁵¹⁹, у него перед глазами, и, назначая правителей, он, главное, старается, чтобы они расчистили дорогу для славы папы.

Старец просил передать папе, что к концу месяца будут хорошие вести с юга. Но чтобы ждать и делать все, как он говорит, то есть не раньше 20 сентября. По мнению старца, все идет к тому, чтобы рождественскую елку всякий мог зажечь в своей семье, у своего очага.

Дай Бог!

18/9—16.

Удивительно — все у нас основано на одном: все продается тому, кто дает подороже. В Царском Селе, в двадцати минутах от дворца, где все кишит стражей, охраной,

военными и штатскими генералами, одержимыми одной мыслью, как спасти Россию, когда на всех перекрестках кричат: «Хлеба, дров и оружие!» — стоят четыре совершенно готовые батареи. И никто из спасителей отечества не додумался до такой простой вещи, что их надо осмотреть и направить по адресу.

Мало того, что они стоят в Царском Селе, а не там, где это нужнее, так их еще постепенно расхищают, отвинчивают и вывинчивают части, которые куда-то увозят. Как это понять?⁵²⁰

Говорила по этому с А[лександром] Э[риковичем]. И он мне сказал нечто ужасное: опять какой-то кошмарный заговор. Во главе — в.к. А[лександр] М[ихайлович].

Почему он? Как это все понять?

А[лександр] Э[рикович] еще подробностей не имеет в руках. Одно только ясно, что Ц[арское] С[ело] укрепляется на случай переворота. И укрепляется не нами, а врагами трона.

Все это так сумбурно. Неудачная война. Тайные подготовки мира (мира во что бы то ни стало) — с согласия папы; или его заставят... Рядом с этим — откровенные разговоры о голодных бунтах, народном восстании. И тут же — дворцовый переворот.

Нет, это нечто безумное!

И никто ничего не знает. Никто ни к чему определенно не готовится, а все идет по течению. А куда оно нас выводит?

Единственно, кто, по-моему, отдает себе строгий отчет, — это банкир Ман[ус] и другой с ними. Эти знают, чего хотят. Он мне сказал:

— Мы для сильной и могучей России работаем. А если это будет иначе — то есть революция, то мы должны как можно облегчить переход капитала.

Просто и откровенно.

А А[лександр] Э[рикович] говорит, что теперь такое время, что лучший бухгалтер может обсчитаться.

28/9.

Очень тревожное письмо из Москвы. Пишет бар. Кор. (друг и поклонница старца).

Гучков А. И. и Род[зянко] были в Москве. Состоялось негласное заседание, где присутствовали представители купечества и дворянства — всего 30 человек. Уполномочили Родзянку снестись с Алексеевым, чтобы выяснить, какая часть армии пойдет за дворянство[м] на предмет дворцового переворота. Претендентом на трон определенно называют Н[иколая] Н[иколаевича]. От него имеются сообщения,

что Южная армия пойдет за ним. Но, принимая во внимание то обстоятельство, что нельзя обнажать фронтов, надо иметь тут крупную базу. Предположение о том, чтобы назначить регентом Н[иколая] Н[иколаевича] при Маленьком, отклонено, по той причине, что Маленький — болезненный, неустойчивый и что он так или иначе может подпасть под влияние мамы, а для спасения страны его необходимо всячески оградить от влияния мамы, которая должна быть пострижена в ближайшее время. Что же касается папы и детей, то им должно предоставить одно из имений, где они будут жить.

Спасибо и на том. Ох, скоты-ироды! Они не знают такой простой вещи, что все их проекты — как мыльные пузыри, что над папой и мамой бодрствует сын Божий — наш пророк, наш старец, который всех их сметет, как мусор.

И если действительно суждено погибнуть России, то не гнилое дворянство ее спасти может. Не эти жалкие великие князья, которые готовы перегрызть друг другу глотку за каждую косточку.

Я знаю, чувствую, что над нами собирается гроза. Но пути Господни неисповедимы.

29/9.

Получила письмо от Саломии Ник[олаевны]⁵²¹. Эта светлейшая княгиня всегда и всюду подчеркивала свою «независимость взглядов», особенно отреклась от старца, говорила, что «старец и А. А. Вырубова — нарост на государственности».

Каково же было мое удивление, когда я получила от нее письмо с просьбой выслушать ее. У нее, как она пишет, душевный переворот. Ее тоскующую душу может утешить только старец. И еще, пишет она, ей надо нам открыть глаза на тех, кто подрывает «царские устои».

Говорила со старцем.

Ужасно противно, что они все, начиная выслуживаться, сразу начинают с финансов.

На кого она будет доносить?

Одно время я сохраняла их письма и записки. Потом увидела, что это почти всегда одно и то же: подкуп, лесть или донос (в виде взятки).

Бр-р, гады!

20/9.

Старец виделся со Штю[мером]. Говорил с ним. Дело в том, что Штюмер полагает, что надо замазать рот Хво-

стову. Чтобы ни одним дыханием не вспомнил о Мануйлове. А у Хвостова ключи к этому делу. И знает Сова. И ежели надо будет — пришьет ему крылья.

Такой человек лучше всех, по мнению старца, сговорится с мамой.

Потому что и мама и Прото[попов] — оба люди большие, и говорят и чувствуют не разумом, а духом.

Одним словом, старец полагает, что Протоп[опов] под действием Совы, а мама под действием старца — дополняют друг друга.

Это, конечно, хорошо. Но меня мучают слова из того письма, где говорится о том, что лучшими разрушителями окажутся мама и старец.

Веруя в старца, начинаю бояться мамы.

Вот что сказала мне мама:

— Протоп[опов] мне очень нравится. В нем есть то, чего не хватает многим из наших министров. Европейская ученость, лукавость дипломата и, главное, большой азарт. С ним, если это будет нужно, мы сможем сжечь свои корабли...

Мама с горечью говорит о папе:

— Он слишком слаб. Слишком слаб...

И, когда история поставит перед ней вопрос о том, Россия и[ли] папа, она сумеет показать, что она сумеет править.

Кстати, последние дни я маму часто не узнаю. Полагаю, что ошибаются те, кто считает ее застенчивой, меланхоличной. Это не так. Она все время была не вся. Теперь она выросла. Она — правитель. Она — царь. Она горит огнем. И кто знает, быть может, она нас всех спасет...

Если бы, если бы только не мысль о том, что она больна!

[Французский текст.]

X—16.

[В.кн] Мария Павловна обедала у французского министра.....⁵²² Был Сазонов. Много говорили о в.к. М[ихаиле].

Об этом сообщили Гневной. Она сказала папе:

— Династия гибнет!

Папа только что уехал в Ставку⁵²³.

[Русский текст.]

10/X—16.

Тревога растет. Всюду одно и то же: «Война проиграна. Начинается революция!»

Порой рада бы уйти от всего. Но куда уйдешь? Я в центре, все идут ко мне. Все рассказывают. Я слушаю, впитываю — и потом, как обезумевшая, начинаю искать: где же правда? В чем же правда? И мне кажется, что никакой правды нет, как нет никакого смысла. Все случайно... все сумбурно... все в руках судьбы...

Старец говорит:

— Ежели папа вовремя не раскидает костер, все вспыхнет. Ох и гореть будет!

А потом, как в забытии, сказал:

— Я что ж? Разве я такое думал?.. Я не от себя... Творю волю пославшего меня...

А потом тяжело так вздохнул:

— А убьют Григория — костер вспыхнет!

12/X—16.

У в.кн. М[арии] П[авлов]ны, как в аду, пекутся проекты — один другого бессмысленней и рискованней. Иногда мне кажется, что это все — следствие той растерянности, которая охватила всех вообще, в особенности двор. Там растерянность всех сводит с ума. Полное исступление, до потери сознания. Сана говорит, что А[лександр] Э[рикович] был вчера там. Приехавший только что из Швеции сановник В. сказал посланнику, что он удивляется, как они до сих пор не сговорились.

Французский посол П[алеолог] ответил, что его личного убеждения еще недостаточно для того, чтобы парализовать действия Штюр[мера]. Надо иметь в руках факты, документы, с которыми он мог бы обратиться к папе и возбудить официальный вопрос перед своим правительством.

— Но до сих пор, — с досадой сказал посол, — мы слышим только слухи. А на слухах нельзя строить серьезного политического государственного выступления.

По словам сенатора, дело обстоит так.

В России, в крупных центрах, работает немецкая агентура. В Петрограде одним из крупнейших агентов является банкир Манус. Он сносится через Распутина со Штюр[мером], Протопоповым, Добров[ольским]⁵²⁴ и частично с мамой. А также еще [с] графом Ф[редериксом]⁵²⁵. Располагая крупными средствами, которые дает Германия, особенно Прибалтийский край, эти агенты через министров, а главное — через диктатора Распут[ина], создали такую картину, что царь вынужден будет подписать мир. А если он этого не сделает...

— Я знаю, что он этого не сделает! — стал защищать папу французский посланник.

Тогда, по словам в.кн. М[арии] П[авловны], будет еще хуже, так как папу или заставят отречься, или его ждет судьба Павла, на которого он так похож. Ну, а потом объявят царем наследника и регентшей — царицу.

Этот план, по мнению в.кн. М[арии] П[авловны] и всей компании, уже, вероятно, заготовлен.

Что же делать? Что делать?

Над этим вопросом ломают головы все, настаивая на том, что нельзя выступить в борьбу с призраками... А все эти слухи, несмотря на полную их достоверность, все-таки только «слухи», и все эти новые правители, которые сменяют царя, пока только призраки.

Английский посланник сказал при этом, что если такой план и есть (он верит в его достоверность), то его разрушит сама жизнь. Потому, что раньше, чем произойдут дворцовые перемены, — прикатится революция.

— Разве, — сказал он, — вы не видите, не чувствуете, что все эти Штюр[меры], Распут[ины], Протоп[оповы] — все это не сегодня-завтра полетит... И главное, полетят верхи...

После длительных совещаний было решено, что французский посол, который пользуется большим расположением папы, будет просить у него аудиенции и постарается выяснить перед ним серьезность момента и указать ему на то, что необходимо в срочном порядке убрать Штюрмера, тем самым обессилить лагерь царицы и дать новый кабинет по указанию Государственной Думы (а через нее — народа). И если это не подействует — постарается открыть ему глаза на все. Причем собрать все имеющиеся документы.

Общее впечатление таково, что все это надо сделать, но веры в то, что это спасет положение, ни у кого уже нет.

10/X—16.

Старец велел написать папе, чтобы он в ближайшие дни хоть ненадолго приехал домой⁵²⁶.

На мой вопрос, для чего это нужно, старец ответил:

— Там его хороводит Алекс[еев], а с ним Гучков, а нам надо скоро узел разрубить. Там мне с ним не повидаться, а его надо подогнать...

Ну, и еще сказал, что Сова говорит — трех дней дома достаточно, чтобы он, папа, все подписал, все сделал. И так, что сам (будто все от себя) все пожелает сделать.

Я написала папе, объяснила, что его приезд (как говорит старец) нужен для того, чтоб немного подогнать министров и лучше наладить продовольствие.

Петроград как в огне. Становится жутко. Старец велел телеграфировать папе. Потом сказал:

— Сам это сделаю!

Телеграфировал:

«Папа дорогой. Дума не годится. Красного петуха пускают над городом. Цепи рвут. Бойся красного петуха. Гони прочь сторожа из старого дома⁵²⁷. Закрывай окна. Молюсь Господу — да сгинет старый дом. Григорий».

Мама, по распоряжению старца, самостоятельно, без ведома папы распорядилась передать продовольствие в руки Калинина⁵²⁸. Это необходимо было сделать до созыва Государственной Думы.

Старец телеграфировал папе:

«Папа милый! Маму осенил Господь. Будет по-божьему. Всякие ссоры улягутся. Будет великая радость. Да будет так! Григорий».

Папа, как и надо было ожидать, одобрил сделанное мамой⁵²⁹.

Старец говорит:

— Папа что хошь сделает, только подведи так, чтобы он мог сказать: «Я тут ни при чем!»

[Французский текст.]

2 ноября 16 г.

Заставить Думу замолчать невозможно⁵³⁰. Ее надо разогнать, старец настаивает на этом. Но папа боится. Говорит:

— Разогнать Думу — это значит порвать с народом. Я не могу теперь этого сделать. Авторитет Н[иколая] Н[иколаевича] все растет, а мой — все падает... По милости сплетен.

Мама говорит:

— Пока полк⁵³¹ с нами и пока на нас благословение старца, я ничего не боюсь.

Потом мама звонила старцу.

[Русский текст.]

2/XI—16.

Мама очень нервничала те дни, что папа был в Киеве⁵³². Она говорит, что влияние Гневной на папу особенно опасно теперь, когда в Киеве еще и в.к. М[ария] П[авловна]. Все гнездо высочайших сплетниц.

Посланная папе зашифрованная телеграмма ускорила его приезд.

30/XI—16.

И конечно, опасения мамы были основательны. Но до чего все они глупы! До чего обнаглели! Это даже непонятно.

В.к. Н[иколай] М[ихайлович] (его только и вспомнишь при какой-нибудь грязной сплетне) был у папы в Ставке. О чем говорил, чего клянчил (он и все всегда клянчат), этого мы еще не знаем. Но он приехал к папе, чтобы передать ему письмо для мамы (вернее — клевету о маме)⁵³³.

Когда он говорил с папой, то, по свойственной ему трусости, упомянул о письме, но, очевидно, ничего не сказал о том, что в нем написано, или сказал нечто до того туманное, что папа не разобрал.

Папа взял у него письмо (которое тот передал ему очень неохотно) и направил его маме. Более дерзкой клеветы, унижения, со злобой, чуть ли не с проклятиями — представить себе трудно.

Автор письма кончает тем, что мама должна сама уйти в монастырь. Это единственное, что еще, быть может, могло бы спасти Россию⁵³⁴.

Что было с мамой при чтении этого письма — конечно, это нечто дикое.

Само собой разумеется, что губителями мамы являемся старец и я.

Теперь другой вопрос — как мог папа допустить, чтобы это письмо попало в руки мамы, а не полетело в его физиономию.

Мама со слезами сказала:

— Какой же папа властелин, когда не может заставить молчать тех, кто позорит перед ним его жену?

А старец сказал:

— Они сами для себя могилу копают.

А папе велел написать:

«Папа милый, папа дорогой! Помни, что сказано: и будет одна плоть и одна душа. Нет у тебя другой, кроме мамы. Ее избрал Господь тебе в помощь, во спасение. Ее молитва Богу угодна. Душа у нее как Божья роса чиста. Моя молитва о вас всех. А враги твои сами своими пальцами глубокую могилу роют. Молюсь за всех. Григорий».

28/XI—16.

Приезжал в Ставку в.к. Н[иколай] Н[иколаевич]⁵³⁵, и старец велел написать папе, чтобы он был с [ним] по-

строже, потому что он, в.к. Н[иколай] Н[иколаевич], не только враг мамы и старца, а главное — считает себя будущим царем; что его появление в Ставке имеет целью напомнить о себе войскам; что он едет в деревню к себе для того, чтобы всюду на местах проверить, насколько он может надеяться на армию; что он подводит какие-то мины (понимай — заговор) против папы⁵³⁶. В заключение сам приписал:

«Папа дорогой. Гони волка в лес. Береги свое стадо. Ты за него в ответе перед Богом. Аминь».

29/XI—16.

Мама написала папе, что он должен дать понять в.к. Н[иколаю] Н[иколаевичу], что папе известно о том, что в.к. Н[иколай] Н[иколаевич] выдвигается как заместитель папы.

Я считаю, что этого делать не следует. Потому что этим папа подрывает свой авторитет, так как, зная нечто подобное, он должен потребовать его к ответу: а если этого не делает значит, боится его.

Я сказала об этом маме.

Она говорит, что если бы папа умел только намекнуть...

— Но я знаю, что папа бывает неосторожен в своих выражениях.

8/X—16.

Получила письмо от папы, переданное через А[лександра] Э[риковича]. Папа, очевидно, очень огорчен, что мама не хочет понять, в какое положение ставит его тот факт, что все назначения министров идут через старца.

«Вот, — пишет он, — я с большим уважением отношусь к Старику, но, во-первых, он стар, во-вторых — его немецкая фамилия и, в-третьих, — самое ужасное, чего мне никогда не простит Государственная Дума, это то, что он ставленник Г[ригория] Е[фимовича]. Потом, Калинин, во-первых, перебежчик из одной партии в другую⁵³⁷ (за это над ним издевается Дума), во-вторых, он, несомненно, больной. У него уже был припадок душевного заболевания на почве вен[ерической] болезни, от которой его лечил Бадмаев. И хотя острая форма болезни прошла, но осталась болезненная впечатлительность, экзальтация⁵³⁸. А в-третьих, — самое ужасное: он ставленник Г[ригория] Е[фимовича]. За это Дума готова его и меня заклевать. Эти два кита, на которых держится в это страшное время правительство, — пишет папа дальше, — не только могут сами пойти на дно, но и нас увлечь туда»⁵³⁹.

А мама этого не хочет понять. А главное — не хочет понять того, что надо хоть на время затушевать влияние Г[ригория] Е[фимовича], а не выдвигать его на первый план.

Папа хочет, чтобы я с мамой поговорила по этому поводу. Если сказать правду, то я отчасти согласна с папой. Я бы сделала так, чтобы всем по-прежнему руководил старец, но за спиной папы (не мамы, а папы). Это хоть отчасти успокоило бы «сумасшедший дом на Таврической улице», подняло бы престиж папы, закрыло рты.

Но как это сделать? Папа — человек без инициативы, но упорный. И потому ему недостаточно наметить, но нужно еще вдолбить. Как при таких условиях действовать осторожно и на расстоянии? А старец — это чистое дитя, он не умеет скрывать своего [влияния]⁵⁴⁰. Ему приятно, когда говорят: «Это сделал Г[ригорий] Е[фимович]! Это приказал Г[ригорий] Е[фимович]!» и т. д.

Как же это уладить?

А мама смотрит на все глазами старца и, кроме того, считает папу безвольным, неустойчивым и, главное, боится потерять власть на него. Вот и делай что хочешь.

Буду говорить с мамой. Не скажу о письме папы, скажу — от себя. Папа так хочет. А потом напишу папе. Кстати, у меня три вопроса. Опять все то же. О Рубин[штейне], его высылке и о Сухом[линове]. А главное — о Трепове⁵⁴¹.

Как бы там ни старались меня в этом убедить, я этому человеку не доверяю. В нем столько змеиной мудрости. Я так боюсь его яда. Напишу папе о его последней выходке в Семеновском полку, где он не только не выступил в защиту мамы, но сказал полковнику Бабинскому⁵⁴², который назвал маму Гришкиной...⁵⁴³.

— Полковник, меня с вами сегодня не было. Я ничего не слышал!

А себе в оправдание сказал:

— Я слишком страдаю за своего царя!

Как все это понять? Как соединить эти две фразы?

11/3—15.

Вчера Побирושка написал:

«Вы не только друг мамы — вы ее тень, ее броня». (Это он прав, потому что часть стрел, направленных в маму, попадают в меня, готова принять за нее и смерть.)

«И вот, — пишет он, — вы по своей простоте и чистоте своего сердца (а за глаза называет меня сводницей!) не видите того, что вас обходят, что Треп[ов] говорит...⁵⁴⁴ Он выживает того, кого ему надо. А еще подбирается к Кал[инину], а Кал[инин] не только «свой», но и нужный для царя и царицы».

А потому просит Побирушка направить все внимание на то, чтобы Тр[епову] подрезать крылья.

Это меня очень удивило. Они кажутся друзьями. Очевидно, Побирушка что-то пронюхал такое, чего мы не знаем. У него нюх поразительный. Старец говорит:

— Кабы этот пес да хорошему охотнику, то ему цены нет.

А старец его не любит. Мама ему не верит. Я его ненавижу — и все-таки от него, как от надоедливой клопы, не отделаешься. Раздавить — будет вонять. С ним надо мириться. Но до чего он противен! Одному удивляюсь — почему за него Бад[маев] так держится? Очевидно, за охотничий нос. Нюх Побирушки — большая ценность!

15/10—16.

Как я и полагала, мама, в ответ на мое предложение затушевать влияние старца в составлении кабинета, пришла в такое раздражение, что мне с трудом удалось ее успокоить. И когда Зи[нот]ти принесла ей питье и она несколько успокоилась, то сказала:

— Аннушка, — она очень любит так называть меня, подделываясь под интонацию старца, — ты ведь не от себя это говорила, а от папы?

Я смолчала.

— Так вот ты ему напиши — не от меня, но от себя, что маму Бог избрал спасти трон. Что ей самой ничего не нужно. Что она терпит и ненависть, и клевету, и страх быть убитой — все это для того, чтобы сохранить папу и, главное, Маленького. Она только их верный сторож. И что ни одного шага мама не сделает без указания старца, так как ему свыше указан путь, по которому Россия придет к миру, к славе и к спокойному царствованию на страх врагам земли русской. А что касается министров, то, кого бы папа ни назначил, Дума все равно будет недовольна, так как она уже отравлена — бешенством Гучкова и К°. Дума — враг царизма, как же с ней может сговориться папа? На какие он пойдет уступки, если она потребует «заточения мамы в монастырь, ареста старца»? Не значит ли это, что она хочет обессилить папу, чтобы его легче было убрать и отдать власть тому царю, который даст требуемую конституцию, царю, который будет игрушкой в руках Думы? Такого царя они найдут — будь то великий князь Н[иколай] Н[иколаевич] или сынок М[арии] П[авловны]. Таким царям терять нечего, ибо они не будут помазанники Божии, но ставленники бесовской Думы. Вот чего хочет Дума, и этого папа не видит или не хочет видеть... Но напиши ему, что за него и для него

за всем смотрит мама с помощью нашего учителя, друга и спасителя Г[ригория] Е[фимовича].

Я написала.

15/6—15.

Калинин мне пишет:

«Когда я говорил с папой, то он сказал: «Если вам что нужно ко мне, то обратитесь к маме, она мне все передаст». А мама сказала: «Все, что вам надо передать мне или папе, можете передать через А[нну] А[лександровну]»⁵⁴⁵. Таким образом, вы, вы, что называется, являете собой «пропуск» или, вернее, фильтрацию [того], что пройдет к папе или маме. Узнал о том, что папа, под влиянием Треп[ова], выразил недовольство мной. И если бы это исходило прямо от него, то я бы сказал: «Воля царя для меня закон». Но когда это [исходит] от моего врага, а что еще хуже, врага родины, то я решил вам все сказать. Я знаю, что вам чувство истинного патриотизма подскажет, что делать. Дело в том, что я определенно знаю, что этот продажный мот предлагал святому бессребренику Г[ригорию] Е[фимовичу] 150 000 руб.⁵⁴⁶, чтобы меня очертить перед папой; знаю и то, что тот отказался. Что же ему надо? Надо ему немного: полный переворот кабинета, поставить своих людей, то есть тех самых, которые говорят: «Чем хуже, тем лучше!» Я бы не останавливался так долго на личности Тр[епова], если бы считал его человеком принципа. Но я знаю одно, что у него все продажно... Поэтому я довожу до вас, многоуважаемая А[нна] А[лександровна], что Тр[епов] и Род[зянко] добиваются такого взрыва в Думе, что стены будут потрясены...»

Говорила с мамой. Вечером был старец. Все улажено. Звонила Кал[инину], сказала, что папа благодарил старца за него.

17/5—15.

Старец сказал маме:

— Когда посмотрел на Кал[инина], то сразу не понравился: уж очень в нем гордости много. И так лордом пахнет. Не люблю, когда от русского человека очень иностранцем несет. И еще не хорошо, что сразу мной брезговал!..

А потом, говорит старец, когда увидал его больного, то душа к нему повернулась:

— Увидел, что человек церковный, царский человек. Голова крепко сидит. Ну и осенило меня сказать папе: «Бери его, потому — свой!..»

Интересно отметить то, что старец говорит:

— Если меня человек сразу не притянет, то я отойду и забуду, плевый человек, значит. А если что разозлит в человеке, отойду и подумаю — значит, стоящий, только сразу его не возьмешь...

Калинин также так. Его старец не сразу признал, а уж раз признавши, так отметил, что «наш».

Удивительный у него подход к людям! И еще одно ценное свойство: в нем нет злопамяти, как у наших, особенно у В... и С....⁵⁴⁷. А это очень важно. Может, это в нем называется славянская незлобивость. Народное что-то.

А у нас всех до настоящей крови и не доберешься. Все примеси да разветвления.

Мама сказала:

— У старца в глазах вся мудрость философии... И святость Бога... И если бы Россия имела таких советников, то никакая война нам не была бы страшна.

А послушать только, что говорит Дума!

30/XI—16.

Папа имеет одну особенность: если ему придет какая мысль в голову, то он принимает известное решение, и, какие бы ни были результаты, он считает, что первое решение всегда правое.

Когда ему мама сообщила в Киев о том, что продовольственный вопрос передается Калин[ину], он сразу согласился. Отменить решение означало бы пойти официально против мамы и старца. Этого он не мог. Тем более, в тот момент это бы мама приняла как влияние Гневной и киевского гнезда. Поэтому он скрепя сердце сдался. Но тут же решил (я знаю об этом от Н[иколая] П[авловича]), что он через Треп[ова] уберет Калинина, и повел соответствующую линию. Мама, узнав об этом, пришла в ужас. И решила, что тут писанием писем и телеграмм не поможешь, так как папа, зная, что на него посыплются письма, принял свои меры. Поэтому она срочно собралась в Ставку.

Необходимо отстоять Калинина. А папа не понимает такой простой вещи, что в такой острый момент нельзя делать резких скачков.

Мама велела мне написать папе (якобы от себя), что теперь он должен ответить на прямо поставленный вопрос, кому он верит: маме (а с ней и старцу) или Государственной Думе с Гучковым, Род[зянко] и К°?

Это тем нужнее выяснить, что слить эти два лагеря невозможно. Мама готова отдать свою жизнь за сохранение трона для папы и Маленького. А те пойдут на все,

чтобы возвести на трон другого царя, который разделит с ними власть.

Это не так просто. И папа должен ответить на прямой вопрос, с кем же он: с мамой или с Думой?

И папа ответил мне письмом, полным отчаяния. И такой печали, что мне от души стало его жаль.

Что я могу сказать маме? Чем ее успокоить? Она едет в Ставку⁵⁴⁸. Там, когда они вместе, обоим легче. Он успокоится. Сдастся. Попадет под ее влияние. И сделает все, что она потребует (вернее — попросит: она никогда ничего не требует от папы, она просит, но так, что он знает, что отказ равняется обиде. А он никогда не обидит маму).

13/XI—16.

Старец очень встревожен. Князь Ан[дроников] принес весть о том, что имеется в руках Род[зьян]ко какой-то документ из Берлина, по адресу Ман[уса?], что дает возможность официального выступления. Старец сказал:

— Если на это дело нужны сотни тысяч (чтобы достать этот документ), то надо его достать. Помнить надо, что легче уничтожить любой документ, чем Род[зьян]ку.

19/XI—16.

Никакого документа нет. Это подход⁵⁴⁹ Анд[роникова]. Этот проклятый Клоп что-то задумал. Еще не выяснено — было ли это средство взять от Ман[уса] деньги или нечто худшее: состряпать документ, скомпрометировать старца, сорвать все.

Но для чего это нужно Клопу? Кто ему больше заплатит?

23/XI.

Отец говорит:

— Все погибло! Все погибло! Власть уже бессильна что-либо предупредить или предотвратить. Но, — говорит он, единственно, что остается, — это попробовать сохранить двор. Сохранить папу, маму, детей. Как это сделать?

Он полагает, что самая трудная задача — это убедить папу в том, что момент очень опасный. Что каждый лишний момент приближает его к катастрофе. Ставит под удары революции...

Я пробую говорить отцу, что этот бунт (если таковой будет) можно победить. Что на стороне папы армия.

Отец с ужасом говорит:

— Нет у нас армии!.. Нет у нас армии!.. Есть одно бунтовское гнездо, раскиданное по всей несчастной России.

На все мои уверения, что все это не так страшно, как ему кажется, он отвечает:

— Вы ослепли! Все ослепли!.. Или под гипнозом! Вы не знаете того, что знает и видит каждый уличный мальчишка!

15/12—16.

— Вот, — сказал мне старец, — был у меня кн. Юс[упов]⁵⁵⁰. Жена⁵⁵¹ у него красавица писаная. Да уж очень чванливая. Ее очень обожает Гневная. Так вот она все в Крыму греется. Теперь приехала и повидать меня хочет. Князь у меня был. «Жена, — говорит, — много про тебя наслышана, повидать тебя захотела». Звал к себе... А мне, — говорит старец, — ее любопытно поглядеть: уж очень брыкливая! Ну, а еще про Гневную расспросить охота... уж очень она ее любит!

Не знаю почему, но такая у меня горечь на душе. Хотелось сказать старцу:

— Не езд, Бог с ними! Если она друг Гневной — значит, наш враг.

А старец точно понял мою мысль и сказал:

— Ты, Аннушка, не думай чего... Ведь тоже она женщина, а всякой женщине поглядеть охота на того, про кого все шумом шумят. Вот!.. А что она подруга Гневной — так что? И не подруги ведь, а так, любятся. Так это что же!.. Сегодня Гневной верит, ее любит, а завтра в меня поверит, меня полюбит.

Больше ничего не стал говорить. Не любит он говорить о тех, кем интересуется.

Вечером старец телеграфировал папе в Ставку:

«Папа дорогой мой. Пути Господни неисповедимы. Близок час суда праведного. Умягчи свое сердце, чтобы был на земле мир, и будет воля Господня. Молюсь о тебе и о мире. Григорий».

Мама говорит — каждое слово старца там, в Ставке, для папы — как перст Божий.

10/XII—16.

Старец очень нервничал. Он говорит, что Батюшин⁵⁵² старается для Родзянки, собирает материалы против него и против меня. Что у него имеются какие-то данные из Москвы. Ну и здешние много шумят из-за Рубин[штейна] и Ману[са].

Потом сказал:

— Эти пакостники (все министры) все от меня подачки ждут. И меня же обманывают. Где мне все упомянуть, всякую тонкость уразуметь?..⁵⁵³

Такая тоска. Места себе не нахожу!

Мама телеграфировала папе⁵⁵⁴. Ждем ответа. Мама все еще на что-то надеется. А у меня — пусто, теряю силы...

Господи, спаси и помилуй! Господи, не дай свершиться греху великому! Господи, сохрани его для нас, для России, для святой церкви!.. Господи!..

Только что приезжала в.кн. М[ария] П[авловна]; говорит, что Ирэн⁵⁵⁵ приехала или приезжает. Я не совсем поняла. Но важно одно, что у них вчера был Побирушка и определенно уверяет в том, что он жив. Что, может, где больной, но жив. И главное — что гр. Ф. Ф. Юс[упов], муж Ирэн, ничего не знает.

У меня такой сумбур в голове, что как-то не соображаю. Вижу, что она искренно верит в то, о чем говорит. Ну, а мне кажется, что все это только для того, чтобы отвлечь наше внимание.

Приезжал отец. Сказал определенно:

— Убит. Очевидно, при участии в.к. Д[митрия] П[авлович]а... Ну, и мужа Ирэн... Но еще не доказано. Тело не найдено...

Тело!.. О Боже — тело!

Потом отец стал говорить о том, что мне надо подумать о себе.

Какая чушь! Разве те, что убили, не знают, что я без него — мертвое тело. Никому не нужное. Балласт.

Отец говорит — если все подтвердится (а он в том уверен), то надо принять меры к тому, чтобы мне переселиться.

Куда? Зачем?

Мама говорит, что я должна переселиться во дворец.

А мне как-то все равно. Я знаю, что без него я для врагов не опасна. Кому я нужна, если самой себе опостылел?

Какое-то безумие.

Великая княжна Т[атьяна] Н[иколаевна] говорит:

— Если это правда, то это слишком большое несчастье для мамы. Она не может справиться и с горем, и с тем грузом, который взвалила на свои плечи в надежде, что Он ей поможет. И еще страшнее становится, так как они все считали, что помехой служит старец и мама. Это очень страшно...

Великая княжна О[льга] Н[иколаевна] говорит:

— Большая потеря... Большое горе... Но лучше перестрадать, чем всегда и отовсюду чувствовать уколы.

Мама окаменела. В ее глазах такая тоска. Но она еще верит в то, что он вернется. А я не верю.

Ужас! Ужас! Ужас!

1917 год

10/2—17.

Все так дико, так нелепо. Слухи, слухи, слухи. Голова трещит от слухов. А город кипит, точно котел со смолой. Голодные бунты. Забастовки. Открытые выпады против трона. Куда, куда мы идем? Государственная Дума требует смену министров; но поможет ли это? Кто и чем заставит их всех молчать? А самое страшное — это голод. Голод создает не только бунты, но и все может уничтожить.

И действительно, если вдуматься, то видишь, что эти голодные должны на все пойти. Потому что им терять нечего. Будут молчать — умрут от холода и голода. Будут кричать — тоже, может быть, умрут, а может — и вырвут для себя кусок... Да, что-то назревает в городе, а может — и во всей стране. Так страшно, не знаешь, чего и ждать.

Мама еще верит в то, что если принять строгие меры, то порядок будет восстановлен...

¹ Автор путает. Из Новгорода они вернулись 12 декабря.

² Дата (как и большинство последующих) проставлена ошибочно: Вырубова начала свой дневник уже после 1905 г.[?]

³ В те годы, когда чета Романовых с нетерпением ждала рождения наследника, в Петербург, в качестве молебщика о даровании сына, «антрепренером» Елпидифором Кананыкиным был привезен косноязычный юродивый Митя Козельский. Отчетливо он произносил только два слова: «папа» и «мама». И с тех пор в интимном кругу Романовых так и стали называть Николая II и его жену.

⁴ В данном случае Вырубова подразумевает, по-видимому, своего отца (хотя в дальнейшем она его никогда так не называет), Александра Сергеевича Танеева, свободного художника, композитора, статс-секретаря, обер-гофмаршала двора, члена Гос. совета, главноуправляющего собственной ее величества канцелярией. Тот же пост занимали при Александре I, Николае I, Александре II и Александре III и дед и отец Танеевы.

⁵ Так в семье называли Николая II.

⁶ По-видимому, речь идет о детской любви Александры Федоровны к ее двоюродному брату, принцу Генриху Прусскому («Геня»), впоследствии (1888 г.) женившемуся на ее сестре, принцессе Гессенской Ирэне (Альберт-Вильгельм-Генрих, род. в 1862 г., брат Вильгельма II, адмирал германского флота).

⁷ Начало отношений между Александрой Федоровной и Николаем II, вылившихся впоследствии в любовь и брак (1894 г.), может быть отнесено еще к 1885 г.

⁸ Великий герцог Гессенский Людвиг IV (1837—1892), отец Александры Федоровны

⁹ По-видимому, мисс Орчард — старшая камер-фрау и бывшая няня Александры Федоровны, привезенная ею в Россию. Значится в «Придворном календаре» с 1895 г. по 1906 г. Доверенное лицо.

¹⁰ Пропуск.

¹¹ 1-я Гос. дума существовала с 27 апреля по 10 мая 1906 г.; 2-я Гос. дума — с 20 февраля по 1 сентября 1907 г.

¹² Пропуск в полторы строки.

¹³ Великая княгиня Елизавета Федоровна (1864—1918), вторая сестра Александры Федоровны, выданная в 1884 г. за великого князя Сергея Александровича.

¹⁴ Так в кругу Александры Федоровны называли вдовствующую императрицу Марию Федоровну (род. в 1847 г.).

¹⁵ Пропуск.

¹⁶ Лебяжье озеро в Царскосельском парке.

¹⁷ Непонятно. Возможно — «как собственное ее мышление» (*ce n'est pas autrement comm d'elle*).

¹⁸ В 1902 г. Вырубова болела брюшным тифом, что повлекло за собой заболевание кровеносных сосудов ног.

¹⁹ Очевидно, «в конце 1904 г.».

²⁰ Григория Распутина.

²¹ При принятии православия 21 октября 1894 г.

²² Вероятно, граф Адам Павлович Беннигсен, офицер ЛГВ Конного полка.

²³ Младшая сестра Вырубовой, Александра Александровна (Шура, Сана, Аля, род. в 1885 г.), бывш. фрейлина. С 1907 г. замужем за камер-юнкером А. Э. Пистолькорсом.

²⁴ Сергей Юльевич Витте (1849—1915), с 1905 г. — граф, статс-секретарь, член Гос. совета, бывш. министр путей сообщения и финансов, бывш. председатель совета Министров.

²⁵ Екатерина II.

²⁶ Кн. Георгий Дмитриевич Шервашидзе (1847—1918), обер-гофмейстер, управляющий двором вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

²⁷ Вильгельм II, германский император, род. в 1859 г., вступил на престол в 1888 г., низложен в 1918-м.

²⁸ В.кн. Павел Александрович (1860—1918), младший сын Александра II, генерал от кавалерии. После второго (morganaticкого) брака (27 сентября 1902 г.) был исключен со службы и выслан за границу. Во время русско-германской войны — сначала командир гвардейского корпуса, затем инспектор войск гвардии.

²⁹ В.кн. Дмитрий Павлович (род. в 1891 г.) и великая княжна Мария Павловна-младшая (род. в 1890 г.). После второго брака в.кн. Павла Александровича воспитывалась, по распоряжению Александры Федоровны, у ее сестры, в.кн. Елизаветы Федоровны. Над ними была учреждена опека, причем главным опекуном был Николай II.

³⁰ Графиня Ольга Валерьяновна Гогенфельзен, рожд. Карнович (род. в 1865 г.); по первому браку Пистолькорс, впоследствии — княгиня Палей (официально получила этот титул 18 августа 1915 г.).

³¹ Барон Владимир Борисович Фредерикс, с 1913 г. — граф (род. в 1838 г.), ген.-ад., ген. от кав., министр двора и уделов.

³² Эдуард VII (1841—1910), английский король, сын королевы Виктории, брат матери Александры Федоровны,

великой герцогини Гессенской Алисы. Приезжал в Россию в первый год царствования Николая II.

³³ Об этом эпизоде рассказывает в своих «Воспоминаниях» (т. I. Гос. изд., 1924) и С. Ю. Витте.

³⁴ Под этим обозначением в русскую историю вошла катастрофа на Ходынском поле во время народного гулянья при коронационных торжествах в Москве в 1896 г.

³⁵ В.кн. Сергей Александрович (род. в 1857 г.), ген.-ад., ген.-лейт., четвертый сын Александра II, московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа Убит в Москве Каляевым 4 февраля 1905 г.

³⁶ Вероятно, Власовский Александр Александрович, с 1891-го по 1896 г. московский обер-полицеймейстер.

³⁷ В.кн. Милица Николаевна (род. в 1866 г.), жена в.кн. Петра Николаевича, дочь черногорского короля Николая.

³⁸ Вероятно, кн. Михаил Сергеевич Волконский, член Гос. совета, сенатор, обер-шталмейстер. бывш. товарищ министра народного просвещения; ум. в 1909 г.

³⁹ Николай II.

⁴⁰ Матильда Феликсовна Кшесинская, балерина.

⁴¹ В тексте «les verges», дословно: «дадим ему розог с золотой рыбкой». Возможно, что у автора было: «пруды с золотой рыбкой» и что переводчики, прибегнув к словарю, вместо слова «пруд» (*l'étang*) ошибочно воспользовались словом «прут», отчего и получилась бессмыслица.

⁴² Николай Валерьянович Муравьев (1850—1908), министр юстиции (с 1894-го по 1905 г.). На Муравьева было возложено расследование по делу ходынской катастрофы. Будучи ставленником в.кн. Сергея Александровича, он обошел в своем заключении вопрос о виновности в ней последнего. Новое расследование было поручено бывш. министру юстиции графу Палену, обер-церемониймейстеру при коронационных торжествах. Пален установил, что в катастрофе была виновата главным образом московская полиция.

⁴³ Вячеслав Константинович Плеве, с 1902 г. министр внутренних дел и шеф жандармов. Род. в 1842 г., убит Сазоновым 15 июля 1904 г.

⁴⁴ В.кн. Александр Михайлович (?). Но в те годы отношение к нему четы Романовых было весьма благожелательным. О в.кн. Андрее Владимировиче, третьем сыне в.кн. Владимира Александровича, не могло быть и речи.

⁴⁵ В.кн. Михаил Александрович (1873—1918), ген.-майор, член Гос. совета, младший брат Николая II, считавшийся после смерти в.кн. Георгия Александровича (1898) и до

рождения у Романовых сына (30 июля 1904 г.) наследником престола.

⁴⁶ Неразборчиво.

⁴⁷ В.кн. Николай Николаевич-старший (1831—1891), ген.-фельдмаршал.

⁴⁸ В.кн. Николай Николаевич-младший (род. в 1856 г.), ген.-ад., ген. от кав., генерал-инспектор кавалерии. С 20 июля по 23 августа 1915 г. верховный главнокомандующий. Затем — кавказский наместник, главнокомандующий Кавказской армией и наказный атаман Кавказского казачьего войска.

⁴⁹ Сыновья в.кн. Константина Константиновича и в.кн. Елизаветы Маврикиевны.

⁵⁰ Установить точно, о ком именно речь, не удалось. По-видимому, кто-то из родственников Александры Федоровны.

⁵¹ Пропуск.

⁵² На коронационные торжества.

⁵³ Мария Алексеевна Бакеркина, балетная танцовщица, пользовавшаяся покровительством ген.-ад. П. П. Дурново.

⁵⁴ Василий Викторович фон Валь, в ту пору — ротмистр ЛВГ Конного полка.

⁵⁵ Петр Павлович Дурново, ген.-ад., ген. от инф., член Гос. совета, с июля по ноябрь 1905 г. — московский генерал-губернатор.

⁵⁶ Граф Владимир Николаевич Ламсдорф (1845—1907), министр иностранных дел с 1900-го по 1906 г.

⁵⁷ Так называли наследника Алексея.

⁵⁸ До 1904 г. Романовы проживали в Петербурге, в Зимнем дворце, а все последующее время — в Царском Селе, в Александровском дворце. Летние и осенние месяцы они обыкновенно проводили в Петергофе и в Ливадии.

⁵⁹ Владимир Николаевич Коковцов (род. в 1853 г.), с 1914 г. граф; статссекретарь, член Гос. совета; с 1904-го по 1905 и с 1906 по 1914 г. министр финансов; с 1911 по 1914 г. — председатель совета Министров.

⁶⁰ Вероятно, барон Эммануил Юльевич Нольде, управляющий инспектор отделом собственной ее величества канцелярии, позднее — управляющий делами совета Министров.

⁶¹ Александр Петрович Извольский (1865—1923), гофмейстер; с 1906-го по 1910 г. — министр иностранных дел, впоследствии — русский посол в Париже (с 1910-го по 1917 г.).

⁶² Англо-русское соглашение по делам Персии, Афганистана и Тибета от 31 августа 1907 г. (опубликовано 13 сентября 1907 г.).

⁶³ Проливы на Черном море, издавна составлявшие предмет вожделений для русского империализма.

⁶⁴ Павел Николаевич Милюков (род. в 1859 г.), историк, член Гос. думы III и IV созыва от г. Петербурга, основатель и лидер партии к.-д., редактор газеты «Речь», руководитель того течения русского либерализма, которое в вопросах внешней политики ориентировалось на соглашение с Англией. (Реакционеры тяготели к монархической Германии.) Сторонник аннексии Дарданелл. Один из виднейших идеологов русского империализма.

⁶⁵ Маргарита Карловна Извольская, рожд. гр. Толль, жена А. П. Извольского.

⁶⁶ Царя и царицу.

⁶⁷ Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916), ген.-ад., член Гос. совета, министр двора в продолжение царствования Александра III и в начале царствования Николая II (до 6 мая 1897 г.). С 1905 г. — кавказский наместник.

⁶⁸ Александр Афиногенович Орлов (1862—1908), ген.-майор свиты ее величества, командир ЛГВ Уланского ее величества полка, позднее — командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Участвовал в подавлении движения в Прибалтийском крае в 1905 г. «Орлов-Балтийский».

⁶⁹ В.кн. Ольга Александровна (род. в 1882 г.), младшая сестра Николая, в 1901 г. выдана за принца Петра Александровича Ольденбургского. Впоследствии брак этот был расторгнут, и в 1916 г. Ольга Александровна вышла замуж за адъютанта своего бывшего мужа, ротмистра ЛГВ Кирасирского имени Марии Федоровны полка Николая Александровича Куликовского.

⁷⁰ Неразборчиво: «Геню» (?).

⁷¹ Пропуск.

⁷² Федор Измайлович Родичев (род. в 1856 г.), член Гос. думы всех четырех созывов, представитель либерального тверского земства, лидер к.-д. партии.

⁷³ Священник Георгий Гапон (1873—1906), служивший и рабочим, и охранному отделению; герой кровавой эпохи 9 января.

⁷⁴ Акт 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» — манифест о гражданских свободах, вырванный у правительства после всеобщей забастовки, которой завершилось революционное движение 1905 г.

⁷⁵ Кн. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857—1914), ген.-ад., министр внутренних дел (с августа 1904-го. по январь 1905 г.), с которым связана так называемая эпоха «политической весны»; министр «общественного доверия».

⁷⁶ Александра Федоровна вообще была чадолюбива. Так, в 1916 г., 5 июня, будучи уже матерью пятерых детей, она пишет Николаю: Как-то грустно даже — у нас нет больше маленьких!» И далее, 25 сентября 1916 г., по поводу жены генерала Шевича: «Старая, жирная, почти без зубов, а она моя ровесница! У нее был ребенок три года назад, счастливая женщина!» («Переписка Романовых». Т. IV. Гос. изд., 1926). Возможно, что в Александре Федоровне говорило и желание обеспечить себе и Николаю мужское потомство.

⁷⁷ Очевидно, читать следует: Г. А. в.к. Георгий Александрович (1871—1898), наследник престола.

⁷⁸ Христиан VII (1818—1906), датский король, отец Марии Федоровны.

⁷⁹ Витте рассказывает об этом эпизоде несколько иначе. Во время его беседы с королем Христианом на вопрос последнего, что представляет собою в.кн. Михаил Александрович, он ответил: «Чтоб определить личность Михаила Александровича, я сказал бы: император Николай есть сын своей матери и по своему характеру, и по натуре, а в.кн. Михаил Александрович есть больше сын своего отца («Воспоминания», т. I).

⁸⁰ Осенью 1900 г. Николай болел в Ялте брюшным тифом.

⁸¹ Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1925), ген.-ад. В 1904 г., будучи военным министром, был назначен командующим Маньчжурской армией, а затем — главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии. В русско-германскую войну — главнокомандующий армиями Северного фронта. С 22 июля 1916 г. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

⁸² Младшая дочь Романовых (1901—1918).

⁸³ Неразборчиво.

⁸⁴ Юродивый Митя Козельский — Дмитрий Попов, мещанин г. Козельска Калужской губ.

⁸⁵ Француз из Лиона. Врачевал различными чудодейственными средствами. Знавшие его люди говорили, что он человек неглупый, имеет какую то «мистическую силу над слабонервными и нервными больными». С Филиппом познакомилась за границей одна из черногорок. Через нее он проник к великим князьям Николаю и Петру Николаевичам, а затем — к Николаю II и Александре Федоровне. Филипп месяцами проживал секретно в летних царских резиденциях, занимаясь беседами и мистическими сеансами. В награду за успешное лечение Николай пожаловал удостоить его степени доктора медицины. Военно-медицинская академия, не желавшая этого, обра-

тилась за справками на родину Филиппа; было установлено, что Филипп нигде законченного образования не получил и что карьеру свою начал в качестве подмастерья у мясника.

⁸⁶ Столик для спиритических сеансов.

⁸⁷ В роду Романовых существовало предание о предсказании отшельника Серафима, основателя Саровской пустыни (в Тамбовской губ.), которое касалось ряда будущих царствований. Часть предсказания, относившаяся к Николаю II, гласила будто бы следующее: «В начале царствования сего монарха будут несчастья и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подымется на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая и жизнь государя — долговременная» («Последний самодержец», материалы для характеристики Николая II. — «Голос минувшего», апрель 1917).

⁸⁸ Неразборчиво.

⁸⁹ В.кн. Константин Константинович (1858—1915), ген.-ад., ген. от инф., генерал-инспектор военно-учебных заведений, почетный президент Академии наук, поэт «К. Р.».

⁹⁰ Паша Дивееская, юродивая, проживавшая в Дивееской женской обители близ Саровского монастыря.

⁹¹ Многоточие в тексте.

⁹² В.кн. Дмитрий Павлович, флиг.-ад., ротмистр лейб-гвардии Конного полка, сын Павла Александровича и в.кн. Александры Георгиевны, умершей в 1891 г. после рождения Дмитрия Павловича.

⁹³ Кн. Владимир Николаевич Орлов (род. в 1868 г.), ген.-майор свиты ее величества, заведующий походной канцелярией Николая. Друг царя. В дневнике кн. Орлова, начатом им 18 декабря 1905 г. и опубликованном в 14-й книжке «Былого» за 1919 г., Орлов называет себя «преданной собакой их величеств». Дружба Николая с Орловым началась в 1905 г., после одной знаменательной беседы, когда Орлов развил Николаю свои соображения относительно таинственных пружин революции, заключавшихся в масонстве. Под масонством кн. Орлов представлял себе нечто скрытое, мрачно-загадочное, подпольное, соединенное мировой интригой против самодержавия русского царя».

⁹⁴ «Ромочка» (?).

⁹⁵ Многоточие в тексте.

⁹⁶ Агриппина.

⁹⁷ Не дописано.

⁹⁸ В тексте буквально — «не невинная».

⁹⁹ В.кн. Владимир Александрович (1854—1909), ген.-ад. от инф., командующий войсками гвардии Петербургского военного округа. Третий сын Александра II.

¹⁰⁰ В.кн. Мария Павловна (1854—1923), дочь великого герцога мекленбург-шверинского Фридриха-Франца II, жена в.кн. Владимира Александровича. С 1909 г. президент Академии художеств.

¹⁰¹ Доверенный служащий, употреблялся для конфиденциальных поручений.

¹⁰² Многоточие в тексте.

¹⁰³ Многоточие в тексте.

¹⁰⁴ Тетка Вырубовой по отцу, Надежда Сергеевна Эйслер, жена обер-гофмейстера, или же по матери — Екатерина Илларионовна Толстая.

¹⁰⁵ Неразборчиво.

¹⁰⁶ Евдокия Владимировна Орлова, рожд. графиня Стенбок-Фермор (1872—1895).

¹⁰⁷ Александр Васильевич Вырубов (род. в 1880 г.), старший лейтенант, делопроизводитель морской походной канцелярии.

¹⁰⁸ «К гимназии» (?) «К гимнастике» (?)

¹⁰⁹ Горничная Вырубовой.

¹¹⁰ Лакей Вырубовой, прослуживший в семье Танеевых больше сорока пяти лет.

¹¹¹ В Швейцарии.

¹¹² А. А. Орлов похоронен на Казанском кладбище в Царском Селе.

¹¹³ Вероятно, Уланский ее величества полк, которым в свое время командовал А. А. Орлов.

¹¹⁴ В.к. Петр Николаевич (род. в 1864 г.), ген.-ад., ген.-лейт. по гвардейской кавалерии.

¹¹⁵ В.кн. Анастасия Николаевна (род. в 1867 г.), дочь черногорского короля Николая и сестра в.кн. Милицы Николаевны. Была замужем за герцогом Юрием Лейхтенбергским. С 1906 г. — замужем за в.кн. Николаем Николаевичем.

¹¹⁶ Григорий Ефимович Распутин (Новых), крестьянин с. Покровского, Тюменского уезда Тобольской губ. Родился в 1871 г., убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Тяготел к хлыстовщине, понимая основы этого учения своеобразно, применительно к своим порочным наклонностям. Считал, что «человек, впитывая в себя грязь и порок, внедряет тем самым в свою телесную оболочку грехи, с которыми борется; благодаря этому достигается преображение души, омытой грехами» («Падение царского режима». Т. IV. Гос. изд., 1926. Показания Белецкого 20 июля 1917 г.). Главным своим призванием считал «снимать с людей блудные страсти».

¹¹⁷ Вскоре после первого появления Распутина в Петербурге (в начале 900-х гг.) он был введен архимандритом Феофаном в общество благочестивых великосветских кли-

ентов последнего, в том числе и к в.кн. Николаю Николаевичу, который первоначально был усердным почитателем Распутина. Но постепенно произошло охлаждение, и Николай Николаевич перестал принимать «старца». В 1914 г. Николай Николаевич уже настаивал перед царем на удалении Распутина, чего «старец» никогда не мог ему простить и после чего стал распространять слух о том, что Николай Николаевич мечтает о короне.

¹¹⁸ Вероятно — «правдивость».

¹¹⁹ В тексте ошибочно написано «сама».

¹²⁰ Ст. Сергиево Балтийской железной дороги, где находилась мыза в.кн. Николая Николаевича «Беззаботное»

¹²¹ Кн. Михаил Михайлович Андроников (Побирушка) — известный авантюрист (1875—1919).

Вот какое изображение нашла себе эта фигура в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте (т. II): «Кн. Андроников — это личность, которую я до сих пор не понимаю. Одно понятно, что это дрянная личность. Он не занимает никакого положения, имеет маленькие средства, неглупый, сыщик не сыщик, плут не плут, а к порядочным личностям, несмотря на свое княжеское достоинство, причислиться не может. Он не кончил курса в пажееском корпусе, хорошо знает языки, но малого образования. Он вечно занимается мелкими делами, влезает ко всем министрам, великим князьям, к различным общественным деятелям, постоянно о чем-то хлопочет, интригует, ссорит между собою людей, что доставляет ему истинное удовольствие, оказывает нужным ему людям мелкие услуги; конечно, он ухаживает лишь за теми, кто в силе и в моде и кто открывает ему иногда двери. Это какой-то политический мелкий интриган из любви к искусству».

Сухомятинов в своих «Воспоминаниях» говорит об Андроникове, что «по наружному виду — это Чичиков: кругленький, пухленький, семенящий ножками, большей частью облекающийся в форменный вицмундир с черным бархатным воротником и золотыми пуговицами. Он зачислялся обыкновенно по тому министерству, патрон которого к нему благоволил, пользуясь за это взаимностью князя, и приходил в ярость, когда его вышибали из списков ведомства с переменой министра. Числясь только по ведомству, не получая ни содержания, ни наград, он пользовался лишь вицмундиром. Способность втираться к власти имущим была у этого человека совершенно исключительная. Весьма немногим из тех, кто был назначен князем, удалось избежать чести пожимать его нечистую руку. А были и такие, которые в нем души не чаяли. Тайна его положения обуславливалась тем фактом, что отдель-

ные министры пользовались его услугами, чтобы быть осведомленными относительно их коллег и о том, что делается в других министерствах».

Сам Андроников характеризовал себя как гражданина, «желающего как можно больше принести пользы» («Падение царского режима». Т. II. 1925. Допрос Андроникова 8 апреля 1917 г.).

¹²² Наследник страдал гемофилией — кровоточивостью, происходящей от плохой свертываемости крови. Гемофилии были подвержены многие представители мужской линии семьи Александры Федоровны. Так, от гемофилии умер брат Александры Федоровны, а также дядя ее, герцог Албанский Леопольд (1853—1884). Этой же болезнью страдали с детства и племянники Александры Федоровны, сыновья принца Генриха Прусского и третьей сестры Александры Федоровны, принцессы Ирены.

¹²³ В тексте ошибочно «Маминька». Мария Ивановна Вишнякова, воспитанница петербургского воспитательного дома и школы ученых нянь при нем, откуда предпочтительно и брали нянь к детям царской семьи. Предполагалось, что эти безродные девушки не будут подвергаться никаким нежелательным посторонним влияниям.

¹²⁴ Возможно, что — «таскал».

¹²⁵ Александра Александровна Пистолькорс.

¹²⁶ Инициалы отсутствуют.

¹²⁷ Пропуск.

¹²⁸ Александр [Аксель] Эрикович Пистолькорс (род. в 1885 г.), сын гр. Гогенфельзен (кн. Палей) от первого брака, сводный брат в.кн. Дмитрия Павловича; камер-юнкер, был причислен к государственной канцелярии, бывш. офицер Кавалергардского полка.

¹²⁹ Пропуск.

¹³⁰ В.княжна Анастасия Николаевна (Зинотти).

¹³¹ Магдалина (Мадден) Францевна Занотти), камер-фрау Александры Федоровны.

¹³² Вероятно, «смесь».

¹³³ Александр Иванович Гучков (род. в 1862 г.), политический лидер правого крыла русской буржуазии. Крупный московский домовладелец и промышленник, член Гос. совета, гласный Московской городской думы и член управы. В 1902 г. сражался с бурами против англичан. В 1903 г. ездил в Македонию во время восстания. В японскую войну — уполномоченный Красного Креста. Основатель «Союза 17 Октября». В марте 1910 г. был избран председателем Гос. думы III созыва. Во время русско-германской войны — председатель центрального военно-промышленного коми-

тета. После Февральской революции — военный министр 1-го Временного правительства.

¹³⁴ Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911), бывш. саратовский и гродненский губернатор, ковенский предводитель дворянства, с 1906 г. по 1 сентября 1911 г. — министр внутренних дел, премьер-министр. Лидер национально-монархической реакции. Провел аграрную реформу, имевшую целью создание крестьянской буржуазии. Вдохновитель избирательного закона 3 июня 1907 г., ограничившего доступ в Гос. думу представителей рабочих и крестьян. «Столыпин Вешатель».

¹³⁵ Герой этой пьесы, Анатема (Сатана), не постигает, несмотря на страстные усилия, мировой гармонии и старается доказать, что в основе человеческого существования лежит ложь, а всякое добро в конечном счете приводит ко злу.

¹³⁶ Леонид Николаевич Андреев (1871—1919), известный писатель.

¹³⁷ Вера Федоровна Комиссаржевская, известная драматическая артистка, умерла в 1910 г. Речь здесь, по-видимому, идет о наделавшем в свое время много шуму запрещении епископом Гермогеном панихид по ней в Саратове.

¹³⁸ Гермоген (1858—1919), епископ саратовский, враждовавший с Распутиным. В качестве члена Синода проживал в Петербурге в Ярославском подворье.

¹³⁹ Феофан (род. в 1873 г.), епископ ямбургский, викарий петербургский, духовник Александры Федоровны. С 1909 г. ректор Петербургской духовной академии. Ввел к Николаю и Александре Федоровне Распутина. Разочаровавшись в «старце», выступал против него, за что и был сослан в 1910 г. в Таврическую епархию.

¹⁴⁰ Георгий Петрович Сазонов, гласный петербургской городской думы, сотрудник газеты «Новое Время», издатель газет «Голос Земли», «Россия» и журнала «Экономист». В 1903—1905 гг. примкнул к «Союзу русского народа». Тяготел к влиятельным лицам из духовенства.

¹⁴¹ Иеромонах Илиодор (Сергей Васильевич Труфанов), окончил Петербургскую духовную академию. Стяжал известность погромно-патриотическими выступлениями в Саратове и Царицыне, а также выступлениями против Распутина, с которым познакомился в 1903 г. Первоначально Илиодор верил в Распутина как в пророка. Дружба длилась восемь лет. Но потом Илиодор «прозрел» и предпринял против Распутина обличительную кампанию.

¹⁴² В.кн. Павел Александрович послал Александре Федоровне от имени своей жены пастель, сделанную в Па-

риже с фотографии наследника художницей Монтовани Гутти. (См. письмо Павла Александровича из Франции от 28 марта 1911 г., опубликованное в книге «Николай II и великие князья». Гос. изд., 1925.)

¹⁴³ Петр Петрович Мигулин, профессор финансового права, публицист. Участвовал в журнале «Экономист».

¹⁴⁴ Игнатий Порфирьевич Манус, действительный статский советник, купец 1-й гильдии, крупный биржевой делец, директор Общества вагоностроительных заводов, председатель правления Русского транспортного и страхового Обществ, участвовал в кружке кн. Мещерского и в газете «Гражданин» (под псевдонимом «Зеленый»). Глава немецко-распутинского кружка. Во время русско-германской войны влиял через Распутина и состоявшего при министре внутренних дел шталмейстера Н. Ф. Бурдукова на Александру Федоровну в направлении заключения сепаратного мира.

¹⁴⁵ Речь идет о проекте образования кампании для орошения Закаспийских степей и хлебного банка, имевшего целью устранить на железных дорогах залежи хлеба после сбора урожая.

¹⁴⁶ Рассказывая о том же эпизоде, Илиодор в своих записках называет это лицо вдовой офицера Хионией Б. («Святой черт», «Голос минувшего», март 1917 г.).

¹⁴⁷ Александра Федоровна в свое время слушала лекции по философии и даже имела степень доктора философии, полученную в Гейдельбергском университете.

¹⁴⁸ Неразборчиво, может быть — у «профессора».

¹⁴⁹ Петр (Жамсаран) Александрович Бадмаев («Гнилушка», «Сова», «Клоп»), действительный ссатский советник, тибетский врач, уроженец Восточной Сибири (1851—1919). Учился в Иркутской гимназии. В 1871 г. поступил в Петербургский университет. Принял православие, причем крестным отцом его был Александр III, в ту пору еще наследник. Начал практиковать в Петербурге в 1875 г. Лечил главным образом травами, вывезенными с Востока. С 1890 г. состоял в течение нескольких лет лектором монгольского языка в Петербургском университете. Занимался крупными коммерческими аферами, преимущественно ж.-д. концессиями. Один из инспираторов дальневосточных авантур Николая II. Был близок к сферам высшей полиции (В. П. Семенников. «За кулисами царизма». Архив тибетского врача Бадмаева. Гос. изд., 1923). «Человек несомненно весьма умный; в отношении своего лечения обладает большой дозой шарлатанства. Его лечение всегда связано с различными интригами и политикой» (Витте. «Воспоминания». Т. I).

¹⁵⁰ Вероятно — «доложить».

¹⁵¹ В 1910 г. Илиодор приезжал в Петербург за книгами для монастырской библиотеки. Вот как описывает он встречу с Вырубовой в Мраморном дворце: «Во дворце Распутина встретили Т[анеева], Сана, его младшая дочь, и ее муж, камер-юнкер. Т[анеев], хитренький старичок, отвел Распутина в сторону, о чем-то с ним таинственно поговорил, взял портфель и удалился. Распутин начал беседовать с Саной. Во время беседы несколько раз целовал Сану, а муж был здесь же и как-то невинно, по-младенчески, улыбался. Минут через десять приехала Вырубова. Сана с мужем попрощались и ушли... Распутин прямо-таки танцевал около Вырубовой; левой рукой он дергал свою бороду, а правой хватал за плечи, бил ладонью по бедрам, как бы желая успокоить игривую лошадь. Вырубова покорно стояла. Он ее целовал. Я грешно думал: «Фу, гадость! И как ее нежное, прекрасное лицо терпит эти противные жесткие щетки». А Вырубова терпела и, казалось, находила даже некоторое удовольствие в этих старческих поцелуях. Наконец Вырубова сказала: «Ну, меня ждут во дворце, надо ехать. Прощай, отец святой!» Здесь совершилось нечто сказочное, и если бы другие говорили, то я не поверил бы, а то сам видел. Вырубова упала на землю, как простая кающаяся мужичка, дотронулась своим лбом до обеих ступней Распутина, потом поднялась, трижды поцеловала старца в губы и несколько раз — его грязные руки. Ушла» (С. Труфанов. «Святой черт»).

¹⁵² Мать Александры Федоровны, великая герцогиня Гессенская Алиса (Мод-Мари: 1843—1878), вторая дочь английской королевы Виктории.

¹⁵³ Неразборчиво.

¹⁵⁴ О гипнотической силе Распутина говорит неоднократно М. В. Родзянко («Крушение империи». Изд. «Прибой», 1927). С. П. Белецкий сообщает: «Я имел в своих руках несколько писем одного из петербургских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим магнетизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды, в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать («Падение царского режима». Т. IV. Показания Белецкого 20 июля 1917 г.).

¹⁵⁵ В.кн. Ольга Николаевна (1895—1918), старшая дочь Николая и Александры Романовых.

¹⁵⁶ Наследник Алексей.

¹⁵⁷ Возможно, что переписано ошибочно и что читать надо «Тютчева» — Софья Ивановна, фрейлина, состо-

явшая при великих княжнах, пытавшаяся бороться с Распутиными, из-за чего впоследствии и была отставлена.

¹⁵⁸ Икона была похищена из Казанского женского монастыря для продажи старообрядцами, среди которых жила старая легенда о том, что, пока эта икона не будет в руках старообрядцев, они не получают свободы исповедания своей веры. Илиодор принимал участие в розысках иконы.

¹⁵⁹ Содержавшийся в читинской каторжной тюрьме товарищ похитителя иконы Чайкина.

¹⁶⁰ Из с. Покровского.

¹⁶¹ Дочь Распутина, учившаяся в гимназии Стеблин-Каменской.

¹⁶² Возможно, что речь идет о начальнице гимназии.

¹⁶³ Сын Распутина Дмитрий.

¹⁶⁴ Возможно, что в гимназии так называли воспитанниц младших классов.

¹⁶⁵ Классная дама (?).

¹⁶⁶ Пельмени.

¹⁶⁷ Пропуск.

¹⁶⁸ Протоиерей Александр Петрович Васильев (1867—1918), духовник царской семьи, пресвитер придворного (при Зимнем дворце) собора Спаса нерукотворенного образа. Законоучитель наследника.

¹⁶⁹ В.княжна Ольга Николаевна.

¹⁷⁰ В.кн. Дмитрий Павлович.

¹⁷¹ Многоточие в тексте.

¹⁷² Многоточие в тексте.

¹⁷³ Весной 1911 г. Распутин совершил путешествие в Иерусалим и затем, вместе с большим числом паломников, в Саратов.

¹⁷⁴ В 1901 г.

¹⁷⁵ Л. Н. Толстой умер 7 ноября 1910 г.

¹⁷⁶ В.кн. Константин Константинович.

¹⁷⁷ Илиодор был назначен настоятелем Новосильского монастыря (в Тульской губернии), но бежал оттуда обратно в Царицын, где «сидел с народом в монастыре двадцать дней», пока не была получена (3 апреля 1911 г.) от митрополита Антония телеграмма с извещением, что «государю императору, во внимание к мольбам народа, благоутодно было 1 апреля разрешить иеромонаху Илиодору возвратиться из Новосилья в Царицын» (С. Труфанов. «Святой черт»).

¹⁷⁸ Эти слова Николая приводит в своих записках и Илиодор (С. Труфанов. «Святой черт»).

¹⁷⁹ Епископ Гермоген обличал 5 октября 1909 г. «язычествовавшего» графа С. С. Татищева, саратовского губернато-

ра. Александра Федоровна, а с нею и Вырубова полагали, что обличителем выступал не Гермоген, а Илиодор.

¹⁸⁰ По поручению Александры Федоровны Вырубова, в сопровождении нескольких поклонниц Распутина, ездила в Покровское, чтобы ознакомиться с тем, как живет «старец» у себя на родине.

¹⁸¹ Младшая дочь Распутина.

¹⁸² Очевидно, П. Ф. — Прасковья Федоровна, жена Распутина.

¹⁸³ Отделение французского министерства внутренних дел, на которое возложено наблюдение за посольствами и военными агентами (контршпионаж).

¹⁸⁴ Михаил Степанович Комиссаров (род. в 1870 г.), ген.-майор, бывш. помощник начальника петербургского охранного отделения. В 1915 г. — начальник варшавского жандармского управления, после эвакуации откомандирован в распоряжение министра и товарища министра внутренних дел, агент Хвостова и Белецкого при Распутине. В 1904 г., когда началась война с Японией, Комиссаровым, в ту пору ротмистром, было организовано при Департаменте полиции бюро для наблюдения за иностранными посольствами и военными агентами. Работа была чрезвычайно конспиративной (малейшая неудача могла вызвать европейский скандал, и все послы покинули бы Петербург) и чрезвычайно сложной (один только китайский шифр составлял шесть томов). Было разработано двенадцать шифров. Все документы, бумаги и шифры доставлялись ночью на дом к Комиссарову, проживавшему под чужим именем и под видом иностранца. Там их фотографировали и наутро уносили в Департамент полиции, так как Комиссаров не рисковал оставлять их у себя, опасаясь внезапного обыска по требованию какого-либо посольства. Особенное значение имело это бюро при заключении Портсмутского договора: бюро узнавало американские условия раньше, чем американский посол в Петербурге. В 1906 г. русскому послу в Англии был сделан запрос относительно существующего в России бюро, и последнее было раскассировано («Падение царского режима». Т. III. 1925).

¹⁸⁵ В тексте ошибочно написано — «европейских».

¹⁸⁶ Витте в своих Воспоминаниях (т. II) рассказывает, что Комиссаров печатал, по личной своей инициативе, погромные прокламации, которые массами рассылались по провинции. Печатались они на станках, забранных при арестах революционных типографий. Эта секретная типография помещалась в подвальном этаже департамента полиции. Комиссаров же, при допросе его 4 мая 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией, утвер-

ждал, что ему лишь однажды пришлось быть свидетелем того, как печаталось воззвание к солдатам после нападения латышей на кавалерийский отряд в Туккуме в 1905 г.

¹⁸⁷ Сергей Михайлович Лукьянов (род. в 1855 г.), известный патолог, бывш. директор Института экспериментальной медицины. С 1902-го по 1905 г. товарищ министра народного просвещения, в 1906 г. — член Гос. совета, с 1909-го по 1911 г. — обер-прокурор Синода.

¹⁸⁸ Владимир Карлович Саблер (род. в 1845 г.), сенатор, член Гос. совета, с 1911-го по 1915 г. обер-прокурор Синода. Орудие пацифистской и германофильской партии, клевет Распутина.

¹⁸⁹ В.кн. Елизавета Федоровна добивалась разрешения ввести в основанной ею в Москве Марфо-Мариинской общине, настоятельницей которой она состояла с 10 апреля 1910 г., чин диаконисы на протестантский лад и устройства при общине общежития, богадельни и приюта для детей, больных и калек, с целью «врачевания душевных и телесных недугов».

¹⁹⁰ Дмитрий Львович Рубинштейн (род. в 1876 г.), кандидат юридических наук, директор правления Общества Петро-Марьевского и Варвароплесского объединения каменноугольных копей, страхового общества «Волга», Русско-французского банка и пр. Крупный спекулянт и биржевой делец. Через Распутина, которого он поддерживал материально, Рубинштейн проводил своих кандидатов на министерские посты. Оказывал давление на прессу, так как ему принадлежала большая часть акций газеты «Новое Время». 10 июля 1916 г. Рубинштейн был арестован комиссией генерала Батюшина по подозрению в содействовании видам неприятеля и выслан затем в Псков. Ему инкриминировалось: продажа русских процентных бумаг, находившихся в Германии, через нейтральные страны во Францию, продажа акций общества «Якорь» германским дельцам, взимание высоких комиссионных за сделки по выполнявшимся за границей русским заказам и пр. По настоянию Александры Федоровны дело Рубинштейна было передано министру юстиции, и 6 декабря 1916 г. Рубинштейн был освобожден. Но прекратить дело не удалось, ввиду запроса о нем в Гос. думе.

¹⁹¹ Пропуск.

¹⁹² Так Александра Федоровна называла принца Генриха Прусского.

¹⁹³ Ольга Владимировна Лохтина, жена действительного статского советника инженера, одна из наиболее исступленных поклонниц Распутина (а позднее — Илиодора), кончившая сумасшествием.

¹⁹⁴ Мать и дочь Головины — ревностные поклонницы Распутина.

¹⁹⁵ 16 декабря 1911 г. епископ Гермоген, Илиодор и несколько священников, пригласив Распутина в Ярославское подворье, потребовали от него, чтобы он прекратил свои посещения царского дворца. Произошла ссора, перешедшая в побоище, во время которого еп. Гермоген бил Распутина по голове нагрудным крестом. В избиении Распутина деятельное участие принимал и благочестивый Митя Козельский. Священник Восторгов, известный деятель «Союза русского народа», рассказывал, со слов епископа Гермогена, что Митя Козельский в разгаре побоища пытался даже оскотить старца ножами.

¹⁹⁶ 8 января 1912 г. Синод постановил лишить епископа Гермогена епископства и сослать его в Жировецкий монастырь в Литве, а Илиодора заточить в исправительный монастырь во Флорищеве, Владимирской губернии. Илиодор подчинился решению Синода не сразу и некоторое время скрывался у д-ра Бадмаева. Там-то у него и зародилась мысль написать свою знаменитую записку о Распутине, предназначавшуюся Николаю и напечатанную два года спустя, с большими сокращениями, в газетах в России и за границей. Илиодор рассчитывал, что Николаю передаст эту записку Бадмаев. Но Бадмаев на это не согласился и лишь пообещал ему передать ее дворцовому коменданту, В. А. Дедюлину, с тем чтобы Дедюлин передал ее по назначению («Святой черт», «Голос минувшего». Март 1917). Покровительствуя Илиодору, Бадмаев вел в то же время (весьма, впрочем, осторожно) кампанию против Распутина. Очевидно, тибетский врач недооценивал в данном случае сил старца и слишком доверял счастливой звезде Илиодора. Позднее Бадмаев исправил свою ошибку и без колебаний перешел в лагерь Распутина (В. П. Семенников. «За кулисами царизма». Архив тибетского врача Бадмаева. Гос. изд., 1925).

¹⁹⁷ А. Э. Пистолькорс участвовал в 1905 г. в подавлении революционного движения в Прибалтийском крае. Вспоминая об этом вечере, Илиодор пишет: «Я сидел и молчал, ища глазами какой-нибудь предмет подороже и поудобнее, чтобы, в случае нападения на меня, запустить им во всю лезшую на меня компанию. И думал: «С бабами-то я расправляюсь одним маленьким креслом. Как махну им, так и разбегутся все. Но вот Пистолькорс, драгунский офицер с сильными большими кулаками — как с ним-то справлюсь? Ведь он храбрый и жестокий, он, по его собственным словам, во время революции один своими ру-

ками повесил 85 латышей в Прибалтийском крае» (С. Труфанов. «Святой черт»).

¹⁹⁸ Пропуск.

¹⁹⁹ Илиодор рассказывает: «Когда старец, обличенный мной, сослал меня во Флорищеву пустынь, то О. В. Лохтина, не теряя надежды на мое примирение с отцом Григорием и на восстановление прежней компании для управления, как она выражалась, двором, несколько раз приезжала во Флорищеву пустынь. Я ее до себя не допускал, а только из окна перечислял подвиги отца Григория и просил ее бросить его и возвратиться в семью. Она никогда ничего мне на это не отвечала. Приезжая в пустынь, она ходила вокруг моей кельи, забиралась на стену, на крышу дома и все кричала одно и то же: «Илиодорушка, красное солнышко!» Монахи, думая, что у меня с ней были грешные отношения, смеялись, а стражники буквально истязали несчастную генеральшу. Таскали ее за волосы, босые ее ноги разбивали сапогами до крови, потом сажали в экипаж и увозили в Гороховец. Она никогда не сопротивлялась, притворяясь мертвой (С. Труфанов. «Святой черт»).

²⁰⁰ В тексте ошибочно — «каблук». Полгода спустя (8 мая 1912 г.) Илиодор, находясь в заточении во Флорищевой пустыни, подал в Синод прошение о снятии с него сана, что Синод и сделал 17 декабря 1912 г., однако не по его просьбе, а по суду — за отречение и за то, что он «усомнился в спасительном воскресении Господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа». После снятия сана Илиодор полтора года жил у себя на родине, на хуторе Большом, в станице Мариинской Донской области. Туда же переселилась и Лохтина, но, по словам Илиодора, он ни разу ее не принял (С. Труфанов. «Святой черт»).

²⁰¹ Так в тексте.

²⁰² Николай Евгеньевич Марков-второй (род. в 1866 г.), гражданский инженер, член Гос. думы III и IV созывов от Курской губ. Крайний правый. В 1905 г. организовал в Курске «Партию народного порядка», слившуюся в 1907 г. с «Союзом русского народа», в котором Марков состоял членом Центрального комитета; член «Союза Михаила Архангела». Получал от охранного отделения субсидии из секретных сумм, якобы на поддержку монархических организаций и правой прессы («Падение царского режима». Т. V).

²⁰³ Александр Александрович Римский-Корсаков (род. в 1850 г.), шталмейстер, сенатор, член Гос. совета, деятель монархических организаций, председатель «Русского со-

брения» — аристократической группы «Союза русского народа».

²⁰⁴ Князь Владимир Петрович Мещерский (1838—1914), камергер, издатель ретроградного еженедельного журнала «Гражданин».

²⁰⁵ «Земщина», издателем которой был Глинка-Янчевский, или же «Русское Знамя» (издатель д-р Дубровин).

²⁰⁶ Вероятно, буква «Р» поставлена ошибочно, и читать следует: Б[огрова].

²⁰⁷ Екатерина Николаевна Головина, по первому мужу Шорникова, по второму — Юдкевич, провокаторша. В революционных кругах была известна под именем «Ирины» и «Эртель», в охранном отделении — под кличкой «Казанская». Выдала и послала в Сибирь членов с.-д. партии Гос. думы II созыва. Будучи брошена затем охранным отделением на произвол судьбы и привлеченная судебным следователем по ст. 102, грозила отдаться в руки правосудия.

²⁰⁸ Пропуск. Вероятно, «поистине».

²⁰⁹ Мария Владимировна Гагаринская, поклонница Распутина, во время русско-германской войны — сестра милосердия. Друг Вырубовой. За полноту Распутин прозвал ее «Шарик», отсюда — «Шурик», «Шура».

²¹⁰ Мария Евгеньевна Головина, дочь камергера, поклонница Распутина.

²¹¹ Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870—1920), д.с.с., член Гос. думы II, III и IV созывов от Бессарабской и Курской губ. Крайний правый, один из основателей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». В русско-германскую войну — уполномоченный Красного Креста. Участник убийства Распутина.

²¹² Владимир Николаевич Воейков (род. в 1868 г.), ген.-майор свиты ее величества С августа 1907-го по декабрь 1913 г. командир ЛГВ Гусарского полка. С 24 декабря 1913 г. до Февральской революции — дворцовый комендант.

²¹³ Павел Григорьевич Курлов (1860—1923), ген.-лейт., бывш. прокурор Вологодского окружного суда, товарищ прокурора московской судебной палаты, бывш. курский и минский губернатор. В 1906 г. — член совета министра внутренних дел. В 1907 г. — начальник Главного тюремного управления. С 1909 по октябрь 1911 г. — командующий делами Департамента полиции. В октябре 1911 г. зачислен в резерв чинов Петроградского военного округа. Во время войны состоял в распоряжении главного начальника снабжения Северо-западного фронта, позднее исполнял обязанности по гражданскому управлению Прибалтийскими губерниями. 23 октября 1916 г. назначен

товарищем министра внутренних дел, но, ввиду того что он был слишком скомпрометирован, указ о его назначении не был опубликован. Уволен 25 октября 1916 г.

²¹⁴ Неразборчиво.

²¹⁵ Неразборчиво. Возможно — «охотятся».

²¹⁶ Казанское жандармское управление. Шорникова проживала в то время в Казани.

²¹⁷ «Союз Михаила Архангела» (?).

²¹⁸ В тексте ошибочно написано «обстановка».

²¹⁹ Неразборчиво. По-видимому, «отличиться».

²²⁰ Александр Васильевич Герасимов (род. в 1861 г.) с 1905 по 1909 г. начальник петербургского охранного отделения. Позднее — генерал для поручений при шефе жандармов.

²²¹ Пропуск.

²²² Столыпин неоднократно указывал Николаю на гибельные последствия, могущие произойти от близости Распутина к царской чете. В начале 1911 г. им был составлен исчерпывающий доклад о «старце», приведший, однако, к совершенно неожиданному результату. Николай выслушал Столыпина и поручил ему вызвать Распутина и лично убедиться в том, «каков он есть человек». Столыпин вызвал к себе Распутина, который, войдя в кабинет премьера, стал испытывать над ним силу своего гипнотического влияния. «Он бегал по мне своими белесоватыми глазами и произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из Св. Писания, как-то необычайно разводил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей напротив меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он на меня производил какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но все же моральное впечатление. Преодолев себя, я прикрикнул на него и сказал ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу раздавить его в прах, предав суду по всей строгости закона о сектантах, ввиду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно, и притом добровольно, покинуть Петербург, вернуться в свое село и больше сюда не появляться» (приводимый М. В. Родзянко рассказ Столыпина о свидании с Распутиным. «Крушение империи»).

²²³ Столыпин был убит в Киеве 1 сентября 1911 г. охранником-provокатором Богровым. Организация убийства приписывалась генералу Курлову, в ту пору начальнику охраны в Киеве.

²²⁴ Пропуск.

²²⁵ В. кн. Павел Александрович.

²²⁶ Кн. Владимир Павлович Палей (1895—1918), сын в.кн. Павла Александровича от брака с графиней Гогенфельзен, позднее князь Палей; поручик ЛГВ Гусарского полка, поэт.

²²⁷ В.кн. Мария Павловна, дочь Павла Александровича от первого брака. 20 апреля 1908 г. была выдана опекунами за Вильгельма, принца шведского, герцога Зюдерманландского.

²²⁸ В октябре 1913 г. в.кн. Мария Павловна оставила своего мужа и вернулась к родителям. (См. письмо Павла Александровича к Николаю от 21 октября 1913 г., опубликованное в книге «Николай II и великие князья».) В 1914 г. брак этот был расторгнут, и Мария Павловна вышла замуж вторично за кн. А. М. Путятину, сына начальника Царскосельского дворцового управления.

²²⁹ Няня Вырубовой.

²³⁰ Очевидно, описка: читать следует — «Вик[торовна]»: Вера Викторовна Леонтович, полтавская помещица, поклонница Распутина, близкий друг Головиных.

²³¹ Так называлась церковь, устроенная под Федоровским собором в Царском Селе.

²³² Бадмаев.

²³³ Осенью 1912 г. в Скерневицах (Варшавской губ.), куда царская семья ездила на охоту, наследник неудачно прыгнул в лодку, и этот прыжок вызвал у него внутреннее кровоизлияние. Он три недели находился между жизнью и смертью.

²³⁴ О причинах отсутствия Распутина рассказывает М. В. Родзянко. В 1912 г., на шестой неделе великого поста, царская семья поехала в Крым. Вырубовой удалось посадить Распутина в свитский поезд в купе князя Туманова. Кто-то доложил об этом Николаю, который, по словам того же Родзянко, еще отдавал себе смутно в тот период отчет о событиях и которому Родзянко не переставал открывать глаза на истинную физиономию «старца» и даже представил ему в марте 1912 г. письменный доклад о Распутине. Николай, узнав о том, что Распутин находится в поезде, велел на станции Тосно остановить поезд, высадить старца и с агентом тайной полиции отправить в Тобольскую губернию. С той поры Распутин при дворе некоторое время не появлялся, приезжая в Петербург на два, на три дня (М. В. Родзянко. «Крушение кыперии»).

²³⁵ Текст этот представляет собою почти дословное повторение письма Бадмаева от 9 октября 1912 г., приводимого В. П. Семенниковым в его книге «За кулисами царизма».

²³⁶ Не дописано.

²³⁷ Предназначавшуюся для Николая записку Илиодора о Распутине Бадмаев передал председателю Гос. думы.

²³⁸ Михаил Владимирович Родзянко (1859—1924), камергер. Окончил пажеский корпус. Служил в Кавалерийском полку. В 1882 г. оставил службу и был зачислен в запас гвардейской кавалерии. В 1883 г. избран Новомосковским очередным уездным собранием почетным мировым судьей. В 1886 г. — председатель дворянства Новомосковского уезда. В 1900 г. — председатель Екатеринославской губернской земской управы. В 1906 г. вошел в реформированный Гос. совет представителем от Екатеринославской губ. В Гос. думе III созыва — председатель земельной комиссии и товарищ председателя фракции «Союза 17 октября». Избран председателем Гос. думы после сложения Гучковым звания председателя Гос. думы III созыва. Председатель Гос. думы IV созыва. 26 февраля, по опубликовании акта о роспуске Гос. думы, стал во главе Временного комитета Гос. думы.

²³⁹ В тексте — «прислушаться, а чтобы прислушаться», что, по-видимому, описка.

²⁴⁰ Запрос в думе последовал в связи с изъятием из продажи брошюры приват-доцента Московской духовной академии Новоселова, документально уличавшего Распутина в сектантстве (М. В. Родзянко. «Крушение империи»).

²⁴¹ Возможно, что речь идет о гневе Николая на в.кн. Михаила Александровича, вступившего в октябре 1912 г. в морганатический брак с Натальей Сергеевной Шереметевской (по первому мужу Мамонтовой, по второму — Вульферт), которая после этого брака получила титул графини Брасовой.

²⁴² Пропуск в одну строку.

²⁴³ В тексте ошибочно — «Мама».

²⁴⁴ М. И. Вишнякова.

²⁴⁵ Акилина Никитична Лаптинская, крестьянка Могилевской губ., с которой Распутин познакомился в Октайском монастыре, где она была послушницей, и из которой он «изгнал беса». Проживала при Распутине. Во время войны — сестра милосердия в санитарном поезде Александры Федоровны.

²⁴⁶ По-видимому, читать следует «Маша».

²⁴⁷ Книга, составленная Елчаниновым, была издана в 1913 г. к 300-летию дома Романовых. Для заграничного издания переведена на французский язык женой в.кн. Павла Александровича, графиней Гогенфельзен, впоследствии кн. Палей. Предисловие к заграничному изданию было написано академиком Сегюром (см. письмо в.кн. Павла Александровича к Николаю от 29 марта 1913 г. в книге «Николай II и великие князья»).

²⁴⁸ Гр. Гогенфельзен (княгиня Палей).

²⁴⁹ Пропуск.

²⁵⁰ Владимир Александрович Сухомлинов (1848—1926), ген.-ад., ген. от кавал.; член Гос. совета, с 1909 г. по 13 июня 1915 г. военный министр. В соответствующих кругах считали, что Сухомлинов, который давно уже добивался высокого поста главнокомандующего, взбешен тем, что ему предпочли вел. кн. Николая Николаевича и что это — человек, который будет за себя мстить» (Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны». Гос. изд., 1923).

²⁵¹ Екатерина Викторовна Сухомлинова, рожд. Гошкевич, по первому мужу Бутович, жена В. А. Сухомлинова.

²⁵² Приказ об общей мобилизации был опубликован 18 июля 1914 г.

²⁵³ Варвара Еремеевна, племянница и «вырощенница» Распутина.

²⁵⁴ В. кн. Дмитрий Павлович.

²⁵⁵ Многоточие в тексте.

²⁵⁶ Георгий Георгиевич Замысловский (род. в 1872 г.), член Гос. думы III и IV созывов от русского населения Виленской губ., крайний правый. Деятель «Союза русского народа».

²⁵⁷ Многоточие в тексте.

²⁵⁸ Бадмаев

²⁵⁹ Так и Николай II и Александра Федоровна называли Распутина.

²⁶⁰ Об этом временном охлаждении упоминает и Палеолог («Царская Россия во время мировой войны»).

²⁶¹ Пропуск.

²⁶² Речь могла бы идти о князе В. П. Мещерском, но это предположение вызывает сомнение, так как кн. Мещерский умер 10 июля 1914 г., то есть до объявления войны.

²⁶³ Пропуск в три строки.

²⁶⁴ Слухи об этом ходили в Петербурге

²⁶⁵ Кн. Владимир Михайлович Волконский (род. в 1868 г.), в должности егермейстера член Гос. думы III и IV созывов от Тамбовской губ., правый. С июля 1907-го по 1913 г. — товарищ председателя Гос. думы. С июля 1915 г. по январь 1917 г. — товарищ министра внутренних дел. Товарищ председателя Особого комитета в.кн. Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну.

²⁶⁶ Так Распутин называл графа Витте.

²⁶⁷ В.кн. Николай Николаевич.

²⁶⁸ Хиония Кузьминична Гусева, крестьянка Симбирской губ., одна из ревностных поклонниц Распутина. Ра-

зочаровавшись в нем, покушалась на его жизнь (15 апреля 1914 г. в с. Покровском). Была признана душевнобольной.

²⁶⁹ Недоразумение: Гусева, «пырнула Распутина ножом» (М. В. Родзянко. «Крушение империи»; С. Труфанов. «Святой черт»).

²⁷⁰ Александра Ивановна Горемыкина, рожд. Капгер, жена статс-секретаря Ивана Логиновича Горемыкина. По словам М. В. Родзянко, сделалась впоследствии «открытой сторонницей Распутина и, не стесняясь, об этом говорила» (М. В. Родзянко. «Крушение империи»).

²⁷¹ Неразборчиво.

²⁷² Пропуск.

²⁷³ В.кн. Александр Михайлович (род. в 1866 г.), ген.-ад., адмирал, шурин Николая; во время русско-германской войны ведал организацией авиационного дела в действующей армии. С именем Александра Михайловича связывались многие авантюры и злоупотребления: участие в корейских концессиях Безобразова, денежные злоупотребления при постройке судов, покупка бракованных аэропланов (причем приемная комиссия не раскрывала даже ящиков), посылка на фронт аэропланов, на которых или вовсе нельзя было летать, или же с большим риском и т. д. (см. «Николай II и великие князья»).

²⁷⁴ Неразборчиво.

²⁷⁵ В тексте — «Полки полевого управления войск, принятые в эту кампанию...».

²⁷⁶ Неразборчиво.

²⁷⁷ Возможно, что перерыв между настоящей и последующей записью объясняется болезнью Вырубовой после того, как она пострадала во время катастрофы 2 января 1915 г. на Царскосельской ж.д., в шести верстах от Петрограда. У нее была разбита голова, вывихнута рука и сломаны обе ноги, так что впоследствии она долгое время не могла передвигаться без помощи костылей.

²⁷⁸ В своих официальных воспоминаниях, опубликованных Вырубовой в 4-й книжке «Русской летописи» (Париж, 1922), она утверждает, что Палеолог встретился с Распутиным впервые в доме ее сестры А. А. Пистолькорс, куда французский посол приехал, желая лично познакомиться со «старцем», причем переводчицей беседы служила графиня Ольга Валериановна Гогенфельзен (кн. Палей). Сам же Палеолог, относящий это свидание к 24 февраля (н.с.) 1915 г., из «соображений приличий и скромности ограничивается лишь указанием первой буквы фамилии или имени хозяйки дома, где это свидание имело место («г-жа О.») («Царская Россия во время мировой войны»).

²⁷⁹ Жорж-Морис Палеолог (род. в 1879 г.), с 1914-го по 1917 г. — французский посол в Петрограде.

²⁸⁰ Многоточие в тексте.

²⁸¹ Т.е. в.кн. Николая Николаевича.

²⁸² Многоточие в тексте.

²⁸³ 9 апреля 1915 г. Николай посетил взятый русскими войсками Львов. (Оставлен русскими войсками 9 июня 1915 г.)

²⁸⁴ Николай Владиславович Рузский (1854—1918), ген.—ад., ген. от инф., участник русско-турецкой и русско-японской войны, член Гос. совета и Военного совета. Во время русско-германской войны — командующий 4-й армией и главнокомандующий армиями Северного фронта (в 1915 г.), затем (в 1916 г.) — главнокомандующий армиями Северо-западного и Северного фронтов.

²⁸⁵ Алексей Александрович Брусилов (1853—1926), ген.—ад., ген. от кав., участник русско-турецкой войны, бывш. начальник офицерской кавалерийской школы. В 1906 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии; с 1909-го по 1912 г. — командир 14-го армейского корпуса; с 1912-го по 1913 г. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа. Во время русско-германской войны командовал армиями Юго-Западного фронта. В мае 1917 г. — верховный главнокомандующий. В июле 1917 г. назначен в распоряжение Временного правительства. В 1920 г. — председатель Особого Совещания при главкоме.

²⁸⁶ Архиепископ Евлогий, член Гос. думы II и III созывов от православного населения Люблинской и Седлецкой губ. Поездка его в Галицию имела целью присоединение униатов к православию.

²⁸⁷ Сергей Александрович Танеев, кандидат мат. наук, в должности церемониймейстера высочайшего двора. Брат Вырубовой.

²⁸⁸ Пропуск.

²⁸⁹ В.кн. Милица и Анастасия Николаевны.

²⁹⁰ Вероятно, Анатолий Иванович Мартынов, ген.-майор. Во время русско-германской войны командир 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии.

²⁹¹ Мать Милицы и Анастасии Николаевны, кн. Милица Черногорская, дочь черногорского воеводы Петра Вукотича.

²⁹² В.кн. Сергей Михайлович (1869—1918), ген.-ад., ген. от арт., начальник Главного артиллерийского управления, которое он довел до степени полного разложения. После поражения на фронте в 1915 г. из-за недостатка снарядов должен был оставить этот пост (в январе 1916 г.); тем не менее он был назначен полевым генерал-инспектором артиллерии при верховном главнокомандующем.

²⁹³ Александра Федоровна 3 сентября 1915 г. пишет Николаю: «Бог мой, какие потери! Сердце кровью обливается. Наш Друг говорит, что они светильники, горящие перед престолом Господа Бога, а это восхитительно! Дивная смерть — за государя и за родину свою!» («Переписка Романовых». Т. III. 1923).

²⁹⁴ Николай Алексеевич Маклаков (1871—1918), гофмейстер, бывш. черниговский губернатор, член Гос. совета. С 1912 г. по 5 июля 1915 г. — министр внутренних дел, шеф жандармов. Крайний реакционер. Неоднократно высказывался за роспуск Гос. думы.

²⁹⁵ Иван Григорьевич Щегловитов (1861—1918), статс-секретарь, сенатор, член Гос. совета. С апреля 1906 г. по июль 1915 г. министр юстиции. 1 января 1917 г. назначен председателем Гос. совета. Один из самых непримиримых реакционеров. Выдвинул дело Бейлиса.

²⁹⁶ Во время войны Гос. дума как постоянный законодательный орган не функционировала и собиралась лишь по мере надобности. Поэтому между представителями правых и левых постоянно шла борьба: правые уговаривали Николая не созывать думы, опасаясь, что она будет создавать оппозиционное настроение в стране, кадеты же и октябристы, отражавшие мнение либеральных кругов и стоявшие за продолжение войны, настаивали на созыве думы.

²⁹⁷ Николай уехал 11 июня 1915 г. в Ставку для совещания с в.кн. Николаем Николаевичем и министрами относительно текста рескрипта на имя председателя совета Министров с обращением ко всем силам страны (опубликован 17 июня 1915 г.), призыва ратников 2-го разряда, а также режима военнопленных и германских и австрийских подданных, еще проживавших в России.

²⁹⁸ Антинемецкие демонстрации в Москве 27—29 мая 1915 г., в результате галицийского поражения, вылившиеся в настоящий немецкий погром.

²⁹⁹ После немецкого погрома председатель Гос. думы Родзянко настаивал на немедленном созыве думы.

³⁰⁰ Пропуск.

³⁰¹ Неразборчиво; вероятно, кн. Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон-старший (род. в 1856 г.), ген.-лейт., ген.-ад.; с 5 мая по 19 июня 1915 г. — гл. начальник Московского военного округа и главноначальствующий г. Москвы (до 3 сентября 1915 г., когда он должен был покинуть этот пост в связи с немецким погромом).

³⁰² Пропуск.

³⁰³ Очевидно, «Штандарта».

³⁰⁴ Николай Павлович Саблин (род. в 1880 г.), флиг.-ад., контр-адм. свиты ее величества, в 1912 — 1915 гг. старший

офицер императорской яхты «Штандарт»; в 1916 г. командующий морским батальоном гвардейского экипажа, позднее — командир «Штандарта».

³⁰⁵ Красочную картину «жития старца» дает «Дневник наружного наблюдения за Распутиным — донесения агентов охранного отделения, приставленных к Распутину Белецким и Комиссаровым, якобы для охраны» («Красный Архив», т.V, 1924).

³⁰⁶ 26 марта 1915 г. Распутин был приглашен к «Яру» (ресторан в Москве) — «вспрыснуть дельце» — мелким журналистом и комиссионером Н. Н. Соедовым, которому обещал поддержку в деле проведения в интендантстве его плана поставки белья на армию. (См. донесение начальника московского охранного отделения Мартынова командиру отдельного корпуса жандармов Джунковскому от 5 июня и 28 июля 1915 г. «Голос Минувшего», март, 1917.) Дознание о происшедшем в «Яре» скандале производил ген.-майор свиты ее величества А. А. Адрианов, московский градоначальник (с 1908 г. по 11 июня 1915 г.), сам находившийся в это время под сенатским расследованием в связи с антинемецкими беспорядками в Москве. Заключение его по делу Распутина было, вследствие этого, весьма пристрастным и гласило, что ничего предосудительного Распутин в «Яре» не совершил.

³⁰⁷ Шереметева (?).

³⁰⁸ А. Э. Пистолькорс.

³⁰⁹ Неразборчиво. Очевидно, речь идет об Александре Дмитриевиче Самарине (род. в 1869 г.), в должности егермейстера московском губернском предводителе дворянства, члене Гос. совета, с 5 июля по 26 сентября 1915 г. исполнявшем обязанности обер-прокурора Синода.

³¹⁰ Пропуск.

³¹¹ В письмах от 16 по 25 июня 1915 г. Александра Федоровна пишет Николаю: «Наш Друг был так против твоей поездки в Ставку, потому что там тебя заставляют делать вещи, которые было бы лучше не делать. Здесь, дома, атмосфера гораздо здоровее, и ты более верно смотришь на вещи, — возвращайся скорее!»; «Помни, что наш Друг просил тебя не оставаться там слишком долго. Он знает и видит Н. Н. насквозь, а также твое слишком доброе и мягкое сердце» («Переписка Романовых». Т. III).

³¹² В.кн. Николай Николаевич.

³¹³ Вероятно, гр. Магдалина Павловна Ностиц, рожд. Бутон, жена ген.-майора свиты ее величества, бывш. русского военного агента во Франции.

³¹⁴ По настоянию Самарина Распутин летом 1915 г. уезжал ненадолго («по совету врачей») к себе на родину.

³¹⁵ Первый выезд Вырубовой из Царского Села после болезни. (См. приписку к письму Александре Федоровне от 15 июня. «Переписка Романовых». Т. III.)

³¹⁶ Многоточие в тексте.

³¹⁷ По-видимому, еще у Владимира Александровича Де-дюлина (1858—1913), ген.-ад., дворцового коменданта.

³¹⁸ Умер 17-го, похоронен 21 июня 1915 г.

³¹⁹ Александр Яковлевич Евдокимов, почетный лейб-медик, главный военно-санитарный инспектор. В 1914 г., после первых боев, Родзянко довел через посредство вдовствующей императрицы до сведения в. к. Николая Николаевича о неудовлетворительной постановке дела эвакуации раненых с фронта. Евдокимов был вызван в Ставку, и вскоре после этого верховным начальником санитарно-эвакуационной части был назначен, с диктаторскими правами, принц Александр Петрович Ольденбургский.

³²⁰ Сухомлинова.

³²¹ Гр. Софья Сергеевна Игнатьева, рожд. кн. Мещерская, вдова ген.-ад., играла большую роль в правых и церковных кругах.

³²² Любовь Валериановна Головина, рожд. Карнович, вдова камергера, мать М. Е. Головиной, сестра княгини Палей, деятельный член распутинского кружка.

³²³ Неразборчиво.

³²⁴ Сестра Зины — горничной Вырубовой.

³²⁵ Вера Николаевна Головина, воспитанница и крестница В. В. Леонтович, юная поклонница Распутина.

³²⁶ Бадмаев.

³²⁷ «Голос Москвы» — орган октябристов.

³²⁸ Николай Иванович Гучков, брат А. И. Гучкова, д.с.с., бывш. московский городской голова, почетный мировой судья, гласный Московской городской думы, товарищ председателя комитета в.кн. Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну.

³²⁹ Многоточие в тексте.

³³⁰ Не дописано.

³³¹ Выселение евреев из полосы военных действий происходило под давлением ген. Н. Н. Янушкевича, начальника штаба верховного главнокомандующего в.кн. Николая Николаевича (с июля 1914 г. по август 1915 г.). Янушкевич все военные неудачи объяснил шпионажем со стороны евреев.

³³² 15 июля 1915 г. дело Сухомлинова по обвинению в государственном преступлении было передано на расследование специальной Чрезвычайной следственной комиссии; он был исключен из числа членов Гос. совета и заключен 29 апреля 1916 г. в Трубецкой бастион Петро-

павловской крепости. Полгода спустя содержание в крепости было заменено ему домашним арестом.

³³³ Так в тексте.

³³⁴ В.кн. Роман Петрович (род. в 1896 г.), сын в.кн. Петра Николаевича и в.кн. Милицы Николаевны, племянник в.кн. Николая Николаевича.

³³⁵ Сессия 20 июля — 3 сентября 1915 г.: требование положить конец произволу царского правительства, обличения тех, кто подлежит ответственности, как бы высоко они ни стояли; требование широкого привлечения к работе правительства общественных сил; предложение предать Сухомлинова суду. Выступление депутатов: М. С. Аджемова (к.-д.), В. А. Маклакова (к.-д.), Чхенхели (с.-д.).

³³⁶ Пропуск.

³³⁷ Существовало мнение, что Сухомлинов старался «предательским образом проваливать нововведения, которые предлагались ему для развития производства снарядов», и что «объяснения этому странному явлению следовало искать в жестокой его ненависти к в.кн. Николаю Николаевичу» (Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны»).

³³⁸ Пропуск.

³³⁹ Вероятно, гр. Александра Андреевна Олсуфьева, рожд. Миклашевская, бывш. гофмейстерина в.кн. Елизаветы Федоровны.

³⁴⁰ Пропуск.

³⁴¹ 16, 17 и 18 августа 1915 г. в газете «Биржевые Ведомости» печаталась обличительная статья Вен. Борисова «Житие старца Распутина».

³⁴² Кн. Николай Борисович Щербатов (род. в 1868 г.), в звании камергера, бывш. полтавский губернский предводитель дворянства, с 1913 г. — управляющий госуд. коннозаводством. С 5 июля по 26 сентября 1915 г. — управляющий министерством внутренних дел и главным начальствующий отдельным корпусом жандармов.

³⁴³ Взятие германцами Варшавы, Ковно, Новогеоргиевска.

³⁴⁴ Сергей Дмитриевич Сазонов (род. в 1861 г.), гофмейстер, член Гос. совета; с 1910-го по 1916 г. — министр иностранных дел.

³⁴⁵ 23 августа 1915 г. Николай II принял верховное командование всеми сухопутными и морскими силами.

³⁴⁶ Сэр Джордж Уильям Бьюкенен (1856—1924), английский посол при русском дворе с 1910-го по 1917 г.

³⁴⁷ Палеолог относит этот обед и последующую беседу к 15 сентября (н.ст.) 1915 г. («Царская Россия во время мировой войны»).

³⁴⁸ Максим Максимович Ковалевский (1851—1916), социолог, общественный деятель, профессор Московского университета. В 1887 г. был выслан из России. В 1905 г. вернулся. Основатель Вольной Русской Школы в Париже. Основатель партии демократических реформ, редактор газеты «Страна». В 1907 г. — член Гос. совета. В 1909 г. — один из редакторов журнала «Вестник Европы». С 1914 г. — член Академии наук.

³⁴⁹ Речь идет, очевидно, о созванных под давлением Гос. думы Особых совещаниях: по государственной обороне, по топливу, по транспорту и по продовольствию, под председательством министров соответствующих ведомств и при участии представителей от ведомств, Гос. думы, Гос. совета и общественных организаций.

³⁵⁰ В тексте ошибочно написано: «Нет масла благословения».

³⁵¹ Кшесинская.

³⁵² В.кн. Андрей Владимирович (род. в 1879 г.), ген.-майор свиты ее величества; с 7 мая 1915 г. — командир ЛГВ Конной артиллерии.

³⁵³ В.кн. Сергей Михайлович.

³⁵⁴ Степан Петрович Белецкий (1873—1918), сенатор, вице-директор и затем директор Департамента полиции. С сентября 1915 г. по февраль 1916 г. — товарищ министра внутренних дел. На Белецкого была возложена охрана жизни Распутина, а также наблюдение за ним как в столице, так и в деревне. До Белецкого наблюдение за Распутиным вел Курлов.

³⁵⁵ Алексей Николаевич Хвостов (1872—1918), в звании камергера, бывш. вологодский и нижегородский губернатор, член Гос. думы IV созыва от Орловской губернии, лидер и председатель бюро фракции правых. Член «Русского собрания». С 26 сентября 1915 г. по 3 марта 1916 г. — министр внутренних дел и главноначальствующий отдельного корпуса жандармов. Будучи ставленником Распутина, предпринял против него решительную кампанию, в результате которой и был смещен.

³⁵⁶ Архиепископ тобольский и сибирский (1860—1921), друг Распутина.

³⁵⁷ Давид-Фридрих Штраус, германский философ, историк, теолог и публицист (1808—1874). Главный его труд «Жизнь Иисуса Христа» вызвал в свое время оживленную и ожесточенную полемику. Исходя из принципов гегелевской философии, разбирая содержание Евангелия и развивая собственную теорию образования мифов, он не отрицал факта исторического существования личности Иисуса, но находил, что большая часть представлений о нем имеет позднейшее происхождение.

³⁵⁸ Елизавета Федоровна подразумевает свою мать, вел. герцогиню Гессенскую Алису. «Воспитанная в самом строгом англиканстве, принцесса Алиса испытала, вскоре после замужества, духовно-интеллектуальную страсть к тюбингенскому богослову-рационалисту Давиду Штраусу, умершему четырем годами раньше ее. Глубокая тайна окутывает еще этот роман двух душ и умов, но нельзя сомневаться в том, что он сильно смутил ее в ее верованиях и что она пережила ужасные потрясения. Ее дочери могли унаследовать от нее склонность к религиозной экзальтации» (М. Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны»).

³⁵⁹ Не дописано.

³⁶⁰ Многоточие в тексте.

³⁶¹ Это распоряжение Распутина было исполнено 1 октября 1915 г.

³⁶² Речь идет об опале кн. В. Н. Орлова и ссылке его на Кавказ, на пост помощника (по гражданской части) кавказского наместника (27 августа 1915 г.). С удалением кн. Орлова в ближайшем окружении Романовых не оставалось никого, кто не был бы послушен воле Распутина.

³⁶³ Пропуск.

³⁶⁴ Недоразумение: вряд ли Гучков выступал в качестве представителя дворянства.

³⁶⁵ Иван Логинович Горемыкин (1889—1917), статс-секретарь, сенатор, член Гос. совета. С 30 января 1914 г. по 20 января 1916 г. — председатель совета Министров.

³⁶⁶ См. второе из приведенных в книге В. П. Семенникова «Архив тибетского врача Бадмаева» письмо Илиодора к Бадмаеву (при посылке тому писем великих княжон Ольги и Анастасии к Распутину).

³⁶⁷ Одна из жертв Распутина, которую он склонил к сожигательству с ним, как к «богоугодному делу». Предназначалась в няни наследнику, но навлекла на себя неудовольствие Александры Федоровны, сообщив епископу Феофану на исповеди о своих отношениях с Распутиным. Была принуждена оставить Петербург и проживать в женском монастыре («Святой черт». «Голос минувшего»).

³⁶⁸ Вероятно, описка.

³⁶⁹ Гвардейский офицер.

³⁷⁰ В. княжна Ольга Николаевна. При допросе Вырубовой 6 мая 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией ей был задал вопрос: «А кого называли при дворе Цветком?» Вырубова ответила: «Не знаю».

³⁷¹ Октябрь 1915 г. Мария Федоровна провела в Киеве у дочери, в.кн. Ольги Александровны, у которой там был лазарет.

³⁷² Вопросительный знак в тексте.

³⁷³ Вероятно, с принцем Генрихом Прусским. Князя Андроникова еще при Витте неоднократно посылали с поручениями в Германию, и он был лично известен императору Вильгельму. Андроников не скрывал своего германофильства, вследствие чего во время войны за ним со стороны военного министерства было установлено наблюдение («Падение царского режима». Т. III. Допрос С. П. Белецкого 19 мая 1917 г.).

³⁷⁴ Запрос о Шорниковой министру внутренних дел рассматривался в Гос. думе 26 октября 1915 г.

³⁷⁵ Владимир Федорович Джунковский (род. в 1865 г.), ген.-майор свиты ее величества; с 1905-го по 1913 г. — московский губернатор; с 1913 по 1915 г. — товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов. Пытался ослабить антиправовой и антимо-ральный характер дела политического розыска, но встретил упорное сопротивление со стороны Белецкого. С 19 августа 1915 г. — командующий бригадой 8-й сибирской стрелковой дивизии.

³⁷⁶ Наследник. Пьер Жильяр, воспитатель Алексея, говоря в своих «Воспоминаниях» (Ревель, 1921) о болезни последнего, рассказывает: «Падение, кровотечение из носа, пустой порез — все то, что для другого ребенка было бы лишь пустой безделицей — для него могло быть смертельным».

³⁷⁷ В апреле 1915 г.

³⁷⁸ Рагуза и Катарро — порты Адриатического моря, входившие в состав Далмации и принадлежавшие Австрии.

³⁷⁹ Письмо Милицы Николаевны от 5 апреля 1915 г. приводится в книге «Николай II и великие князья», причем этой последней мысли автор письма в нем не высказывает. В примечаниях к этой книге В. П. Семеновичев пишет: «Запрос к Милице относительно вожде-лений Черногории был сделан в это время не случайно: она писала Николаю 5 апреля 1915 г., а как раз тогда шел вопрос о переходе в наступление сербской армии; сначала предполагалось, что сербское наступление состоится после образования союзного фронта на Балканах, но ухудшение положения на русском фронте, после дунаецкого прорыва, поставило вопрос о необходимости немедленного перехода сербской армии в наступление. Об этом в.кн. Николай Николаевич 4/17 апреля телеграфно просил сербского главнокомандующего, короле-вича Александра. Вместе с тем в связи с решением союзников предпринять салоницкую операцию ввиду того, что Греция отказывалась от пропуска союзных ар-

мий по салоницкой территории, в Ставке возникал вопрос (в феврале — марте 1915 г.) о возможности для осуществления указанной задачи действовать через Рагузу, опираясь на Черногорию. Таким образом, союзники, и в частности русское командование, были в этот момент заинтересованы в том, как отнесется к их планам Черногория. Именно потому Милица в своем ответе Николаю II постаралась «запросить» побольше; вместе с тем авантюристский король Черногории (отец Милицы) хотел поживиться за счет Сербии. Почти в то же самое время, когда Милица сообщала Николаю о территориальных пожеланиях своего отца, русский военный агент в Черногории доносил в Ставку, 19 апреля 1915 г., об истинном плане Николая черногорского, выработанном членами черногорской королевской семьи при участии итальянской королевы Елены (сестры Милицы). «План этот, — говорится в донесении, от осуществления которого ожидается осуществление интересов как Черногории, так и Италии, преследует задачу усилить и укрепить Черногорию, сделав ее возможно более независимой от Сербии, и одновременно ослабить Сербию, которая иначе может явиться в будущем угрозой итальянским интересам на Адриатическом море».

³⁸⁰ Великие князья Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи, двоюродные братья Николая II, считавшиеся претендентами на русский престол. Слухи об этом особенно укрепились после 1908 г., когда их мать, в.кн. Мария Павловна, приняла православие.

³⁸¹ Пропуск. Александра Федоровна и Вырубова постоянно жили под страхом всяких заговоров и покушений.

³⁸² Пропуск.

³⁸³ Не дописано. Вероятно, жена полковника Остен-Сакена.

³⁸⁴ Так в тексте.

³⁸⁵ Комиссаров.

³⁸⁶ Пропуск, вероятно — «шуму».

³⁸⁷ Неразборчиво. В списках генералов русской армии за этот период времени значится генерал-лейтенант Алексей Николаевич Войцеховский, член военно-окружного совета Варшавского военного округа.

³⁸⁸ Деревня близ Детского Села.

³⁸⁹ Александра Александровна Теглева, бонна великих княжон.

³⁹⁰ Надежда Ивановна Воскобойникова, вдова подъесаула, уроженка Области войска донского, старшая сестра Серафимовского лазарета Вырубовой в Царском Селе. Поклонница Распутина, в которой позднее Протопопов видел возможную заместительницу Вырубовой («Падение

царского режима». Т. IV. Показания Белецкого 20 июля 1917 г.).

³⁹¹ Вероятно, Николай Иванович Решетников, московский купец, заведовавший лазаретом Вырубовой, на который он жертвовал крупные суммы, за что и получил чин д.с.с.

³⁹² Илиодор проживал в это время в Христиании.

³⁹³ Митрополит Питирим (1858—1921), бывш. экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский. 23 ноября 1915 г. назначен митрополитом Петроградским и Ладожским и священно-архимандритом Александро-Невской Лавры, взамен митрополита Владимира, переведенного в Киев митрополитом Киевским и Галицким, чтобы очистить место Питириму. Ставленник Распутина. Заступник Варнавы. Член Синода.

³⁹⁴ «С Варнавой» (?).

³⁹⁵ «Вечернее Время» — орган левой части «нововременцев» с Б. А. Сувориным, А. А. Пиленко и А. И. Ксюниным во главе.

³⁹⁶ Иван Федорович Манусевич-Мануйлов (1869—1918). В течение нескольких лет — агент департамента полиции за границей. Сотрудник «Нового Времени» и «Вечернего Времени». Вел в газетах кампанию против Распутина, прекращенную по распоряжению Н. А. Маклакова, после чего сделался своим человеком у Распутина. Информатор Белецкого. При Штюрмере причислен к Министерству внутренних дел с откомандированием в распоряжение председателя совета Министров. Секретарь и правая рука Штюрмера. Был привлечен к суду по ст.ст. 1666 и 1618 ул. о нак. по делу о незаконном получении 25 000 руб. с директора Соединенного банка в Москве И. С. Хвостова, племянника А. Н. Хвостова. Утверждал первоначально, что эти деньги получены им на кампанию по реабилитации А. Н. Хвостова, а затем — что они предназначались на агитацию с целью проведения на пост министра финансов или торговли граф В. С. Татищева (Бецкий и Павлов. «Русский Рокамболь». Изд. «Былое», 1925). Дело его слушалось в Петрограде в конце 1916 г., но было прекращено по настоянию Распутина и инспирируемых им лиц. Однако, вследствие запроса в Гос. думе, делу все-таки был дан ход, и судебное разбирательство состоялось в феврале 1917 г. Манусевич-Мануйлов был приговорен к полутора годам заключения в арестантском отделении с лишением прав.

Любопытную характеристику Манусевича-Мануйлова дает Палеолог («Царская Россия накануне революции». Гос. изд., 1923). «Мануйлов — субъект интересный, он еврей по происхождению, ум у него быстрый и изворот-

ливый; он любитель широко пожить, жуир и ценитель художественных вещей; совести у него нет и следа. Он в одно и то же время и шпион, и сыщик, и пройдоха, и жулик, и шулер, и подделыватель, и развратник — странная смесь Панурга, Жиль Блаза, Казановы, Роберта Макара и Видока. А в общем — «милейший человек».

³⁹⁷ Михаил Авдакович Снарский-Оцуп, сотрудник газеты «Вечернее Время».

³⁹⁸ Хвостов рассказывает этот эпизод несколько иначе: «Питирим постоянно всем объяснял, что он с Распутиным не знаком, его не знает. Так что некоторые элементы прогрессивной группы Государственной думы, как, например, латышский элемент, его посещали часто. Он и меня в этом уверял часто. Но когда мне несколько раз говорили, что Распутин в лавре у Питирима, тогда я решил проверить и поехал сам в лавру... поднялся вверх без всякого доклада и застал Распутина, Питирима, Осипенку и др. Питирим был в высшей степени смущен, он не знал, как найти кlobук... Распутин говорил: «Что ты стесняешься?..» Питирим, возмущенный на мой визит в лавру, после этого доносил на меня жалобу в Царском Селе («Падение царского режима». Допрос Хвостова 18 марта 1917 г.).

³⁹⁹ Александр Федорович Трепов (род. в 1864 г.), егермейстер, статс-секретарь, член Гос. совета, сенатор; с 1915 г. — управляющий Министерством путей сообщения, с ноября по январь 1916 г. — председатель совета Министров.

⁴⁰⁰ Сергей Васильевич Рухлов (1853—1918), статс-секретарь, член Гос. совета, с 1909 г. по ноябрь 1915 г. — министр путей сообщения.

⁴⁰¹ Назначенный вместо Рухлова на пост министра путей сообщения Трепов только больше запутал дело подвоза в Петроград предметов продовольствия, так как, по собственному его признанию, никогда никакого отношения к Министерству путей сообщения не имел. Петрограду стал угрожать голод. Тогда совет Министров решил прекратить на шесть дней движение пассажирских поездов между столицами для беспрепятственного следования товарных. Эта мера, однако, нисколько не помогла, так как одновременно не был организован усиленный подвоз в Москву из других мест, и товарные вагоны вернулись из Москвы наполовину пустыми (Родзянко. «Крушение империи»).

⁴⁰² Пропуск.

⁴⁰³ Вероятно, петроградское отделение Коммерческого банка в Варшаве.

⁴⁰⁴ Сухомлинова.

⁴⁰⁵ Алексей Иванович Путилов, д.с.с., председатель правления Общества Путиловских заводов, председатель правления Русско-Азиатского банка, член совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности, участник многих акционерных предприятий. Будучи главным акционером Путиловского завода и желая получить от казны субсидию в 36 миллионов, закрыл в качестве директора правления Русско-Азиатского банка кредит Путиловскому заводу. Тогда дирекция завода обратилась к правительству с требованием субсидии, грозя в ином случае остановить завод. Так как завод работал на оборону, естественно было ожидать, что перед ассигновкой не остановятся. Но Родзянко и Гучков, которым была ясна закулисная сторона дела, предложили, вместо выдачи субсидии, секвестровать завод. Решение о секвестре было принято в особом совещании почти единогласно, однако неожиданно последовало высочайшее приказание пересмотреть вопрос. Секвестр был отменен. Позднее (в марте 1916 г.) Родзянке все-таки удалось провести эту меру (Родзянко. «Крушение империи»).

⁴⁰⁶ Пропуск.

⁴⁰⁷ Может быть, Иосиф Яковлевич Погорельский, директор распорядитель и директор правления акц. общества Лангензишпен и К^о.

⁴⁰ 8Кн. Николай Евсеевич Туманов (род. в 1844 г.), инженер-генерал, член военного совета, с 1915 г. — гл. начальник Петроградского военного округа.

⁴⁰⁹ Военно-промышленный комитет — общественная организация в помощь правительству, при преимущественном участии представителей крупной и средней промышленности, имевшая целью мобилизацию промышленности для усиления производства предметов артиллерийского, техническо-инженерного и интендантского снабжения. Кроме промышленников, в состав комитета входили представители общественных организаций и законодательных палат. Возглавлялся А. И. Гучковым и А. И. Коноваловым.

⁴¹⁰ Перлюстрация писем как способ осведомления практиковалась в России уже со времен Екатерины II. При Александре III последовало высочайшее повеление освещать, путем перлюстрации, не только настроения кругов, интересующих департамент полиции, но также и придворные отношения. Неприкосновенность частной переписки не была гарантирована даже и для членов императорской фамилии. Так, Белецкий рассказывает, что однажды императрица Мария Федоровна жаловалась на то, что нашла на своем письме отпечаток пальца («Па-

дение царского режима». Т. III. Допрос Белецкого 12 мая 1917 г.).

⁴¹¹ Вероятно, граф Николай Владимирович Татищев (род. в 1888 г.), офицер Преображенского полка, помещик Орловской губ.

⁴¹² Манусевич-Мануйлов.

⁴¹³ Граф Владимир Сергеевич Татищев (род. в 1865 г.). Председатель правления и директор-распорядитель Московского Соединенного банка. Интриговал против министра финансов Барка, желая занять его место.

⁴¹⁴ Вероятно, Мария Александровна Васильчикова, фрейлина. При объявлении войны была задержана в имении Глогниц, у Клейн-Вартенштейна, в Австрии. Весною 1915 г. написала Романовым три письма по вопросу о сепаратном мире. В декабре 1915 г. ей удалось приехать в Россию; она привезла Александре Федоровне письма от великого герцога Гессенского и гессенских и голштинских принцесс с сетованиями на Англию, препятствующую примирению России и Германии. Васильчикова была обвинена в деятельности, направленной в пользу заключения сепаратного мира, и 1 января 1916 г. лишена придворного звания и сослана — первоначально в Черниговскую, а позднее — в Вологодскую губернию.

⁴¹⁵ Время с 18-го по 24 ноября Николай провел в Царском Селе и затем опять вернулся с наследником в Ставку.

⁴¹⁶ По-видимому, переписано ошибочно.

⁴¹⁷ А. Н. Лаптинская.

⁴¹⁸ Агент «наружного наблюдения», приставленный к Распутину Хвостовым якобы для охраны.

⁴¹⁹ Станция Детскосельской железной дороги.

⁴²⁰ Пропуск.

⁴²¹ Александр Александрович Братолюбов, изобретатель аппаратов для выбрасывания горючей жидкости на большие расстояния, которому, благодаря протекции в.к. Михаила Александровича, был открыт кредит в Гос. банке. Испытание действия аппаратов дало самые плачевные результаты: «Горючая жидкость на большие расстояния не выбрасывалась, но зато получили смертельные ожоги пять человек солдат, приставленных к аппарату». После этого испытания «были приняты меры, чтобы Братолюбову деньги не выдавались, однако изобретатель успел уже получить из банка около 200 000 руб.»; выяснилось, что за спиной Братолюбова стояла целая шайка аферистов, желавших поживиться за счет казны (Родзянко. «Крушение империи»).

⁴²² В. княжна Татьяна Николаевна (1897—1918), вторая дочь Романовых.

⁴²³ Алексей Борисович Нейдгарт (род. в 1863 г.), гофмейстер, почетный опекун, член Гос. совета; бсdi. нижегородский губернатор, предводитель дворянства. С 1903 г. — екатеринославский губернатор. Проявил большую жестокость при подавлении революционного движения в Екатеринославской губ. в 1905 г. Был причислен к Министерству внутренних дел. Председатель Комитета в.кн. Татьяны Николаевны для помощи пострадавшим от военных бедствий.

⁴²⁴ Неразборчиво. Может быть — «Мулаловой».

⁴²⁵ Семья чайных фабрикантов.

⁴²⁶ Инок Мардарий Ускокович, черногорец, окончил Петроградскую духовную академию. Преподаватель славянской гимназии в Петрограде. В результате происков Распутина, видевшего в нем себе конкурента, был заподозрен в шпионаже в пользу Австрии и переведен в Тверскую область.

⁴²⁷ Алексей Андреевич Поливанов (1855—1920), ген. от инф., член Гос. совета, бывш. начальник гл. штаба и помощник военного министра, редактор журнала «Военный Вестник» и газеты «Русский Инвалид». С 13 июня 1915 г. по 15 марта 1916 г. — военный министр.

⁴²⁸ Александр Иванович Дубровин (1885—1921), врач, издатель черносотенной газеты «Русское Знамя», председатель «Союза русского народа».

⁴²⁹ Вероятно, Мария Сергеевна Гилль, жена офицера, пользовавшаяся таким благоволением Распутина, что Александра Федоровна пожелала в свое время видеть ее портрет.

⁴³⁰ Может быть, «папа».

⁴³¹ Юлия Александровна Ден, рожд. Смонская, жена капитана 1-го ранга, подруга Вырубовой, близкое Александре Федоровне лицо.

⁴³² Фрейлина С. И. Тютчева.

⁴³³ В.княжна Татьяна Николаевна.

⁴³⁴ Распутин готовил для Александры Федоровны книгу «Житие преподобного Кирилла Новоозерского». Другая книжка «старца» — «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам» — была издана в Петрограде в 1915 г.

⁴³⁵ Речь идет о Хвостове, Белецком и Татищеве, приглашенных Вырубовой на обед с участием Распутина. Об этом случае пьяного бахвальства старца рассказывает и Белецкий в своих показаниях от 2 июня 1917 г. («Падение царского режима». Т.IV.).

⁴³⁶ Баронесса Вера Илиодоровна Кусова, поклонница Распутина.

⁴³⁷ В. В. Леонтович.

⁴³⁸ Вероятно, описка и читать следует «Н. П.» (Саблин).
⁴³⁹ В. В. Леонтович.

⁴⁴⁰ Борис Владимирович Штюмер (1848—1917), обер-камергер, член Гос. совета, бывш. новгородский и ярославский губернатор. В 1902 г. — директор департамента общих дел Министерства внутренних дел. С 20 января по 10 ноября 1916 г. — председатель совета Министров. Одновременно (с 3 марта по 7 июля) — министр внутренних дел, а с 7 июля по 10 ноября — министр иностранных дел. Должен был оставить свой пост после разоблачения в Гос. думе его германофильской политики.

⁴⁴¹ Комиссар австрийского правительства по наблюдению за Наполеоном на острове Св. Елены.

⁴⁴² Распутин подразумевает Бориса Михайловича Ржевского, сотрудника нижегородских и столичных газет, во время русско-германской войны — уполномоченного Красного Креста Северо-западного района, агента Департамента полиции, фактотума А. Н. Хвостова еще в бытность последнего нижегородским губернатором. Командированный Хвостовым в 1915 г. за границу для получения от Илиодора компрометирующих Распутина документов, Ржевский, после ареста его на фронте по секретному предписанию Белецкого, утверждал, что главной целью его поездки было заручиться согласием Илиодора на принятие на себя вины в замышляемом Хвостовым убийстве Распутина. Расследование дела Ржевского было поручено Гурлянду, Манусевичу-Мануйлову и Осипенке.

⁴⁴³ Петр Львович Барк (род. в 1869 г.), член Гос. совета; с 30 января 1914 г. — министр финансов.

⁴⁴⁴ В своих показаниях от 19 мая 1917 г. Белецкий говорит: «Подвергнутая им (гр. Татищевым) большой критике вся система Барка по поводу реализации займов остановила на себе особое внимание ее величества; государыня на другой день через А. А. Вырубову передала свое пожелание получить по этому поводу спешный доклад для переговоров с государем» («Падение царского режима». Т. IV.).

⁴⁴⁵ Гр. Татищев приобрел в финансовых кругах известность, трижды получив с Московского Соединенного банка куртаж по одной и той же сделке, после чего и был избран председателем правления этого банка. (См. Бецкий и Павлов. «Русский Рокамболь».)

⁴⁴⁶ Штюмер.

⁴⁴⁷ Вырубова подразумевает дворцового коменданта Воейкова, пытавшегося организовать акционерное предприятие по эксплуатации родников источника «Кувака» в своем пензенском имении.

⁴⁴⁸ Дочь гр. В. С. Татищева была замужем за двоюродным братом А. Н. Хвостова Иваном Сергеевичем Хвостовым, товарищем директора Московского Соединенного банка.

⁴⁴⁹ Вырубова, очевидно, имеет в виду коммерческую операцию гр. Татищева, о которой говорилось выше.

⁴⁵⁰ В 1915 г. Николай провел рождественские праздники (с 24-го по 30 декабря) в Царском Селе.

⁴⁵¹ Сущность этого инцидента заключалась в следующем. Епископ Варнава возбудил вопрос об открытии мощей преосвященного Иоанна, митрополита Тобольского и Сибирского, умершего в Тобольске в 1715 г. Синод одобрил предложение. Состоялся соответствующий всеподданнейший доклад. Однако Синод замедлил с исполнением актов, сопряженных с открытием мощей. Епископ Варнава, заподозрив в этом интригу против него, обратился к Николаю с просьбой разрешить ему пропеть на могиле митрополита Иоанна величание и получил от него телеграфное разрешение. Синод усмотрел в этом величании уже прославление и обвинил Варнаву в самоуправстве и нарушении церковных правил. Варнава, чувствуя, что обстоятельства принимают неблагоприятный оборот, приехал без разрешения в Петроград, надеясь уладить дело. Но в это время обер-прокурором был назначен Самарин, который резко высказался против поступка Варнавы. Дело получило огласку в прессе, и Варнаве пришлось доложить Синоду о телеграмме царя. Эта история не помешала возведению Варнавы в октябре 1916 г. в сан архиепископа.

⁴⁵² Владимир, митрополит Петроградский и Ладожский (1848—1918), первенствующий член Синода, противник Распутина. Осенью 1915 г. должен был уступить свое место креатуре Распутина — Питириму и был назначен митрополитом Киевским и Галицким.

⁴⁵³ Александр Николаевич Волжин (род. в 1862 г.), гофмейстер, директор департамента общих дел Министерства внутренних дел; с 1 октября 1915 г. по 7 августа 1916 г. — обер-прокурор Синода.

⁴⁵⁴ 8 февраля 1916 г. Николай приезжал из Ставки, чтобы впервые присутствовать на церемонии открытия Гос. думы (сессия 9 февраля — 20 июля 1916 г.).

⁴⁵⁵ Писал Николаю письма, содержавшие всякие сумбурные политические соображения. Николай говорил про него: «Клопов — старичок давно мне известный» («Падение царского режима». Т. V. Показания Протопопова 21 июня 1917 г.).

⁴⁵⁶ После побывки в Царском Селе с 18 февраля по 2 марта 1916 г.

⁴⁵⁷ В эту пору в Петрограде известны были салоны: гр. Ирины Илларионовны Шереметевой, рожд. Воронцовой-Дашковой, где собирались оппозиционно настроенные гвардейские офицеры, и гр. Софьи Сергеевны Игнатьевой, где собирались правые. Кроме того, существовали и германофильские салоны: Елизаветы Феликсовны Лазаревой (тетка кн. Ф. Ф. Юсупова), фрейлины Софьи Карловны Буксгевден, Елены Константиновны Нарышкиной и гр. Марии Эдуардовны Клейнмихель.

⁴⁵⁸ Время с 19-го по 26 марта 1916 г. Николай провел в Царском Селе.

⁴⁵⁹ Так в тексте.

⁴⁶⁰ Переписано, очевидно, неправильно; в камер-фурьерском журнале за этот период времени подобное лицо нигде не фигурирует.

⁴⁶¹ Об этом эпизоде, но уже со слов протоиерея Васильева, рассказывает и Белецкий («Падение царского режима». Т.IV.1925).

⁴⁶² В тексте описка: вместо «Ефимович» написано «Ермоловы».

⁴⁶³ По-видимому, речь идет о крупной забастовке на больших заводах Петрограда вследствие незаконного распоряжения военной администрации о применении на Обуховском сталелитейном заводе принципа милитаризации в отношении тех рабочих, которые не встанут на работу» («Падение царского режима». Т.IV. Показания Белецкого 17 мая 1917 г.).

⁴⁶⁴ Так в тексте.

⁴⁶⁵ Дмитрий Савельевич Шуваев (род. в 1854 г.), ген. от инф., член Гос. совета; с 1909-го по 1916 г. — начальник Главного интендантского управления, с марта 1916 г. по январь 1917 г. — военный министр.

⁴⁶⁶ В.кн. Сергей Михайлович распорядился прекратить выделку ручных гранат и орудий для разрушения проволочных заграждений, изготавливаемых на одном из заводов под руководством специалиста, присланного в Россию генералом Жоффром (во французской армии эти орудия были в большом употреблении). «Снова пришлось говорить об этом в Особом Совещании, снова объяснять то, что, казалось бы, должно было быть для всех очевидным, и снова вступать в борьбу с безответственными влияниями» (Родзянко. «Крушение империи»).

⁴⁶⁷ Гр. Мария Владиславовна Велепольская, рожд. Ляская, жена шталмейстера С. И. Велепольского.

⁴⁶⁸ При допросе Зинотти 11 ноября 1920 г. в Париже Н. А. Соколовым, на которого Колчаком было возложено расследование расстрела Романовых, она рассказала следующее: «Мне кажется, что государыня в последнее время

была больна. Государыня была больна, как мне кажется, истерией. Она в последние годы была не такая, какой она была раньше... Она была в последние годы нетерпима к чужому мнению, которое было несогласно с ее мнением. Таких мнений, которые были несогласны с ее взглядами, она не выносила. Ей было очень неприятно слушать такие мнения. Вообще я скажу, что в последние годы свое «я» она чувствовала непогрешимым, обязательным для всех. Кто не согласен был с ее «я», должен был удаляться от нее». Жильяр рассказывает, что однажды, позднее, уже в период царскосельского заключения, лейб-медик Боткин, состоявший врачом Александры Федоровны, пришел к нему в комнату и после некоторого раздумья произнес: «Теперь я, как врач, не могу считать ее величество вполне нормальной...» (Сokolov. «Убийство царской семьи». Изд. «Слово», Берлин, 1925).

⁴⁶⁹ Дмитрий Распутин, стрелок 35-го запасного Сибирского батальона, был откомандирован санитаром на санитарный поезд императрицы, совершавший рейсы на передовые позиции.

⁴⁷⁰ Вероятно, «ушел».

⁴⁷¹ Так Распутин называл М. В. Родзянко.

⁴⁷² «Как я рада, что мы все были у св. причастия вместе с Ним на первой неделе поста!» — пишет Александра Федоровна Николаю 5 апреля 1916 г. («Переписка Романовых». Т.IV).

⁴⁷³ Титула «светлейшей» княгиня Палей, несмотря на все домогательства в.кн. Павла Александровича перед Николаем, не получила.

⁴⁷⁴ Май месяц 1916 г. Вырубова провела в Крыму, в Ливадии.

⁴⁷⁵ Пропуск.

⁴⁷⁶ Многоточие в тексте.

⁴⁷⁷ Организация, возникшая еще во время русско-японской войны с целью оказания помощи больным и раненым. Возродилась во время германско-русской войны (съезд городских голов в Москве 8 августа 1914 г.). Работала главным образом на государственные средства. 10 июля 1915 г. объединилась с Земским союзом, преследовавшим аналогичные цели.

⁴⁷⁸ Запись не закончена.

⁴⁷⁹ Поездка Александры Федоровны в Ставку 5—17 мая 1916 г.

⁴⁸⁰ По свидетельству Палеолога, обед этот состоялся 19 мая (нов. стиля) 1916 г. (Палеолог. «Царская Россия накануне революции»).

⁴⁸¹ Гр. Иосиф Альфредович Потоцкий (род. в 1862 г.), шталмейстер, член Гос. думы I созыва от Волынской губ.

⁴⁸² Гр. Сигизмунд Иосифович Велепольский, шталмейстер (род. в 1863 г.), член Гос. совета по выборам от землевладельцев Царства Польского.

⁴⁸³ Обещания воссоединения Польши.

⁴⁸⁴ Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918), ген.-ад., ген. от инф., участник русско-турецкой войны. Профессор Академии генерального штаба. Во время русско-японской войны — генерал-квартирмейстер 3-й маньчжурской армии. С 1908-го по 1912 г. — начальник штаба Киевского военного округа. К началу русско-германской войны — командующий 13-м армейским корпусом. Во время войны — начальник штаба армий Юго-Западного фронта, затем — командующий армиями Северо-западного фронта. С осени 1915 г. — начальник штаба верховного главнокомандующего. 1 сентября 1917 г. назначен верховным главнокомандующим.

⁴⁸⁵ Виконт Гораций-Герберт Китченер, английский фельдмаршал (род. в 1850 г.); с 1914 г. — военный министр. Погиб на крейсере «Гемпшир», взорванном германской подводной лодкой 21 мая 1916 г.

⁴⁸⁶ У Танеевых была в Териоках дача.

⁴⁸⁷ См. письма Николая II от 5-го и 7 июня 1916 г. («Переписка Романовых». Т.III).

⁴⁸⁸ См. письмо Александры Федоровны от 9 июня 1916 г. («Переписка Романовых», Т.IV.).

⁴⁸⁹ Ст. 87 Свода основных государственных законов (т. 1. ч. 1, изд. 1906 г.): «Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, совет Министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменения ни в основные государственные законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в совет или думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу, в течение первых двух месяцев после возобновления занятий думы, соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет». Статья, которой царское правительство широко пользовалось.

⁴⁹⁰ Популярность этой организации не переставала беспокоить Александру Федоровну. В октябре 1916 г. она поручила Протопопову довести через печать до общего сведения о значительности сумм, отпущенных Земскому и Городскому союзу из Государственного каз-

начейства. Она подчеркнула необходимость упомянуть о непредставлении еще Союзом земств полного отчета в деньгах, полученных им из казначейства за японскую войну. Николай, при докладе Протопопова, подтвердил желательность опубликования этих сведений. Штюрмер составил газетную статью, которая и была напечатана правыми газетами; левые же газеты, несмотря на все старания Гурлянда, ее не поместили («Падение царского режима». Т. IV. Показания Протопопова 18 сентября 1917 г.).

⁴⁹¹ Многоточие в тексте.

⁴⁹² Александр Васильевич Кривошеин (1858—1923), гофмейстер, статс-секретарь, член Гос. совета. С 21 июня 1908 г. по 27 октября 1915 г. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. Председатель особого совещания по продовольствию. До войны продовольственное дело находилось в ведении Министерства внутренних дел. Во время войны оно было передано Министерству земледелия, а в конце 1916 г. — опять поручено Министерству внутренних дел. Протопопов принял продовольственное дело от гр. Алексея Александровича Бобринского, бывшего с 21 июля по 14 ноября 1916 г. министром земледелия и землеустройства.

⁴⁹³ Константин I (род. в 1868 г.), греческий король (с 1913-го по 1918 г.). 9 июня 1916 г. державы согласия вручили греческому правительству ультиматум с требованием демобилизации греческой армии и образования кабинета, который гарантировал бы соблюдение Грецией благожелательного к державам согласия нейтралитета.

⁴⁹⁴ Многоточие в тексте.

⁴⁹⁵ В июне 1916 г. генерал Алексеев подал Николаю доклад о необходимости создания в тылу диктатуры, с целью упорядочения внутреннего управления и снабжения армии, с правом приостанавливать распоряжения министров и Особого Совещания (М. В. Родзянко. «Крушение империи»; «Переписка Романовых». Т. IV. Письмо Александры Федоровны от 23 июня 1916 г.).

⁴⁹⁶ Вероятно, в.кн. Андрей Владимирович.

⁴⁹⁷ Гр. Эммануил Павлович Беннигсен, в звании камергера, член Гос. думы (от Новгородской губ.), главноуполномоченный западного района Российского общества Красного Креста.

⁴⁹⁸ Речь идет о выставке трофеев, которую устраивал Георгиевский комитет.

⁴⁹⁹ См. письма Александры Федоровны от 25-го, 26-го и 29 июня 1916 г. и телеграмму Николая II от 30 июня («Переписка Романовых». Т. IV).

⁵⁰⁰ Вырубова сопровождала Александру Федоровну и великих княжон в их поездке в Ставку 6—12 июля 1916 г., в поездку же 24 июля — 3 августа Александра Федоровна ее не взяла: «Аня, думается мне, более чем огорчена тем, что я на этот раз не беру ее с собой, хотя она этого и не выражает словами...» «Аня ходит с вытянутым лицом», — пишет Александра Федоровна Николаю 24-го и 25 июля 1916 г. («Переписка Романовых». Т.IV).

⁵⁰¹ В 20-х числах июня 1916 г. Распутин ездил к себе на родину, где и пробыл до 24 июля («Письма Александры Федоровны от 17 июня и 24 июля 1916 г. — «Переписка Романовых». Т.IV).

⁵⁰² См. 2-е письмо Александры Федоровны от 25 июня 1916 г. («Переписка Романовых». Т.IV).

⁵⁰³ Для выяснения положения военнопленных во вражеских странах русских сестер милосердия (Де Витт, Мусину-Пушкину, кн. Голицыну, Самсонову и др.) посылали в Германию и Австрию, а австрийские и германские сестры (баронесса Иксуль фон Гильденбанд, Пасс, Росс) приезжали в Россию.

⁵⁰⁴ Великий герцог Гессенский Эрнст-Людвиг (род. в 1868 г.), брат Александры Федоровны.

⁵⁰⁵ Александр Петрович Вернандер (род. в 1864 г.), инженер-генерал; с 1912-го по 1915 г. — помощник военного министра.

⁵⁰⁶ Евгения Георгиевна Миклашевская-Терехова, московская поклонница Распутина, торговавшая протекцией старца; согласно терминологии агентов охранного отделения — «куртизанка» («Красный Архив». Т.V).

⁵⁰⁷ Владимир Михайлович Безобразов, генерал от кавалерии, командовал особым отрядом, сформированным из 1-го и 2-го гвардейских корпусов. Смещен после неудачных ковельских боев в июле 1916 г. Однополчанин Николая II по ЛГВ Гусарскому полку.

⁵⁰⁸ См. письмо Александры Федоровны от 4 августа 1916 г. («Переписка Романовых». Т.IV).

⁵⁰⁹ В.кн. Николай Михайлович (1859—1918), генерал от инфантерии, историк, член Парижской академии наук. Высказывал Николаю II свое отрицательное отношение к Распутину. После убийства Распутина был выслан из Петербурга в имение Грушевку Херсонской губ.

⁵¹⁰ Великие князья подали Николаю коллективную записку, прося его «взять бразды правления в свои руки и прекратить вмешательство в государственные дела Александры Федоровны, инспирируемой хлыстом Распутиным». Сознвая бесцельность этой записки, в.кн. Николай Михайлович ее не подписал. Но в одном докладе Николаю

описал, как бы между прочим, «весь ужас современных общественных настроений, являющихся следствием распутинского радения над Россией и вмешательства в государственные дела чужой народу и России царской жены». Мария Федоровна, ознакомившись с докладом, написала на нем: «Браво, браво, браво» (Пуришкевич. «Убийство Распутина». Москва, 1923).

⁵¹¹ Неразборчиво.

⁵¹² Семен (Серай) Маркович Шапшал, духовный глава караимов (Гахам), с которым Вырубова познакомилась весной 1916 г. в Евпатории, «друг сердца» Вырубовой, как называет его Александра Федоровна («Переписка Романовых». Т.V. Письмо от 25 июля 1916 г.). В июле того же года Гахам приезжал в Петроград. Обращал, между прочим, внимание Вырубовой на деятельность сэра Бьюкенена и на заговор, который якобы готовился в стенах посольства с ведома и согласия английского посла.

⁵¹³ Александра Иосифовна Солдатенко, жена сотника собственного ее величества конвоя. В письме от 6 сентября 1916 г. Александра Федоровна пишет Николаю: «Дорогой мой, откажи, пожалуйста, в приеме м-м Солдатенко... У нее очень скверная репутация — Н[иколай] П[авлович] знает, с кем она жила раньше, теперь она живет со вторым мужем. Он говорит, что его нога не будет у нее в доме...» На это Николай ответил ей 8 сентября: «Ты можешь быть вполне уверена, что я не познакомлюсь с ней... Но и ты также не позволяй Ане надоедать тебе глупыми сплетнями — это не принесет никакой пользы ни тебе самой, ни другим («Переписка Романовых». Т.IV).

⁵¹⁴ Гр. Александр Николаевич Граббе, — майор свиты ее величества, командир собственного ее величества конвоя.

⁵¹⁵ Не дописано.

⁵¹⁶ Возможно, что Родзянко мог выставить — лично от себя — кандидатуру земца Александра Николаевича Наумова, бывшего с 10 ноября 1915 г. по 21 июля 1916 г. министром земледелия.

⁵¹⁷ Александр Диитриевич Протопопов (1865—1918), конспиративная фамилия, изобретенная Распутиным, — «Калинин». Образование получил военное (кадетский корпус, кавалерийское училище, Академия генерального штаба), служил в Конно-гренадерском полку. В 1890 г. вышел в отставку. Помещик и владелец одной из крупнейших в России Румянцево-Селиверстовской суконной фабрики, симбирский губернский предводитель дворянства, член Гос. думы III и IV созыва, товарищ председателя Гос. думы IV созыва, левый октябрист. Выдвинулся благодаря поезд-

ке за границу в июне 1916 г. в качестве председателя парламентской делегации, направленной Государственной думой к союзникам, выступая в своих официальных речах в роли просвещенного капиталиста, высказываясь против всяких национальных ограничений и заявляя себя горячим сторонником польской автономии. По возвращении в Россию Протопопов, неожиданно для других и для самого себя, был назначен 16 сентября (при помощи Распутина — Бадмаева — Курлова) управляющим Министерством внутренних дел. Сделавшись министром, Протопопов «с присущим ему легкомыслием и манией величия стал изобретать планы спасения России. Он замыслил передать продовольственное дело Министерству внутренних дел, произвести реформу земства и полиции и разрешить еврейский вопрос. Еще и раньше он мечтал о большой газете, которая объединила бы промышленные круги и в которой сотрудничали бы «лучшие писатели — Милюков, Горький, Меньшиков». Но на деле прежде всего оказалось полное незнакомство с ведомством. К тому же с первых шагов Протопопов возбудил к себе нелюбовь и презрение общественных кругов. К этому присоединилось и влияние личного характера Протопопова». «Этот блестящий капиталист, с цитатами английских экономистов на устах, товарищ председателя Государственной думы, председатель парламентской делегации, был суеверен, как охтенская мешчанка или как фрейлина царскосельского двора», верил в «рок», в то, что его планета — Юпитер, который проходит под Сатурном, и т. д. Знакомство Протопопова с Распутиным состоялось в 1913 г., но «по-настоящему они сошлись только в 1915 г., когда Протопопов пролежал больше полугода в санатории Бадмаева». «Протопопов принес к самому подножию трона весь исторический клубок своих личных чувств и мыслей; как мяч, запущенный расчетливой рукой, беспорядочно отскакивающий от стен, он внес развал в кучу порядливо поставленных, по видимости устойчивых, а на деле шатких кегель государственной игры; в этом смысле Протопопов оказался, действительно, роковым человеком» (Д. О. Заславский, А. Д. Протопопов. «Былое», 1924, № 23; Родзянко. «Крушение империи»; А. А. Блок, «Последние дни императорской власти». Изд. «Алконост», 1921).

⁵¹⁸ См. второе письмо Александры Федоровны от 7 сентября 1916 г. («Переписка Романовых». Т.V).

⁵¹⁹ Петроград.

⁵²⁰ См. письмо Александры Федоровны Николаю от 17 сентября 1916 г. («Переписка Романовых». Т.V).

⁵²¹ Кн. Саломия Николаевна Оболенская, рожд. светлейшая княжна Мингрельская, бывш. фрейлина, жена

петроградского градоначальника кн. А. Н. Оболенского, уволенного от должности 25 октября 1916 г. с зачислением в свиту.

⁵²² Неразборчиво, по-видимому, «Палеолога».

⁵²³ С 3-го по 12 октября 1916 г. Николай пробыл в Царском Селе.

⁵²⁴ Николай Александрович Добровольский (1854—1918), егермейстер, сенатор. 20 декабря 1916 г. назначен управляющим Министерством юстиции, в каковой должности оставался до Февральской революции.

⁵²⁵ В Петрограде ходили слухи, что Германия пыталась обратиться к содействию гр. В. Б. Фредерикса по вопросу о заключения сепаратного мира. При допросе 7 августа 1917 г. Милюков рассказал, что гр. Фредериксу было послано одним из придворных Вильгельма II письмо, в котором содержался осторожный намек на возможность восстановления дружеских отношений с Германией, если царь этого захочет. Ответа на это письмо не последовало («Падение царского режима». Т. VI.).

⁵²⁶ 18 октября 1916 г. Николай приезжал на неделю в Царское Село.

⁵²⁷ В. кн. Николай Николаевич.

⁵²⁸ В письме от 30 октября 1916 г. Александра Федоровна пишет Николаю: «Мне пришлось решиться на этот шаг, так как Григорий говорит, что Протопопов будет иметь все в своих руках, покончит с с о ю з а м и и таким образом с п а с е т Р о с с и ю («Переписка Романовых». Т. IV).

⁵²⁹ В письме от 1 ноября 1916 г. Николай пишет Александре Федоровне по поводу передачи дела продовольствия Протопопову: «Я только должен быть глубоко благодарен тебе за то, что ты своей помощью так подвинула это серьезное дело» («Переписка Романовых». Т. IV).

⁵³⁰ Сессия 1 ноября — 13 декабря 1916 г. Открытие сессии ознаменовалось враждебными манифестациями левых против Штюрмера, явившегося в думу вместе с министрами; ему пришлось оставить зал под крики: «Вон! Долой изменника Штюрмера!» В тот же день Милюков произнес свою знаменитую речь «Глупость или предательство?», направленную против Штюрмера и задевшую Александру Федоровну.

⁵³¹ Вероятно, Сводный полк.

⁵³² 28 октября 1916 г. Николай II поехал на два дня в Киев, к Марии Федоровне, которая проживала там, «удалившись от всего того, что ее огорчало в Царском Селе и Петрограде» (М. В. Родзянко. «Крушение империи»). Там же 4 ноября состоялась свадьба в. кн. Ольги Александровны и Н. А. Куликовского.

⁵³³ 1 ноября 1916 г. в.кн. Николай Михайлович изложил Николаю в письменной форме свои соображения относительно гибельности его политики для династии. Он писал между прочим: «Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повториться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся благодаря злостному, сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных, систематических вмешательств этих напештываний через любимую тобою супругу».

⁵³⁴ Последнего в тексте письма, опубликованного в «Русском Слове» 9 марта 1917 г., не содержится.

⁵³⁵ 7 ноября 1916 г.

⁵³⁶ 5 ноября 1916 г. Александра Федоровна пишет Николаю: «Не позволяй ему ездить в деревню, а пусть едет обратно прямо на Кавказ, где он должен быть... Будь холоден, не будь слишком добр с ним, с Орловым и Янушкевичем. Ради блага России помни, что они намеревались сделать — выгнать тебя, а меня заточить в монастырь...» («Переписка Романовых». Т.V).

⁵³⁷ В III и IV думу Протопопов прошел как левый октябрист, став же министром внутренних дел, превратился в темного реакционера.

⁵³⁸ Желая разубедить Николая, Александра Федоровна пишет ему 10 и 12 ноября 1916 г.: «Он не сумасшедший, это его жена посещает Бехтерева из-за своих нервов. Вчера я имела продолжительную беседу с ним — он совершенно здоров, конечно... Это совершеннейшая неправда, он тих и спокоен и безусловно предан... («Переписка Романовых». Т.V.).

⁵³⁹ См. письмо Николая II от 10 ноября 1916 г. («Переписка Романовых». Т.V).

⁵⁴⁰ В текст ошибочно «внимания».

⁵⁴¹ Александр Федорович Трепов (род. в 1864 г.), статс-секретарь, егермейстер, член Гос. совета. С 30 ноября 1915 г. по 27 июля 1916 г. — министр путей сообщения, с 24 сентября 1916 г. — заместитель председателя, а с середины ноября по декабрь 1916 г. — председатель совета Министров. Пытался устранить Распутина от участия в государственных делах и поддержать отношения с Гос. думой, чего осуществить ему, естественно, не удалось.

⁵⁴² В списках Семеновского полка полковника Бабинского не значилось.

⁵⁴³ Многоточие в тексте.

⁵⁴⁴ Многогочие в тексте.

⁵⁴⁵ Эти слова Николая II Протопопов привел и при допросе его 21 апреля 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией («Падение царского режима». Т.II). Первый доклад Протопопова Николаю II состоялся в Ставке 29 сентября 1916 г.

⁵⁴⁶ При допросе Манусевича-Мануйлова Чрезвычайной следственной комиссией 10 апреля 1917 г. он рассказал следующее. Однажды к Распутину приехал ген. Мосолов (начальник канцелярии Министерства двора и уделов) и сказал ему, что Трепов, назначенный председателем совета Министров, не хочет, чтобы «ты, Григорий, занимался всякими делами и вмешивался в политику. Он, с одной стороны, знает, что ты нуждаешься в деньгах, поэтому готов пойти тебе навстречу и даст тебе 200 000 рублей, только ты не вмешивайся в политику и не мешай Трепову!» Распутин ответил, что ему надо посоветоваться с одним близким человечком. Он в тот же день побывал у Николая и рассказал ему эту историю. Царь, конечно, сказал, чтобы он денег не брал. Назавтра приехал Мосолов. Распутин и говорит: «Человечек этот — царь Николай II, он не велел мне» («Падение царского режима». Т.II).

⁵⁴⁷ Неразборчиво. Может быть, «у Великих и Сиятельных».

⁵⁴⁸ С 13 ноября по 4 декабря 1916 г. Александра Федоровна пробыла в Ставке и добилась от Николая исполнения распоряжений Распутина.

⁵⁴⁹ Вероятно, «подвох».

⁵⁵⁰ Кн. Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон-младший (род. в 1887 г.).

⁵⁵¹ Кн. Ирина Александровна Юсупова, гр. Сумарокова-Эльстон (род. в 1895 г.), дочь в.кн. Александра Михайловича и в.кн. Ксении Александровны, внучка вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В момент, когда разыгрывались излагаемые события, проживала в своем имении в Кореизе, в Крыму.

⁵⁵² Николай Степанович Батюшин, ген.-майор, председатель комиссии по расследованию злоупотреблений тыла.

⁵⁵³ В промежутке между этой и последующими записями Государственная дума была распущена на рождественские каникулы (16 декабря), а в ночь с 16-го на 17 декабря Пуришкевичем, в.к. Дмитрием Павловичем и кн. Юсуповым был убит в юсуповском особняке на Мойке Распутин.

⁵⁵⁴ 17 декабря 1916 г. Александра Федоровна послала в Ставку две телеграммы («Переписка Романовых». Т.V): «...Не можешь ли немедленно прислать Воейкова? Нужно

его содействие, так как наш Друг исчез с прошлой ночи. Мы еще надеемся на Божье милосердие. Замешаны Феликс и Дмитрий». «Калинин делает все возможное. Пока еще ничего не нашли. Феликс, намеревавшийся уехать в Крым, задержан. Очень хочу, чтобы ты был здесь...» 18 декабря две других: «...Все еще ничего не нашли. Розыски продолжаются. Есть опасения, что эти два мальчика затевают еще нечто ужасное. Не теряю пока надежды...» «Приказала Максимовичу твоим именем запретить Дмитрию выезжать из дому до твоего возвращения. Дмитрий хотел видеть меня сегодня, я отказала. Замешан главным образом он. Тело еще не найдено...» И 19 декабря: «...Нашли в воде...» Последних телеграмм Николай не получил, так как 18 декабря он спешно выехал в Петроград.

⁵⁵⁵ Кн. И. А. Юсупова.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

ТАЙНА РАСПУТИНА 3

АННА ВЫРУБОВА

СТРАНИЦЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ 81

ДНЕВНИК 126